

Роберто Савьяно

ГОМОРРА

**о самой засекреченной и влиятельной
преступной группировке в мире**

Посвящается С., черт возьми

*Понимать, что такое жестокость, не отрицать ее
существования, бесстрашно противостоять реальности.*

Ханна Арендт

*Тот, кто побеждает, неважно, каким способом, никогда
не чувствует угрызений совести.*

Никколо Макиавелли

*Люди — черви и должны ими оставаться.
(Из перехваченного телефонного разговора.)*

Мир твой.

«Лицо со шрамом» [П](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОРТ

Контейнер качало из стороны в сторону, пока подъемный кран перемещал его над палубой. Спрейдер — устройство для захвата контейнера — не справлялся с качкой: казалось, он висел в воздухе сам по себе. Плохо закрытые дверцы неожиданно распахнулись, и на палубу, будто манекены, посыпались десятки тел. Но при падении головы раскалывались по-настоящему, как и должны раскалываться человеческие черепа. Из контейнера вываливались мужчины и женщины. Иногда попадались дети. Все мертвые. Примерзшие друг к другу, как мороженная рыба. Бесчисленные китайцы, которым неведома смерть, а ведомо перерождение, — после их гибели документы получают их собратья. Вот где они теперь. Те, у кого богатая фантазия, прямо-таки видели, как эти тела перерабатывают в фарш на ресторанных кухнях, закапывают в огородах около фабрик, бросают в жерло Везувия. А они оказались здесь. Падали десятками из контейнера, на шее у каждого — бирка с именем. У всех были отложены деньги на похороны, они хотели быть похороненными в Китае, в своих родных городах. Работодатели забирали часть их зарплаты, а взамен гарантировали возвращение на родину после смерти: немного места в контейнере и наконец — яма где-то в китайской земле.

Во время своего рассказа портовой крановщик прятал лицо в ладони и смотрел на меня сквозь пальцы. Словно ему было легче говорить, скрывшись за этой импровизированной маской. Он смотрел, как падали на палубу мертвецы, и даже не звал на помощь — в этом не было необходимости. Едва он опустил контейнер, как тут же из темноты появились люди, побросали трупы обратно, а потом полили место происхождения водой из шланга. Так здесь все решалось. Он не верил своим глазам, надеялся, что это ему привиделось от усталости: работал вторую смену подряд. Он сжал пальцы, теперь полностью закрыв лицо, и, всхлипывая, продолжил рассказ, но я не мог разобрать ни слова.

Все поступает отсюда. Отсюда, из Неаполя, из этого порта. Нет такой вещи: ткани, куска пластмассы, игрушки, молотка, ботинка, отвертки, гайки, видеоигры, куртки, штанов, дрели, часов — которая бы не прошла через этот порт. Неаполитанский порт — это рана. Глубокая. Пункт назначения бесконечных потоков товаров. Корабли прибывают, входят в залив и встают во внутреннюю гавань, как щенки, пристраивающиеся к сосцам матери; разница только в том, что доить здесь будут их. Порт Неаполя — это дыра на карте мира, через которую к нам попадает все, что производится в Китае и на остальном Дальнем Востоке. Парадокс. Дальний, дальше некуда — даже представить себе трудно. Если закрыть глаза, то видишь только кимоно, бороду Марко Поло и знаменитый удар Брюса Ли в прыжке. На самом деле этот Восток связан с Неаполем гораздо теснее, чем любой другой регион. В нем нет ничего дальнего. Ближайший Восток, вот как его надо называть. Все, что производится в Китае, сливается сюда. Это как яма в песке, в которую выливают воду из ведерка: она становится глубже и глубже.оборот одного только порта Неаполя составляет 20% от всей стоимости импортируемых китайских тканей, а если считать по объему продукции, то отсюда поставляется уже более 70%.

Это нелегко понять, но товары обладают волшебными свойствами: они существуют, не существуя, оказываются в месте назначения, не прибывая туда, стоят бешеных денег, будучи при этом плохого качества, и — копейки по накладным, на самом деле являясь более чем

ценными. Секрет в том, что текстиль обладает множеством товароведческих характеристик, и достаточно одной галочки на сопроводительных документах, чтобы значительно снизить стоимость и НДС. В черной дыре порта молекулярная структура вещей будто бы распадается, чтобы потом опять восстановиться, едва они окажутся вдали от берега.

Товары должны покидать порт как можно скорее. Все происходит так быстро, что груз, только появившись, исчезает со скоростью света: раз — и его уже нет. Есть здесь таинственные причалы, корабли-призраки, исчезающие грузы. Некоторые перевозки так никогда и не начинаются. Предметы испаряются, словно ничего и не было. Товар должен попадать в руки покупателя, не оставляя за собой никаких следов, должен оказываться на складе сразу же, без промедления, даже раньше назначенного времени, потому что время означает контроль. Центнеры товаров перемещаются так легко и просто, будто это обычные посылки, которые отправляют наложенным платежом, а потом почтальон доставляет их на дом. В порту Неаполя, на его 1 336 000 квадратных метрах, протянувшихся вдоль побережья на 11,5 км, время обладает уникальной способностью растягиваться. То, на что ушел бы час в обычном мире, здесь совершается меньше чем за минуту. Поговорка о медлительности неаполитанцев забыта, опровергнута, вычеркнута из памяти. Таможня работает по расписанию, в которое нельзя впихнуть всю китайскую продукцию. Товары прибывают и убывают с бешеной скоростью. Здесь действительно убивают время. Минуты гибнут одна за другой, секунды у документов отвоевывают с боем, их преследуют рев грузовиков и подъемные краны, сопровождаемые электрокарами, которые разгружают контейнеры.

В порту Неаполя работает крупнейшая контейнерная компания Китая — COSCO, владеющая третьим по величине флотом в мире; объединившись с женеvской MSC, владеющей вторым по величине флотом, она заняла самый большой терминал. Швейцарцы договорились с китайцами и решили разместить большую часть бизнеса в Неаполе. Здесь они владеют дополнительными 950 метрами причала, 130 000 квадратных метров контейнерного терминала и территорией снаружи в 30 000 квадратных метров, что позволяет им контролировать почти все проходящие через Неаполь грузы. Нужно сильно напрячь воображение, чтобы представить, как на пристани, такой маленькой с виду, можно разместить несметное количество китайских товаров. Это напоминает известный евангельский образ, только в роли игольного ушка выступает порт, а верблюда, в него пролезającego, заменяют корабли. Суда утыкаются друг в друга носами, становятся цепочкой друг за другом, ожидая разрешения на вход в залив, где царит полная неразбериха из-за сильной качки; огромные корабли, громяхая своими железными телами, медленно втекают в гавань через узкое отверстие. Анус моря, который расширяется, невзирая на болезненное сопротивление сфинктера.

Однако все не так. С виду нет никакой неразберихи. Все корабли входят и выходят, соблюдая очередь, — по крайней мере так кажется, если наблюдать с суши. Свой путь начинают отсюда 150 000 контейнеров. В порту воздвигаются целые небоскребы товаров, чтобы потом отправить их дальше. Главное в порту — скорость, любая бюрократическая проволочка или излишне тщательная проверка превращают гепарда в медлительного и неповоротливого ленивца.

Я всегда теряюсь на пирсе. Пирс Баузан — точь-в-точь как «лего». Огромная конструкция, в которой, кажется, уже нет свободного места, но оно все равно появляется и появляется из ниоткуда. Есть на пирсе угол, напоминающий сетку пчелиных сот. Чертовы соты облепили стену: тысячи электрических розеток для подпитки рефрижераторов —

контейнеров с замороженными продуктами, от которых как хвосты тянутся провода к этому гудящему улью. Контейнеры забиты полуфабрикатами и итальянскими рыбными палочками. На пирсе Баузан у меня возникает ощущение, что именно отсюда отправляются все произведенные для человечества товары. Здесь они проводят свою последнюю ночь, прежде чем их продадут. Я словно вижу, как рождается мир. За считанные часы проделывает свой путь через порт одежда, которую подростки в Париже будут носить весь следующий месяц, рыбные палочки, которые в Брешии будут есть весь следующий год, часы, которые застегнут на запястьях каталонцы, шелковые костюмы, которые прослужат англичанам всего сезон. Жаль, что на этикетках пишут только страну-производителя товара — было бы интересно знать, какой путь он проделал, прежде чем попасть в руки к покупателю.

По происхождению товар может быть многонациональным, полукровкой и незаконнорожденным. Рождается он недоношенным в Центральном Китае, обретает недостающую часть на задворках какой-нибудь славянской страны, доводится до совершенства на северо-востоке Италии, а потом упаковывается в Апулии или на севере Тираны, чтобы в итоге оказаться на одном из многочисленных складов Европы. Товар априори обладает всеми возможными правами на перемещение, недоступными ни одному человеку. Конечный пункт назначения всех официальных и неофициальных перевозок — Неаполь. Издалека огромные контейнеровозы кажутся легкими и грациозными, но едва они входят в залив, медленно приближаясь к пристани, как тотчас превращаются в покрытых металлом и перетянутых цепями тяжеловесных мамонтов, на чьих боках проржавевшие швы пропускают воду. Ты воображаешь, какая огромная должна быть команда на этих кораблях, но на самом деле их разгружают отнюдь не здоровяки, причем их не много, и кажется невероятным, что они справляются с этими гигантами в открытом океане.

Когда я впервые увидел, как швартуется китайский корабль, то был готов поверить, что передо мной все товары мира. Я думал, мне изменяет зрение. Сосчитать контейнеры было невозможно. Я сбивался со счета. Кажется, невозможно запутаться в цифрах, но я путался, числа становились слишком большими, чтобы удерживать их в голове.

Почти весь товар, который прибывает в Неаполь, — китайский. 1 600 000 тонн. И это только то, что регистрируется. Еще как минимум миллион поступает незамеченным, не оставляя никаких следов. По данным Таможенного агентства, в одном только неаполитанском порту 60% товара и 20% квитанций проходят мимо таможни; здесь существуют тысячи возможностей для фальсификаций: инициаторами 99% из них выступают китайцы, а сумма утаенных налогов за полгода достигает 200 000 000 евро. Контейнеры, которые должны исчезнуть, прежде чем их успеют проверить, выгружаются в первую очередь. По правилам каждый контейнер должен быть пронумерован, но очень часто одинаковый номер стоит сразу на нескольких. Так контейнер, проходящий проверку по правилам, становится крестным отцом для всех своих однофамильцев-нелегалов. То, что отгружают в понедельник, в четверг уже может лежать на прилавках в Модене или Генуе или в витринах Бонна и Монако. Значительная часть товаров, попадающих на итальянский рынок, изначально должна была из Неаполя отправиться в другие страны, но краткая остановка на таможне может волшебным образом превратиться в конец пути. В грамматике языка товаров два разных синтаксиса: один — для документации и другой — для торговли. В апреле 2005 года отдел таможни по борьбе с мошенничеством провел четыре молниеносные операции, все в одном регионе, и конфисковал 24 000 пар джинсов, предназначавшихся для французского рынка; 51 000 безделушек, произведенных в

Бангладеш и с надписью на этикетке Made in Italy; около 450 000 кукол барби, спайдерменов, бэтменов; еще 46 000 пластмассовых игрушек на общую сумму примерно в 36 000 000 евро. За считанные часы неаполитанский порт минует частичка экономики. И растекается по всему миру, выйдя из порта. Происходит это ежечасно, ежеминутно. Небольшая часть постепенно становится все больше и больше и наконец превращается в весомую долю всей экономики.

Порт находится за чертой города. Воспаление этого аппендикса не переходит в перитонит, он всегда остается в пределах брюшной полости, ограниченный линией берега. Некоторые его части заброшены — запертые между землей и водой, они словно не принадлежат ни суше, ни морю. Амфибия, морское чудище. Мусор и перегной, отбросы, которые приливы и отливы год за годом прибывали к этим берегам, сформировали новую сушу. Корабли опорожняют свои туалеты в море; после уборки трюмов прямо в воду сливают грязную желтую пену; ремонтируя катера и яхты, прочищая моторы, все ненужное отправляют в море, как в мусорное ведро. А потом все это оседает на берегу: сначала сероватой массой, после — твердым панцирем. Солнечный свет создает иллюзию, что море состоит из воды. На самом деле поверхность залива блеском напоминает мешки для мусора. Черные. Кажется, это не вода, а огромный резервуар с нефтью. Причал, уставленный сотнями разноцветных контейнеров, выглядит как граница, за которую лучше не заходить. Неаполь окружают стены из товаров. Стены не защищают город, наоборот, город защищает стены. Никаких армий докеров, никаких романтических героев из портовой черни. Обычно, думая о порте, все представляют себе необычайно шумное место, снующих туда-сюда возбужденных людей, уродливые шрамы, смешение всевозможных языков. На самом же деле порт может сравниться по тишине с полностью механизированной фабрикой. Кажется, здесь нет ни души; контейнеры, суда и грузовики приводятся в движение вечным двигателем. Все происходит быстро и без суматохи.

В порт я ходил, чтобы поесть рыбы. Впрочем, близость ресторана к морю вовсе не гарантирует, что качество на высоте: я выуживал из тарелки кусочки пемзы, песок, иногда попадались водоросли. Морских черенков^[2] как вылавливали, так и бросали в кастрюлю. С одной стороны, гарантия свежести, с другой — своеобразная русская рулетка: или отравишься, или нет. Сегодня все уже привыкли к отсутствию вкуса у современной пищи, когда кальмара не отличить от курицы. Чтобы почувствовать настоящий вкус моря, надо идти на риск. И я с удовольствием рисковал. В портовом ресторане я заодно поинтересовался у местной публики, где снять жилье.

— Даже не знаю, здесь всё нарасхват. Когда вокруг столько китайцев... — ответили мне.

Вдруг один из сидевших в центре зала здоровяков, обладатель просто-таки великанского голоса, смерил меня взглядом и произнес: «Может, получится что-то найти».

Больше он ничего не сказал. Мы доели обед, вышли и направились к улице, огибавшей порт. Он не предлагал мне следовать за ним, но в этом и не было необходимости. Наконец мы оказались в вестибюле многоэтажного дома, навевавшего мысли о привидениях. Ночлежка. Мы поднялись на третий этаж, где находилось единственное сохранившееся студенческое общежитие. Всех остальных выселили, чтобы освободить место для пустоты. В домах ничего не должно было быть. Никаких шкафов, кроватей, картин, комодов, даже стен. Только пустое пространство для мешков, для огромных, как шкафы, картонных коробок с товаром.

В этом доме мне выделили что-то вроде комнаты, скорее даже, каморку — места в ней едва хватало для кровати и шкафа. Об оплате, о моей части коммунальных платежей, правилах пользования телефоном и Интернетом никто не заговаривал. Меня представили четырем соседям, и на этом все закончилось. Мне объяснили, что это была единственная обитаемая квартира во всем доме, она принадлежала Сяню — китайцу, контролировавшему такие многоэтажки. Я не должен был платить за аренду, но меня попросили работать в домах-складах каждые выходные. Я искал комнату, а в итоге нашел работу. По утрам сносили стены между комнатами, вечером убирали остатки цемента и кирпичей, содранные обои. Обломки складывали в обычные мешки для мусора. Звуки при разрушении стены могут быть самыми неожиданными. Иногда кажется, что не камни падают на пол, а хрустальные бокалы, которые смахнули рукой со стола. Каждый дом, лишившись внутренних стен, становился складом. Мне самому непонятно, как многоэтажка, где я работал, еще не рухнула, — мы по незнанию разрушили не одну несущую стену. Но для товаров нужно было место, и мы думали не о прочности оставшегося каркаса, а о хранении продукции.

Идея заполнять коробки прямо на этих импровизированных складах пришла в голову каким-то китайским торговцам после того, как портовые власти представили делегации от конгресса США свой план security — проект по обеспечению безопасности. Он заключался в разделении порта на четыре части: рейсовую, каботажную, товарную и контейнерную. Из-за каждой могли возникнуть проблемы. После публикации этого плана безопасности многие китайские предприниматели во избежание вмешательства полиции, слишком долгого обсуждения в прессе и в особенности вторжения назойливых тележурналистов, готовых на все ради забористой картинки, решили впредь остерегаться всяческой огласки и стать невидимыми. Даже если цены повысятся, товар все равно следовало скрывать. Он должен был исчезать в богом забытых деревнях, в арендованных сараях, стоящих между свалками и табачными полями, но на движение грузовых фур это никак не влияло. Каждый день в порт въезжало и из порта выезжало не более десяти небольших фургонов, нагруженных доверху коробками. Путь их заканчивался через несколько метров, в гаражах соседних с портом домов. Въехать и выехать — этого было достаточно.

Неконтролируемые перемещения, едва заметные и затерянные в ежедневном транспортном хаосе. Арендованные дома, порой полуразрушенные. Гаражи, сообщающиеся между собой, подвалы, забитые товаром до самого потолка. Никто из владельцев не смел протестовать. Сянь платил за все. Платил за аренду, компенсировал перепланировку. Тысячи коробок поднимались на лифте, переоборудованном в грузоподъемник. Теперь зажатую в многоэтажке стальную клетку сменила открытая платформа, безостановочно снующая вверх-вниз. На все про все уходило несколько часов. Выбор коробок зависел от их содержимого. Мне довелось разгружать товар в начале июля. Платят за такую работу хорошо, но заниматься ею можно только при условии постоянных тренировок. Было жарко и очень влажно. Но никто даже не заикался о кондиционере. Никто. Боязнь наказания или свойственная тому или иному народу привычка к подчинению и покорности были здесь ни при чем, ведь работников набирали из самых разных уголков земли. Гана, Кот-д'Ивуар, Китай, Албания — и Неаполь, Калабрия, Базиликата. Никто не роптал, все знали, что товарам жара не вредит, и этого было достаточно, чтобы не тратить деньги на кондиционеры.

Мы набивали коробки куртками, плащами, ветровками, легкими кофтами, зонтами. Лето

было в самом разгаре, и казалось совершенным безумием запастись осенней одеждой вместо купальников, сарафанов и шлепанцев. Я знал, что в этих «камерах хранения» товар не залеживался, как на складах, здесь находилось лишь то, что должно было немедленно поступить в продажу. Но китайские предприниматели предвидели, что август будет не особо солнечным. Я навсегда запомнил лекцию Джона Мейнарда Кейнса^[3] о предельной стоимости: например, о том, сколько стоит бутылка воды в пустыне, и сколько — около водопада. Выходит, что тем летом итальянские предприниматели продавали воду около родников, в то время как китайские сооружали источники в пустыне.

Мы проработали всего несколько дней, когда Сянь пришел к нам ночевать. Его итальянский был безупречен, только «р» немного походила на «в». Как у обедневших аристократов, которых играл Тото. Сяня Чжу у нас окрестили Нино. В Неаполе почти всем китайцам, так или иначе связанным с местными жителями, дают неаполитанские имена. Это настолько распространенное явление, что ты уже ничуть не удивляешься, когда китаец представляется как Тонино, Нино, Пино или Паскуале. Сянь-Нино, вместо того чтобы спать, провел ночь за столом на кухне, разговаривая по телефону и глядя одним глазом в телевизор. Я лежал на кровати, но уснуть было невозможно. Речь Сяня не прерывалась ни на минуту. Слова вылетали из его рта пулеметными очередями. Он, как ныряльщик, не дышал, погружаясь в словесную пучину. Да еще и газы из кишечника его телохранителей наполняли сладковатым запахом все помещение, испортив воздух и в моей комнате. Дело было не только в зловонии, но и в тех ассоциациях, которые оно вызывало. Утка по-пекински, разлагающаяся в их желудках, и рис карри, разъедаемый желудочным соком. Мои соседи к этому уже привыкли. Они закрывали двери, их не волновало ничего, кроме сна. Меня же интересовало то, что происходило за дверью. Поэтому я вышел на кухню. Она общая, а значит, и моя тоже. Точнее, так должно быть. Сянь закончил разговор и встал к плите. Он жарил цыпленка. У меня в голове вертелись десятки вопросов, которые я хотел бы ему задать из любопытства, из желания прояснить верность стереотипов. Я заговорил о триадах.^[4] О китайской мафии. Сянь продолжал готовить. Я хотел узнать подробности. Пусть даже самые незначительные — на секретную информацию о том, как вступают в клан, я и не рассчитывал. Я демонстрировал кое-какие знания характерных особенностей китайской мафии, полагая, что владение отрывочными сведениями поможет мне постичь сущность целого. Сянь поставил сковородку с цыпленком на стол и сел, не произнеся ни слова. Не знаю, заинтересовала ли его хоть немного моя речь. Не знаю и никогда не узнаю, был ли он членом мафии. Он глотнул пива, потом чуть приподнялся, вынул из кармана брюк кошелек, не глядя пошарил в нем пальцами и выудил три монеты. Положил их на стол и накрыл перевернутым вверх дном стаканом.

— Евро, доллар, юань. Вот моя триада.

Сянь говорил искренне. Одна-единственная идея, никаких символов или выстроенных в иерархическую лестницу приоритетов. Прибыль, бизнес, капитал. Больше ничего. Принято считать, что всем этим управляет некая неизвестная сила; сейчас такая сила — китайская мафия. Это мощное соединение, которое избавляется от внутренних границ, промежуточных финансовых операций, инвестиций как таковых — всего, что составляет основу любой другой преступной группировки. Уже более пяти лет каждый доклад Комиссии по расследованию деятельности мафии предупреждает о «растущей опасности китайской мафии», но за десять лет расследований полиции удалось конфисковать всего шестьсот тысяч евро в Кампи-Бизенцио, недалеко от Флоренции, несколько мотоциклов и часть

фабрики. Ничто по сравнению с экономическими силами, ворочающими капиталами в сотни миллионов евро, если верить американским аналитикам. Китаец мне улыбнулся.

— В экономике есть верх и низ. Мы вошли снизу, а выходим сверху.

Прежде чем пойти спать, Нино-Сянь сделал мне предложение на завтрашний день.

— Ты рано встаешь?

— Когда как...

— Если сможешь завтра в пять утра быть на ногах, пойдем вместе в порт. Ты нам поможешь.

— Что надо будет делать?

— Захвати с собой кофту с капюшоном, если у тебя есть.

Больше он ничего не сказал, и я не стал настаивать. Лишние вопросы могли заставить Сяня взять назад свое предложение, а мне непременно хотелось принять участие в том, что должно было произойти завтра. Спать оставалось всего несколько часов, но волнение не давало забыться.

Ровно в пять я был готов, в подъезде к нам присоединились остальные. Кроме меня и моего соседа, пришли еще два выходца из Магриба с седыми прядями в волосах. Мы влезли в маленький фургон и покатали в порт. Не знаю, сколько мы проехали улиц и по скольким закоулкам пропетляли. Я уснул, прислонившись к окну фургона. Мы вышли около рифов, между которыми ютился маленький мол. К нему была пришвартована лодка, громадный мотор которой казался хвостом, непропорционально тяжелым по сравнению с хрупким, удлинненным корпусом. В своих дурацких капюшонах мы напоминали группу рэпперов. Я полагал, что капюшон нужен, чтобы остаться неузнанным, на самом же деле он всего-навсего защищал от ледяных брызг и должен был спасти от мигрени, которая, когда ты оказываешься ранним утром в открытом море, обычно сжимает виски, словно клещами. Один молодой неаполитанец завел мотор, второй вывел лодку в море. Они выглядели как братья. А может, у них просто были одинаковые лица. Сянь остался на берегу. Примерно через полчаса мы приблизились к кораблю. Казалось, что еще чуть-чуть — и мы врежемся в него. Гигант. Чтобы разглядеть, где заканчивается борт, голову приходилось запрокидывать до боли в шее. Корабли в море выпускают стоны из своих железных недр — так скрипят деревья, когда валят лес, и из пустоты рождаются глухие шумы, которые заставляют тебя сглотнуть слюну, отдающую солью.

С корабля при помощи блока рывками опускали сеть, набитую коробками. Каждый раз, когда она касалась деревянного дна лодки, та раскачивалась, и я уже готовился оказаться за бортом. Ничего подобного. Коробки почти ничего не весили. Но после того, как мы сгрузили на корму штук тридцать, у меня онемели запястья, а из-за постоянного трения о картон покраснела кожа на предплечьях. Моторка повернула к берегу, а за нашими спинами две другие лодки забирали с корабля оставшийся груз. Они были не с нашего мола, но неожиданно пристроились к нам в кильватер. Все внутри у меня сотрясалось каждый раз, как лодка ударялась носом о поверхность воды. Я положил голову на коробки. Попытался определить содержимое по запаху, приложил ухо, чтобы понять по звуку, что же там внутри. Мной стало завладевать чувство вины — бог знает, в чем я принимал участие, у меня не было выбора, от меня ничего не зависело. Если уж брать грех на душу, то хоть сознательно. В результате из-за своего любопытства я оказался в роли грузчика контрабандного товара. Многие почему-то считают, что преступление, в отличие от любого некриминального

поступка, — это действие обдуманное и желаемое. На самом деле разницы между ними нет. Поступкам свойственна некая неопределенность, которую этика не принимает в расчет, деля все на черное и белое.

Мы вернулись на мол. Магрибцы без особого труда сходили с лодки, пристроив по две коробки на плечах. Я же терял равновесие и налегке, ноги у меня подкашивались. Сянь ждал нас на выступающих из воды камнях. Он подошел к огромной коробке с ножом наготове и вскрыл широкую полосу скотча, который не давал коробке открыться. Внутри лежали кроссовки. Все известных брендов, подлинные. Новые модели, самые последние, даже в итальянских магазинах таких еще нет. Сянь предпочитал забирать товар в открытом море, чтобы избежать контроля со стороны министерства финансов. Таким образом, часть товара лишалась балласта в виде налогов, а оптовики получали все без таможенных пошлин. Конкуренция между посредниками осуществлялась за счет скидок. Качество товара одно и то же, но скидки составляют 4, 6, 10%. Никакой торговый агент не предложил бы таких процентов; от этих скидок зависит, прогорит магазин или пойдет в гору, от них зависит открытие торговых центров и гарантированная прибыль, а она, в свою очередь, обеспечивает банковские гарантии. Цены должны снижаться. Все должно делаться втайне и очень быстро. Все во имя купли и продажи. Неожиданный глоток воздуха для итальянских и европейских предпринимателей. Источник этого воздуха — порт Неаполя.

Мы погрузили коробки в фургоны. Приплыли еще несколько моторок, и фургоны разъехались в Рим, Витербо, Латину, Формию. Сянь отправил нас домой.

Всё очень изменилось за последние годы. Всё. Неожиданно. Развернулось на сто восемьдесят градусов. Кто-то чувствует изменения, но пока не в состоянии осмыслить их до конца. Еще десять лет назад залив всюду бороздили лодки контрабандистов, а розничные торговцы приходили по утрам на причал, чтобы пополнить запасы сигарет. Толпы людей на улицах, машины, забитые блоками сигарет, повсюду столики с товаром. Стычки между береговой охраной, налоговыми инспекторами и контрабандистами. Несколько центнеров сигарет могли спасти кого-нибудь от ареста, но бывало и наоборот: люди зачастую позволяли себя арестовать, чтобы спасти те же центнеры сигарет, спрятанные в двойном дне преследуемой лодки. Ночь, странные передвижения машин, условный свист, рации для передачи сигналов об опасности, люди, выстроившиеся в ряд на пристани и быстро передающие друг другу коробки. Машины мчатся от берега Апулии к центру полуострова и от центра к Кампании. Главной осью было направление Неаполь — Бриндизи, дорога процветающей табачной торговли по низким ценам. Контрабанда для юга — то же, что «ФИАТ» для севера, она гарантирует благосостояние тех, о ком государство не заботится; двадцать тысяч человек заняты исключительно контрабандными перевозками между Апулией и Кампанией. Именно контрабанда послужила причиной войны внутри каморры в начале восьмидесятых.

Раньше мафиозные кланы Апулии и Кампании снабжали Европу сигаретами, неподвластными государственной монополии. Каждый месяц они ввозили тысячи коробок из Черногории, зарабатывая по 500 000 000 лир за одну погрузку. Теперь все изменилось. Кланов это больше не устраивает. В реальной жизни закон Лавуазье действует как догма: ничто не возникает, ничто не исчезает, все изменяется — не только в природе, но и в капиталистической экономике. Сегодня не сигареты, а предметы повседневного спроса стали объектом интереса контрабандистов. Уже начинается война цен, до ужаса беспощадная. Проценты, скидки, на которые готовы агенты, оптовики и торговцы,

руководят жизнью и смертью каждого, кто вовлечен в этот круговорот. Налоги, НДС, ограничение максимального тоннажа фур — ненужный балласт для прибыли. Именно они становятся настоящей проблемой для финансового рынка и товарооборота. Крупные компании теперь размещают производство в Румынии, Молдавии, в Китае — из-за дешевой рабочей силы. Но и этого мало. Среди тех, на кого рассчитан товар, произведенный с наименьшими затратами, все больше людей с нестабильным заработком, минимальными сбережениями и привычкой считать каждый цент. Объем непроданного увеличивается, и товары — настоящие, поддельные, полуподдельные, почти настоящие — бесследно исчезают. Пропадают без вести. Отследить их труднее, чем сигареты, которые продаются по двум параллельным каналам — официальному и нелегальному. Как будто никто и не перевозил этот груз, он сам по себе вырос в поле, а потом урожай собрали неизвестно чьи руки. Товар, в отличие от денег, пахнет. Но не морем, не руками тех, кто произвел его, не машинным маслом автоматов, его упаковавших. Товар пахнет самим собой. Этот запах рождается на прилавке торговца и улетучивается в доме покупателя.

Оставив море позади, мы вернулись домой. Фургон приостановился ровно на столько, чтобы мы успели выйти. И уехал обратно в порт — его дожидались коробки, сотни коробок, которые надо было перевезти. Еле живой от усталости, я забрался на лифт-подъемник. Снял насквозь промокшую от пота и морской воды кофту и рухнул на кровать. Не знаю, сколько коробок я перетаскал. Но, судя по ощущениям, я разгрузил столько обуви, что хватило бы половине населения Италии. Я так устал, как бывает после долгого и очень напряженного дня. Дома же все только-только просыпались. Было еще утро.

АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ

Теперь я сопровождал Сяня на деловые встречи. На самом деле он брал меня с собой, чтобы не скучать в пути или во время обеда. Я говорил или слишком много, или слишком мало. И то и другое ему одинаково нравилось. Я видел воочию посев и всход денежных семян, стояние «под паром» полей экономики. Мы добрались до «Лас-Вегаса». Этот район на севере Неаполя называют так по разным причинам. Он, как и Лас-Вегас в штате Невада, находится посреди пустыни; кажется, будто всё здесь появилось из ниоткуда. Сюда ведут пустынные дороги. Километры асфальта, бескрайних шоссе, которые уносят тебя прочь, чтобы всего через несколько минут доставить на автостраду, ведущую на север, в Рим. Эти дороги предназначены не для машин, а для фур, по ним перевозят не людей, а одежду, обувь, сумки. По пути из Неаполя то и дело натыкаешься на небольшие городки, они словно вырастают из земли, причем обязательно по соседству с ними находятся еще несколько таких же. Бетонные ульи. Дороги завязываются узлами по обе стороны от автострады, чередуются, незаметно переходя друг в друга. Казаваторе, Кайвано, Сант-Антимо, Мелито, Арцано, Пишинола. Сан-Пьетро-а-Патьерно, Фраггамаджоре, Фраттаминоре, Грумо Невано. Сплетение дорог. Никаких границ, кажется, что это один большой город. Половина дороги относится к одному городку, вторая — уже к другому.

Я тысячу раз слышал, как окрестности города Фоджа называют Калифоджей, юг Калабрии — Калафрикой или Саудовской Калабрией, Сала-Консилину — Сахара-Консилиной, район Секондильяно — Третьим миром. Но здешний «Лас-Вегас» — настоящий Лас-Вегас. Свое дело на этой территории мог начать любой желающий. Осуществить мечту. С помощью банковского кредита, распродажи имущества, жесточайшей экономии он открывал свою фабрику. Это как рулетка, где ты ставишь на собственное предприятие: если выигрываешь, то получаешь взамен эффективность, продуктивность, скорость, дешевую рабочую силу и полную секретность. Все равно что выиграть, поставив на черное или красное. Если проигрываешь, то вскоре прогораешь. Лас-Вегас. Четко продуманные экономические и управленческие стратегии здесь не имели никакого значения. Обувь, одежда — всё это относилось к теневой стороне международного рынка. Никто не кричал направо и налево о ценных товарах. Чем большая секретность окружала производство, тем лучше был результат. Здесь на протяжении уже нескольких десятилетий создавались лучшие образцы итальянской моды, а значит, и мировой моды тоже. Никаких объединяющихся в группы предпринимателей, никаких центров образования, ничего, что выходит за рамки работы: швейных машин, небольших фабрик, коробок с товаром, отправленных грузов. Только то, что с этим связано. Все остальное не имело значения. Ты учился за рабочим столом, победа или поражение говорили о твоих предпринимательских качествах. На рынке не было никаких финансирования, проектов или стажировок. Только всё и сразу. Ты или продавал и выигрывал, или терял всё. Зарплата повышалась, и можно было позволить себе дом получше и дорогую машину. О коллективном благосостоянии не шло и речи. Каждый, с трудом добившись богатства, хватал его в охапку и тащил в свою нору.

Желающих вложить деньги было хоть отбавляй, они приезжали отовсюду. Производители рубашек, юбок, пиджаков, курток, перчаток, шапок, обуви, сумок, кошельков для итальянских, немецких, французских фирм. Еще в пятидесятые годы в этих районах

перестали существовать разрешения, контракты, сферы влияния. Гаражи, каморки под лестницами, кладовки превращались в фабрики. Но за последние годы китайские конкуренты вытеснили с рынка производителей товаров среднего качества. Они лишили рабочих возможности развивать мастерство. Либо ты выполнял работу идеально и в короткий срок, либо находился тот, кто делал все быстрее, пусть и в ущерб качеству. Огромное количество людей оказалось без работы. Долги и ростовщичество разорили владельцев фабрик. Многие из них ударились в бег.

Поскольку периферия существовала за счет нелегальных предприятий, их разорение перекрыло ей дыхание, лишило возможности существовать и развиваться. Есть район, где процесс угасания достиг своего апогея. Дома и дворы освещены круглые сутки и полны людей. Машины простаивают на парковках. Никто никогда оттуда не уезжает. Иногда кто-то приезжает. Редко кто останавливается. Здесь не бывает той тишины, которая воцаряется, когда все уходит на работу или в школу. Здесь всегда толпа и непрекращающийся шум. Это Парко Верде в Кайвано.

В сам городок попадаешь, съехав с главной дороги, рассекающей провинцию Неаполь асфальтовым ножом. Парко Верде похож не на квартал, а на бесформенную цементную кучу, на которой набухли нарывами балконы, обшитые алюминиевыми листами. Его будто бы спроектировал архитектор, вдохновленный замками из песка: дома напоминают башни из полуразвалившихся куличей. Тяжеловесные и мрачные. Среди них стояла крошечная часовенка, почти незаметная. Она не всегда была такой. Прежде на этом месте возвышалась настоящая часовня. Большая, белоснежная. Почти что мавзоль для парнишки по имени Эмануэле, погибшего во время работы. В некоторых районах считают, что лучше горбатиться на заводе, чем заниматься такой работой. Но у каждого свое ремесло. Эмануэле промышлял грабежами. У него вошло в обычай совершать их по субботам, не пропуская ни одной недели. На одной и той же дороге. То же время, то же место, тот же день. Суббота — день его жертв. День парочек. Всем известно, что влюбленные предпочитают уединяться на шоссе № 87. Дорога хуже не куда: выщербленный асфальт и свалки по обочинам. Когда я оказываюсь здесь и вижу очередной автомобиль, стоящий у обочины, то задумываюсь, насколько всепоглощающей должна быть страсть, чтобы получать наслаждение посреди такой помойки. Тут-то и прятались Эмануэле с друзьями, поджидали, пока машина припаркуется и внутри погаснет свет. Выжидали еще несколько минут, чтобы любовники успели раздеться, и появлялись в самый ответственный момент, когда те были наиболее уязвимы. Разбивали окно рукоятью пистолета и брали парня на мушку. Забирали все ценное и проводили выходные с десятком грабежей за спиной и пятьюстами евро в кармане — добыча небольшая, но кажущаяся им сокровищем.

Однажды ночью они столкнулись с отрядом карабинеров. Эмануэле и его сообщникам и в голову не могло прийти, что действовать по одной и той же схеме, промышлять в одном и том же месте — это прямой путь к аресту. Одна машина настигла другую, протаранила ее, раздались выстрелы. Потом тишина. В автомобиле мертвый Эмануэле. Он держал в руке пистолет и целился в карабинеров. Всего за несколько секунд в него выпустили одиннадцать пуль. Одиннадцать выстрелов в упор говорят о том, что пистолеты были сняты с предохранителя, и нужен был только повод открыть огонь. Они стреляют, чтобы убить, а потом убеждают себя, что это была самозащита. Двое соучастников остановили машину. Пули хлестнули по ней, будто порыв ветра. Их, как магнитом, притянуло тело Эмануэле. Подельники собрались вылезти из машины, но, увидев, что Эмануэле мертв, остановились.

Когда они наконец открыли дверцы, то тут же получили кулаком в лицо, как всегда происходит перед арестом. Эмануэле скрючился на сиденье, в руке у него был пугач. Когда-то такие подделки использовали в деревнях, чтобы отгонять бродячих псов от курятников. Пусть Эмануэле выдавал игрушку за настоящее оружие, но в остальном вел себя как взрослый, за безжалостным взглядом скрывал страх, за жаждой богатства — согласие на любую мелочь. Эмануэле было пятнадцать лет. Все его называли просто Ману. У него было типичное лицо парня, с которым лучше не связываться: смуглое, с резкими чертами. Уважение и авторитет в этих краях зависят не от величины доходов, а оттого, каким образом они тебе достаются. Эмануэле был частью Парко Верде. Существуют такие места, с которыми ты связан навсегда, на тебе их клеймо, и никакое преступление, никакая твоя ошибка не способны этого изменить. Семьи Парко Верде сообща собирали деньги и построили небольшой мавзолей. Внутри поставили изображение Мадонны из Арко и фотографию улыбающегося Ману. Появилась еще и посвященная ему часовня, вдобавок к остальным двадцати, возведенным верующими в честь всех возможных Мадонн — по одной на каждый год безработицы. Но мэр не мог смириться с памятником преступнику и решил его уничтожить. Под натиском бульдозера бетонная конструкция в мгновение ока обрушилась, как карточный домик.

Слухи моментально разлетелись по Парко Верде, к обломкам стали подъезжать ребята на мопедах и мотоциклах. Они не произносили ни слова. Молча смотрели на рабочего, двигавшего рычаги. Под их взглядами он остановился и повернул голову в сторону сержанта карабинеров. Вот кто отдал приказ. Этим движением рабочий будто бы обозначил мишень для их ярости, сместив ее со своей груди. Ему было страшно, и он заперся изнутри. Его окружили. В ту же секунду началось наступление. Рабочему удалось добраться до полицейской машины. Нападающие разнесли бульдозер. Потом, опорожнив пивные бутылки, наполнили их бензином. Для этого надо было так наклонить свой мопед, чтобы топливо лилось из бензобака прямо в бутылку. Камнями разбили окна в школе недалеко от Парко. Раз часовня Эмануэле разрушена, та же участь постигнет и все остальное. Из окон домов швыряли тарелки, вазы, столовые приборы. В карабинеров летели бутылки с бензином. Строили баррикады из ящиков. Поджигали всё, что попадалось под руку. Люди готовились к войне. Их было около сотни, и они могли долго обороняться. Восстание распространялось дальше по кварталам Неаполя.

Вдруг появилось новое действующее лицо. Хотя повсюду стояли полицейские машины и карабинеры, черному внедорожнику удалось проникнуть за баррикады. Водитель махнул рукой, кто-то открыл дверь машины, и несколько мятежников скрылись в салоне. Через пару часов от заграждений не осталось и следа. Мятежники сняли платки, закрывавшие лица, затушили кучи горящего мусора. Вмешались кланы, но какие — неизвестно. Парко Верде служит источником рабочей силы для каморры. Здесь легко найти низкоквалифицированных чернорабочих, согласных получать за свой труд еще меньше, чем нигерийские и албанские «пушеры». Всем нужны ребята из Парко Верде: кланам Казале и Маллардо из Джульяно, «тигрятам» из Криспано. Они становятся сбытчиками, зная, что не получают никаких процентов с продаж. Уезжают за сотни километров от дома, готовые работать водителями или стоять на стреме. И за бензин платят из своего кармана. Надежные люди, добросовестно выполняющие приказы. Иногда они подсаживаются на героин — наркотик для самых пропащих. Кто-то спасается, идет в армию и отправляется воевать подальше отсюда, некоторым девушкам удается покинуть эти места, чтобы больше никогда

не вернуться. Почти никто из молодого поколения не вступает в кланы. Работают на них, но не становятся каморристами. Кланам они не нужны, их просто используют, не давая ничего взамен. Они не профессионалы, не обладают предпринимательским даром. Многие работают как курьеры, отвозя в Рим рюкзаки, полные гашиша. Гонят на машине как сумасшедшие и уже через полтора часа оказываются в столице. За свои труды они ничего не получают, но в среднем после двадцати таких поездок им дарят мотоцикл. Это кажется им бесценным подарком, лучше которого ничего быть не может, и, конечно, никакая другая работа из тех, что здесь можно найти, их таким не обеспечит. Но перевозимый товар приносит прибыль, в десять раз превышающую стоимость мотоцикла. Они об этом не знают и даже не догадываются. Если задержат на блокпосте, то дадут срок вплоть до десяти лет, а без принадлежности к какому-либо клану им не видать оплаты судебных издержек и материальной поддержки семьи. Но в голове у них только рев мотора и желание поскорее добраться до Рима.

На некоторых баррикадах еще продолжалось какое-то движение, но все меньше и меньше — злость отступала. Вскоре всё затихло. Кланов не боялись ни восстаний, ни беспорядков. Смерти и поджоги их не волновали и не вызывали никакой реакции. Но восстание отвлекало людей от работы. Источник до смешного дешевой рабочей силы, поступающей из Парко Верде, мог иссякнуть. Надлежало срочно восстановить прежний порядок. Все должны были вновь приступить к работе, особенно те, кто соглашался на выполнение разовых заданий. Игру в мятеж пора было прекращать.

Я был на похоронах Эмануэле. В каких-то странах пятнадцатилетние — обычные подростки. Здесь же, в трущобах, пятнадцатилетние умирают, и это не несчастный случай, а, скорее, приведение в силу смертного приговора. В церковь набились загорелые дочерна ребята, они время от времени выкрикивали что-то, а на улице подхватывали хором: «Навсегда с нами, ты навсегда останешься с нами! Навсегда с нами...» Так поют тиффози, ^[5] когда футболист уходит из большого спорта. Они кричали как болельщики на стадионе, но в их криках чувствовалась ярость. Полицейские в штатском старались держаться подальше от траектории движения толпы. Их присутствие ни для кого не было тайной, но сегодня никто не собирался выяснять отношения. Я сразу заметил полицейских в толпе, хотя, скорее, это они меня заметили, обнаружив лицо, не проходившее ни по одной картотеке. Один из них только усугубил мое угнетенное состояние, подойдя со словами: «Они все обречены. Наркоторговля, кражи, скупка краденого, грабежи... Некоторые еще и проституцией занимаются. На каждом что-нибудь, да висит. Чем больше их здесь поумирает, тем лучше для всех...»

На такие фразы отвечают либо хуком в челюсть, либо ударом головой в переносицу. Но на самом деле все так думают. И, возможно, они правы. Я наблюдал за ними: отбросы общества, суррогаты людей, готовые к пожизненному заключению за украденные двести евро. Им всем не было даже двадцати. Проводивший богослужение отец Мауро прекрасно понимал, кто собрался перед ним. И что дети вокруг него не являются образцом чистоты и непорочности, он тоже знал.

— Сегодня умер не герой...

Во время воскресных проповедей руки священников всегда расслаблены. Сейчас же отец Мауро стоял со сжатыми кулаками. И тон его ничуть не походил на тот, которым читают

проповеди. Вначале он чуть сипел: так бывает, когда долго говоришь сам с собой. В его яростной речи не было ничего похожего на сострадание к чаду Божьему и на обещание спасения.

Он напоминал одного из латиноамериканских проповедников времен гражданской войны в Сальвадоре, которые были уже не в состоянии служить панихиды по бесчисленным жертвам, теряли способность сочувствовать и переходили на крик. Но здесь о Ромеро^[6] никто не слышал. Отец Мауро обладал редкой энергией. «Многое мы можем вменить в вину Эмануэле, но пятнадцать лет — это пятнадцать лет. Дети, рожденные в других районах Италии, в этом возрасте ходят в бассейн и на танцы. Здесь всё иначе. Господь учтет, что ошибка была совершена пятнадцатилетним подростком. Если на юге Италии пятнадцати лет достаточно, чтобы красть, убивать и умирать самим, то надо быть готовым и брать на себя ответственность за такие вещи».

Он резко втянул носом пропитанный грехом воздух церкви: «Но пятнадцать лет — это так мало, что мы можем лучше разглядеть скрытое за ними. Нас принуждают распределять ответственность. Пятнадцать лет — это возраст, который вызывает к совести того, кто болтает о законности, труде и обязательствах. Взывает шепотом, а не в полный голос».

Проповедь закончилась. Никто так до конца и не понял, что хотел сказать священник, он не читал нравоучений и ни к чему не призывал. Волнение всё нарастало. Четверо мужчин вынесли гроб из церкви, но толпа вдруг придвинулась и подхватила их ношу. Люди держали гроб на руках и передавали друг другу, как рок-звезду, прыгнувшую со сцены в толпу. Он покачивался на волнах, образованных тысячами рук. Возле длинного катафалка, на котором перевозят мертвецов, выстроился целый кортеж из ребят на мотоциклах, готовых сопровождать Ману на кладбище. Они давили на газ, не отпуская при этом тормоз. Дружный гул моторов проводил Эмануэле в последний путь. Мотоциклисты рванули с места, заставив взреветь глушители. Казалось, они собирались ехать за товарищем до самых ворот загробного мира. Густой дым и запах бензина сразу же заполнили все вокруг и пропитали насквозь одежду. Я попытался войти в ризницу, испытывая желание поговорить со священником, произнесшим такие горькие слова. Меня опередила какая-то женщина. Она высказала священнику свое предположение, что в глубине души мальчик искал самого себя, поскольку почти ничего не получил от семьи. Потом гордо добавила:

— Мои внуки никогда не опустятся до грабежа, даже если будут безработными... — И спросила взволнованно: — Он чему-то научился, этот мальчик? Ведь хоть чему-то должен был...

Отец Мауро опустил глаза. Он уже переоделся и стоял в спортивном костюме. Он не ответил и даже не посмотрел на женщину, только пробормотал, разглядывая свои кроссовки:

— Здесь можно научиться только одному: умирать.

— Что вы сказали, святой отец?

— Ничего, синьора.

Но не все еще лежат в могилах. Не все увязли в болоте постоянных неудач. Пока что. Есть и успешные фабрики. Им удастся конкурировать с китайской рабочей силой за счет сотрудничества с крупными домами моды. Скорость и качество. Высочайшее качество. Монополия на красоту и совершенство до сих пор принадлежит им. Made in Italy создается здесь. Кайвано, Сант-Антимо, Арцано и весь кампанийский Лас-Вегас. «Лицо Италии»

представляет собой обтянутый тканью череп провинции Неаполь. Дома моды не решаются переводить все производство на восток. Фабрики ютятся под лестницами, на первых этажах типовых домиков. В лачугах на окраинах пригородов. Люди кроют и сшивают кожу, делают обувь, сидя друг за другом. Перед твоими глазами спина коллеги, а в твою спину упирается взглядом сосед сзади. Работник текстильной промышленности трудится около десяти часов в день и зарабатывает от пятисот до девятисот евро в месяц. Сверхурочная работа обычно хорошо оплачивается. Вплоть до пятнадцати евро сверх обычной таксы за час работы. Чаще всего фирма нанимает не более десяти человек. На этажерке в комнате, где шьют, возвышается радиоприемник или телевизор. Радио включают ради музыки, иногда кто-то напевает. Но если работы много, все молчат, и слышно только, как стучат иглы.

Больше половины сотрудников на таких предприятиях — женщины. Мастера своего дела, они уже родились за швейной машиной. Если верить документам, то никаких фабрик здесь нет и трудящихся на них людей тоже. Их официальное признание привело бы к росту цен, обвалу рынка и перемещению качественного производства за пределы Италии. Местные предприниматели знают всё об этих тонкостях. Конфликтов между наемными рабочими и хозяевами на таких фабриках обычно не бывает. Классовая ненависть теряет здесь свою остроту. Начальник зачастую сам из бывших работников, он трудится столько же, сколько и остальные, сидя вместе с ними в одной комнате, на одной скамье. Когда он допускает ошибку, то занимает деньги и сам расплачивается с долгами. Власть его патерналистского типа. Шум и крик поднимаются по любому поводу, будь то лишняя выходная или прибавка в несколько центов. Нет контракта, нет и бюрократии. Все решается лично. Так устанавливаются границы уступок и обязанностей, которые напоминают, скорее, о правах и компетентности. Семья хозяина живет над швейными цехами. Женщины, работающие на таких фабриках, нередко оставляют детей под присмотром хозяйских дочерей, которые заменяют няnek, или матерей, которые заменяют бабушек. Дети работников и хозяев растут вместе. Все живут одной общей жизнью, что воплощает собой идеальную постфордистскую модель горизонтального уровня отношений: совместные обеды служащих и начальников, вовлечение их в частную жизнь друг друга, развитие чувства принадлежности к одной общности.

На таких фабриках не найдешь человека, сидящего сложа руки. Здесь умеют работать и умеют получать за это гроши. Но одно без другого невозможно. Чтобы получить то, что тебе необходимо, надо работать, и работать как можно лучше, не давая ни малейшего повода для увольнения. Никакой страховочной сетки, обеспечивающей безопасность, нет. Надо бороться за свои права, отпуск, выходные. Права ты выбиваешь сам. Выходной вымаливаешь. И жаловаться здесь не на что. Все идет так, как и должно. Есть человек, есть умение делать свое дело, есть швейная машина и есть зарплата. Точное количество нелегальных работников в этих краях неизвестно. Впрочем, и легальных тоже, вынужденных расписываться каждый месяц в получении зарплаты и указывать сумму, которую никогда не получают.

Сянь принимал участие в торгах. Мы вошли в здание начальной школы, в один из классов, где не было ни учеников, ни учителей. На стенах висели огромные листы бумаги с написанным на них алфавитом. В классе собралось человек двадцать представителей разных фирм. Сянь оказался единственным иностранцем. Он поздоровался лишь с двумя из присутствующих, причем довольно сдержанно. В школьный двор заехала машина. Вошли

трое. Двое мужчин и одна женщина. На ней была кожаная юбка и лакированные туфли на высоких каблуках. Все встали в знак приветствия. Вновь прибывшие заняли свои места, и торги начались. Один из двух мужчин начертил на доске три вертикальных линии. Потом начал писать под диктовку женщины. Первая колонка: «800».

Количество одежды, которое надо произвести. Женщина перечислила типы тканей и обозначила требуемое качество продукции. Предприниматель из Сант-Антимо подошел к окну, повернувшись ко всем спиной, и озвучил свое предложение по стоимости и срокам:

— Сорок евро за вещь и два месяца.

На доске записали: «800/40/2».

Лица остальных участников казались спокойными. Предложение не выходило за грани возможного, что всем явно понравилось. Но заказчиков оно не устроило. Торги продолжились.

Торги, проводимые итальянскими брендами в этих краях, довольно странные. Никто не проигрывает и никто не выигрывает тендер. Смысл игры заключается в участии или неучастии. Кто-нибудь бросается в борьбу со своим предложением, называя приемлемые для себя сроки и цену. Но даже если его условия и примут, единственным победителем он все равно не будет. Он дает стартовый толчок, и остальные могут попытаться последовать за ним. Если ведущих торги посредников устраивает цена, предприниматели решают, стоит ли вступать в игру; в случае согласия их обеспечивают сырьем. Тканями. Они поступают прямо в неаполитанский порт, и оттуда каждый сам их забирает. Но лишь один из них получит деньги за сделанную работу — тот, кто первым предоставит наиболее качественно сшитую одежду. Соперничающие же предприниматели не обязаны возвращать материалы, но они не получают ни цента компенсации. Дома моды вполне могут пожертвовать тканями — невелика потеря по сравнению с тем, сколько они на этом заработают. Если предприниматель уже не в первый раз оставляет заказчиков без товара и просто пользуется бесплатным сырьем, то его исключают из списка участников. Торги гарантируют посредникам высокий темп производства за счет конкуренции: если кто-то попытается тянуть время, то его место тотчас же займет другой. Высокая мода не терпит отсрочек.

К радости сидящей за столом женщины, еще один из присутствующих поднял руку. Элегантный, хорошо одетый мужчина.

— Двадцать евро и двадцать пять дней.

В конце концов приняли это последнее предложение. Еще девять человек из двадцати записались за ним в очередь. Сянь не стал рисковать. Он бы не смог обеспечить нужное соотношение скорости и качества за такой короткий срок и с таким небольшим бюджетом. По окончании торгов женщина записала имена предпринимателей, адреса фабрик, номера телефонов. Победитель пригласил всех к себе домой на обед. Его фабрика располагалась на первом этаже, на втором жил он сам с женой, а на третьем — сын. Он с гордостью сообщил:

— Сейчас я жду разрешения на строительство еще одного этажа: младший сын собирается жениться.

Поднимаясь по лестнице, он продолжал рассказ о своей семье, напрямую связанный со структурой жилища.

— Никогда не назначайте нормальных мужчин командовать женщинами, от этого одни беды. У меня двое сыновей, и оба взяли в жены своих работниц. Нанимайте голубых. Пусть голубые распределяют смены и контролируют рабочий процесс, как было когда-то...

Все работники, и мужчины, и женщины, встали, чтобы выпить за получение заказа. Их

ожидала изматывающая работа в две смены: одна с шести утра и до девяти вечера с часовым перерывом на обед, вторая с девяти вечера до шести утра. Все женщины были накрашены, в ушах блестели серьги, поверх платьев — передники, защищавшие от клея, пыли и машинного масла. Как Супермен снимал рубашку и сразу оказывался в своем синем костюме, так и эти женщины: только развязали передник — и уже готовы идти куда-нибудь на ужин. Мужчины, наоборот, выглядели довольно неряшливо в рабочих штанах и потрепанных свитерах. После тоста хозяин дома отошел в сторону с одним из гостей, вошедшим вместе со всеми остальными, согласившимися на условия заказа. Они не прятались, но проявляли уважение к старому правилу — не говорить за столом о деньгах. Сянь подробно объяснил мне, чем занимается этот человек. Обычно мы именно так представляем себе работу банковских кассиров. Его задача заключалась в выдаче наличных и обсуждении процентной ставки. Но за ним не стоял никакой банк. Итальянские дома моды платят только за выполненную работу и лишь после того, как ознакомятся с результатом. Предприниматели всё оплачивают сами: расходы на зарплаты, стоимость производства, транспортировку. Клань, в зависимости от зоны своего влияния, ссужают те или иные фабрики наличными. Ди Лауро в Арцано, Верде в Сант-Антимо, Ченнамо в Криспано и так по каждому району. Владельцы фабрик получают от каморры наличные под небольшой процент: от 2 до 4. Кто, казалось бы, как не они, должны обращаться за кредитом в банк, ведь они работают на итальянские верхи, на рынок рынков. Но официально этих фабрик не существует, а призраки не ходят на прием к директорам банков. Поэтому единственная возможность взять заем — это обратиться за наличными к мафии. Так, в районах, где больше сорока процентов жителей зарабатывает на хлеб нелегальным трудом, шести семьям из десяти удастся купить дом. Товар, не удовлетворивший дома моды, все равно найдет своего покупателя. Его продадут кланам, пополнив таким образом рынок контрафактной продукции.

Демонстрируемые на подиуме модные течения, умопомрачительные наряды светских красавиц — все начинается отсюда. Из Неаполя и Саленто, наиболее важных центров подпольной текстильной промышленности. Район Лас-Вегаса и Капо. Казарано, Триказе, Тавьяно, или Капо ди Леука, нижний Саленто. Отсюда все начинается. Из этой дыры. Происхождение любого товара окутано тайной — таков закон капитализма. Но когда наблюдаешь за этой дырой, видишь ее собственными глазами, то ощущения довольно странные. Тревожная тяжесть. Будто чувствуешь правду в желудке.

Среди работников победившего предпринимателя мне повстречался один особо искусный. Его звали Паскуале. Очень худой. Высокий, тощий и сгорбленный: на уровне плеч и шеи его тело сгибалось, не выдерживая такого роста. Прямо как рыболовный крючок. Работал над эскизами, присылаемыми напрямую стилистами. Над моделями, созданными специально для его рук. Количество заказов менялось, но заработок оставался неизменным. Тем не менее он казался по-своему довольным. Паскуале мне сразу понравился, едва я увидел его огромный нос. Несмотря на молодость, выглядел он стариком. Еще бы, проводить целые дни, держа в руках ножницы, отмеривая и отрезая ткань, стирая о швы подушечки пальцев. Паскуале был одним из немногих, кто мог напрямую купить материалы. Некоторые дизайнеры настолько верили в него, что поручали заказывать ткани из Китая, и он сам же потом проверял их качество. Так Сянь познакомился с Паскуале. В порту, где мы однажды вместе обедали. После обеда Сянь и Паскуале попрощались, и мы сразу сели в

машину. Двинулись в сторону Везувия. Обычно вулканы изображают в темных тонах, но этот покрыт зеленью. Издали кажется, что он окутан бесконечным покрывалом из мха. Прежде чем въехать непосредственно в район Везувия, мы завернули во двор какого-то дома. Там нас ждал Паскуале. Я не мог понять, что происходит. Он вышел из своей машины, направился напрямик к автомобилю Сяня и залез в багажник. Я попробовал прояснить ситуацию:

— Что происходит? Почему багажник?

— Все в порядке. Сейчас поедem на фабрику в Терциньо.

К нам сел новый водитель — вылитый Минотавр. Он вышел из машины Паскуале, и дальнейшие его действия напоминали привычный ритуал. Он включил задний ход, выехал за ворота и, прежде чем вырулить на дорогу, вытащил пистолет. Полуавтоматический. Минотавр взвел курок и зажал оружие между ног. Я не издал ни звука, но он разглядел в зеркале мой испуганный взгляд.

— Бывало, здесь устраивали настоящую бойню.

— Но кто?

Я хотел услышать все с самого начала.

— Те, кто против включения китайцев в бизнес высокой моды. Те, кто видит в Китае исключительно источник тканей и не больше.

Я не мог понять. И яснее не становилось. Сянь обратился ко мне своим привычным успокаивающим тоном:

— Паскуале помогает нам научиться. Научиться работать над качественным товаром, который нам пока не доверяют. Мы учимся у него, как шить одежду...

Минотавр попытался объяснить необходимость пистолета.

— Так вот, однажды вон там, видишь, прямо посреди площади, вдруг появился мужик и открыл огонь по машине. Он попал в двигатель и в лобовое стекло, прямо по дворникам. Если бы нас хотели завалить, то завалили бы. Но это было лишь предупреждение. Теперь я подготовился, так что пусть попробуют.

Потом Минотавр объяснил, что лучше всего держать пистолет именно зажатым между ног: если положить оружие на приборную панель, то понадобится время, чтобы взять его. Дорога на Терциньо вела в гору, и от сцепления распространялась невыносимая вонь. Я даже перестал бояться автоматной очереди. В любой момент машина могла дернуться, и водитель получил бы пулю в мошонку. Доехали мы живыми и невредимыми. Едва автомобиль остановился, Сянь пошел открывать багажник. Паскуале вылез и медленно разогнулся. Он напоминал скомканную бумажную салфетку, пытающуюся распрямиться. Затем подошел ко мне:

— Каждый раз одно и то же, понимаю еще, если бы я в бегах был. Но все-таки лучше, чтобы меня с вами в машине не видели. А то... — И провел ребром ладони по горлу.

Здание перед нами было внушительным. Но не огромным. Сянь рассказывал о нем с гордостью. Сам дом принадлежал ему, а внутри разместились девять мелких фабрик, руководили которыми девять китайцев. Внутри все напоминало шахматную доску. Скамьи были поставлены так, что образовывали квадраты, внутри которых сидели работники — у каждой фабрики свои. Сянь сопоставлял эти фабрики с фабриками Лас-Вегаса. Он тоже распределял подряды по результатам торгов. Система была идентичной. Он считал, что дети не должны мешать взрослым во время работы, и повторял организацию итальянских фабрик. Более того, когда он работал на другие фирмы, то не просил об авансе. Так Сянь

превращался в самого настоящего служителя итальянской моды.

Китайские фабрики в Китае конкурировали с китайскими фабриками в Италии. В результате производство на территории Рима, Прато и половины итальянских чайна-таунов стало необратимо приходить в упадок: все так резко начало развиваться, что еще более резкий спад был неминуем. «Итальянские» китайские фабрики могли выжить только в одном случае — если бы они стали профессионалами в области высокой моды, способными работать на лучших итальянских модельеров. Надо было учиться у итальянцев, у разбросанных по всему Лас-Вегасу специалистов и, забыв о штамповке ширпотреба, стремиться дорасти до уровня доверенных лиц домов моды на юге полуострова. Освоить сферы влияния, логику, язык нелегальных фабрик и пытаться повторять то, что они делают. Только работать за меньшие деньги и на несколько часов дольше.

Паскуале вытащил из чемоданчика кусок ткани. Из этого отреза должны были выкроить и сшить платье на его фабрике. Он же проделал всю работу, сидя за письменным столом перед телекамерой, передававшей изображение на огромный экран за его спиной. Девушка с микрофоном переводила все его слова на китайский. Это был пятый урок.

— Со швами вам следует быть особенно внимательными. Шов должен получиться едва ощутимым, но крепким.

Китайский треугольник. Сан-Джузеппе Везувьяно, Терциньо, Оттавьано. Основа китайской текстильной промышленности. Начинается все в Терциньо, а потом уже распространяется по китайским коммунам. Первые производства, качество продукции, даже первые убийства. Здесь прикончили Ван Дина — сорокалетнего иммигранта, приехавшего в Рим к соотечественникам. Его пригласили на праздник и выстрелили в голову. Ван был «змеиной головой», или, как их еще называют, «проводником». Он работал с пекинскими криминальными картелями, осуществляющими нелегальный въезд китайцев. Очень часто «змеиные головы» провоцируют конфликты с заказчиками, ищущими товар и людей. Обещают предпринимателям определенное количество человек, а потом привозят меньше. Как расправляются со сбытчиками за прикармливание выручки, так разделяются и со «змеиными головами», когда те наживаются на своем товаре — на людях. Умирают не только мафиози. Рядом с фабрикой я увидел фотографию, прикрепленную на дверь. Фотографию девочки. Красивое личико, румянец на щеках, черные, будто подведенные, глаза. Изображение поместили на такое место, где по законам традиционной иконографии ожидаешь увидеть желтое лицо Мао. Это была Чжан Сяньби. Несколько лет назад ее, беременную, убили и бросили тело в колодец. Она здесь работала. Однажды ее заметил местный механик: девочка проходила перед окном его мастерской. Она ему понравилась, и этого было достаточно, чтобы он посчитал ее своей. Китайцы работают как волю, изворачиваются как ужи, они тише глухонемых, сопротивление и воля им неведомы. Все, или почти все, так думают. Но Чжан повела себя иначе и попыталась убежать, когда механик стал к ней приставать. Однако донести на него она не могла: для китайцев немыслимо обращение за помощью к внешнему миру. При следующей попытке мужчина не стерпел отказа. Он бил ее ногами до тех пор, пока она не потеряла сознание, а потом сломал ей шею и бросил труп в артезианский колодец, где его и нашли, распухший от воды. Паскуале знал о случившемся и не мог оставаться равнодушным: каждый раз, приезжая на урок-съемку, он заходил к брату Чжан, узнавал, как его дела, спрашивал, не нужно ли тому чего-нибудь, и постоянно слышал в ответ одно и то же: «Ничего, спасибо».

Мы с Паскуале по-настоящему сдружились. Он столько знал о тканях, что казался пророком. В магазинах придирался ко всему подряд. Ходить с ним было невозможно: он останавливался перед каждой витриной и бранил покррой пиджака или заявлял, что на месте портного сгорел бы со стыда за такой узор на юбке. Он мог предсказать, сколько прослужат те или иные брюки, пиджак, юбка. Сколько стирок выдержит ткань, прежде чем окончательно потеряет вид. Паскуале открыл для меня мир текстиля. Я даже стал ходить к нему в гости. Мне всегда было весело с его семьей — женой и тремя детьми. Все непоседливые, но в меру. В тот вечер, например, младшие бегали босиком по всему дому. Но никому при этом не мешали. Паскуале включил телевизор, стал переключать каналы и вдруг застыл перед экраном. Он прищурился, как это делают близорукие, хотя и обладал прекрасным зрением. Все и так молчали, но тишина, казалось, еще сгустилась. Луиза, его жена, почувствовала неладное, подошла к телевизору и зажала рот руками — так сдерживают крик, когда происходит что-то страшное. Показывали церемонию вручения «Оскара». По красной ковровой дорожке шествовала Анджелина Джоли, одетая в эффектный костюм из белого атласа. Такие шьют на заказ, итальянские стилисты соперничают друг с другом за право предложить их звездам. Этот костюм сшил Паскуале на нелегальной фабрике в Арцано. «Заказ для Америки», — сказали ему. И больше никаких объяснений. Паскуале сшил сотню вещей, предназначенных для США. Белый женский костюм он хорошо помнил. В его голове до сих пор сохранились все до одной мерки. Вырез, манжеты — с точностью до миллиметра. И брюки. Брючины и снаружи, и изнутри хранили прикосновения его рук, он до сих пор помнил то обнаженное тело, которое представляет себе каждый портной. Лишенное эротизма, состоящее из пластики мускулов и керамики костей. Тело, которое надо одеть, соединение мускулов, костей и осанки. Он не забыл тот день, когда пошел в порт за тканью. Ему поручили сшить три костюма и больше ничего не сказали. Заказчик был известен, но Паскуале никто не предупредил.

В Японии в честь портного невесты наследника трона был устроен государственный прием; берлинская газета посвятила шесть страниц портному первой женщины-канцлера. В статье говорилось о ручной работе и потрясающем качестве, фантазии, элегантности. Паскуале был в ярости, но открыто выразить свою ярость не мог. Каждый имеет право гордиться. В глубине души он понимал, что выполнил работу на отлично, но не имел возможности произнести это вслух. Он знал, что заслуживает большего. Но его даже не поставили в известность. Все раскрылось совершенно случайно. Ярость, как она есть, вызванная определенными причинами, с которыми, однако, ничего нельзя поделать. Он никому не может и слова сказать. Не может даже прошептать, глядя в завтрашнюю газету. «Я сшил этот костюм». Никто бы и не поверил. На вручение «Оскара» Анджелина Джоли пришла в костюме, сшитом Паскуале в Арцано. Небо и земля. Миллионы долларов и шестьсот евро в месяц. Когда все возможное уже сделано, когда талант, мастерство, усердие соединяются в одно целое, в действие, в практику, когда все это не способно ничего изменить, появляется желание раствориться в пустоте. Медленно исчезнуть, наблюдая за течением минут, погрузиться в их массу, как в зыбучий песок. Прекратить делать что-либо и пытаться, пытаться дышать. Больше ничего. Ведь ничто не изменит положение, даже сшитый для Анджелины Джоли костюм, который она надела на церемонию вручения премии.

Паскуале вы шел из дома, не закрыв за собой дверь. Луиза знала, куда он направляется, знала, что в Секондильяно, знала, к кому. Она бросилась на диван и по-детски уткнулась

лицом в подушку. Почему-то вид плачущей Луизы вызвал в моей памяти строчки Витторио Бодини. В стихотворении говорилось о том, что предпринимали крестьяне с юга, лишь бы их во время Первой мировой войны не забрали в солдаты, не набили бы ими траншеи ради защиты границ, существование которых они отрицали. Такие строки:

В эпоху той войны крестьяне и контрабандисты / держали под мышками листья ксантийского табака, / провоцируя недуг. / Искусственный жар, мнимая малярия, / от которой бил озноб и стучали зубы, / отражали их приговор / правительствам и истории.

В плаче Луизы я услышал приговор правительству и истории. Не всплеск эмоций. Не сожаление о не получившей признания заслуге. Мне это показалось исправленной главой из «Капитала» Маркса, разделом из «Богатства наций» Адама Смита, абзацем из «Общей теории занятости» Джона Мейнарда Кейнса, примечанием из «Протестантской этики и духа капитализма» Макса Вебера. Добавленная или убранная страница, которую забыли написать или же писали на протяжении долгого времени, не ограничиваясь размерами страницы. Не акт отчаяния, а анализ. Жесткий, подробный, точный, аргументированный. Я так и видел Паскуале бредущим по улице, топающим ногами, как топают зимой, пытаюсь счистить налипший на ботинки снег. Как ребенок, не понимающий, почему жизнь должна быть полна страданий. До настоящего момента ему это удавалось, Удавалось мириться с реальным положением вещей, выполнять свою работу, причем выполнять ее с удовольствием. Делать ее как никто другой. Но в ту секунду, когда он увидел актрису, облаченную в костюм, с такой любовью им сшитый, то почувствовал себя одиноким. Одним во всем мире. Потому что, когда твое знание существует исключительно внутри тебя самого, в пределах твоего собственного тела и мозга, это равнозначно незнанию. То же с работой: когда ты ее воспринимаешь лишь как средство, чтобы удержаться на поверхности, выжить, она становится худшим из одиночеств.

Я встретил Паскуале два месяца спустя. Ему поручили водить грузовики. Он перевозил все виды товаров — как легальные, так и нет — для предприятий, связанных с семьей Личчарди из Секондильяно. По крайней мере так говорили. Лучший портной на Земле курсировал на принадлежащих каморре грузовиках между Секондильяно и озером Гарда. Он пригласил меня на обед и прокатил на своей огромной машине. Его руки были красными, с разбитыми костяшками. У всех водителей грузовиков, вынужденных часами сжимать руль, руки коченеют и кровообращение ухудшается. В лице его не было спокойствия, эту работу он выбрал со злости на судьбу, отправляя свою жизнь ко всем чертям. Но невозможно вечно мириться с таким отношением, пора было послать все к чертям, пусть и ценой хорошей жизни. Мы обедали, когда Паскуале увидел своего приятеля и пошел поздороваться. Кошелек он оставил на столе. Из кармашка торчала сложенная вчетверо газетная страница. Я достал ее и развернул. Это оказалась фотография Анджелины Джоли, одетой в белое. В сшитый Паскуале костюм. Пиджак был надет на голое тело. Нужно иметь настоящий талант, чтобы не одеть, одевая. Ткань должна быть неотделима от тела, позволяя различить то, что под ней, только во время движения.

Уверен, что иногда Паскуале, оставшись один после ужина, когда дети, запыхавшиеся после беготни, засыпают, повалившись на диван, когда жена, оставив на потом мытье посуды, разговаривает с матерью по телефону, — как раз в такие моменты на него накатывает желание открыть кошелек и достать ту газетную страницу. И я уверен, что, глядя

на созданный его собственными руками шедевр, Паскуале чувствует себя счастливым. Счастье, смешанное со злобой. Но об этом никто никогда не узнает.

СИСТЕМА

Международный рынок одежды, огромный архипелаг итальянского стиля питала Система. Предприятия, люди, продукция Системы распространились по всему земному шару вплоть до самых дальних его уголков. Система. Здесь этот термин знают все, но тем не менее он все еще нуждается в расшифровке. Тем, кто не знаком с особенностями роста и развития преступной экономики, он ни о чем не говорит. Слово «каморра» выдумали полицейские. Его употребляют судьи, журналисты и сценаристы. Это слово вызывает улыбку у членов кланов, оно не дает названия чему-то конкретному, оно — для ученых, историков. Члены клана предпочитают другой термин — Система. «Я член Системы Секондильяно». Слово говорит само за себя: это, скорее, механизм, чем структура. Преступная организация равнозначна экономике, диалектика бизнеса формирует структуру клана.

Системе Секондильяно принадлежит все производство тканей. Окраины Неаполя превратились в одну большую фабрику, настоящий центр предпринимательства. В каком-нибудь другом месте это было бы совершенно невозможно по причине жестких условий контрактов, законов, авторского права; но только не на севере Неаполя. На окраинах вся деятельность формировалась вокруг клановых предпринимателей, что позволяло вводить в оборот капиталы, измеряемые астрономическими цифрами, которые и не снились законопослушным промышленным конгломератам. Кланов создавали дочерние предприятия по производству текстиля, по пошиву обуви и кожаных изделий, способные самостоятельно производить одежду, куртки, ботинки и рубашки, идентичные продукции крупных итальянских домов моды.

На них работали настоящие профессионалы, специалисты высшего класса, прослужившие десятилетия в лучших итальянских и европейских домах высокой моды, видевшие лучшие ее образцы. Кланов нанимали тех, кто раньше трудился без контракта на производстве самых известных марок. Безукоризненной была не только сама работа, но и исходные материалы, которые или закупались напрямую в Китае, или направлялись непосредственно из домов моды на подпольные фабрики, выигравшие этот заказ на нелегальных торгах. Одежда, производимая кланами Секондильяно, не была типичным поддельным товаром, надувательством, жалкой имитацией, копией, выдаваемой за оригинал. Это было ненастоящее настоящее. Не хватало только самой малости — разрешения холдинговой компании, ее бренда, но это разрешение кланов получали, никого не спрашивая. Клиентов во всем мире интересовали качество и модель. Бренд был, качество — тем более. Тогда какая разница? Кланов Секондильяно создали торговую сеть, охватившую весь мир, которая имела достаточно средств, чтобы скупать магазины, подчиняя себе таким образом международный рынок одежды. Вдобавок их экономическая организация предусматривала продажу через аутлеты.^[7] Продукция худшего качества предназначалась для другого рынка: для бродячих торговцев — эмигрантов из Африки, для лотков на улице. Никакой товар не отбраковывался. В отношениях фабрика — магазин, розничная торговля — распространение участвовали сотни фирм, тысячи рабочих рук и тысячи предпринимателей, которые стремились стать частью обширного текстильного бизнеса, принадлежавшего кланам Секондильяно.

Руководила и заправляла всем Директория. Я не раз слышал это слово. Любой разговор в

баре, касавшийся каких-либо сделок или состоявший из привычных жалоб на отсутствие работы, заканчивался фразой вроде: «Так захотела Директория», «Директории надо бы пошевелиться и заняться этим плотнее». Кажется, речь идет об эпохе Наполеона. Название «Директория» представители Окружного управления по борьбе с мафией дали экономической, финансовой и исполнительной структуре, включающей предпринимателей и глав разных семейств каморры из северной части Неаполя. Директория — как и коллегиальный орган французского Термидора — представляла реальную власть организации. Директория, а не вооруженные головорезы и пулеметный огонь.

В Директорию входили кланы, относящиеся к альянсу Секондильяно — союзу, объединившему разные семейства: Личчарди, Контипи, Маллардо, Ло Руссо, Боккетти, Стабиле, Престьери, Бости и на положении более автономном — Сарно и Ди Лауро. Они подчинили себе территорию от Секондильяно, Скампии, Пишинолы, Кьяяно, Миано, Сан-Пьетро-а-Патьерно до Джульяно и Понтичелли. Кланов, образовавшие эту федеративную структуру, постепенно становились все более автономными, чем окончательно разрушали исходную схему альянса. Что до производства, в Директорию входили представители таких фирм, как Valent, Vip Moda, Vocos, Vitec, которые шили одежду в Казории, Арцано, Мелито, а потом поддельные Valentino, Ferre, Versace, Armani расхаживали по всему свету. В ходе расследования, проведенного в 2004 году прокурором Филиппо Беатриче из неаполитанского Управления по борьбе с мафией, была разоблачена целая экономическая империя, созданная каморрой. Все началось с мелочи, из тех, которые легко могут остаться незамеченными. В одном немецком магазине одежды — Nenentz Fashion на Дрезднерштрассе, 46, в Хемнице — вдруг появился новый сотрудник, не последний в Секондильяно человек. Событие очень странное. На самом деле магазин, открытый на подставное имя, принадлежал ему. Этот след вывел полицию на целую производственно-коммерческую сеть, созданную кланами Секондильяно. С помощью показаний раскаявшихся преступников и последовавших арестов Управлению по борьбе с мафией удалось накрыть всю торговую систему кланов, от складов до магазинов.

Нет в мире такого места, которое бы их бизнес обошел стороной. У них были магазины и склады в Германии: в Гамбурге, Дортмунде, Франкфурте. Им принадлежали магазины Laudano в Берлине — на Гнайзенауштрассе, 800 и Витцельбенштрассе, 15. В Испании: в Мадриде, на Пасео-дела-Эрмита-дель-Санто, 30, и в Барселоне. В Бельгии (Брюссель), в Португалии (Порту и Боавишта), в Австрии (Вена), в Англии (Лондон), в Ирландии (Дублин), в Голландии (Амстердам), в Финляндии и Дании, в Сараево и Белграде. Кланов Секондильяно перебрались и за Атлантический океан: в Канаду, США и, наконец, в Южную Америку. Монреаль, Дживлен-драйв, 253 и Вудбридж, провинция Онтарио; в Штатах их сеть была огромной, миллионы пар джинсов были проданы в магазинах Нью-Йорка, Майами-Бич, Нью-Джерси, Чикаго, весь рынок Флориды был практически монополизирован. Американцы — владельцы торговых центров — хотели сотрудничать исключительно с посредниками из Секондильяно. Одежда от лучших дизайнеров по доступным ценам привлекала в их торговые центры толпы покупателей. Бирки были абсолютно идентичны оригинальным.

В лаборатории на окраине Неаполя обнаружили матрицу для печати фирменного знака Версаче — горгоны Медузы. В Секондильяно ходили слухи, что американский рынок находится под властью товаров Директории, а это способствовало притоку в Америку молодежи с целью стать торговыми агентами — они же видели, как заволокли весь Техас

джинсы, выдаваемые за Valentino.

Торговля охватила и другое полушарие. Магазин *Moda Italiana Emporio* в Австралии, в Новом Южном Уэльсе на Рэмси-роуд, 28, в районе Файв-Док, стал одним из самых популярных мест для покупки элегантных нарядов; были и другие магазины и склады в Сиднее. В Бразилии, в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, секондильяны заполнили рынок своей продукцией. На Кубе они собирались открыть магазин для европейских и американских туристов, в Саудовской Аравии и странах Магриба занимались своим бизнесом уже не первый год. Система сбыта Директории основывалась на использовании многоэтажек, подобных той, в которой побывал я. В прослушиваемых полицией телефонных разговорах их называли «складами»: самые настоящие центры распределения рабочей силы и товаров. Туда поступали всевозможные виды одежды. Склады были ядром экономической активности, к которому стремились все торговые агенты, чтобы забрать товар и распределить между магазинами клана или другими розничными торговцами.

Все это началось давным-давно, с неаполитанских торговцев одеждой — мальяри: после Второй мировой войны они, преодолевая любые расстояния, рассредоточились по всему миру, нагруженные сумками с носками, рубашками и куртками. Применяя накопленный поколениями опыт в куда большем масштабе, мальяри превратились в самых настоящих торговых агентов, способных заниматься продажами где угодно: от районных рынков до торговых центров, от парковок до станций техобслуживания. Наиболее талантливые могли перейти на следующий уровень и напрямую продавать крупные партии товаров розничным торговцам. Некоторые предприниматели, если верить результатам расследований, организовали сбыт подделок, используя агентов — мальяри — как логистиков. Боссы оплачивали им расходы на дорогу и проживание, обеспечивали машинами и фургонами, гарантировали юридическую помощь в случае ареста или изъятия товара и, конечно, долю в прибыли с продаж. Они обеспечивали каждому клану годовой оборот почти в триста миллионов евро.

Крупные итальянские дома моды, недовольные тем, что картели секондильянцев контролируют огромный рынок подделок, открыто возмутились только после разоблачения комиссией по расследованию деятельности мафии целой подпольной системы. До этого они и не думали начинать кампанию против кланов, не пытались предать огласке их деятельность, не делали в прессе заявлений, объяснявших, как возник этот механизм двойного производства. Модные бренды никогда раньше не выступали против мафии — по самым разным причинам. Во-первых, разоблачить контрафактный рынок означало навсегда лишиться дешевой рабочей силы, которой они пользовались в Кампании и Апулии. Кланов закрыли бы доступ к текстильным фабрикам в районе Неаполя и осложнили бы отношения с фабриками Восточной Европы и Азии. Во-вторых, разоблачение скомпрометировало бы тысячи людей, занимавшихся продажами в магазинах, поскольку большинство торговых точек непосредственно контролировались кланами. Торговые агенты чаще всего были напрямую связаны с семьями Секондильяно, транспорт также предоставляла каморра. В-третьих, разоблачение спровоцировало бы резкое повышение закупочных цен. Впрочем, кланы не делали ничего, что могло бы развалить дома моды. Они просто-напросто бесплатно пользовались символикой, раскрученной с помощью рекламы. Их изделия не отличались от оригинальных, качество и модели были не хуже. Они старались избегать конкуренции с брендами, распространяя товары, официальные рыночные цены которых делали их недоступными для широкой публики. Таким образом кланы добавляли брендам

популярности.

Если люди перестают носить одежду данной марки, если ее можно увидеть только на живых манекенах, вышагивающих по подиуму, то престиж падает и бренд медленно угасает. Впрочем, на неаполитанских фабриках шили платья и брюки таких размеров, которые дома моды не выпускают, боясь навредить своему имиджу. Клань же вопросами имиджа себя не утруждала, когда речь шла о возможной прибыли. Благодаря доходам от продажи контрафактной продукции и наркотиков, клань Секондильяно обладала достаточными средствами для покупки магазинов и торговых центров, где оригинальные и поддельные товары все чаще смешивались, не оставляя ни малейшей возможности различить их. Система, несмотря на резкое повышение цен, в некотором роде поддержала легальную моду, даже выиграв при этом на кризисе рынка. Она продолжала распространять *Made in Italy* по всему миру, зарабатывая на этом баснословные деньги.

Таким образом, разветвленная международная система торговых точек стала для Секондильяно бизнесом, стоящим на первом месте, а никак не на втором — после наркоторговли. Впрочем, по каналам сбыта одежды зачастую проходили и наркотики. Предпринимательская деятельность Системы не ограничивалась одними нарядами: мафиози вкладывали деньги и в новые технологии. Как показало расследование 2004 года, клань каморры вывозили из Китая высокотехнологичную продукцию и снабжали экз Европу через свою торговую сеть. У Европы были контейнеры, бренды, известность, реклама; у Китая — содержимое для контейнеров, то есть сам товар, дешевое производство, материалы по смешным ценам. Каморра объединила все это и покорила оба рынка сразу. Клань почувствовала, что их экономическая система дала сбой, и, приглядевшись к компаниям, которые сначала инвестировали в Южную Италию, а потом переместились в Китай, определили, какие промышленные районы работают на крупные китайские предприятия. Так им пришла в голову мысль заказывать целыми партиями высокотехнологичные изделия, чтобы перепродавать их потом в Европе под другой маркой, делающий этот товар гораздо желаннее. Но они не полагались на случай: так же как при продаже партии кокаина, они сначала проверили качество товара, предлагаемого китайскими фабриками, с которыми намечалось сотрудничество. И только после изучения спроса на продукцию приводился в движение механизм международного трафика — самого впечатляющего из всех известных в истории преступлений.

Цифровые фотоаппараты и видеокамеры, строительные инструменты: дрели, электропилы, пневматические молотки, шлифовальные и полировальные станки — подделки под Bosch, Hammer, Hilti. Босс Секондильяно, Паоло Ди Лауро, решил вкладывать деньги в продажу фотоаппаратов, оказавшись в Китае за десять лет до того, как Итальянская конфедерация промышленных предприятий наладила торговые отношения с Востоком. В Восточной Европе клан Ди Лауро продал тысячи моделей Canon и Hitachi. Товары, бывшие ранее по средствам лишь среднему классу, усилиями неаполитанской каморры стали доступны и другим слоям населения. Клань волновало только одно — торговая марка, способная повысить спрос, поэтому качество самой продукции оставалось невысоким.

Китайские инвестиции кланов Ди Лауро и Контини, ставшие объектом пристального внимания следователей в 2004 году, говорят о предпринимательской дальновидности мафиози. С большими предприятиями было покончено, и криминальные конгломераты распались. В 80-х «Новая организованная каморра» Рафаэле Кутоло представляла собой огромную организацию, централизованную группировку. Следом появился «Новый клан»

Кармине Альфиери и Антонио Барделлино, построенный по федеративному принципу — состоящий из экономически независимых семей, связанных между собой совместными интересами в области производства. Но и он слишком разросся.

Теперь же гибкость экономики обусловила то, что на экономической и социальной арене утвердились объединившиеся в группы главные менеджеры с сотнями консультантов, у каждого из которых были свои задачи. Горизонтальная структура, более гибкая, чем у коза ностра, и гораздо более проницаемая для будущих альянсов с ндрангетой,^[8] способная подолгу питаться за счет новых кланов и новых стратегий, бесстрашно осваивала самые передовые рынки. Десятки полицейских операций, проведенных в последние годы, показали, что и сицилийская мафия, и ндрангета нуждаются в посредничестве неаполитанцев для закупки больших партий наркотиков. Картели Неаполя и Кампании поставляли кокаин и героин по доступным ценам, и зачастую это оказывалось удобнее и дешевле, чем поставки напрямую из Южной Америки и Албании.

Несмотря на перестройку клановой системы, по числу участников каморра — самая многочисленная мафиозная организация в Европе. На каждого сицилийца приходится пять жителей Кампании, на каждого члена ндрангеты — целых восемь. Каморра в три-четыре раза больше и всех других организаций. Однако в тени пристального внимания, вечно обращенного на коза ностра и ее террористические акты, каморра смогла почти полностью исчезнуть из поля зрения прессы. Проведя реорганизацию преступных группировок, сравнимую с нововведениями Форда,^[9] кланы Неаполя прекратили их финансировать. Лишившись денег мафии, мелкие бандиты стали закономерным образом сильнее беспокоить горожан. Кланов же могут теперь спокойно обходиться без силового контроля над производствами или, по крайней мере, почти в нем не нуждаются. Наиболее важные сделки каморра проводит за пределами Неаполя.

Как выяснила Комиссия по расследованию деятельности мафии, гибкая федеративная структура групп каморры полностью изменила характер связей между семьями: кланы, забыв о прочных союзах и дипломатических соглашениях, сосредоточились исключительно на бизнесе. Компании ни на минуту не останавливают оборот своих капиталов, создают и распускают фирмы, заставляют деньги работать и с легкостью инвестируют их в недвижимость, не будучи обременены проблемой территориального выбора или политического посредничества. У кланов больше нет необходимости образовывать крупные конгломераты. Сегодня кто угодно может сколотить банду и начать грабить, крушить витрины, красть, не опасаясь при этом таких последствий, как раньше, когда тебя либо убивали, либо ты вливался в клан. Банды, свирепствующие в Неаполе, состоят не только из тех субъектов, которые совершают преступления ради собственной наживы, чтобы купить роскошный автомобиль и зажить припеваючи. Зачастую они отдают себе отчет в том, что, объединяясь, совершая все больше противозаконных действий и становясь агрессивнее, они могут начать работать на клан и увеличить свой экономический потенциал. В каморре сосуществуют две противоположности: «авангард», выводящий бизнес на путь максимального развития, на новый уровень торговли, и мелкие группировки, которые присосались к ней как пиявки и пьют ее кровь, замедляя ход финансовых потоков. Эти силы, дополняющие друг друга и одновременно противодействующие, разрывают город на части. Самый удобный, пусть и самый непростой способ стать преуспевающим предпринимателем в Неаполе — проявлять жестокость; струящийся отовсюду, изо всех пор, воздух города, находящегося в состоянии войны, несет с собой прогорклый запах пота, как

если бы улицы были спортзалами под открытым небом, где упражняются в кражах, грабежах, мародерстве, занимаются подковерными играми и всякого рода экономической эквилибристикой.

Система разрослась, захватив и окраины, как тесто, поднявшееся и перевалившееся за стенки кадки. Городские и региональные власти были уверены, что не допустят вовлечения периферии в бизнес кланов. Но они ошиблись. Они оказались недостаточно внимательными, недооценили возросшее влияние кланов, сочли, что дело в бедственном положении окраин, и в результате Кампания заняла первое место по количеству коммун, нуждающихся в чистке. С 1991 года по сегодняшний день в Кампании были распущены коммунальные советы Поццуоли, Куарто, Марано, Мелито, Портитчи, Оттавиано, Сан-Джузеппе-Везувиано, Сан-Дженнаро-Везувиано, Терциньо, Каландрино, Сант-Антимо, Туфино, Криспано, Казамарчано, Нолы, Ливери, Боскореле, Поджомарино, Помпей, Геркуланума, Пимонте, Казолы-ди-Наполи, Сант-Антонио-Абате, Санта-Марии-ла-Карита, Торре-Аннунциаты, Торре-дель-Греко, Воллы, Брушано, Ачерры, Казории, Помильяно-д'Арко, Фраттамаджоре. В других районах Италии распущенных муниципалитетов тоже немало: сорок четыре на Сицилии, тридцать четыре в Калабрии, семь в Апулии. Всего девять из девяноста двух коммун провинции Неаполь не знают, что такое назначение комиссара при префекте, расследования, мониторинг. Принадлежащие кланам компании установили план застройки городской территории, просочились в местные управления здравоохранения, выкупили земельные участки еще до того, как их успели объявить пригодными для застройки, и, выступив субподрядчиками, понастроили там торговые центры, установили новые религиозные праздники, навязали всем услуги своих многофункциональных фирм, занимающихся всем чем угодно: от общественного питания до уборки, от транспортных перевозок до вывоза мусора.

Никогда криминальный бизнес не играл столь важной роли в экономической жизни региона, как в последние десять лет в Кампании. В отличие от сицилийских преступных группировок, кланам каморры не нужны политики. Это политики жить не могут без Системы. В Кампании теперь действует новая стратегия, при которой политические структуры становятся более открытыми и доступными для СМИ, формально противостоят мафии и никак с ней не связаны. Однако в провинции — в местах, где кланам необходима силовая поддержка, прикрытие, более «прозрачные» экономические маневры, — союзы политиков с семьями каморры гораздо теснее. К власти кланы приходят через свои бизнес-империи. Этого достаточно, чтобы управлять всем остальным.

Инициаторами вовлечения периферии Секондильяно и Скампии в теневую экономику выступила семья Личчарди, чей мозговой центр находился на ферме Кардоне, в настоящей неприступной крепости. Дженнаро Личчарди, по прозвищу Обезьяна, был первым из главарей мафии, обозначивших путь преобразования Секондильяно. Внешне он действительно походил на гориллу или орангутана. В Секондильяно конца восьмидесятых Личчарди был наместником Луиджи Джулиано — босса Форчеллы, района в самом центре Неаполя. Периферия всегда считалась пропащим местом, где нет магазинов и торговых центров, где и не слышали ни о каком благосостоянии, где подобные пиявкам банды рэкетиоров не могут выжить за счет процентов, выбиваемых ими из торговцев. Но Личчарди понял, что периферия может решить проблему сбыта товаров, а сама она способна стать порто-франко^[10] и источником крайне дешевой рабочей силы. По его замыслу уже в

ближайшем будущем здесь должны были возвести каркасы новых зданий, расширив город. Дженнаро Личчарди не удалось полностью осуществить свой план. Он умер в тридцать восемь лет в тюрьме от обыкновенной пупочной грыжи — не самая достойная смерть для мафиозо. Что еще более нелепо, в молодости он сидел в камере предварительного заключения суда Неаполя — оказался замешан в потасовке между членами «Новой организованной каморры» Кутоло и «Новым кланом», двумя крупными представителями каморры, и получил ни больше ни меньше шестнадцать ударов ножом. Тогда он выжил.

Семья Личчарди преобразовала обычный рынок рабочей силы в машину для наркоторговли, в международную преступную организацию. Тысячи людей были приняты в Систему, использованы и выброшены ею. Текстиль и наркотики. Инвестиции в коммерцию — прежде всего. После смерти Обезьяны Дженнаро, его братья Пьетро и Винченцо формально взяли в свои руки власть, но власть экономическая принадлежала Марии по прозвищу Малышка.

После падения Берлинской стены Пьетро Личчарди перевел большую часть своих капиталовложений — как легальных, так и нелегальных — в Прагу и Брно. Чешская Республика оказалась полностью подчинена кланам Секондильяно, которые, используя опыт производства на периферии, направили инвестиции на завоевание немецкого рынка. Пьетро Личчарди выполнял функции менеджера, и соратники-предприниматели называли его римским императором за деспотичность, твердость и полную уверенность в том, что мир является продолжением Секондильяно. Он открыл магазин одежды в Китае, начал для прикрытия дело на Тайване, дававшее ему доступ и на внутренний китайский рынок и позволившее нанимать не одних только чернорабочих. Пьетро Личчарди арестовали в Праге в июне 1999 года. Он отличался особой жестокостью; ему предъявили обвинение в том, что он отдал приказ заложить бомбу в автомобиль, припаркованный на Виа Кристаллини в районе Санита. Это случилось в 1998 году, во время столкновения кланов из исторического центра города с кланами окраин. Бомба должна была послужить наказанием не только для членов вражеского клана, но и для всех остальных жителей квартала. Когда машина взлетела на воздух, осколки стекла и железа просвистели как пули и ранили тринадцать человек. Но улики для вынесения приговора было недостаточно, и его оправдали. В Италии клан Личчарди разместил большую часть своих предприятий, занимающихся текстилем и торговлей, в Кастельнуово-дель-Гарда в Венето. Неподалеку, в Портогруаро, был арестован Винченцо Перниче, зять Пьетро Личчарди, и с ним несколько близких клану людей, среди которых оказался и Ренато Пелузо, проживающий в самом Кастельнуово-дель-Гарда. Связанные с кланом торговцы и предприниматели Венето прикрыли ударившегося в бег Пьетро Личчарди, но уже не в качестве помощи со стороны, а как полноправные участники преступной группировки. Кроме четкой коммерческой системы, у Личчарди в распоряжении была и силовая структура. После ареста Пьетро и Марии главой клана стал Винченцо, который скрывался от правосудия и одновременно координировал как экономическую, так и военную деятельность.

Клан всегда отличался особой мстительностью. Так, были жестоко наказаны виновники смерти Винченцо Эспозито, племянника Дженнаро Личчарди, убитого в 1991 году, когда ему шел двадцать первый год. Это случилось в районе Монтероза, принадлежащем семье Престьеры, которая входит в альянс. Эспозито звали молодым принцем за родство с главарями Секондильяно. Он сел на мотоцикл и поехал выяснять отношения с обидчиками своих друзей. Ехал он в шлеме, и его убили, приняв за киллера. Личчарди обвинили в

организации покушения Ди Лауро, с которыми Престьеры были тесно связаны; по признанию сдавшегося полиции Луиджи Джулиано, приказ избавиться от молодого принца шел от самого Ди Лауро — юноша стал проявлять излишнюю самостоятельность в некоторых делах. Причина не имела значения: могущество Личчарди было столь велико, что им стоило лишь велеть нужным кланам расправиться со всеми, кто мог быть причастен к смерти Эспозито. Месть была страшна: буквально за пару дней расстались с жизнью четырнадцать человек, прямо или косвенно связанных с убийством юного наследника.

Системе удалось реорганизовать даже классический рэкет и ростовщичество. Дельцам были нужны наличные средства, банки становились все суровее и вмешивались в отношения между поставщиками и торговцами. Последние при покупке товара могут платить за него наличными или векселями. Если они расплачиваются наличными, то цена выходит ниже — половина или две трети от той суммы, которую они бы выплатили векселями. Естественно, при таком раскладе торговец предпочитает платить наличными, и это полностью совпадает с интересами фирмы-продавца. «Живые» деньги ему ссужает клан со средней ставкой в 10%. Тогда сразу сами собой устанавливаются фактически корпоративные отношения между закупщиком товара, продавцом и остающимся в тени источником средств, то есть кланом. Прибыль делится пятьдесят на пятьдесят, но бывает, что по причине задолженности процентная ставка клана растет, все больше денег уходит в его карман, в итоге торговцу остается только исполнять роль подставного лица за месячное жалованье. Клан — это не банки, которые за долги отбирают все до последнего; они конфискуют имущество, но людей оставляют, предпочитая работать с опытными специалистами, лишившимися собственности. Если верить показаниям одного мафиозо, полученным во время расследования 2004 года, то половина магазинов одного только Неаполя подчиняются каморре.

Ежемесячный рэкет, как в фильме Нанни Лоя «Меня послал Пиконе», от двери к двери на Рождество, Пасху и Феррагосто^[11] — это занятие для нищих кланов, которые пытаются удержаться на плаву, но начать собственный бизнес не могут. Все изменилось. Семья Нуволетта из Марано — района на северной окраине Неаполя — задействовала новый механизм, основанный на взаимной выгоде и налогах на поставки, более эффективный и организованный лучше, чем рэкет. Джузеппе Гала по кличке Шоумен стал одним из самых востребованных агентов по продаже продуктов питания. Он был агентом Bauli и Von Holten, а при помощи Vip Alimentari занял должность представителя Parmalat в Марано. В одном телефонном разговоре, перехваченном осенью 2003 года Окружным управлением Неаполя по борьбе с мафией, Гала хвастается своими профессиональными успехами: «Я их всех раздавил, теперь рынок наш».

Фирмы, с которыми он имел дело, могли быть уверены в том, что их продукция будет представлена на всей подконтрольной ему территории и что их ожидают многочисленные заказы. С другой стороны, торговцы и владельцы супермаркетов радовались тому, что с Пеппе Гала можно было договориться о больших скидках на товар, поскольку в его власти было воздействовать на производителей и поставщиков. Шоумен был членом Системы и поэтому, контролируя все, вплоть до транспорта, мог гарантировать выгодные цены и своевременные поставки.

Облагая данью интересующую его продукцию, клан ведет себя исключительно вежливо, избегая угроз и запугивания. Фирмы, которые представлял Гала, объявляли себя жертвами

рэкета и диктатуры кланов. Но если ознакомиться с данными Всеобщей итальянской торговой конфедерации, то видно, что годовой объем продаж фирм, обратившихся к Гала за помощью между 1998 и 2003 годами, вырос на 40–80%. Благодаря новой экономической стратегии Гала удавалось решать проблему наличных денег и для кланов. Он даже поднял цену на рождественские панеттонс^[12] во время праздников, чтобы выплатить «тринадцатую зарплату» семьям арестованных членов Нуволетты. Тем не менее кончил Шоумен плохо. Из признаний некоторых каморристов стало известно, что он захотел обладать эксклюзивными правами и на рынке наркотиков. Клан Нуволетта подробности не интересовали. В январе 2003 года Пеппе Гала нашли в собственной машине сгоревшим заживо.

Нуволетта из Марано — единственная семья не с Сицилии, которая входит в коза ностра, причем не просто как союзник или еще одно звено, а как часть одного с Корлеонеzi целого. Это одна из самых влиятельных групп в составе мафии. Ее влияние столь велико, что, по словам Джованни Бруски, когда в конце девяностых сицилийцы собрались взорвать пол-Италии, они попросили у маранцев совета и помощи. Идею с бомбами Нуволетта посчитали безумной — частью, скорее, политических маневров, нежели по-настоящему эффективных силовых действий. Они отказались участвовать в покушениях и оказывать поддержку убийцам. Категорический отказ, и никаких ответных мер не последовало. Тот Риина попросил Анджело Нуволетту, главу клана, вмешаться и подкупить судей, ведущих его дело, — первый крупный процесс, в котором он был замешан, — но даже в этой ситуации маранцы не согласились воспользоваться силовой поддержкой Корлеонеzi. В годы междоусобной войны внутри «Новой семьи», после победы над Кутоло, Нуволетта послали за убийцей судьи Фальконе^[13] — за Джованни Бруской, боссом района Сан-Джузеппе Ято, — чтобы поручить ему избавиться от пяти человек в Кампании, двоих из которых надо было утопить в кислоте. Его вызвали, как вызывают сантехника. Он сам рассказал судьям, как расправился с Луиджи и Витторио Вастареллой:

«Для начала мы велели купить сто литров соляной кислоты. Еще нам понадобились двухсотлитровые металлические контейнеры, в которых обычно хранят масло, с обрезанной верхней частью. По опыту мы знали, что в каждый контейнер надо налить по пятьдесят литров кислоты. Поскольку жертв должно было быть двое, мы запаслись двумя контейнерами».

Нуволетта вместе с небольшими кланами Неттуно и Польшерино разработали новый механизм инвестирования в наркобизнес, создав самое настоящее общенациональное акционерное общество по сбыту кокаина. В ходе расследования, проведенного в 2004 году Окружным управлением Неаполя по борьбе с мафией, было установлено, что клан через посредников позволил покупать партии кокаина всем желающим. Пенсионеры, служащие, мелкие предприниматели передавали деньги специальным агентам, которые потом пускали их на покупку наркотиков. Вложить пенсию, равную шестистам евро, в кокаин означало получить через месяц вдвое больше. Никаких гарантий, кроме слова посредника, не было, но эти инвестиции гарантированно приносили доход. Риск потерять деньги был не сравним с получаемой прибылью, особенно если подумать о тех небольших процентах, которые ожидали бы инвесторов, положи они деньги в банк. Единственным недостатком была организация технической стороны: кокаин, расфасованный в «кирпичи», зачастую хранился у самих мелких инвесторов, но зато это позволяло держать товар в разных местах и сокращало до минимума риск быть обнаруженными. Таким образом каморре удалось

увеличить капиталоборот, подключив к делу далеких от преступных махинаций людей. Кланов больше не хотели доверять свои деньги банкам. Изменилась и система розничной торговли. Кланов Нуволетта — Польверино превратили в точки сбыта кокаина даже парикмахерские и солярии. Доходы от продажи наркотиков вкладывались через подставных лиц в покупку квартир, гостиниц, в компании по обслуживанию, частные школы и даже в художественные галереи.

Человеком, отвечавшим за основную часть состояния семьи Нуволетта, согласно вынесенному судом приговору, был Пьетро Ночера. Менеджер, работавший на самых влиятельных членов мафии, разъезжал на «феррари» и летал на личном самолете. В 2005 году суд Неаполя наложил секвестр на недвижимость и несколько фирм общей стоимостью около тридцати миллионов евро — это составляло примерно 5% от активов его экономической империи. Один из борцов за справедливость по имени Сальваторе Сперанца выяснил, что Ночера руководил всеми средствами клана и отвечал за «инвестирование капиталов клана Нуволетта в земельные участки и в строительство». Нуволетта вкладывали деньги в Эмилии-Романье, Венето, Марке и Лацио через производственно-рабочий кооператив «Эней», во главе которого стоял тот же Ночера, продолжавший руководить кооперативом, даже будучи в бегах. Речь шла об огромных суммах, что было связано еще и с получением «Энеем» заказов на миллионы евро в Болонье, Реджо-Эмилии, Модене, Венеции, Асколи-Пичено и Фрозиноне. В течение многих лет Нуволетта вели дела и в Испании. В городе Тенерифе обосновался Армандо Орландо, входящий, по сведениям сыщиков, в руководство клана, к которому Ночера ездил отчитываться по расходам на строительство огромного комплекса Marina Palace. Он доложил, что траты слишком велики из-за чрезмерно дорогих стройматериалов. Я Marina Palace видел только на фотографиях в Интернете, но даже по ним все и так ясно: сплошь бассейны и бетон, гигантский туристический центр, построенный кланом Нуволетта ради участия в туристическом бизнесе и его развития на территории Испании.

Паоло Ди Лауро прошел через маранскую школу, его криминальная карьера началась с должности заместителя. Постепенно он отдалился от семьи Нуволетта, став в 90-х годах правой рукой Микеле д'Алессандро, хозяина Кастелламаре, которому помогал скрываться от правосудия. Ди Лауро планировал скоординировать деятельность точек сбыта таким же образом, как и сети магазинов и фабрик по пошиву курток. Он понял, что после смерти Дженнаро Личчарди, умершего в тюрьме, северная часть Неаполя может превратиться в самый большой из существующих в Италии, да и во всей Европе, центр наркоторговли под открытым небом. И заправлять всем будут его люди. Паоло Ди Лауро всегда негласно предпочитал работу с финансами, нежели военные действия, не нападал открыто на чужую территорию, не доводил до расследований и обысков.

Одним из первых организационные секреты этой Системы раскрыл сдавшийся полиции Гаэтано Конте. Причина его раскаяния была крайне любопытной. Он служил в Риме карабинером, телохранителем Франческо Коссига.^[14] Охрана президента Республики — лучшая рекомендация для соратников Ди Лауро. Конте руководил от имени клана рэкетом и наркоторговлей, а потом решил перейти на сторону правосудия, рассказав обо всем в мельчайших подробностях — сказались карабинерское прошлое.

Паоло Ди Лауро был известен под забавным прозвищем Чируццо-Миллионщик, но у любого прозвища есть своя определенная логика, оно — концентрированное представление о человеке. Членов Системы все знали исключительно по кличкам, я никогда не слышал,

чтобы к ним обращались иначе — имена и фамилии исчезали, стирались из памяти. Прозвище не выбирают, оно появляется неожиданно, само по себе, из-за чего угодно, а потом становится общеупотребительным. Так, по чистой случайности, образуются клички каморристов. Чируццо-Миллионщиком Паоло Ди Лауро окрестил Луиджи Джулиано, когда увидел его однажды за карточным столом: вытаскивая деньги из кармана, тот ронял на пол купюры по сто лир и не обращал на это ни малейшего внимания. Джулиано громко прокомментировал: «Ого, да у нас Чируццо-Миллионщик!» Всего секунда, случайно вырвавшиеся у нетрезвого мафиозо слова — и сразу в точку.

Список прозвищ бесконечен. Кармине Альфьери, босс «Новой семьи», получил свою кличку Бешеный за не покидающее его лицо выражение недовольства и злости. Случается и так, что прозвища прародителей переходят к потомкам, как в случае с Марио Фабброчино по кличке Угольщик: его предки продавали уголь, и это имя отлично подходило тому, кто колонизировал Аргентину, наводнив ее капиталами каморры из окрестностей Везувия. Некоторые прозвища отражали особые пристрастия членов каморры: Никола Луонго был известен как Wrangler из-за любви к внедорожникам этой фирмы, которые вскоре стали самыми распространенными в Системе автомобилями. Поводом для прозвищ могли быть и внешние особенности: тощий и высокий Джованни Бирра стал Жердью, Костантино Якомино, у которого очень рано появились седые волосы, — Седым, Чиро Маццареллу звали Лопаткой за торчащие лопатки, Никола Пьянезе получил кличку Треска из-за своей белоснежной кожи, Розарио Приваго — Мизинчик, Дарио Де Симоне — Карлик, или Гном. Некоторые клички и вовсе необъяснимы: Антонио Ди Фрайя Урпакьелло — так называют на диалекте хлыстик из высушенного полового органа осла. Кармине Ди Джироламо прозвали Мусором за умение использовать в своих делах полицейских и карабинеров. Чиро Монтеризо, или Маг — неизвестно, по какой причине. Паскуале Галло из Торре Аннунциата стал Красавчиком за изящные черты лица; клан Ло Руссо — Угрями, Маллардо — Карлантони, Бельфорте — Живодерами, Пикколо — Квакварони по именам, принадлежащим издревле этим родам. Винченцо Маццарелла известен как Псих. Павезино Антонио Ди Бязи получил свое прозвище за то, что, отправляясь на задания, всегда брал с собой погрызть бисквиты «Павезини». Кличка Собачник Мими закрепилась за Доменико Руссо, потому что в детстве он торговал щенками на виа Толедо. Антонио Карло д'Онофрио, или Карлетто — Истребитель Кошек: согласно легенде, он учился стрелять, используя в качестве мишеней бродячих котов. Дженнаро Ди Кьяра приходил в бешенство каждый раз, когда кто-то касался его лица, — его прозвали Открытой Проводкой. Есть клички звукоподражательные, которые не поддаются объяснению: Агостино Тарди — Пик-пок, Доменико Ди Ронца — Шип-шип, Раффаэле Джулиано — Цуи, Антонио Бифоне — Зузу, кланы Де Симоне и Аверсано были прозваны Куалья-куалья и Зигзаг.

Антонио Ди Вичино достаточно было заказывать всегда один и тот же напиток, чтобы его окрестили Лимонадом, Винченцо Бенитоцци из-за круглого лица стал Карапузом, Дженнаро Лауро получил прозвище Семнадцать, видимо, по номеру дома, где он жил. Кличка Джованни Апреа — Лезвие — связана с ролью его дедушки в фильме Паскуале Скуитьеры Молодчики 1974 года, где он играл старого мафиозо, учившего мальчишек орудовать ножом.

Существует отдельная категория прозвищ, которые пользуются особой популярностью у средств массовой информации, например, прозвище Франческо Скьявоне — Сандокан — за сходство с Кабиром Беди, актером, сыгравшим роль свирепого героя книги Сальгари.

Паскуале Таволетта, или Зорро, в свою очередь был похож на героя телесериала. Луиджи Джулиано называли Королем, или Лавиджино — в память о его любовницах-американках, которые в момент страсти шептали «I love Luigino». Поэтому и Лавиджино. Кличка его брата Кармине — Лев, а Франческо Верде — Негус, как титул эфиопского императора, потому что он считался чуть ли не божеством и очень долго находился у власти. Прозвище Марио Скьявоне, Менелик, напоминает об известном эфиопском императоре, противостоявшем итальянцам. Винченцо Каробене, или Каддафи, как две капли воды похож на сына ливийского полковника. Франческо Бидоньетти известен как Чиччотто-Полуночник, поскольку всякого, кто вмешивается в его дела, он отправляет в страну вечной полуночи, а Чиччотто — уменьшительное имя от Франческо. Кто-то, впрочем, утверждает, что причина кроется в прошлом: Франческо начал свое восхождение по карьерной лестнице с охраны проституток. Теперь весь его клан называют Кланом Полуночников.

Почти у всех боссов есть прозвища — это отличительная черта, идентификатор. Прозвище для каморриста — все равно что стигматы для святого. Признак принадлежности к Системе. Может существовать сколько угодно людей по имени Франческо Скьявоне, но Сандокан один, любой может быть Кармино Альфьери, но лишь один откликнется на Бешеного, лишь один отзовется на Негуса, в переписи населения может значиться сколько угодно Паоло Ди Лауро, но только один из них — Чируццо-Миллионщик.

Главным принципом организации клана Чируццо было стремление делать свое дело тихо и незаметно, к силовым решениям проблем босс прибегал нечасто, хотя имел такую возможность. Долгое время никто и не знал о его существовании, даже полиция. До того как он залег на дно, у него было всего одно столкновение с властями, когда его сын Нунцио напал на профессора, сделавшего тому замечание. Для Паоло Ди Лауро не составляло труда связаться напрямую с южноамериканскими картелями или наладить распределительные сети с помощью союзных албанских синдикатов. За последние годы сформировались четкие маршруты распространения наркотиков. Кокаин из Южной Америки переправляют в Испанию и либо продают его там, либо везут дальше по материку, в Албанию. Героин начинает свой путь в Афганистане, а оттуда попадает в Болгарию, Косово и Албанию; гашиш и марихуану везут из стран Магриба, а в Средиземноморье их распространяют турки и албанцы. Благодаря своим связям Ди Лауро сумел найти прямые выходы во все секторы наркоторговли после того, как до мелочей продуманная тактика позволила ему стать преуспевающим наркоторговцем и полноправным предпринимателем в области кожевенного производства. В 1989 году он основал знаменитую фирму *Confezioni Valent di Paolo Di Lauro & C.*, которая по уставу должна была прекратить свою деятельность в 2002 году, но в ноябре 2001 года была секвестрирована судом Неаполя. В результате торгов компания получила подряды на строительство магазинов мелкооптовой торговли по всей Италии. Потенциальных направлений деятельности было много: от производства мебели до текстильной промышленности, от упаковки до торговли мясoproдуктами и минеральной водой. Valent работала как комбинат питания для многих государственных и частных учреждений, занималась убоем скота. Кроме того, Паоло Ди Лауро планировал освоить еще одно направление и заняться гостиничным бизнесом, открыть сети ресторанов и предприятий общественного питания, то есть всего, что «обеспечит досуг». В то же время было заявлено, что «компания собирается скупать земельные участки и строить на них промышленные здания, торговые центры и дома, пригодные для жилья». Торговая лицензия

была выдана управой Неаполя в 1993 году, главой фирмы являлся сын Ди Лауро, Козимо. В 1996 году из-за внутриклановых противоречий Паоло Ди Лауро ушел в тень, передав бразды правления своей жене Луизе. Династия Ди Лауро вся построена на самопожертвовании. Луиза Ди Лауро вырастила десятерых детей, увеличивая потомство, как истинная итальянская матрона, в прямой зависимости от деловых успехов. Все дети были членами клана: Козимо, Винченцо, Чиро, Марко, Нунцио, Сальваторе и даже младшие, еще не достигшие совершеннолетия. Паоло Ди Лауро всегда нравилось инвестировать во Францию, у него были магазины в Ницце, в Париже на улице Шарантон, 129 и в Лионе на набережной Перраш, 22. Он мечтал, что источником итальянской моды во Франции будут его магазины и его грузовики, что на Елисейских Полях будет пахнуть могуществом Скампии.

Но в Секондильяно предприятие Ди Лауро понемногу давало трещину. Оно создавалось в спешке, и каждая часть получилась автономной. Воздух на торговых площадях мало-помалу сгушался. В Скампии же надеялись, что все разрешится как в прошлый раз, когда один стакан оказался решением всех проблем. Стакан с особым содержимым, которое было выпито, когда Доменико, один из сыновей Ди Лауро, лежал в больнице после жуткой аварии. Доменико был трудным ребенком. Очень часто дети главарей теряют голову от ощущения всемогущества и считают, что имеют право распоряжаться целыми городами и живущими в них людьми. Как установило полицейское расследование в ноябре 2003 года, Доменико в сопровождении своей свиты и нескольких друзей устроил ночью погром в городке Казория: они били стекла, крушили гаражи и машины, поджигали мусорные контейнеры, расписывали аэрозолем двери подъездов и расплавляли зажигалками пластиковые кнопки домофонов. Его отец умел возвращать такие долги, не поднимая шума, с особой дипломатичностью, присущей всем семьям, вынужденным разбираться с последствиями выходов своих отпрысков, не подрывая при этом собственного авторитета. Однажды Доменико ехал на мотоцикле и не справился с управлением на повороте. Пролежав несколько дней в коме, он умер на больничной койке от полученных травм. Случившееся повлекло за собой встречу в верхах, наказание и одновременно амнистию. В Скампии эту историю, уже ставшую легендой, знает каждый; может, она и вымысел, но зато наглядно демонстрирует, как разрешаются конфликты внутри каморры.

Говорят, что Дженнаро Марино, по прозвищу МакКей, преемник Ди Лауро, поехал в больницу к умирающему, чтобы поддержать таким образом босса. Босс поддержку оценил. Отвел потом МакКея в сторону и предложил выпить. Помочился в стакан и протянул ему. До Паоло Ди Лауро дошли слухи о некоторых поступках его подчиненного, которые он никак не мог одобрить. МакКей самостоятельно решил несколько финансовых вопросов, даже не посоветовавшись, в результате чего часть денег незаметно ушла на сторону. Ди Лауро видел стремление своего помощника стать независимым, но был готов его простить, понимая, что, будучи слишком хорошим специалистом в своей области, тот потерял голову. Говорят, что МакКей выпил все до дна. Глоток мочи остановил бурю, готовую было начаться среди руководства клана Ди Лауро. В следующий раз никакая моча уже не смогла бы спасти шаткий мир.

ВОЙНА В СЕКОНДИЛЬЯНО

МакКей и Анджолетто приняли решение узаконить создание собственной группировки и получили согласие старейшин кланов. Они не собирались противопоставлять себя Системе, их целью была конкуренция. Честная конкуренция на просторах рынка. Сосуществование, не посягающее на автономию. Согласно показаниям Пьетро Эспозито, они передали сообщение для Козимо Ди Лауро, возглавляющего картель. Будущим главарям надо было встретиться с Паоло Ди Лауро — его отцом, главным боссом, верхушкой союза, первым лицом. Поговорить с глазу на глаз, высказать свое несогласие с предложениями по реконструкции клана, выдвинутыми его сыновьями, посмотреть ему в глаза, остановить перетекающие из одной глотки в другую слова, складывающиеся в замешанные на слюне чужих языков сообщения, что было связано и с невозможностью использовать сотовые телефоны, способные выдать местонахождение тех, кто скрывается. Дженни МакКей хотел встретиться с Паоло Ди Лауро — боссом, сделавшим возможным развитие его предпринимательской деятельности.

Формально Козимо соглашается встретиться, теперь остается собрать верхушку клана, всех главарей, управляющих, наместников. Отказаться нельзя. У Козимо уже есть план, или, по крайней мере, так кажется. Создается впечатление, что он и правда знает, как вести дела, на что ориентироваться и как обеспечивать безопасность. Согласно сведениям, полученным в ходе расследования и от информаторов, Козимо не посылает на встречу кого-то из подчиненных. Не посылает он и Джованни Кортеше — «гонца», официального представителя семьи Ди Лауро, когда дело касается их отношений с остальным миром. Козимо поручает своим братьям, Марко и Чиро, изучить место встречи. Они приезжают, осматриваются, разведывают обстановку, не объясняя никому причину такого интереса. Проезжают мимо, скорее всего, на машине, одни, без сопровождения. На средней скорости, не слишком быстро. Отмечают подготовленные пути отступления, поставленных часовых. Стараются не привлекать ничьего внимания. О своих наблюдениях они рассказывают лично Козимо. Козимо все ясно. Их ожидает засада. Цель ее — убить Паоло и тех, кто будет его сопровождать. Запрашиваемая встреча была ловушкой, подстроенной, чтобы избавиться от босса и начать новый этап в управлении картелем. Чтобы развалить империю, недостаточно ослабить хватку сжимающей ее руки, надо эту руку отрубить. Так говорят люди, так говорят факты и осведомители.

Козимо, которому отец доверил руководство наркоторговлей и, соответственно, огромную ответственность, должен принять решение. Быть войне, но он ее не объявляет, до поры до времени держит эти мысли при себе, выжидает и наблюдает, не желая спугнуть противника. Он знает, что еще чуть-чуть, и на него набросятся, вопьются в тело когтями, но пока надо потянуть время, выработать тактику — четкую, безошибочную, гарантирующую победу. Понять, на кого можно положиться, какими силами он располагает. Кто с ним, а кто против. Других положений на шахматной доске нет.

Ди Лауро объясняют отсутствие отца сложностями с передвижением, вызванными, в свою очередь, преследованием со стороны полиции. Паоло скрывается уже больше десяти лет. Ему, находящемуся в списке тридцати самых опасных беглецов в Италии, простительно не прийти на встречу. Для крупнейшей холдинговой компании по сбыту наркотиков, одной из самых влиятельных на национальном и международном уровнях, на протяжении

нескольких десятилетий работавшей безотказно, с минуты на минуту наступит самый опасный — смертельно опасный — кризис.

Клан Ди Лауро всегда отличался великолепно выстроенной организационной структурой. Для ее создания босс воспользовался схемой многоуровневого предприятия. Первый уровень представляет собой организаторов и спонсоров, в него входят представители верхушки клана, которые контролируют трафик и продажу наркотиков с помощью подчиняющихся непосредственно им мафиозо. Согласно сведениям, полученным прокуратурой Управления Неаполя по борьбе с мафией, его возглавляют Розарио Парьянте, Раффаэле Аббинанте, Энрико д'Аванцо и Арканджело Валентино. Второй уровень состоит из тех, кто имеет дело уже с самими наркотиками, покупает их, расфасовывает и обеспечивает связь со сбытчиками, которым гарантирует официальную защиту на случай ареста. Здесь главные шишки — это Дженнаро Марино, Лючио Де Лючия и Паскуале Гарджуло. К третьему уровню относятся главные дилеры района, то есть члены клана, которые лично занимаются продавцами, контролируют стоящих на стреме часовых и пути отступления, обеспечивают безопасность складов, где хранится товар, и мест, где его расфасовывают. На четвертом уровне, самом многочисленном, находятся сбытчики. У всех уровней есть свои подуровни, каждый из них завязан исключительно на своего куратора и не имеет выхода на структуру в целом. Такая организация бизнеса позволяет получать прибыль в 500% от стартовых инвестиций.

Созданная Ди Лауро модель предприятия всегда вызывала у меня ассоциации с математическим понятием фрактала, с тем, как его объясняют в учебниках, когда каждый банан из связки представляет собой связку бананов, те в свою очередь еще связки и так до бесконечности. Одна только наркоторговля приносит клану Ди Лауро 500 000 евро в месяц. Продавцы, заведующие складами, курьеры зачастую не входят в кланы, а просто состоят на службе. Количество вовлеченных в торговлю наркотиками людей огромно, тысячи людей работают, не зная на кого. Конечно, они строят свои догадки, но никакой конкретной информацией не владеют. Когда после ареста кто-то решает дать полиции показания, то о самой структуре он может рассказать не много, его познания ограничены рамками дозволенного, он не способен постичь всю схему целиком, колоссальный размах экономической и силовой преступной империи.

У финансово-экономической структуры есть свое боевое подразделение, состоящее из основного ядра — «тяжелой артиллерии» — и разветвленной сети пособников. В отряд киллеров входили Эмануэле д'Амбра, Уго Де Лючия по прозвищу Угарьелло, Нандо Эмоло, или Чокнутый, Антонио Феррара — Тавано, Сальваторе Тамбурино, Сальваторе Петриччоне, Умберто Ла Моника, Антонио Меннетта. К пособникам относились местные главари: Дженнаро Арута, Чиро Саджезе, Фульвио Монтанино, Антонио Галеота, Джузеппе Преццо — телохранитель Козимо — и Костантино Соррентино. Постоянных «силовиков» было человек триста или немногим больше, причем все являлись наемными служащими, получающими зарплату. Цельная структура, подчиняющаяся единому закону. В ней был огромный авто- и мотопарк, всегда доступный, готовый к любым чрезвычайным обстоятельствам. Был и подпольный оружейный склад, на котором работали специалисты по металлу, уничтожавшие использованное для убийства оружие. Сразу после выполнения задания киллер отправлялся на самый обычный полигон, где регистрировались все посетители, и новые следы пороховой пыли скрывали старые — так тыловая служба занималась организацией алиби на случай возможной проверки на следы нагара. Любой

киллер больше всего опасается нагара — стойкого налета пороховой пыли, который является самым веским доказательством вины. Существовало отдельное подразделение, обеспечивающее силовые группы спецодеждой: неброскими спортивными костюмами и закрытыми мотоциклетными шлемами, уничтожаемыми сразу после проведенной акции. Все работало как часовой механизм — безупречно. Или почти безупречно. Никто и не думал скрывать свои действия, убийства, инвестиции, их просто старались не предавать огласке в суде.

Время от времени я приезжал в Секондильяно. С тех пор как Паскуале бросил портняжное дело, он держал меня в курсе происходящего, сообщал о подводных течениях. Течения эти были быстрыми, и все менялось с бешеной скоростью: так переливаются друг в друга капиталы или происходит круговорот финансов.

Я ездил по северу Неаполя на «веспе». Больше всего в поездках по Секондильяно и Скампии мне нравится свет. Дороги здесь широкие и просторные, даже дышится лучше, чем в хитросплетении улочек центра Неаполя, будто бы под асфальтом, по соседству с громоздкими домами, сохранились еще нетронутые поля. Скампия получила свое имя совершенно заслуженно. На существовавшем ранее неаполитанском диалекте слово «скампия» означало нетронутую землю, заросшую сорняками, на которой потом, в середине 60-х годов, построили новый квартал и знаменитые «Паруса». Разлагающийся символ архитектурного бреда или же просто-напросто цементное воплощение утопической уверенности в том, что нет ничего такого, что можно было бы противопоставить механизму наркоторговли, процветающему на плодородной социальной почве этих краев. Хроническая безработица и полное отсутствие каких-либо перспектив социального развития превратили Неаполь в место, где можно разместить центнеры наркотиков, в лабораторию по переработке нажитых на наркоторговле капиталов и выведению их на уровень легальной экономики. Секондильяно — следующая за черным рынком ступень, обеспечивающая законное предпринимательство свежими силами. В 1989 году Общество исследования каморры сообщило в одной из своих публикаций, что в северной части Неаполя количество наркоторговцев на душу населения выше, чем в любой другой точке Италии. Через пятнадцать лет этот показатель стал самым высоким в Европе и занял пятое место в мировой статистике.

Со временем мое лицо примелькалось, меня начали узнавать, и для выставленных кланом наблюдателей я приобрел нейтральный статус. На территории, подконтрольной скрытым соглядатам, всегда есть люди с отрицательным статусом — полицейские, карабинеры, за сланные враждебными кланами шпионы, и с положительным — сбытчики. Тот, кто безвреден и не представляет собой помеху, нейтрален, то есть бесполезен. Принадлежность к этой категории равнозначна небытию. Точки сбыта всегда восхищали меня безупречной организацией, идущей вразрез с общепринятым мнением о крайней примитивности данной сферы. Наркоторговля подобна часовому механизму. Люди движутся как шестеренки, которые осуществляют ход времени. Любое движение непременно тянет за собой следующее. Созерцание этого механизма всегда меня завораживало. Зарплаты выплачивались каждую неделю: сто евро часовым, пятьсот — координатору и кассиру пушеров, восемьсот — самим продавцам и тысячу — ответственным за склады и тем, кто прячет наркотики у себя дома. Работают в две смены: одна с трех часов дня до полуночи, вторая с полуночи до четырех утра. Утром продавать

сложно, потому что слишком много полиции. У любого участника есть один выходной день, если кто-то приходит на рабочее место с опозданием, то за каждый пропущенный час из его недельной зарплаты вычитают пятьдесят евро.

На виа Баку торговля идет полным ходом. Клиенты приходят, платят, забирают товар и уходят. Иногда за спинами сбытчиков даже выстраиваются очереди из автомобилей. Тогда с других точек к ним отправляют продавцов на подмогу. Виа Баку приносит полмиллиона евро в месяц; по сведениям Отдела по борьбе с распространением наркотиков, каждый день там продают четыреста доз кокаина и столько же марихуаны. Сбытчики знают, куда, в какие дома им идти в случае приезда полиции и где именно прятать товар. Когда полицейские машины подъезжают к месту торговли, на их пути непременно оказываются машина или мопед, затрудняющие движение, а дозорные, выиграв время, успевают посадить продавцов на мотоциклы и увезти подальше. Наблюдатели зачастую безоружны и не имеют судимостей, поэтому бояться им особо нечего, даже при задержании полицией. В случае ареста пушеров к делу подключают резервистов — обычно это местные наркоманы или постоянные покупатели, которые соглашаются работать продавцами в чрезвычайных ситуациях. Взамен арестованного наркоторговца на точку выходит другой. Бизнес есть бизнес. Даже в форс-мажорных обстоятельствах останавливаться нельзя.

Другое крайне доходное место — виа Данте. Образовалось оно недавно, сбытчики здесь все очень молодые, и торговля процветает. У Ди Лауро есть еще виале делла Резистенца, где уже много лет торгуют в основном героином, но можно найти и кобрет,^[15] и кокаин. Кураторы точек сбыта контролируют безопасность территории из самых настоящих штаб-квартир. Дозорные докладывают о происходящем по сотовым телефонам. Куратор слушает их, глядя на лежащую перед ним карту, и получает полную картину передвижений полиции и клиентов в реальном времени.

Одно из нововведений клана Ди Лауро в Секондильяно — охрана покупателя. При прежних хозяевах точек сбыта дозорные спасали от ареста и идентификации только самих продавцов. Соответственно, клиентов могли задержать, установить личность, забрать в комиссариат. Ди Лауро поручили своим людям охранять и покупателей, и теперь на подконтрольную им территорию можно было приезжать без опаски. Для мелких потребителей, занимающих одну из первых позиций в системе секондильянской наркоторговли, это чрезвычайно удобно. Если позвонить по нужному номеру, то в районе Берлинджери тебе сразу найдут готовый товар.

Продолжают список виа Гислери, парк Изес, весь район дон Гуанелла, участок «Н» на виа Лабриола, район «семи домов». Улицы превратились в охраняемые торговые площади, приносящие немалый доход, а у местных жителей выработалось особое избирательное зрение, резко переходящее в слепоту при столкновении с любой нежелательной ситуацией или явлением. Привычка выбирать, что видеть, а что нет. Инстинкт самосохранения. Гигантский супермаркет, торгующий наркотиками на любой вкус. Нет такого вещества, которое попало бы в Европу, миновав торговые точки Секондильяно. Если бы продаваемые наркотики предназначались только для жителей Неаполя и Кампании, то статистика показала бы совершенно безумные результаты. Практически в каждой семье по крайней мере два человека должны были бы сидеть на кокаине и один — на героине. Уж не говоря о гашише и марихуане. Героин, кобрет, легкие наркотики и таблетки — некоторые до сих пор называют их экстази, хотя на самом деле у экстази целых 179 разновидностей. В Секондильяно на них огромный спрос, здесь их именуют X-file, жетонами или конфетками.

«Колеса» приносят небывалый доход. Стоимость производства — один евро, оптовая цена — три-пять евро, потом эти же таблетки перепродают в Милане, Риме или в других частях Неаполя за пятьдесят-шестьдесят евро. В Скампии они стоят пятнадцать.

Секондильянский рынок преодолел прежние ограничения наркоторговли после признания за кокаином новых возможностей. Наркотик для избранных в прошлом, сегодня, в результате изменений в экономической политике кланов, он стал легко доступен широким массам и может удовлетворить любые запросы за счет разного уровня качества товара. По данным исследования социально-реабилитационного центра Abele,^[16] 90% покупателей — студенты и работающие люди. Кокаин перестал быть просто средством для получения кайфа, теперь он сопровождает человека на протяжении всего дня и после сверхурочной работы, помогает расслабиться, дает силу совершить настоящий человеческий поступок, а не что-то отдаленно похожее на него. Водители грузовых фур нюхают кокаин, чтобы выдержать ночной переезд, кокс помогает, когда надо просидеть несколько часов за компьютером, когда надо работать без передышки неделю за неделей, не останавливаясь ни на минуту. Растворитель напряжения и усталости, анальгетик при боли, протез счастья.

Чтобы удовлетворить потребность в наркотике, который был бы источником сил, а не просто обладал оглушающим эффектом, следовало изменить систему сбыта, сделать ее гибкой, не ограниченной жесткими рамками криминального мира. В этом заключается сделанный кланом Ди Лауро большой шаг вперед. Либерализация торговли и снабжения товаром. Итальянские преступные синдикаты традиционно предпочитают продажу крупными партиями, а не маленькими и средними. Ди Лауро же выбрали именно средние объемы, поощряя таким образом мелкое предпринимательство, которое обеспечивало появление новых клиентов. Свободное, автономное мелкое предпринимательство способно делать с товаром все что угодно, назначать какую угодно цену, распространять его где и как угодно. Доступ к рынку открыт каждому, объем продаж тоже можно выбрать самому. И нет необходимости в посредничестве клана. Коза ностра и ндрангета повсюду продвигают свои каналы сбыта, но надо обязательно знать всю цепочку целиком, чтобы купить через них наркотики для перепродажи, необходимо иметь рекомендации членов клана. Мафиози непременно должны знать, где именно будет осуществляться торговля, с какой организацией она будет связана. Система Секондильяно устроена по-другому. Здесь все основано на принципе *laissez faire, laissez passer*.^[17] Полный либеризм.^[18] Смысл в том, что рынок сам себя регулирует. В кратчайшие сроки Секондильяно наполнился людьми, желающими организовать маленький бизнес в компании друзей, которые тоже хотели покупать за пятнадцать и продавать по сто, оплачивая, таким образом, свой отдых, обучение, выплаты по кредиту. Абсолютная либерализация наркоторговли привела к резкому снижению цен.

Розничная продажа за пределами точек сбыта может прекратиться. Сегодня существуют так называемые круги. Круг врачей, круг пилотов, круг журналистов, круг государственных служащих. Средний класс кажется подходящей аудиторией для этой подпольной и гиперлиберистской наркоторговли. Она напоминает, скорее, дружеский обмен, нежели преступную деятельность, вроде мелкого бизнеса домохозяек, предлагающих подружкам кремы и пылесосы. К тому же это отлично помогает избавиться от чрезмерной моральной ответственности. Никаких наркодилеров в спортивных костюмах, вечно прячущихся в закоулках под прикрытием охраны. Ничего, кроме товара и денег. Этого достаточно для коммерческой диалектики. Согласно сведениям, полученным из наиболее важных

квестур^[19] Италии, треть арестованных за наркоторговлю к уголовной ответственности раньше не привлекались и вообще никакого отношения к преступному миру не имеют. Центральный институт здравоохранения обнаружил, что потребление кокаина подскочило до исторического максимума: +80% (за 1999–2002 гг.). Число людей, обращающихся в Службу помощи наркозависимым, удваивается с каждым годом. Рынок расширяется бешеными темпами, трансгенные разработки позволяют собирать урожай аж четырежды в год, так что проблем с получением сырья нет, а отсутствие руководящей организации стимулирует свободную инициативу. Робби Уильямс — известный певец-кокаинист — на протяжении многих лет повторял, что «с помощью кокаина Господь дает понять, что у тебя слишком много денег». Эту фразу, встреченную в какой-то газете, я вспомнил, когда в районе Голубых Домов наткнулся на ребят, расхваливавших товар и место его происхождения: «Раз существует на свете кокаин из Голубых Домов, то это значит, что Господу плевать, сколько у тебя денег».

Голубые Дома прозвали так за их цвет — изначально они были бледно-голубыми. Они стоят вдоль виа Лимитоне в Арцано и считаются одной из лучших точек сбыта кокаина в Европе. Раньше все было иначе. Как показали расследования, это место обрело свой статус благодаря Дженнаро Марино — МакКею. Он — наместник клана в здешних краях. Не просто наместник: босс Паоло Ди Лауро оценил умелое управление МакКея и отдал ему точку у Голубых Домов на правах франчайзинга. Он независим и всем занимается сам, а взамен делает ежемесячный взнос в кассу клана. Дженнаро и его брата Гаэтано зовут МакКеями. Из-за сходства их отца с шерифом Зебом МакКеем из телесериала «Как был завоеван Запад». Так вся семья перестала быть Марино и стала МакКеями. У Гаэтано нет рук, вместо них — два деревянных протеза. Из тех, которые не гнутся. Они черные и блестящие. Руки он потерял в войне 1991 года против клана Пука — старого союзника Кутоло. Гаэтано МакКей держал гранату в руке, когда она вдруг взорвалась, и его пальцы разлетелись в разные стороны. Теперь инвалида всегда сопровождает специальный человек вроде мажордома, заменяющий ему руки. Гаэтано научился ставить свою подпись: зажимая ручку между протезами, он напрягался всем телом и ухитрялся чуть криво вывести свою подпись.

Расследования, проведенные Прокуратурой Неаполя по борьбе с мафией, показали, что Дженни МакКей смог создать торговую зону, которая годилась как для хранения наркотиков, так и для их продажи. Хорошие цены от поставщиков обусловлены именно возможностью складировать товар, и этому очень способствуют бетонные джунгли Секондиляно, населенные ста тысячами обитателей. Сами люди, их дома и повседневная жизнь образуют огромную стену, защищающую спрятанные наркотики. Как раз точка у Голубых Домов и позволила снизить цены на кокаин. Обычно он стоит от 50–70 евро за грамм до 100–200. Здесь же за него просят 25–50 евро притом, что качество остается таким же высоким. Исходя из результатов расследования Окружного управления по борьбе с мафией получается, что Дженни МакКей — один из самых влиятельных людей в торговле кокаином: ему как никому другому удалось утвердиться на рынке, переживающем экспоненциальный рост. Точки сбыта могли появиться и в Позиллипо, Париоли, Брере, но появились все-таки в Секондиляно. В любом другом месте рабочая сила обошлась бы втридорога. Здесь же полное отсутствие работы и невозможность найти какой-нибудь другой, кроме эмиграции, способ выжить являются причиной крайне низких зарплат. Никакой тайны тут нет, нет смысла взывать к социологии бедности или к метафизике гетто.

О каком гетто может идти речь в случае с территорией, приносящей триста миллионов евро в год каждому клану? Территория, облюбованная десятками семей, где суммы доходов можно сравнить разве что с прибылью от финансовых махинаций. Работа эта очень ответственная, надо внимательно следить за приходящими на каждом этапе деньгами. Килограмм чистого кокаина обходится производителю в 1000 евро, для оптовика он стоит уже 30 000. 30 килограммов после первого разбавления превращаются в 150, их рыночная стоимость составляет примерно 15 000 000 евро. А если количество примесей превышает 3 килограмма, то можно получить и все 200 кило наркотика. Примеси — это главное, для них используют кофеин, глюкозу, маннит, парацетамол, лидокаин, бензокаин, амфетамин. В крайних случаях в ход идут даже тальк и кальций для собак. Качество конечного товара зависит от количества и качества добавок, плохо выполненное разбавление заканчивается смертью, полицией, арестами. И закупоркой артерий бизнеса.

Кланы Секондильяно и здесь всех опережают, и преимущество это весьма ценно. У них есть «гости» — героинщики. Их так называют в честь героев популярного в восьмидесятые годы сериала, которые пожирали мышей и выглядели как обычные люди, а под кожей у них скрывался слой зеленоватых липких чешуек. «Гости» выполняют функцию подопытных кроликов, это люди — тестеры, необходимые для испытания уже разбавленных наркотиков: не опасны ли они, какую вызывают реакцию, сколько еще можно разбавить, экономя порошок. Когда требуются новые подопытные, цену на товар снижают. С двадцати евро за дозу опускают до десяти. Слухи распространяются, и желающие приезжают аж из Марке или Базиликаты ради нескольких доз. Героиновый рынок находится в состоянии стагнации. Героинщиков становится все меньше. Это отчаявшиеся люди. Пошатываясь, они залезают в автобус, затем пересаживаются на поезд, едут целую ночь, ловят машину, проходят километры пешком. Ради героина по самым низким на континенте ценам они готовы пойти на любые жертвы. Клановые «разбавители» отыскивают таких «гостей», предлагают им бесплатно дозу, а потом ждут. В одном телефонном разговоре, послужившем доказательством для вынесения судом Неаполя в марте 2005 года постановления о предварительном заключении, обсуждается организация такой проверки, эксперимента над подопытными людьми для тестирования получившегося вещества. Сначала двое созваниваются, чтобы все организовать:

— Готов снять пять футболок для теста на аллергию?

Через некоторое время новый звонок:

— Машину опробовал?

— Да...

Конечно же, речь идет о проделанной проверке.

— Чувак, это потрясающе, мы круче всех, остальным здесь нечего ловить.

Они были вне себя от счастья, поскольку «гости» остались в живых и, более того, им все понравилось. Хорошо сделанное разбавление увеличивает количество товара вдвое, а если он получается еще и отличного качества, то на международном рынке пользуется большим спросом, и тогда ни о какой конкуренции не может быть и речи.

Только по прочтении этого обмена репликами я понял до конца ситуацию, свидетелем которой был немногим раньше. Тогда мне действительно не удалось проникнуть в суть происходящего перед моими глазами. Недалеко от Скампии, в окрестностях Миано, жили человек десять «гостей». Однажды их собрали на площадке перед какими-то сараями. Я там

оказался не случайно, предполагая, что дыхание реальности, горячее, самое что ни на есть настоящее, поможет познать суть вещей. Но главное не просто быть там и наблюдать, а становиться ближе к происходящему. Их ждал хорошо, даже с шиком, одетый мужчина в белом костюме, синей рубашке и совершенно новых кроссовках. Он развернул небольшой сверток из замши на капоте машины. Внутри лежало несколько шприцев. «Гости», толкаясь, приблизились. Происходящее напоминало одну из сцен, показываемых в новостях, когда в Африку прибывают грузовики, полные мешков с мукой. Но один из «гостей» вдруг поднял крик:

— Нет, я его не возьму, если вы его дарите, то я не возьму... Вы хотите нас убить!

Его выкрика хватило, чтобы остальные тоже засомневались и тотчас отошли подальше. У типа в костюме не было ни малейшего желания их убеждать, он просто ждал. Периодически он сплевывал на землю пыль, которая поднималась от башмаков «гостей» и оседала у него на зубах. Один все же выступил вперед, точнее, даже двое, с ним еще девушка. Их трясло, они уже дошли до предела. Поплыли, как обычно говорят. На его руках не было живого места, он снял ботинки, ступни тоже оказались исколоты. Девушка взяла с капота шприц, зажала его во рту, расстегнула рубашку на юноше так медленно, будто на ней пришта ты́сяча пуговиц, и ввела иглу в вену на шее. В шприце был кокаин. Как только наркотик попадет в кровь, то очень скоро станет ясно, правильно ли рассчитали добавление примесей и не стал ли товар слишком тяжелым, низкосортным. Ждали недолго: парень затрясся, в углу рта у него появилась пена, и он упал. Начались конвульсии. Потом он затих, растянулся на спине и закрыл глаза, не подавая признаков жизни. Тип в белом принялся звонить кому-то по сотовому:

— Кажется, умер... ага, ладно, сейчас сделаю ему массаж...

Он стал нажимать ногой подопытному на грудь. Точнее, топтать: задира́л колено и с силой опускал ногу. Массаж сердца он делал пинками. Стоявшая рядом девушка что-то бормотала, но слова так и оставались у нее на губах: «Больно, больно делаешь. Ты ему делаешь больно...»

Из последних сил она попыталась оттолкнуть его от тела своего парня. Но тому было противно, девушка, как и все «гости» в целом, внушала ему почти что страх.

— Не трогай меня... ты отвратительна... не смей даже приближаться... не трогай меня, или пристрелю!

Он продолжал пинать тело, потом остановился и, не снимая ноги с его груди, опять набрал тот же номер:

— Этот готов. Ах да, платок. Подожди, сейчас посмотрю...

Тип достал из кармана салфетку, смочил ее водой из бутылки и приложил к губам парня. Если бы тот дышал, даже еле-еле, то салфетка бы порвалась, подтвердив, что на земле не труп. Необходимая предосторожность, потому что до тела он и пальцем дотрагиваться не хотел. Перезвонил в последний раз:

— Умер. Надо сделать смесь полегче...

Тип вернулся в машину. Водитель ни на миг не переставал подпрыгивать на сиденье в такт музыке, которую я даже не слышал, несмотря на то, что играла она на полной громкости, судя по его движениям. Через несколько минут рядом уже никого не было. Только лежал на земле парень, и всхлипывала рядом девушка. Плач тоже не слетал с ее губ, как будто героин позволял только одну форму голосового выражения — хриловатую кантилену.^[20]

Я и представить не мог, зачем девушка это сделала, но она сняла штаны от спортивного костюма, встала прямо над трупом и помочилась ему на лицо. Платок прилип к губам и носу. Прошло немного времени, и парень вдруг очнулся, провел рукой по лицу — таким движением стряхивают воду, выходя из моря. Этот Лазарь из Миано, воскресший благодаря бог весть каким веществам, содержащимся в моче, медленно встал на ноги. Если бы я не был настолько потрясен случившимся, то точно бы закричал при виде чуда. Вместо этого я ходил взад и вперед. Я так всегда поступаю, когда чего-то не понимаю и не знаю, что делать. Нервно меряю шагами пространство. Видимо, мое поведение привлекло внимание, и «гости» с криками двинулись ко мне. Они думали, что я был заодно с типом в белом. Они орала: «Ты... ты... ты хотел убить его!»

Наркоманы окружали меня, но я ускорил шаг и смог от них оторваться. Они продолжали преследование, подбирали с земли всякий мусор и швыряли в меня. Я им ничего не сделал. Но если ты не наркоман, то, значит, продавец. Вдруг я увидел грузовик. Каждое утро со складов выезжали десятки таких. Он остановился прямо передо мной, и я услышал, что меня кто-то зовет. Это был Паскуале. Он открыл дверь, и я забрался внутрь. Не ангел-хранитель спас своего подопечного, а одна крыса вытянула другую за хвост из канализационной трубы.

Паскуале бросил на меня строгий взгляд все предвидевшего отца. Одной его усмешки было достаточно, чтобы не тратить попусту время на слова и упреки. Я же разглядывал его руки. Они стали еще более красными, с потрескавшейся кожей, разбитыми костяшками и анемичными ладонями. Нелегко приучить лежать по десять часов на руле грузовика пальцы, привыкшие к шелку и бархату высокой моды. Паскуале о чем-то говорил, но меня преследовали воспоминания о «гостях». Обезьяны. Хотя даже не обезьяны. Подопытные кролики. На них проверяют разбавленный наркотик, который потом будут продавать в половине Европы, и нельзя допустить, чтобы он унес чью-то жизнь. Благодаря подопытным людям-кроликам жители Рима, Неаполя, Абрुццо, Базиликаты, Болоньи могут не бояться внезапной смерти, кровотечения из носа и пузырящейся пены на губах. Погибший в Секондильяно «гость» — это лишь очередной безнадёжный наркоман, смерть которого никого не заинтересует. Если его поднимут с земли, смоют рвоту и мочу с лица и закопают, то уже хорошо. В другом месте начались бы экспертизы, поиски, предположения о причине смерти. Здесь всё проще: передозировка.

Паскуале колесил на своем грузовике по разветвленной сети автострад в северных районах Неаполя. Сараи, склады, свалки, где можно найти что угодно, негодные, выброшенные за ненадобностью вещи. Здесь нет промышленных конгломератов. Пахнет дымом, но фабрик нет. Дома строятся вдоль дорог, а площади возникают вокруг баров. Хаотичная, мудреная пустыня. Паскуале заметил мою рассеянность и резко затормозил. Потом посмотрел на меня внимательно и сказал: «В Секондильяно все катится к черту. Старушонка прикарманила деньги и слиняла в Испанию. Лучше тебе здесь не появляться, я повсюду чувствую напряжение. Даже асфальт пытается высвободиться и исчезнуть отсюда...»

Я решил, что должен остаться и наблюдать за происходящим в Секондильяно. Чем больше Паскуале говорил мне об опасности, тем отчетливее я понимал, что невозможно удержаться и не попробовать докопаться до сути катастрофы. «Докопаться» означало, по крайней мере, поучаствовать. Выбора нет, и я сомневаюсь, что существовал другой способ постичь суть вещей. Мне никогда не удавалось сохранять нейтралитет и беспристрастную

дистанцированность. Старушонка Раффаэле Амато, отвечающий за испанский рынок и стоящий на второй ступени клановой иерархии, прихватил деньги Ди Лауро и бежал в Барселону. Так говорили. На самом деле он не выплатил клану ежемесячный взнос, показав этим свою независимость от тех, кто собирался перевести его на зарплату. Официальное начало раскола. Пока что он занимался только Испанией — территорией, которую клан всегда держал в своих руках. В Андалусии — Казале из Казерты, на островах — Нуволетта из Марано, в Барселоне — «раскольники». Так кто-то начал называть отделяющихся от Ди Лауро соратников. Первые летописцы, заинтересовавшиеся этой темой. Подпольные летописцы. В Секондилльяно же их называют «испанцами». В Испании у них свой лидер; помимо точек сбыта, они стали контролировать и перевозки, поскольку Мадрид является одним из основных перевалочных пунктов на пути следования кокаина из Колумбии и Перу. Люди Амаго, проработавшие на него не один год, с помощью гениальной уловки переправили центнеры наркотиков. Для этого они использовали мусоровозы. Сверху мусор, а внизу наркотики. Идеальный способ, позволяющий избежать проверок. Никто не станет ночью останавливать мусоровоз, доверху набитый отбросами, перевозящий заодно и наркотики.

Как показывают проведенные расследования, Козимо Ди Лауро почувствовал, что его наместники вкладывают в клановую кассу все меньше и меньше. «Ставки» делались из кармана Ди Лауро, но довольно большую часть прибыли утаивали, вместо того чтобы отдать ее хозяину. «Ставки» — это суммы, выдаваемые боссом каждому наместнику на покупку партии наркотиков. «Ставка» — термин пошел из беспорядочной гиперлибсристской экономики, которой отличалась торговля кокаином и таблетками, с характерным для нее отсутствием какой-либо организованности и масштаба. Здесь делаются ставки, как в рулетке. Если ты ставишь 100 000 евро и все идет хорошо, то через две недели они превращаются в 300 000. Когда мне попадаются такие данные по безудержному экономическому росту, то я сразу вспоминаю пример, приведенный Джованни Фальконе в одной школе и оказавшийся потом в тетрадах сотни школьников: «Торговля наркотиками — чрезвычайно прибыльный бизнес. Представьте, что тысяча лир, вложенная в дело первого сентября, к первому августа следующего года станет ста миллионами».

Суммы, поступающие от наместников Ди Лауро в казну клана, постепенно уменьшались, все же оставаясь при этом астрономическими. Если бы так продолжалось в течение долгого времени, то некоторые из них укрепили бы свои позиции в ущерб другим, и образовавшаяся группа, набрав мало-помалу экономическую и боевую силы, нанесла бы Паоло Ди Лауро удар. Последний удар, отправляющий в нокаут. Его наносят не конкуренцией, а свинцом. Поэтому Козимо приказывает перевести всех на зарплату. Так работающие на него люди попадут в полную зависимость. Это решение расходится с линией, которой придерживался его отец, но оно необходимо для защиты собственного бизнеса, авторитета, семьи. Больше никаких объединяющихся в союзы предпринимателей, свободных в определении размеров финансовых инвестиций, в выборе качества и вида наркотиков, предназначенных для выхода на рынок. Никаких автономных уровней в структуре многоуровневого предприятия — только зависимые. И зарплаты. По слухам, пятьдесят тысяч евро. Внушительная сумма. Но зарплата — это всегда зарплата. Она предполагает подчиненное положение. Конец и предпринимательским мечтам, и амбициям руководителей. Административная революция этим не ограничилась. Из полученных показаний стало известно, что Козимо провел еще и

возрастную реформу. Наместники должны были быть не старше тридцати лет. Таким образом, происходило экспресс-омоложение высшего руководства. Рынок не допускает послаблений одушевленной прибавочной стоимости. Никаких уступок. Ты должен побеждать и продавать. Узы любого рода, будь то чувство, закон, право, любовь, эмоции, религия — любые узы представляют собой уступку конкурентам, ненужную сентиментальность, ведущие к поражению. Все это имеет право на существование, но только потом, на первом месте стоят экономическая победа и уверенное господство. В знак уважения мнения бывших боссов выслушивали, даже когда те предлагали устаревшие идеи и неэффективные действия, и зачастую принимали их предложения исключительно из-за почтения к старшим. Именно юный возраст мог поставить под угрозу положение сыновей Паоло Ди Лауро.

Зато теперь все равны: никто не вызывает к мифическому прошлому, к накопленному опыту и должному уважению. Соперничать надо за счет качества своих собственных предложений, умения руководить, силы личности и харизмы. Когда пришло время секондиллянским силовым группам продемонстрировать, на что они способны, о «расколе» еще никто не слышал. Он только назревал. Одной из первых мишеней стал Фердинандо Бидзарро, по прозвищу Баккетелла, или Дядя Фестер — по имени героя из фильма «Семейка Адамс», лысого скользкого коротышки. Бидзарро был шишкой в Мелито. Слово «шишка» означает, что мафиозо обладает большой, но не абсолютной властью, занимает максимально высокую должность, но все же подчиняется боссу. Дядя Фестер раньше был наместником Ди Лауро, чрезвычайно исполнительным. Но потом захотел распоряжаться деньгами самостоятельно. И принимать решения, не только административные, но и все остальные. Это не был мятеж в классическом его понимании, Бидзарро просто хотел заявить о себе как о независимом союзнике нового поколения. Но заявил слишком громко. Клан в Мелито жестокие. Здесь расположены подпольные фабрики, занимающиеся производством первоклассной обуви для половины магазинов планеты. Эти фабрики служат источником наличных денег, которыми потом ссужают желающих под процент. Владелец фабрики всегда оказывает поддержку какому-нибудь политику или же водит дружбу с наместником клана, а от того, в свою очередь, зависит победитель на выборах; такой политик закрывает глаза на незаконную деятельность. Клан каморры из Секондилляно никогда не были рабами политиков, им никогда не нравилось заключать стратегические соглашения, но здесь без друзей никуда.

Именно такой стратегический партнер, представлявший интересы Бидзарро во всяческих учреждениях, стал его ангелом смерти. Чтобы убить Дядю Фестера, клан обратился за помощью к политику по имени Альфредо Чикала. В ходе расследования Окружного управления по борьбе с мафией выяснилось, что точные наводки, где можно найти Бидзарро, были получены от Чикало, бывшего мэра Мелито, еще и возглавлявшего местное отделение демократической партии La Margherita. Когда читаешь распечатки прослушанных телефонных разговоров, то создается впечатление, что речь идет просто о смене наместника, а никак не об убийстве. Это одно и то же. Бизнес не должен стоять на месте, автономность Бидзарро могла бы застопорить все дело. А ради дела идут на что угодно, используют любые возможности. У Бидзарро умирает мать, и приспешники Ди Лауро решают прийти на похороны и расстрелять всех и вся. Прикончить его самого, сына, кузенов. Всех. Акция уже была подготовлена. Но мафиозо и его сын на похоронах не появились. Организация покушения продолжается. Дело приобретает такой размах, что

верхушка клана рассылает его членам факс с объяснениями происходящего и инструкциями: «Из Секондильяно больше никого не осталось, он всех выгнал... он высовывает нос только по вторникам и субботам, выезжает на четырех машинах... вам велено ничего не предпринимать. Дядя Фестер прислал сообщение, что к Пасхе хочет получать двести пятьдесят евро с магазина и что он никого не боится. На неделе будут пытаться Сивьеро».

Так, с помощью факса, обговаривается стратегия. Пытка заносится в ежедневник, как оформленная сделка или заказ, как бронирование билета на самолет. И обличаются действия предателя. Бидзарро выезжал в сопровождении четырех машин, установил для подконтрольных ему магазинов ежемесячную выплату в 250 евро. Сивьеро — верного водителя — пытали в надежде, что он расколется, по каким маршрутам будет в дальнейшем ездить его босс. Список попыток покончить с Дядей Фестером на этом не заканчивается. Решают вломиться в дом к сыну и «никого не щадить». Потом поступает телефонный звонок: киллер в отчаянии из-за упущенной возможности, поскольку выясняется, что Бидзарро, целый и невредимый, показывался на одной из точек, напоминая, кто здесь хозяин. Убийца был в бешенстве:

— Черт возьми, такую возможность упустили, он все утро провел на точке!

Нет никаких секретов. Все кажется явным, очевидным, выпирающим шрамом на коже настоящего. Но тут бывший мэр Мелито сообщает название гостиницы, где Бидзарро прячется со своей любовницей, где растрчивает силы и сперму. Ко всему можно привыкнуть. Научиться жить с выключенным светом, чтобы не афишировать свое присутствие в доме, выезжать в сопровождении четырех автомобилей, не звонить и не принимать звонки, можно даже не прийти на похороны собственной матери. Но отказ от встреч с любовницей воспринимается как издевательство, как бессилие власти.

Дядю Фестера настигают 26 апреля 2004 года в отеле «Вилла Джулия», на третьем этаже. В постели с любовницей. Приезжает силовое подразделение в компании с полицией. Требуют магнитную карточку от номера у портье, тот даже не просит полицейских показать свои удостоверения. Они стучат в дверь. Бидзарро еще не успел снять трусы, слышны его приближающиеся шаги. Открывают огонь. Из пистолетов, двумя сериями выстрелов. Срывают дверь с петель, обходят ее и продолжают стрелять в тело. Пули прошивают дверь насквозь, предателя добивают выстрелами в голову. Нашпигованная свинцом и щелками плоть. План чистки уже выкристаллизовался. Бидзарро стал первым. Или одним из первых. По крайней мере первым, на ком была опробована мощь клана Ди Лауро. Эта мощь готова обрушиться на любого, кто посмеет внести смуту в альянс и нарушить деловое соглашение. Организационная структура «раскольников» еще не сформирована, пока она только намечается. Напряжение так и висит в воздухе, и кажется, что ожидают еще чего-то. Через несколько месяцев после убийства Бидзарро происходит событие, внесшее ясность и положившее начало конфликту, — его можно считать официальным объявлением войны. 20 октября 2004 года Фульвио Монтанино и Клаудио Салерно — по полученным сведениям, верные соратники Козимо и кураторы нескольких точек сбыта — оказываются убиты четырнадцатью выстрелами. Становится известно о встрече-западне, в которой должны были погибнуть Козимо и его отец, и это покушение означает переход к военным действиям. Когда появляются трупы, остается только сражаться. Против сыновей Ди Лауро взбунтовались все главы: Розарио Парьянте, Раффаэле Аббинанте, новые заместители Раффаэле Амато, Дженнаро МакКей Марино, Арканджело Абате, Джакомо Мильяччо. Верность Ди Лауро сохранили семья Де Лючия, Джованни Кортезе, Энрико д'Аванцо и

многочисленная группа рядовых каморристов. Весьма многочисленная. Ребята, которым пообещали восхождение к власти, добычу, экономический и социальный рост внутри клана. Руководство группой берут на себя сыновья Паоло Ди Лауро. Козимо, Марко и Чиро. Козимо почти наверняка знал, что дело закончится смертью или тюрьмой. Аресты и экономический кризис. Но надо было принимать решение: либо дожидаться, пока отпочковавшийся от твоего же клана новый клан тебя задушит, либо попытаться сохранить бизнес или хотя бы свою шкуру. Экономическое поражение сразу влечет за собой и физическое поражение.

Это война. Никто не знает, как именно будут происходить сражения, но все уверены, что война окажется долгой и кровопролитной. Самой беспощадной из всех происходивших в последние десять лет на юге Италии. У Ди Лауро меньше людей, они слабее и хуже организованы. Раньше внутренние расколы сразу же вызывали жесткие ответные меры. Расколы, вызванные либеристским устройством, казавшимся кому-то достаточным основанием для перехода к автономии и созданию собственного бизнеса. Настоящая свобода вместо той, что очерчена кланом Ди Лауро, и об обладании которой даже и думать нельзя. В 1992 году каморристы, находившиеся на тот момент у власти, быстро разобрались с «раскольником» Антонио Рокко — наместником по Муньяно. Они отправили в бар «Молния» своих людей, вооруженных автоматами и фанатами. Прикончили пятерых. Рокко, спасая свою жизнь, пришел с повинной в полицию, и впоследствии государство взяло под свою защиту еще почти двести человек, не побоявшихся оказаться на мушке у Ди Лауро. Но его разоблачения ни к чему не привели. Несмотря на показания, верхушка союза осталась нетронутой.

В постановлении о предварительном заключении, вынесенном 7 декабря 2004 года судом Неаполя, представлены доказательства того, что на этот раз люди Ди Лауро заволновались. Два члена клана, Луиджи Петроне и Сальваторе Тамбурино, обсуждают по телефону убийство Монтанино и Салерно, ознаменовавшее начало войны.

Петроне: «Ихубили в Фульвио».

Тамбурино: «Ого...»

Петроне: «Ты понял?»

Так понемногу проступают очертания тактики, придуманной Козимо, если верить Тамбурино. Убивать противников одного за другим, прибегать даже к помощи бомб в случае необходимости.

Тамбурино: «Прямо настоящие бомбы, да? Козимино так и сказал... отправлю сейчас тех людей, будут расправляться с ними по очереди... я им всем покажу, сказал... всем до единого...»

Петроне: «Насчет тех... Надо еще найти таких людей, исполнителей...»

Тамбурино: «Джино, здесь таких миллионы. Сплошь молокососы... одни молокососы... сейчас я тебе объясню, что замышляет этот тип...»

У Козимо новая стратегия. Сделать ставку на мальчишек, превратить их в солдат, преобразовать идеальную систему сбыта, инвестирования, территориального контроля в силовую структуру. Помощники колбасников и мясников, механики, официанты, безработные. Из них должна была сформироваться новая, неожиданная мощь клана. С момента смерти Монтанино начинается долгий и кровавый «обмен любезностями», мертвецы против мертвецов: одно-два покушения в день, сначала пешки с обеих сторон, потом родственники, поджоги домов, избиения, подозрения.

Тамбурино: «Нашего Козимино ничем не проймешь, говорит: „Давайте есть, пить и трахаться“. Что тут поделаешь... уже случилось, надо двигаться вперед».

Петроне: «Но мне кусок в горло не лезет. Я поел только потому, что надо есть...»

Призыв к сражению не должен отдавать отчаянием. Обязательно надо демонстрировать, что победа уже в ваших руках. Войско — то же предприятие. Кто выставляет напоказ свое бедственное положение, кто бежит, исчезает, замыкается в себе, тот уже проиграл. Есть, пить и трахаться. Как будто ничего не произошло, как будто ничего не происходит. Но оба участника разговора трясутся от страха, им неизвестно, сколько человек перешло на сторону «испанцев», а сколько осталось с ними.

Тамбурино: «Откуда нам знать, сколько к ним переметнулось... мы понятия не имеем!»

Петроне: «Ага! Сколько человек с ними связалось? Здесь их полно осталось, Тоторе! Я не пойму... этим... им что, Ди Лауро не нравятся?»

Тамбурино: «Знаешь, что бы я сделал, если бы был на месте Козимино? Начал бы мочить всех подряд. Даже когда есть сомнения... без разбору. Начал бы убирать... ты меня понимаешь! Первый слой грязи...»

Всех поубивать. Всех подряд. Даже когда есть сомнения. Даже когда неизвестно, на чьей они стороне, и неизвестно, есть ли у них вообще какая-то сторона. Стреляй! Это грязь. Грязь, обычная грязь. Перед лицом войны и опасностью поражения союзники и враги становятся взаимозаменяемыми. Их рассматривают уже не как людей, а как объекты для проверки и демонстрации собственной силы. Только после этого вокруг образуются противоборствующие стороны, союзники, враги. До того надо начать пальбу.

30 октября 2004 года они приходят в дом Сальваторе Де Маджистриса, шестидесятилетнего синьора, женатого на матери Бьяджо Эспозито, «раскольника» и «испанца». Они хотят знать, где прячется пасынок. Ди Лауро должны расправиться со всеми отщепенцами до того, как они мобилизуют силы, как поймут, что их больше. Старик палкой ломают руки и ноги, разбивают нос. При каждом ударе спрашивают о сыне его жены. Он не отвечает, каждый отказ сопровождается новым ударом. Его пинают ногами, он должен сознаться. Но не сознается. Может, и правда не знает, где прячется Эспозито. Он умрет после месяца агонии.

2 ноября на парковке убивают Массимо Гальдьеро. Его убили вместо брата, Дженнаро, предполагаемого друга Раффаэле Амато. 6 ноября на виа Лабриола погибает Антонио Ландьери, чтобы достать его, обстреливают группу людей, шедших рядом. Пять человек получают тяжелые ранения. Все они курировали кокаиновую точку и вроде работали на Дженнаро МакКея. «Испанцы» решают ответить, и 9 ноября посреди улицы обнаруживается белый «фиат-пунто». Убийцы обошли блокпосты и оставили машину на виа Купа Перрилло. Среди бела дня полиция находит три трупа: Стефано Маисто, Марио Маисто и Стефано Маурьелло. Какую дверь ни откроют, везде по трупу. Впереди, сзади, в багажнике. В Муньяно 20 ноября убивают Бьяджо Мильяччо. За ним приходят на работу в автосервис. Говорят: «Это ограбление» — и стреляют в грудь. Целью был его дядя Джакомо. В тот же день «испанцы» отвечают расправой над Дженнаро Эмоло — отцом верного соратника Ди Лауро, осужденного за участие в силовой группировке. 21 ноября Ди Лауро убивают помощников Раффаэле Аббинанте — Доменико Риччо и Сальваторе Гальярди, пока те находятся в табачной лавке. Час спустя убивают Франческо Тортору. Киллеры приезжают на машине, а не на мотоцикле. Приближаются к жертве, стреляют, поднимают тело, как

мешок, засовывают в машину и везут на окраину Казаваторе, где поджигают автомобиль вместе с трупом. Два в одном. В ночь на 22 ноября карабинеры находят сгоревшую машину. Другую.

Для отслеживания событий файды^[21] я приобрел приемник, который ловит полицейскую волну. Поэтому на своей «веспе» я приезжал к месту событий почти одновременно с полицией. В тот вечер я уснул. Мерное дребезжащее бормотание центрального поста звучало для меня как колыбельная. Поэтому о случившемся узнал из телефонного звонка. На месте происшествия я увидел дотла выгоревшую машину. Ее облили бензином, литрами бензина. Бензин повсюду. На передних сиденьях, на задних, бензин на колесах и руле. Когда приехали пожарные, пламя уже поутихло, а стекла все вылетели. Не знаю, почему я так рванул к обугленному остову. Кругом стояла жуткая вонь от горелого пластика. Рядом почти никого, патрульный дорожной службы с фонариком в руке заглядывает внутрь. Там тело или что-то очень на него похожее. Пожарные открыли дверцы машины и вытащили труп, морщась от отвращения. Карабинеру плохо, его рвет съеденными несколько часов назад пастой и картошкой. Тело являло собой негнущуюся почерневшую колоду, вместо лица — обуглившийся череп, кожа на ногах полностью обгорела. Мертвеца вытащили за руки и положили на землю, дожидаясь труповозку.

Специальная машина собирает трупы целыми днями, ее можно повстречать от Скампи до Торре Аннунциаты. Собирает, складывает, увозит тела убитых. В Кампании жертв покушений больше, чем во всей Италии, по их количеству регион находится на одном из первых мест в мире. Резина на колесах у труповозок стертая до гладкости, достаточно сфотографировать погнутые диски и грязь внутри них, чтобы получить представление об этой земле. Из фургона вышли ребята в латексных перчатках, жутко грязных, использованных несчетное количество раз, и принялись за дело. Поместили тело в черный мешок, *body bag*,^[22] в которых перевозят исключительно солдат. Тело напоминало гипсовые слепки углублений, найденных под пеплом Везувия. Десятки людей стояли вокруг машины в полном безмолвии. Они даже дышали еле слышно. С тех пор как каморра начала войну, многие обнаружили — выдержка поистине безгранична. Теперь они находятся здесь, хотят узнать, что же будет дальше. Каждый приносит понимание того, что еще осталось возможным, что еще придется пережить. Это понимание люди забирают с собой домой и продолжают существовать. Карабинеры фотографируют место происшествия, машина с трупом уезжает. Я направляюсь в Квестуру в надежде получить хоть какую-нибудь информацию по поводу случившегося. В пресс-центре сидят те же журналисты, что всегда, и несколько полицейских. Вскоре переходят на комментарии вроде: «Они там переубивают друг друга, вот и хорошо!», «Станешь каморристом, так и кончишь», «Нравилось, когда денег много, теперь смертью насладись, пададь». Привычные реплики, с каждым разом становящиеся все тошнотворнее, переходящие все границы. Будто бы мертвец лежит прямо перед ними и каждому есть что вменить ему в вину: испорченную ночь, бесконечную войну, притаившиеся во всех закоулках Неаполя военные гарнизоны. Врачам потребовался не один час для опознания тела. Кто-то предполагает, что это местный куратор, пропавший несколько дней назад. Один из многих трупов, сложенных штабелями в морге больницы Cardarelli, ожидающих, каким из жутких каморристских имен их нарекут. Потом следует опровержение.

Кто-то зажимает рот руками, журналисты сглатывают, и в горле у них пересыхает. Полицейские разглядывают носки своих ботинок, опустив голову. Комментаторы виновато

замолкают. Труп принадлежит Джельсомине Верде, двадцатидвухлетней девушке. Ее похитили, пытали, а затем убили выстрелом в затылок, пуля прошла навылет. Тело бросили в принадлежавшую ей машину и подожгли. Она встречалась с Дженнаро Ноттурно, который решил остаться верным кланам, но потом сблизился с «испанцами». Они были вместе несколько месяцев. Но кто-то увидел их, возможно, обнимающимися в одной машине. Дженнаро вынесли смертный приговор, но ему удалось скрыться, неизвестно где, может статься, в каком-нибудь гараже неподалеку от дороги, на которой убили Джельсомину. Он и не думал о необходимости защитить ее, потому что они уже разошлись. Но кланы стремятся ударить побольнее, и люди, связанные с предателем дружескими, родственными или романтическими чувствами, становятся метками. Метками, на которых оставляют послания. Страшные послания. Жди наказания. Безнаказанность слишком рискованна, она узаконивает предательство и новые теории «раскольников». Наказать как можно сильнее. Таков порядок. Все остальное не имеет значения. Поэтому верные псы Ди Лауро приходят под каким-то предлогом к Джельсомине. Похищают ее, жестоко избивают, пытаются, спрашивают, где Дженнаро. Девушка не отвечает. Может, она действительно не знает, а может, готова пройти через эти мучения ради него. И ее убивают. Каморристы, которых направили на выполнение задания, или были одурманены кокаином, или же, наоборот, мыслили абсолютно трезво, учитывая все до мельчайших деталей. Но хорошо известно, к каким методам прибегают ради подавления любого вида сопротивления, ради искоренения даже малейшего намека на гуманность. По-моему, тело сожгли, чтобы уничтожить следы пыток. Труп замученной девушки вызвал бы глубокое всеобщее негодование. Никто и не надеется на одобрение местных жителей, но до открытой вражды доводить нельзя. Остается только все сжечь. Доказательства смерти не так страшны. Не страшнее гибели на войне. Но становится невыносимо, когда представляешь себе эту смерть, как она наступила, как истязали девушку. Я сплюнул на землю мокроту, заполнившую легкие, и только так смог остановить возникающие в воображении картины.

Джельсомина Верде, местные называли ее Миной. Так ее называют и в газетах, становясь удивительно ласковыми от запоздалого чувства вины. Ее легко могли причислить к участникам междоусобной войны, а если бы она осталась жива, то продолжали бы считать девушкой каморриста, одной из многих, идущих на это ради денег или чувства собственной значимости, от связи с мафиозо. Очередная «синьора», пользующаяся богатством мужа-преступника. Но Сарацин — как прозвали Дженнаро Ноттурно — только начинал свою карьеру. Если он дорастет до куратора, контролирующего сбытчиков, то станет получать одну-две тысячи евро. Но это долгий путь. 2500 евро — такова, видимо, компенсация за убийство. А если полиция уже рядом и надо сматывать удочки, то клан оплачивает тебе месяц пребывания на севере Италии или за границей. Наверняка он тоже мечтал стать боссом, держать в руках половину Неаполя и охватить инвестициями всю Европу.

Если я отвлекусь немного и переведу дыхание, то без труда смогу представить себе их встречу, даже не зная лиц. Скорее всего, познакомились они в обычном баре, в одном из этих чертовых южноитальянских баров на окраине, вокруг которого крутится водоворотом жизнь и подростков, и девяностолетних стариков, страдающих всевозможными катарами. Или же они столкнулись на дискотеке. Прогулка по пьяцца Плебишито, поцелуй перед возвращением домой. Затем следуют проведенные вместе субботы, пицца с друзьями, запертая на ключ дверь после воскресного обеда, когда остальные спят, отяжелев от еды. И так далее. Как бывает всегда и, к счастью, со всеми. Потом Дженнаро входит в Систему.

Наверное, уговорил какого-нибудь друга-мафиозо свести его с нужными людьми и стал работать на Ди Лауро. Думаю, Джельсомина, узнав об этом, попыталась подыскать ему другое занятие — здесь девушкам нередко приходится волноваться за своих женихов. Потом она, возможно, выбросила тревожные мысли из головы. В конце концов, такая же работа, как и другие. Водить машину, перевозить какие-то свертки. Начинают с малого. С пустяков. Но они дают тебе возможность жить, работать и даже испытывать иногда удовлетворение от мысли, что ты самореализовался, что тебя уважают и ценят. Потом между ними все кончилось.

Тем не менее нескольких месяцев было достаточно. Достаточно, чтобы связать Джельсомину с Дженнаро. «Пометить» ее как человека, имеющего к нему отношение. Несмотря на то что их роман прекратился, возможно, так по-настоящему и не начавшись. Неважно. Это все только догадки и предположения. Значение имеет лишь то, что девушку пытали и убили после того, как несколько месяцев назад ее увидели в Неаполе, где она кого-то обнимала и целовала. Мне это кажется невероятным. Джельсомина, как и все здесь, работала за троих. Молодым девушкам и женам часто приходится в одиночку содержать семью, потому что очень многие мужчины годами страдают от депрессий. И у секондиллянцев, и у жителей стран третьего мира тоже есть нервы. Многолетнее отсутствие работы накладывает на тебя неизгладимый отпечаток, а когда начальство обращается с тобой как с дерьмом и нет ни контракта, ни уважения, ни денег, то это убивает. Ты или становишься животным, или оказываешься на краю пропасти. Джельсомина вкалывала, как и все остальные, на нескольких работах, чтобы достаточно заработать и отдать половину денег семье. Она была еще и волонтером — помогала старикам, за то газеты наперебой расхваливали ее на все лады. По соседству с репортажами о Мине Верде как-то появилось интервью с женой Раффаэле Кутало. Сама непорочность, она уверяет, что каморра — настоящая каморра, каморра ее мужа — никогда не убивала женщин. Не позволяла строгая этика, которой придерживались не чуждые порядочности мафиози. Наверно, стоило ей напомнить случай из восьмидесятых годов, когда Кутоло велел выстрелить в лицо дочери магистрата^[23] Ламберта, совсем малышке, на глазах у отца. Но газетчики прислушиваются к синьоре, доверяют ей и ее авторитету и надеются, что каморра станет такой, как раньше. Прежняя каморра всегда лучше настоящей или будущей.

Любовные связи или дружеские отношения на войне поддерживать нельзя — они могут обернуться против тебя. Душевные переживания, обуревающие юных членов мафии, можно проследить по перехваченным телефонным разговорам, например, между Франческо Венозой и Анной, его девушкой. Эта запись фигурировала в постановлении об аресте, вынесенном прокуратурой Неаполя в феврале 2006 года. Франческо собирается укрыться в Лацио и предупреждает смс-сообщением своего брата Джованни, чтобы тот не смел ехать навстречу, иначе его могут выследить: «Привет брат, что бы ни случилось пжлста оставайся на месте, ок? Лю».

Во время последнего звонка перед сменой номера Франческо объясняет своей девушке, что ему надо уехать отсюда и что не так просто быть частью Системы:

— Мне уже восемнадцать лет... это не шутки... они выбрасывают тебя... они убивают, Анна!

Но Анна упрямая, она хочет пройти конкурсный отбор и стать сержантом карабинеров, изменить свою жизнь и заставить Франческо изменить свою. Он искренне рад стремлению

Анны вступить в ряды карабинеров, но себя чувствует слишком старым для изменений.

Франческо: «Я очень рад за тебя... но у меня другая жизнь... И я не буду ничего менять».

Анна: «Правильно, молодец, очень рада это слышать... Так держать! Ну, что еще скажешь?»

Франческо: «Анна... Анна, зачем ты так?..»

Анна: «Тебе только восемнадцать, ты можешь изменить все что угодно... Почему ты опускаешь руки? Я не могу этого понять...»

Франческо: «Я ничего не стану менять в своей жизни, ни за что на свете».

Анна: «Ну конечно, потому что тебе и так хорошо».

Франческо: «Нет, Анна, не хорошо, но на данный момент всё немного успокоилось... мы должны вернуть утраченное уважение... Люди не решались смотреть нам в лицо, когда мы проходили по району... теперь же они поднимают голову».

Франческо, примкнувшего к «испанцам», больше всего возмущает отсутствие пиетета по отношению к власти. Люди перевидали столько смертей, что смотрят на него как на члена шайки негодяев-киллеров и несостоявшихся каморристов. Это недопустимо, оставлять безнаказанными такие вещи нельзя, пусть и ценой человеческой жизни. Девушка пытается его образумить, убедить, что еще рано чувствовать себя обреченным.

Анна: «Не надо опускаться на дно, ты ведь еще можешь жить...»

Франческо: «Нет, я не хочу ничего менять в своей жизни...»

В глубине души юный «раскольник» очень боится, что Ди Лауро могут нанести вред его возлюбленной, но стремится убедить и ее, и себя: никто не тронет Анну, так как у Франческо было много девушек. Затем в лучших традициях подростковой романтики признается, что сейчас она для него единственная...

— В конце концов, в этом районе у меня было тридцать женщин... но в глубине души я чувствую, мне нужна лишь ты...

Анна, как девчонка, которой она, впрочем, и является, тотчас забывает о грозящей ей опасности и думает о последних словах Франческо.

Анна: «Хотелось бы верить».

Война продолжается. 24 ноября 2004 года убивают Сальваторе Аббинанте. Выстрелом в лицо. Это племянник одного из главарей «испанцев», Раффаэле Аббинанте из Марано. Марано — территория клана Нуволетта. Ради активного участия в бизнесе Секондильяно маранцы переселили в район Монтероза многих своих людей вместе с семьями, а Раффаэле Аббинанте, согласно полученным сведениям, возглавлял этот мафиозный анклав в самом сердце Секондильяно. Аббинанте, курировавший побережье Коста дель Соль, был одной из самых харизматичных личностей в Испании. В ходе крупного расследования в 1997 году было изъято 2500 килограммов гашиша, 1020 таблеток экстази, 1500 килограммов кокаина. Магистраты установили, неаполитанские картели семей Аббинанте и Нуволетта держат в своих руках практически все перевозки синтетических наркотиков в Испании и Италии. Опасались, что после убийства Сальваторе Аббинанте вмешаются Нуволетта, что коза ностра решит сказать свое слово в секондильянской файде. Но ничего не произошло. По крайней мере, никакого силового вмешательства. Нуволетта открыли свои границы для скрывающихся «раскольников», обозначив таким образом критическое отношение кампанийской коза ностра к войне Козимо.

25 ноября Ди Лауро убивают Антонио Эспозито в его продовольственном магазине.

Когда я приехал на место происшествия, то увидел тело, лежавшее в окружении бутылок с водой и пакетов с молоком. Два санитара подняли его, держа за руки и за ноги, и уложили в металлический гроб. После их отъезда в магазине появилась синьора, которая тотчас занялась уборкой: расставила на полу бутылки и пакеты, отмыла от пятен крови витрину с колбасами. Карабинеры ей не мешали. Эксперты уже поработали со следами выстрела и отпечатками. Заполнили ими бесполезный альманах улик. Целую ночь эта женщина убиралась в магазине, словно уборка могла что-то изменить, словно выравнивание пакетов с молоком и выкладывание в ряд пачек печенья могли помочь перенести тяжесть смерти исключительно на тот небольшой отрезок времени, когда произошло покушение.

В это время в Скампии пошли слухи, что Козимо Ди Лауро обещает 150 000 евро за сведения о местонахождении Дженнаро Марино МакКея. Немаленькое вознаграждение, но могло быть и больше, учитывая доходы такой экономической империи, как Система Секондильяно. Во время принятия решения о сумме награды учитывалась степень ценности врага. Но никакого результата это не приносит, потому что первой приезжает полиция. На тринадцатом этаже дома по виа Фрателли Черви собрались все главари-«раскольники», еще оставшиеся в этом районе. В целях безопасности они огородили лестничную клетку решетками. Участников встречи защищали еще и бронированные двери. Полиция окружила здание. То, что было призвано защитить мафиози от возможной атаки врага, теперь вынуждало их сидеть и ждать, пока штурмующие распилят решетки и высадят металлическую дверь. Каморристы, избавляясь от улик, выбросили из окна рюкзак с автоматом, пистолетами и гранатами. Ударившись об землю, автомат выпустил очередь. Одна пуля чуть задела полицейского, охранявшего здание, нежно коснулась его затылка. Мужчина был настолько напряжен, что подпрыгнул, его бросило в пот, а из-за начавшегося потом приступа паники он стал судорожно хватать ртом воздух. Возможность смерти от пули, вылетевшей из автомата, сброшенного с тринадцатого этажа, никто не принимает в расчет. Полицейский в полубессознательном состоянии начал бормотать себе что-то под нос и костерить всех подряд, он называл какие-то имена и размахивал руками, будто отгоняя от лица комаров: «Они их нам сдали. Поняли, что сами туда не успевают, и сдали, вот нас и отправили... Мы играем и за тех, и за других, спасаем им жизнь. Лучше бы оставили их здесь, они бы перестреляли друг друга, всех бы перестреляли, а нам какое, на хрен, дело?»

Его коллеги дали мне знак, чтобы я уходил. Той ночью на виа Фрателли Черви арестовали Арканджело Абете и его сестру Анну, Массимилиано Кафассо, Чиро Маурьело, Дженнаро Нотгурно — бывшего парня Мины Верде — и Раффаэле Нотгурно. Но главным событием стал арест Дженнаро МакКея — лидера «раскольников». Члены семьи Марино были первыми кандидатами на уничтожение в этой файде. Уже были сожжены принадлежащий им ресторан «Орхидея» на виа Дьяконо в Секондильяно, пекарня на корсо Секондильяно и маленькая пиццерия в Арцано на виа Пьетро Пенни. И еще дом Дженнаро МакКея, построенный в русском стиле и напоминающий деревянную дачу. Босс Голубых домов присвоил себе часть территории, на которой были лишь кубы из железобетона, разбитые дороги, засорившиеся водостоки да свет мигал от перебоев с электричеством, и превратил его в уютное шале. Построил дом из ценных пород дерева, а рядом высадил ливийские пальмы, стоящие бешеных денег. Поговаривают, однажды он ездил по делам в Россию, где гостил у кого-то на даче и был сражен. Поэтому никто и ничто не могло помешать Дженнаро Марино построить в центре Секондильяно «дачу», символ его

успешного бизнеса и одновременно обещание богатства для верных каморристов: если они будут правильно себя вести, то рано или поздно смогут позволить себе такую же роскошь, пусть и на окраине Неаполя или в самом захолустье на юге Италии. Теперь от дачи остались только бетонный остов и обугленные доски. Гаэтано, брата Дженнaro, карабинеры отыскиали в Масса Лубренсе, в номере шикарной гостиницы «Ла Чертоза». Для спасения своей шкуры он укрылся в отеле на берегу моря — неожиданный способ уйти от конфликта. Мажордом, заменявший ему руки, сказал карабинерам, когда те вошли: «Вы испортили мне отпуск».

Но арест основных фигур «испанцев» не остановил кровопролитие. 27 ноября убивают Джузеппе Бенчивенгу. Двадцать восьмого стреляют в Массимо Де Феличе, а 5 декабря очередь доходит до Энрико Моццареллы.

Напряжение порождает своего рода экран, отделяющий людей друг от друга. Во время войны глаза перестают быть отсутствующими. Каждое лицо может тебе о чем-то сообщить. Остается расшифровать. Надо только внимательно взглядеться. Все меняется. Ты должен знать, в какие магазины заходить, быть готовым ответить за каждое произнесенное слово. Надо подумать, прежде чем пройти с кем-либо по улице. Что тебе о нем известно? Ты должен быть более чем уверен, что этот человек не является одной из пешек на шахматной доске конфликта. Совместная прогулка и диалог подразумевают, что вы на одной стороне. На войне все чувства обостряются, ты становишься внимательнее, начинаешь тоньше воспринимать, видеть скрытое в глубине, сильнее чувствовать запахи. Когда дело доходит до убийства, осмотрительность уже не имеет никакого значения. Во время пальбы не задумываются, кто прав, а кто виноват. В одном телефонном разговоре Розарио Фуско — наместник Ди Лауро — не скрывает волнения и предостерегает сына:

— ...Тебя ни с кем не должны видеть — это просто, но действительно, я тебе даже написал: захочешь, приезжай ко мне или гуляй где-нибудь с девушкой, но только следи, чтобы тебя не увидели в компании с незнакомым парнем, мы ведь не знаем, на кого он работает и на чьей стороне. Если они решат отомстить такому парню, а рядом окажешься ты, то и тебе не поздоровится. Теперь ты понимаешь, какие сегодня у папы заботы...

Проблема в том, что здесь ты не можешь самоустраниться. Мало полагаться на свой образ жизни, который должен защищать от неприятностей. Лучше забыть слова «междоусобная война». Во время каморристских разборок опасности подвергается все, что до этого долго и тщательно строилось, как замок из песка, разрушенный прибоем. Люди стараются ходить по улицам тихо и незаметно, чтобы свести до минимума свое присутствие в мире. Скромный макияж у женщин, одежда блеклых цветов. Но это не всё. Страдающие астмой и неспособные бегать запираются дома, находя какой-нибудь предлог, придумывая правдоподобную причину, поскольку подобное затворничество может быть воспринято как доказательство вины, неизвестно какой, но вины, как признание собственного страха. Женщины перестают носить туфли на высоких каблуках, потому что в них неудобно убегать. Войне, не объявленной официально, не признанной властями и не освещаемой в прессе, соответствует такой же закамуфлированный страх, скрытый под кожей.

Ты чувствуешь тяжесть, как после еды или плохого вина. Страх, не выливающийся в уличные демонстрации или газетные статьи. Никаких вторжений и вражеской авиации в небе, эту войну ты ощущаешь внутри себя, словно фобию. Неясно, то ли прятать страх, то ли, наоборот, демонстрировать. Трудно понять, преувеличиваешь ты или недооцениваешь.

Сирен, подающих сигнал тревоги, здесь нет, но сведения все равно поступают самые противоречивые. Говорят, что в войне участвуют каморристские банды, мафиози убивают друг друга. Но никто не знает, к кому относится понятие «друг друга». Джипы карабинеров, полицейские блокпосты, пролетающие ежечасно вертолеты не придают уверенности, а, скорее, нагнетают напряжение. Круг сужается. О покое забыто. Они подбираются все ближе, и территория, охваченная войной, становится все меньше, концентрируя в себе смертельную опасность. Люди чувствуют себя зажатыми в ловушке, бок о бок с другими, так близко, что тепло чужих тел становится невыносимым.

Я пробирался на своей «веспе» сквозь густую пелену напряжения, висящего в воздухе. Каждый раз, когда во время файды я направлялся в Секондильяно, меня обыскивали по меньшей мере десять раз за день. Если бы, не дай бог, я вез с собой швейцарский складной ножик, то его точно пришлось бы проглотить в наказание. Меня останавливали полицейские, карабинеры, иногда финансовая гвардия,^[24] потом часовые Ди Лауро и, наконец, «испанцы». Все они обладали одинаково небольшой властью, двигались как роботы и говорили одними и теми же словами. Представители власти требовали документы, после чего следовал обыск, патрульные же обыскивали и задавали кучу вопросов, распознавали акцент, проверяли каждого чуть ли на детекторе лжи. Когда страсти совсем уже накалились, досматривать стали всех без исключения. Останавливали каждый автомобиль. Чтобы запомнить лица, проверить, нет ли оружия. Сначала, разведывая обстановку, приближались мопеды, потом мотоциклы, а под конец машины, следовавшие за тобой по пятам.

Санитары рассказали, что, когда они ехали к кому-нибудь на помощь, необязательно к получившему огнестрельное ранение, а даже к старушке с переломом бедра или к сердечнику, им приходилось тормозить, выходить, давать себя обыскивать и запускать в машину патрульного, проверявшего, действительно ли это медицинский транспорт или же уловка, чтобы спрятать оружие, киллеров или беглецов. На мафиозной войне не признают Красный Крест, ни под какой Женевской конвенцией кланы не подписывались. Автомобили скрытого патрулирования тоже не застрахованы от случайности. Однажды был открыт ураганный огонь по машине с карабинерами в штатском, которых приняли за противников. Были раненые. Через несколько дней в участок приходит паренек, явно знакомый с процедурой ареста, у него с собой чемоданчик с необходимыми вещами. Он во всем признается, поскольку наказание от своих, ожидающее его за стрельбу по карабинерам, было бы, вполне возможно, пострашнее тюрьмы. Или, скорее, для предотвращения личной неприязни между представителями закона и каморристами клан велел ему сдаться, пообещав взамен то, что ему причитается по правилам, плюс адвоката за их счет. Паренек вошел и без колебаний заявил: «Я подумал, что это „испанцы“, и выстрелил».

7 декабря меня вновь разбудил телефонный звонок посреди ночи. Мой друг-фотограф сообщил о рейде. Не просто о рейде. Об особенном рейде. Ответ на файду политиков регионального и федерального уровня.

Район «Третий мир» окружен многочисленной толпой, где полно полицейских и карабинеров. Огромный район, название которого дает исчерпывающее представление сложившейся в нем ситуации, как и надпись на стене при повороте на главную дорогу: «Район „Третий мир“, въезд запрещен». Это масштабная операция СМИ. Скампия, Миано, Пишинола, Сан-Пьетро-а-Патерно, Секондильяно после рейда будут наводнены

журналистами и шишками с телевидения. Каморра берется за старое после долгих лет затишья. Неожиданно. Подобные методы анализа уже давным-давно устарели, поскольку никто не исследовал системно этот вопрос. Как если бы мозг заморозили двадцать лет назад, а теперь разморозили. Как если бы речь шла о каморре Раффаэле Кутоло и преступных действиях на уровне подрыва автострад и убийств магистратов. За прошедшие годы изменилось все, кроме взглядов наблюдателей, экспертов и дилетантов. Среди арестованных оказывается Чиро Ди Лауро, один из сыновей босса. В клане он специализируется на торговом праве, говорит кто-то. Карабинеры вышибают дверь, обыскивают мафиози, держат на прицеле чуть ли не подростков. Мне удалось увидеть только одну сцену, когда один из штурмовиков заорал на парня, выхватившего нож:

— Брось его! Брось нож на землю! Быстро! Бросай, кому говорят!

Тот роняет нож. Блюститель порядка отбрасывает его ногой, нож врезается в плитус, и лезвие от удара входит в рукоятку. Это пластмассовая игрушка, как у черепашек-ниндзя. Карабинеры приглядывают за арестованными, осматривают помещения, ведут оперативную фотосъемку. Сносят укрепления, одно за другим. Ломают стены из железобетона, построенные в закутках под лестницами для маскировки складов с наркотиками, сносят заграждения, перекрывавшие улицы, на которых размещали товар.

Сотни женщин идут по улице, поджигая мусорные контейнеры и швыряя все, что попадает под руку, в полицейские машины. Арестовывают их сыновей, племянников, соседей, их работодателей. Однако я не ощущал солидарности с преступниками в этих яростных словах, не видел ее и на лицах. Наркаторговля служит источником пропитания, но пропитания скудного, так что большая часть населения Секондильяно — отнюдь не богачи. Только клановые предприниматели получают баснословную прибыль. Те же, кто занимается продажей, хранением, укрыванием и охраной наркотиков, работают за самые обычные зарплаты, рискуя оказаться за решеткой на долгие месяцы, а то и годы. На женских лицах застыла маска ярости. Ярости с привкусом желчи. Ярости, являющейся одновременно защитой своей территории и обвинением в адрес тех, кто никогда не замечал существования этого места, игнорировал его, предавал забвению.

Такая внезапная масштабная мобилизация сил правопорядка, организованная только после случившихся десятков убийств, после гибели девушки, которую сначала пытали, а потом сожгли, выглядит инсценировкой. Местные женщины чувствуют: здесь что-то не так. Цель арестов и обысков явно заключается не в восстановлении порядка, они проводятся в угоду тому, кому сейчас выгодно арестовывать и сносить стены.словно кто-то вдруг изменил критерии оценки и решил: их жизнь — ошибка. Люди и так знали, что все идет неправильно, они помнили бы об этом и без помощи вертолетов и броневинов, но до настоящего времени ошибка являла собой первичную форму их жизни, их способность выживать. После вторжения, которое лишь всё усложняло, больше никто и не попытался изменить ее к лучшему. Поэтому теперь женщины ревностно старались сохранить прежние забвение и изоляцию, ошибку жизни, и прогнать прочь тех, кто вдруг заметил тьму.

Журналисты сидели в своих машинах, чтобы не путаться у карабинеров под ногами. Ждали, пока все закончится, и только тогда взялись за съемку. В результате проведенной операции были арестованы пятьдесят три человека, самый молодой — 85-го года рождения. Все они выросли в Неаполе эпохи Возрождения, то есть при новом курсе, который должен был изменить их судьбы. Задержанных еще только сажают в фургоны, карабинеры надевают наручники, а каморристы уже знают, что надо делать: звонить тому или иному адвокату,

ждать, пока 28 числа домой доставят зарплату от клана и упаковки пасты для жен или матерей. Больше всего волнуются те, у кого на свободе остались сыновья-подростки, еще неизвестно, какую роль им отведут после арестов. Но это уже не им решать.

Никакой передышки в военных действиях после рейда не наблюдается. 18 декабря убивают за барной стойкой Паскуале Галассо, тезку одного из влиятельнейших боссов 90-х годов. 20 декабря — Винченцо Йорио в пиццерии. 24–10 — тридцатичетырехлетнего Джузеппе Пеццелла. Он надеется укрыться в баре, но в него выпускают целую обойму. На Рождество все стихает. Противники складывают на время оружие. Происходит реорганизация. Попытка упорядочить хаотичный конфликт и выработать стратегию. 27 декабря Эмануэле Леоне получает пулю в голову. Ему было двадцать лет. 30 декабря за оружие берутся «испанцы»: убивают двадцатилетнего Антонио Скафуро и ранят в ногу его сына. Антонио приходился родственником наместнику Ди Лауро в Казаваторе.

Тяжелее всего было понять. Понять, каким образом Ди Лауро удавалось все время опережать противника. Поражать цель и тотчас исчезать. Смешиваться с толпой и рассредоточиваться по районам. Участок «Т», Паруса, Почтовый парк, Голубые дома, Дома штрумпфов^[25] становятся джунглями, тропическим лесом из железобетона, словно предназначенным для укрытия людей, где проще простого сделаться призраками. Ди Лауро потеряли всех кураторов и наместников, но сумели развязать беспощадную войну без особых потерь в своих рядах. Это напоминает ситуацию, когда в стране случается военный переворот и смещенный президент для сохранения своей власти и защиты собственных интересов вооружает школьников и формирует новую армию из почтальонов, чиновников и начальников отделов. Он допускает бывших «мелких винтиков» системы до нового средоточия власти.

В машине Уго Де Лючии, человека Ди Лауро, замешанного, согласно обвинению Окружного управления Неаполя по борьбе с мафией, в убийстве Джельсомины Верде, установлен «жучок», который, как указано в постановлении от декабря 2004 года, фиксирует следующий разговор:

— Я ничего не буду делать, пока не получу приказ, у меня такое правило!

Идеальный солдат демонстрирует полное подчинение Козимо. Потом комментирует случай с ранением:

— Я бы его замочил, не стал бы в ногу стрелять, а сразу же полбашки ему снес, ты ж меня знаешь!.. Мы можем работать в моем районе, там спокойно...

Угарьелло, как его называют в районе, никогда бы не стал просто ранить, он бы сразу убил.

— Теперь меня послушай, представь, что вот мы есть... все в укромном месте... пятеро в одном доме... пятеро в другом, по соседству... еще пять в следующем, и вы за нами посылаете, только когда надо выпустить кому-то кишки!

Объединить по пять человек в силовые группы, разместить их в надежных укрытиях, вызывать лишь для расправы над врагами. Держать только для этого. Силовые группы называют «отрядами». Но Петроне, собеседник Уго, нервничает:

— Да, но если один из этих козлов вдруг наткнется где-нибудь на такой вот непростой отряд, то нам не жить: выследят и мозги вышибут... хотя бы парочку надо прикончить перед смертью, слышишь! Дай мне хотя бы четверых или пятерых из них порешить! — Для Петроне самый идеальный вариант — убить того, кто и не подозревает, что раскрыт. —

Проще всего иметь дело со знакомыми: сажаешь их себе в машину и везешь, куда хочешь...

Их лидирующее положение связано не только с непредсказуемостью ударов, но и с тем, что они заранее знают свою судьбу. Но напоследок надо нанести врагу как можно больший урон. По принципу камикадзе, только без взрывчатки. Это единственное, что позволяет надеяться на победу, когда ты в меньшинстве. Еще до объединения в отряды они принимаются за дело.

2 января 2005 года убивают Крешенцо Марино, отца братьев МакКеев. Его находят с запрокинутой головой в довольно необычном для шестидесятилетнего мужчины автомобиле — «смарте». У него самая дорогая в линейке модель. Может, Марино так надеялся провести патрульных, но в итоге получил одну-единственную пулю, прямо в лоб. Обошлось без крови, если не считать тонкого ручейка, вытекшего из раны. А может, он считал, что, если ненадолго выйти из дома, всего на несколько минут, ему ничего не грозит. Но хватило и этого. В тот же день в Казаваторе «испанцы» расправляются с Сальваторе Барра, зашедшим в бар. В день, когда в Неаполь приезжает президент Итальянской Республики Карло Адзельо Чампи и призывает город к решительным действиям, бросается словами о мужестве и поддержке государства, во время его выступления совершаются три покушения.

15 января выстрелом в упор убивают Кармелу Аттриче, мать «раскольника» Франческо Бароне, по прозвищу Русский, по полученным сведениям — доверенного лица МакКеев. Она уже давно не выходит из дома, поэтому приходится использовать наживку, чтобы выманить ее. Подговаривают знакомого ей паренька, тот звонит по домофону. Синьора хорошо его знает и не чувствует опасности. Спускается прямо в пижаме, открывает дверь подъезда, в лицо ей упирается дуло, и кто-то нажимает на курок. Кровь и мозговая жидкость вытекают из ее головы, как из разбитого яйца.

Когда я приехал на место преступления, к Голубым домам, труп еще не успели накрыть простыней. Люди ходили прямо по лужам крови и оставляли повсюду следы. Я судорожно сглотнул, чтобы успокоить желудок. Кармела Аттриче не сбежала. Она была в курсе происходящего, ее предупредили, что сын связался с «испанцами», но каморристская война всегда отличается отсутствием какой-либо уверенности. Ничего не знаешь наверняка. Все становится настоящим, только когда совершается. В динамике власти, абсолютной власти, нет ничего, что бы преступало границы конкретики. Решения бежать, оставаться, скрываться, доносить становятся слишком нечеткими, лишенными ясности, у любого совета есть парный, противоречащий ему, поэтому сделать выбор можно лишь по результатам произошедших в действительности событий. Когда выбор сделан, его можно только пережить.

Смерть на улице вызывает жуткий переполох. Неправда, что умирают в одиночестве. Перед глазами мельтешат незнакомые люди, которые трогают руки и ноги жертвы, пытаюсь определить, труп это или стоит вызвать скорую. На лицах тяжелораненых и находящихся при смерти написан один и тот же страх. И стыд. Звучит странно, но за секунду перед смертью вдруг ощущается стыд. *Lo sciorno*,^[26] как здесь говорят. Вроде как стоять нагишом посреди толпы. То же ощущение охватывает в случае убийства на улице. Никогда не привыкну к телам людей, погибших насильственной смертью. Санитары, полицейские — все спокойны и невозмутимы, они механически совершают одни и те же действия, не обращая внимания, кто лежит перед ними. «У нас на сердце мозоль, а желудок обит войлоком», — сообщил мне водитель труповозки, совсем еще мальчишка. Если приезжаешь

раньше машины скорой помощи, то поневоле смотришь на раненого во все глаза, хоть бы и предпочел вовек его не видеть. Я никогда не мог понять, что люди умирают таким образом. Мне было лет тринадцать, когда я впервые увидел мертвеца. Тот день запомнился во всех деталях. Проснулся я крайне смущенный, поскольку под пижамой, надетой на голое тело, была отчетливо видна непроизвольная эрекция. Типичная утренняя эрекция, скрыть которую невозможно. Я так хорошо запомнил этот эпизод, потому что по дороге в школу обнаружил труп в таком же состоянии. Нас было пятеро школьников с рюкзаками, полными учебников. И вдруг мы оказались возле изрешеченной пулями «альфа-ромео альфетты». Мои одноклассники рванули к ней, сгорая от любопытства. Там, где была спинка сиденья, в воздухе торчали ноги. Самый храбрый из нас поинтересовался у карабинера, почему человек лежит вверх тормашками. Карабинер ответил сразу, не делая скидок на возраст собеседника.

— Его из-за ливня так перевернуло...

Хоть я и был еще маленький, но уже знал значение слова «ливень» — автоматная очередь. В каморриста попало столько «капель», что его перевернуло. Голова вниз, а ноги наверху. Карабинеры открыли дверцу машины, и труп свалился на землю, как подтаявшая сосулька. Мы наблюдали за происходящим, никто и слова не сказал, что это зрелище не для детей. Ничья добродетельная рука не закрыла нам глаза. У трупа была эрекция. Узкие джинсы это подчеркивали. Я застыл в изумлении и долго не мог отвести взгляд. А потом на протяжении нескольких дней размышлял, как же такое могло произойти. О чем он думал, что делал перед смертью. Целые вечера я посвящал догадкам о том, что же занимало его мысли. Мучения продолжались до тех пор, пока я не набрался смелости обратиться за разъяснением и узнал: эрекция — довольно распространенное явление при насильственной смерти. Линда, наша одноклассница, увидев вываливающийся из автомобиля труп, заплакала и потянула за собой двух ребят. Сдавленные рыдания. Молодой человек в штатском поднял за волосы голову мертвеца и плюнул ему в лицо. Повернулся к нам со словами:

— Ну и чего плачете? Это была падаль, так что ничего не случилось, все в норме. Ничего не случилось. Не плачьте...

С тех пор при виде сотрудников криминальной полиции в резиновых перчатках, ступающих очень осторожно, чтобы, не дай бог, не сместить пыль или стреляную гильзу, я перестал им верить. Когда я оказываюсь возле жертвы раньше скорой помощи и становлюсь свидетелем последних минут жизни человека, уже чувствующего приближение конца, то всегда вспоминаю финал романа «Сердце тьмы», ^[27] когда Марлоу возвращается на родину и к нему приходит женщина с вопросом о том человеке, которого она любила: что сказал Куртц перед смертью? Марлоу решает солгать. Говорит, умирающий звал ее, хотя на самом деле он о ней не вспоминал. Куртц произнес лишь одно слово: «Ужас». Считается, последнее слово находящегося при смерти человека отражает его последнюю мысль, самую главную и важную. Что он называет ту вещь, ради которой стоило жить. Это не так. Когда кто-то умирает, от него исходит только страх. Все или почти все инстинктивно произносят одну и ту же фразу, простую и банальную: «Я не хочу умирать». Чужие лица, заслонившие лицо Куртца и слившиеся с ним, выражающие страдание, отвращение и отказ от уродливой смерти в худшем из возможных миров, объятom ужасом.

После того как я увидел десятки мертвецов, окровавленных и выпачканных в грязи, испускающих тошнотворные запахи, на которых смотрят с любопытством или профессиональным безразличием, которых сторонятся, как прокаженных, и реагируют на

них нервным вскриком, то пришел к одному-единственному выводу, настолько элементарному, что он граничит с идиотизмом: смерть отвратительна.

В Секондильяно у молодежи, подростков и детей уже сложились четкие представления о смерти и о том, как лучше умирать. Я проходил мимо места, где попала в западню Кармела Аттриче, когда услышал разговор двух парнишек. Голоса у них были серьезнее некуда.

— Я хочу умереть, как она. Два выстрела в голову: бах, бах — и все кончено.

— Но ей же в лицо, ей в лицо стреляли! Когда в лицо — это хуже всего.

— Ничего не хуже, это всего одна секунда. Какая разница, с какой стороны, все равно голова.

Я решил присоединиться и вмешался в разговор со своим предложением:

— По-моему, лучше в сердце. Один выстрел — и готово...

Но мальчику о боли было известно гораздо больше. Он подробно рассказал об ощущениях, сопровождающих попадание пули в тело, — как настоящий эксперт.

— Нет, в сердце — это плохо, очень плохо: больно, и умираешь только минут через десять. Легкие должны наполниться кровью, а сама пуля как раскаленное жало, которое проникает в тебя и проворачивается внутри. Когда попадают в руки или ноги — тоже плохо. Но это, скорее, похоже на укусы змеи. Укус, который остается в твоей плоти. В голову же лучше всего, так хоть не обоссешься и в штаны не наложишь. Кто захочет еще потом корчиться на земле...

Он видел это своими глазами. И не один раз. Быть убитым выстрелом в голову — значит не трястись от страха, не ссать в штаны и не отравлять воздух вонью из дырок в животе. Интересуясь всеми подробностями, я расспросил его еще о смерти, о ловушках и засадах. Задал ему разные вопросы, кроме одного, который должен был бы задать: почему в четырнадцать лет он думает о том, как лучше умереть. Но эта мысль даже не пришла мне в голову. Вместо имени мальчишка назвал свою кличку. Ее позаимствовали из японского мультсериала «Покемоны». Паренек был светловолосый и коренастый, вот его и окрестили Пикачу. Он указал мне на двух типов в толпе, образовавшейся вокруг тела убитой женщины, они тоже остановились поглазеть на труп. Пикачу тихо сказал:

— Вон те, видишь, это они Куколку пришили...

Кармелу Аттриче называли Куколкой. Я постарался запомнить лица указанных парней. Они выглядели взволнованными и расталкивали людей, чтобы получше разглядеть, как полицейские накрывают тело. Они даже не скрывали свои лица, когда шли на дело. Потом сели неподалеку, у статуи Падре Пио, и подождали, пока вокруг трупа соберется толпа. Через несколько дней их накрыли. Целую группу собрали, чтобы убрать беззащитную женщину, вышедшую к убийцам в пижаме и тапочках. Группа прошла боевое крещение, превратившись из занимающихся розницей сбытчиков в боевые единицы. Самому младшему было шестнадцать лет, старшему — двадцать восемь. Предполагаемому убийце — двадцать два. Когда во время ареста один из них увидел вспышки и телекамеры, то засмеялся и принялся подмигивать журналистам. Взяли под стражу и «приманку» — шестнадцатилетнего подростка, позвонившего Аттриче по домофону и попросившего ее спуститься. Шестнадцать лет. Столько же было и дочери погибшей, которая, заслышав выстрелы, выбежала на балкон и разрыдалась, потому что все уже поняла. Расследование подтверждает, убийцы вернулись на место преступления. Чрезмерное любопытство. То же самое, будто поучаствовать в собственном фильме. Сначала в качестве актера, а потом — зрителя, но в той же картине. Видимо, правду говорят: кто нажимает на курок, не помнит в точности своих действий, поэтому ребята вернулись ради интереса, посмотреть, что же у них вышло и какое лицо было у жертвы. Я поинтересовался у Пикачу, входили ли эти молодчики в один из отрядов Ди Лауро или, может, только планировали объединиться. Мальчишка расхохотался:

— Тоже мне отряд! Они-то спят и видят... а сами ссыкуны малолетние... уж я-то видел настоящий отряд...

Может, Пикачу все выдумал или же просто пересказывал бродившие по Скампии слухи, но он не упускал ни малейшей подробности. Паренек описывал все так детально, что сомнения развеивались сами собой. Во время своего рассказа он с удовольствием наблюдал за моим изумленным лицом. У Пикачу была собака по кличке Карека, названная в честь бразильского нападающего из «Наполи», чемпиона Италии. Собака часто выбегала на крыльцо. Однажды она почуяла кого-то в доме напротив, обычно пустующем, подошла к двери и принялась царапать ее когтями. Через несколько секунд из-за двери полоснула автоматная очередь, сразив пса наповал. Пикачу сопровождал свою речь звуками:

— Тра-та-та... Карека сдох сразу же... а дверь бух!.. и резко распахнулась.

Паренек опустился на землю у стены, уперся в нее ногами и изобразил, будто он стреляет из автомата. Так сидел часовой, убивший его собаку. Место часового всегда прямо за дверью. Он сидит, подложив за спину подушку, и упирается подошвами в косяки, расположенные по бокам от двери. Неудобная поза не дает уснуть, а стрельба снизу вверх обеспечивает точное попадание в непрошеного гостя, причем сам часовой остается вне опасности. Как рассказал Пикачу, чтобы загладить вину за убийство собаки, его семье заплатили компенсацию, а ему самому предложили зайти в дом, где скрывался отряд. Он запомнил все, полупустые комнаты, в которых стояло лишь несколько кроватей, стол и телевизор.

Пикачу говорил очень быстро, оживленно жестикулируя, и описывал дислокацию и действия членов отряда. Все нервные, напряженные. И с ними тип с лимонками на шее. Так называют гранаты, которые участники отряда носят на теле. Пикачу рассказал, что у окна стояла целая корзина лимонов. Клань каморры всегда отличалась особой любовью к гранатам. Любой клановый арсенал забит гранатами, как ручными, так и

противотанковыми, которые завозили из восточной Европы. Свободное время члены отряда проводили за игрой в Sony PlayStation, и Пикачу всех их обыгрывал. Ему за постоянные победы даже пообещали «взять однажды с собой и дать пострелять по-настоящему».

Одна из легенд этого района, которую рассказывают и дополняют до сих пор, связана с именем Уго Де Лючии: он был заядлым игроком в Winning Eleven, самый известный футбольный симулятор на PlayStation. По полученным данным, за четыре дня он не только совершил три убийства, но и выиграл футбольный чемпионат на игровой приставке.

История, услышанная от Пьетро Эспозито, по кличке Коджак,^[28] во время допроса, больше чем просто легенда. Как-то он зашел к Уго Де Лючии, когда тот лежал на кровати перед телевизором и комментировал новости:

— У нас еще два заказа! А у них, в Третьем мире, один.

Телевидение позволяло отслеживать все события клановой войны в реальном времени и не подвергать себя опасности, как в случаях с использованием телефонов. С этой точки зрения повышенное внимание средств массовой информации к Скампии, вызванное войной, имело огромное стратегическое значение. Больше всего меня покорило слово «заказ». Теперь так называют убийство. Пикачу точно так же говорил о погибших мафиози: заказы Ди Лауро и заказы «раскольников». Выражение «выполнить заказ» пошло от людей, выполняющих сдельную работу. Лишение человека жизни приравнивается, например, к изготовлению какого-нибудь изделия. Заказ.

Мы с Пикачу решили немного прогуляться, по дороге я узнал о ребятах Ди Лауро — настоящей мощи клана. На вопрос о месте их встреч он предложил проводить меня, потому что хотел продемонстрировать — его здесь держат за своего. По вечерам мафиози собирались в одной пиццерии. Сначала мы зашли за другом Пикачу, когда-то работавшим на Систему. Мальчишка его обожал и описывал чуть ли не как босса. С помощью Тонино многие каморристы связывались друг с другом, поскольку он занимался «прокормом» скрывающихся от правосудия членов Системы. По его словам, ему доводилось ходить за продуктами для семьи самого Ди Лауро. За неумеренное поглощение всяческих шоколадок и печенья его прозвали Тонино Кит-Кат. Юнец изображал из себя босса, пусть и мелкого, а я не скрывал своего скепсиса. Наконец Кит-Кату надоело отвечать на мои вопросы, и он задрал свитер: вся грудь была в синяках. В центре лиловых окружностей лопнули капилляры и образовались желтые и зеленоватые круги.

— Кто это сделал?

— Жилет...

— Жилет?

— Бронежилет...

— И от бронежилета такие синяки остаются?

— Нет, «баклажаны» у меня от ушибов...

Синяки, или «баклажаны», оставляли пули, которые жилет останавливал в сантиметре от тела. Чтобы приучить подростков не бояться оружия, на них надевали бронежилеты, а потом стреляли. Но просто надеть бронежилет недостаточно, чтобы удержаться от желания пуститься наутек при виде оружия. Это не вакцина от страха. Естественный страх приглушить можно только одним способом: показать, как можно нейтрализовать оружие. Мне рассказывали, что их вывозили за пределы города, прямо рядом с Секондильяно. Приказывали надеть бронежилеты под футболки, а потом из пистолета стреляли в них по очереди, так что в итоге на каждого приходилось по пол-обоймы. «Когда в тебя попадает

пуля, падаешь на землю и не можешь дышать, открываешь рот, пытаешься вдохнуть, а воздух не идет. Кажется, что пришел твой час. У тебя все трещит, будто лопнешь сейчас... но потом ты встаешь, это самое важное. После такого удара ты встаешь». Кит-Кат наравне с другими испытал на себе эту тренировку, где его учили умирать или, вернее, почти умирать.

Едва мальчишки становятся способными ощутить верность клану, их тотчас вербуют. Это случается в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, у многих отцы или братья — члены Системы, другие родились в семьях, работающих на мафию. Они образуют новую армию неаполитанской каморры. Людей поставляют самые разные районы: исторический центр, квартал Санита, Форчелла, Секондильяно, Сан-Гаэтано, Испанские кварталы, Паллонетто, — поэтому процедуру зачисления проводят разные кланы. По численности это самое настоящее войско. От малолетних мафиози клану сплошная выгода: им полагается меньше половины зарплаты взрослого каморриста даже самого низкого ранга, родителей, чаще всего, содержать не надо, жены и детей нет, рабочего расписания и необходимости в пунктуальной выплате зарплаты тоже нет, и, главное, они могут постоянно болтаться на улице. Обязанности у них бывают разные, различной степени ответственности. Начинают с торговли легкими наркотиками, обычно гашишем. Чаще всего выбирают наиболее оживленные улицы, постепенно переходят на продажу «колес» и вскоре, для удобства, получают мопед. Заканчивают кокаином, который распространяют прямо в университетах, около баров и дискотек, перед гостиницами, на станциях метро. Дети-продавцы играют крайне важную роль в подвижной экономике наркоторговли, поскольку меньше бросаются в глаза, сбывают товар в перерыве между футболом и катанием на мопеде, да и часто сами приезжают к клиенту на дом. Обычно клан не заставляет мальчишек работать по утрам, и они продолжают ходить в школу, несмотря на свое нежелание: если бросить учебу, это привлечет лишнее внимание. Часто новоиспеченные каморристы уже по истечении первых месяцев работы обзаводятся оружием и демонстративно ходят с ним повсюду, заботясь не только о самообороне, но и о повышении статуса, — такая наружная реклама увеличивает шансы на продвижение по служебной лестнице. Оружие автоматическое и полуавтоматическое, использовать его учатся на мусорных свалках где-то на окраинах или в катакомбах подземного Неаполя.

Когда надежность новообращенных получает окончательное подтверждение и наместник понимает, что им можно полностью доверять, юнцы могут сменить статус наркоторговца на «кукушку».^[29] За ними закрепляют улицу, и надо контролировать, чтобы грузовики, которые поставляют товар в супермаркеты, магазины и лавки, были «своими», или же следить, чтобы дистрибьютором в магазине оказался нужный человек. На стройках тоже нужны «кукушки». Фирмы-подрядчики обычно отдают заказы строительным компаниям, принадлежащим каморре, но иногда работа достается тем, кому не следует. Выяснить, передают ли заказы на сторону, можно лишь с помощью долгого ненавязчивого наблюдения. Эту работу поручают новобранцам, которые следят, контролируют, докладывают о результатах наместнику, от него получают инструкции, какие действия предпринять в случае «неправильного» поведения подрядчика. Молодые ребята ведут себя как матерые каморристы и несут отнюдь не детскую ответственность. Раннее начало карьеры, затем стремительное движение вперед — и подобные взлеты, приводящие в высшее мафиозное руководство, модифицируют генетическую структуру клана. Подростки-наместники и боссы-мальчишки становятся непредсказуемым и безжалостным противником, следующим своей, новой логике и затрудняющим силам правопорядка и

Управлению по борьбе с мафией понимание процесса его развития. Клан состоит сплошь из новых, незнакомых лиц. После проведения столь желанной Козимо реконструкции клана во главе целых отраслей наркоторговли оказываются пятнадцати- и шестнадцатилетние пацаны, под чьим началом ходят сорокалетние мужики, и подростки не чувствуют ни малейшего неудобства или смущения, отдавая приказы. Юный Антонио Галеота Ланца сидит, включив музыку погромче, в машине, где полицейскими установлен «жучок», и рассказывает о своей жизни наркоторговца:

— ...Каждый воскресный вечер я получаю восемьсот-девятьсот евро, пусть эта работа и связана с крэком и кокаином, пусть за нее полагается пятьсот лет тюрьмы...

Все чаще молодые члены Системы прибегают к помощи «пушки», как они называют пистолет, чтобы получить желаемое — так мобильный телефон, музыкальный центр, машина или мопед становятся мотивами убийства. В Неаполе, наводненном детьми-солдатами, в лавках, магазинах или супермаркетах у касс нередко услышишь заявления наподобие этих: «Я из Системы Секондильяно» или «Я из Системы кварталов». Магические слова позволяют маленьким мафиози брать все что угодно, и ни один продавец никогда не осмелится даже заикнуться о деньгах.

В Секондильяно обновленную структуру военизировали. Мальчишек сделали солдатами. Пикачу и Кит-Кат привели меня в местную пиццерию к Нелло, выполнявшему ответственное задание: он кормил ребят из Системы, когда у них заканчивалась смена. Сразу за мной в ресторанчик ввалилась целая группа. Все неповоротливые, прямо увальни, кажущиеся толстыми из-за спрятанных под одеждой бронежилетов. Они оставили мопеды на тротуаре и зашли, ни с кем не здороваясь. Движениями и надутыми фигурами каморристы походили на игроков в американский футбол. Детские лица, у некоторых «бойцов» еще только борода расти начала, им было от тринадцати до шестнадцати лет. Пикачу и Кит-Кат усадили меня с ними, и вроде бы никто не возражал. Все что-то ели, но больше пили. Воду, кока-колу, фанту. Их мучила невыносимая жажда. Подростки попросили принести бутылку оливкового масла и поливали им каждую пиццу, жалуясь, что еда слишком сухая. У них во рту все пересохло: и слюна, и слова. Я сразу заметил, что они провели не одну бессонную ночь и были под действием таблеток. Им давали MDMA,^[30] чтобы не клонило в сон и не хотелось есть слишком часто. Патент на MDMA принадлежал немецкой лаборатории Merck, которая во время Первой мировой войны снабжала наркотиком своих солдат — их называли *Menschenmaterial*, пушечное мясо, — таблетки помогали преодолевать голод, холод и страх. К этому же средству прибегали и американские шпионы. Теперь и маленькие солдаты получали свою долю искусственной храбрости и суррогатной выносливости. Они отрезали куски пиццы и ели, всасывали их в себя. От стола доносилось хлюпанье, какое производят старики, пьющие с ложечки бульон. Оторвавшись от еды, ребята снова стали заказывать воду целыми бутылками. И тогда я совершил поступок, за который мог дорого заплатить, но в тот момент мне казалось, что бояться нечего, передо мной сидели дети. Все равно дети, хоть и одетые в броню. Я поставил на стол диктофон и громко произнес, обращаясь к каждому из них, удерживая их взгляды:

— Смелее, вы можете сейчас говорить о чем захотите!

Никому мой поступок не показался странным, никто не заподозрил во мне легавого или журналиста. Кто-то выругался в микрофон, но наконец один мальчик согласился рассказать о своей карьере после нескольких наводящих вопросов. Казалось, он только этого и ждал.

— Сначала я работал в баре, получал в месяц двести евро, с чаевыми — двести пятьдесят, и только и думал, как бы уволиться. Хотел работать с братом в мастерской, но не взяли. В Системе у меня за неделю триста евро набегает, а если продажа хорошо идет, то еще и проценты от каждого «кирпича»^[31] добавляются, в сумме получается триста пятьдесят-четыреста евро. Горбачусь как проклятый, но зато всегда надбавка выходит.

Затем двое ребят продемонстрировали свое умение рыгать, записав на диктофон целый концерт, и слово взял их друг по имени Саторе — нечто среднее между Саза и Тоторе:

— Раньше я все время проводил на улице, меня раздражало отсутствие мопеда, приходилось ходить пешком или ездить на автобусе. Я люблю свою работу, все меня уважают, и я могу делать что хочу. Теперь мне дали оружие, и надо постоянно быть здесь. Третий мир, Дома штрумпфов. Чувствую себя здесь как в ловушке, ни шагу вправо, ни шагу влево. Мне это не нравится. — Саторе улыбнулся и заорал в микрофон: — Выпустите меня отсюда! Передайте хозяину!

Их вооружили, обеспечили пистолетами и обозначили небольшую территорию, на которой они должны были работать. Слово взял Кит-Кат, он держал диктофон так близко, что записалось даже его дыхание:

— Я хочу открыть фирму по реконструкции зданий, склад или магазин, и Система должна обеспечить меня для этого деньгами, со всем остальным я сам разберусь, уж на ком жениться — точно решу самостоятельно. Моя невеста будет нездешней. Модель, негритянка или немка.

Пикачу вытащил из кармана колоду карт, и четверо присутствующих включились в игру. Остальные встали, потягиваясь. Никто из них так и не снял куртки. Я вновь принялся расспрашивать Пикачу об отрядах, но моя настойчивость начала раздражать его. Несколько дней назад он побывал в доме, где раньше базировался один отряд, они всё там разнесли, уцелел лишь mp3-плеер, который они слушали, отправляясь на выполнение очередного заказа. Эти песни члены отряда слушали по дороге к своей жертве, и теперь драгоценное собрание музыкальных файлов висело на шее у Пикачу. Я вежливо поинтересовался, не одолжит ли он мне его на время. Он рассмеялся, словно говоря, что, если я и принял его за психа, за идиота, раздающего направо и налево свои вещи, то он не обиделся. Мне ничего не оставалось, как выкупить раритет: пятьдесят евро — и плеер мой. Я тотчас надел наушники, собираясь наконец-то узнать, какое музыкальное сопровождение должно быть у расправы. Я ожидал услышать рэп, тяжелый рок или хэви-метал, но никак не подборку из песен неомелодистов и поп-музыки. В Америке стреляют, наслушавшись рэпа, а в Секондильяно убийство совершают под песни о любви.

Пикачу занялся раздачей карт и предложил к ним присоединиться, но я в этом ничего не понимал. Официанты были ровесниками молодых каморристов и смотрели на них с восхищением, не решаясь даже обслужить. Их обязанности собственноручно выполнял хозяин. Здесь работа подмастерьем, официантом или строителем сродни позору. Помимо основных причин: грязной работы, неоплачиваемых отпусков и больничных листов, десятичасового, в среднем, рабочего дня — ты еще и лишен надежды на какое-либо улучшение твоей жизни. Система по крайней мере хотя бы создает иллюзию того, что труд действительно вознаграждается, что существует возможность карьерного роста. Член клана никогда не опустится до работы подмастерьем, ни одна девушка не примет ухаживаний неудачника. Все эти раздутые от бронежилетов мальчишки, вызывающие улыбку дозорные,

похожие на кукол-игроков в американский футбол, мечтали о славе не Аль Капоне, но Флавио Бриаторе,^[32] о карьере не наемника, но бизнесмена, окруженного толпой фотомоделей. Они хотели стать успешными предпринимателями.

19 января убивают сорокапятилетнего Паскуале Паладини. Восемь выстрелов. В грудь и голову. Через несколько часов стреляют в девятнадцатилетнего Антонио Аулетту, стреляют в ноги. Но 21 января наступает перелом. Слухи распространяются с быстротой молнии, не нужны никакие СМИ. Козимо Ди Лауро арестован. Лидер коски,^[33] инициатор массовых убийств, как указано в обвинении прокуратуры Неаполя, глава клана, по признанию сдавшихся. Козимо прятался в квартирке площадью в сорок квадратных метров и спал на старой продавленной кровати. Наследник криминальной империи, способный на одной только наркоторговле зарабатывать по пятьсот тысяч евро в день и жить на роскошной вилле стоимостью в пять миллионов евро, был вынужден скрываться в вонючей дыре неподалеку от своего предполагаемого дворца.

На Виа Купа-делль-Арко рядом с домом семьи Ди Лауро буквально из ниоткуда появилась вилла. Элегантное поместье XVIII века, перестроенное в помпейскую виллу. Имплувий, колонны, лепнина и скульптуры, подвесные потолки и парадные лестницы. Эта вилла для всех была загадкой. Никто не знал ее официальных владельцев, карабинеры проводили одно расследование за другим. Но у местных жителей даже сомнений не было: дворец предназначался для Козимо. Карабинеры обнаружили виллу совершенно случайно, когда, проходя мимо внушительного забора, увидели внутри рабочих, которые, заметив людей в форме, мгновенно разбежались. Война помешала закончить ремонтные работы, завезти мебель и повесить картины, чтобы дом стал королевской резиденцией, новым сердцем распадавшегося на глазах клана Секондильяно.

Когда Козимо слышит топот карабинеров в армейских ботинках, пришедших его арестовать, когда слышит лязг затворов, он не пытается бежать, не достает оружие. Он встает перед зеркалом. Под краном смачивает расческу, зачесывает назад волосы со лба и собирает их в хвост на затылке, оставляя несколько прядей лежать на шее. На нем темная водолазка и черный плащ. Козимо Ди Лауро наряжается до комичного по-гангстерски, в стиле ночного убийцы, и спускается по лестнице с гордо поднятой головой. Он хромает: неудачное падение с мотоцикла несколько лет назад и покалеченная нога — подарок на память о том дне. Но Ди Лауро предвидел и это. Опираясь на плечи ведущих его карабинеров, он скрывает свой недостаток и идет обычным шагом. Новые главнокомандующие неаполитанских преступных коалиций не похожи на типичных «хозяев района»: никаких выпученных безумных глаз, как у Кутоло, они не ведут себя как Лучано Лиджо и не изображают пародию на Счастливчика Лучано и Аль Капоне. «Матрица», «Ворон», «Криминальное чтиво» быстрее и доходчивее дают понять, чего боссы хотят и что из себя представляют. Это общеизвестные шаблоны, которые не нуждаются в дополнительных пояснениях. Внешний эффект важнее, чем тайный язык подмигиваний или какие-нибудь местные легенды о преступниках. Козимо чуть опускает подбородок, не отрываясь смотрит исподлобья в объективы фото- и телекамер. Он не может позволить схватить себя, как Бруску, который предстал перед полицией в поношенных джинсах и заляпанной рубашке, не паникует, как Риина, которого мигом втокнули в полицейский вертолет, не появляется, как Миссо, босс района Санита, с удивленным и заспанным лицом. Козимо был воспитан в обществе, ждавшем зрелищного представления, и умел играть свою

роль. Он похож на воина, впервые в жизни решившего сделать передышку. Кажется, это расплата за излишнюю смелость, чрезмерное рвение на поле битвы. Лицо мафиозо — лицо воина. Кажется, это не арест, а просто смена дислокации. Он знал, что, начав войну, лишь приблизит свой арест. Но выбора не было. Война или смерть. И арест главарь преподносит как свою победу, как символ мужества, велящего отринуть какую бы то ни было помощь или покровительство, лишь бы сохранить клан и его строй.

Местные жители не могут спокойно смотреть на происходящее. Начинается погром, разбивают машины, в бутылки наливают бензин, поджигают и бросают. Эта групповая истерика нужна не для того, чтобы сорвать арест, как могло бы показаться, но для предотвращения вендетты. Чтобы не было и тени подозрения. Это знак для Козимо, что его не предали. Никто его не выдал, тайное убежище раскрыли не соседи по дому. Это масштабное действие — в своем роде мольба о прощении, служба во имя искупления грехов, где жертвенный алтарь выстроен из тлеющих полицейских машин и перевернутых мусорных контейнеров, над которыми висит черный смог от горящих покрышек. Если Козимо что-то заподозрит, то они даже вещи не успеют собрать: на них обрушится очередное беспощадное наказание — гнев его соратников.

Через несколько дней после ареста наследника клана его лицо, вызывающе глядящее в телекамеры, появляется на заставках в мобильных телефонах десятков мальчишек и девчонок — учеников школ Торре-Аннунциаты, Куарто, Марано. Провокационный поступок, самое обычное подростковое сумасбродство. Конечно. Но Козимо знает об этом. Именно так надо действовать, чтобы тебя признали главным, чтобы завоевать любовь толпы. Здесь необходимы экраны телевизоров и газетные страницы. Важно даже то, как ты собираешь волосы в хвост. Козимо — наглядный пример нового предпринимателя Системы. Это новая буржуазия, ни перед чем не останавливающаяся, движимая одним-единственным желанием: господствовать во всех секторах рынка, все прибрать к рукам. Ни от чего не отказываться. Для них сделать выбор не значит ограничить свое поле деятельности, лишить себя других возможностей. Только не для тех, кто воспринимает жизнь как возможность получить все, рискуя безвозвратно потерять то, что есть. Они готовы на любые лишения, готовы сесть в тюрьму, умереть. Лишь бы не отказываться. Хотеть всего и сразу и получить как можно раньше. Вот та притягательная сила, которую и олицетворяет Козимо Ди Лауро.

Все, в том числе и те, кто трясется за свою драгоценную безопасность, оказываются под конец жизни запертыми в клетке старости с сиделкой-полькой под боком и рано или поздно обнаруживают у себя на голове рога. Зачем, впадая в депрессию, искать работу, от которой потом будет тошно, зачем соглашаться на предложение сидеть на телефоне и отвечать на звонки, но зато «с неполным рабочим днем»? Становись предпринимателем. Только настоящим. Способным торговать чем угодно и зарабатывать на пустоте. Эрнст Юнгер^[34] сказал бы, что величие неотделимо от бурь. То же самое сказали бы и предприниматели-каморристы. Быть в центре всего происходящего, стать средоточием власти. Все вокруг — средство, ты сам — цель. Тот, кто называет это аморальным, кто считает, что жизнь без этики невозможна, что экономика обязана следовать определенным правилам и соблюдать четкие границы, всего лишь неудачник, ничего не добившийся и побежденный рынком. Этика — удел проигравшего, его защита, оправдание для того, кто не рискнул безвозвратно потерять то, что имеет, и взамен получить все. У закона есть свои нерушимые постулаты, но справедливость — это совсем другое. Справедливость представляет собой некое абстрактное начало, она распространяется на всех без исключения и способна, в

зависимости от того, как ее интерпретировать, оправдать или приговорить любого человека: министры виновны, папы виновны, виновны святые, и виновны еретики, виновны революционеры, и виновны реакционеры. Виновны все, кто предал, убил, совершил ошибку. Виновны за то, что состарились и умерли. Виновны за то, что позволили себя обойти и победить. Все виновны перед лицом вселенского суда морали, но оправданы судом необходимости. Справедливость и несправедливость имеют смысл только по отношению к конкретному случаю: победа это или поражение, действие, совершенное тобой или, наоборот, направленное на тебя. Если кто-то тебе грубит, обращается с тобой без капли уважения, то речь идет о несправедливости, если же, наоборот, выказывает свое расположение, то это справедливость.

Говоря о кланах, следует обратить особое внимание на эти категории. Два понятия. Двух вполне достаточно. Им больше не надо. Вот единственная реальная система оценки. За ее пределами только религия и исповедальня. Экономическая мощь основана именно на этой логике. Не каморристы гонятся за сделками, а сделки гонятся за каморристами. Логика преступного бизнеса, замыслы боссов — воплощение идей самого ярого неолиберизма. Старые правила, новые правила, правила бизнеса, выгоды, победы над конкурентами. Все остальное не имеет значения, просто-напросто не существует. За возможность распоряжаться жизнью и смертью других людей, продвигать свою продукцию, монополизировать тот или иной сегмент рынка, вкладывать деньги в передовые отрасли расплачиваются или свободой, или жизнью. За десять лет, год, час власти. Неважно, сколько это будет продолжаться; жить и распоряжаться жизнью — вот единственное, что имеет значение. Победить в рыночной гонке и кончить как Раффаэле Джулиано, глава Форчеллы, который смотрел на солнце из окна тюремной камеры, бросая ему вызов, доказывая, что даже первородное светило не заставит его опустить глаза. Раффаэле Джулиано, чьим единственным желанием было посыпать лезвие ножа красным перцем, прежде чем воткнуть его в кого-нибудь из семьи врага, чтобы тот ощущал невыносимое жжение, пока нож, сантиметр за сантиметром, проникает в плоть. В тюрьме он оказался не за эту маниакальную кровожадность, но за вызывающий взгляд, не опускавшийся даже перед солнечным светом. Быть до мозга костей бизнесменом, готовым к любому концу — к смерти или пожизненному заключению, и обладать при этом отчаянным желанием распоряжаться безграничными экономическими ресурсами. Босса убивают или сажают за решетку, но созданная им экономическая империя остается, не переставая функционировать, изменяться, находить всё новые способы для увеличения прибыли.

Это самосознание либеристски настроенных самураев, прекрасно знающих, что за абсолютную власть надо платить, сконцентрировано в письме одного мальчишки, сидящего в тюрьме для несовершеннолетних преступников. Письмо он передал священнику, после чего его зачитали на конференции.

Все, кого я знаю, умерли или сидят в тюрьме. Я хочу стать боссом. Хочу, чтобы у меня были супермаркеты, склады, фабрики. Хочу, чтобы у меня были женщины. Хочу три машины, хочу видеть всеобщее уважение, когда я вхожу в магазин, хочу владеть складами по всему миру. А потом я хочу умереть. Как умирают настоящие боссы, которые всеми командуют. Хочу умереть от руки убийцы.

Это новая эпоха, провозглашенная предпринимателями-мафиози. Новые возможности экономики. Надо распоряжаться ею любой ценой. Власть превыше всего. Человеческая

жизнь, своя или чужая, — ничто по сравнению с экономической победой.

Молодое поколение Системы даже придумало новый термин — «говорящие мертвецы». В распечатке одного телефонного разговора, представленной в феврале 2006 года Комиссией по борьбе с мафией прокуратуре, юноша объясняет, что собой представляют местные боссы из Секондильяно: «Это молодые ребята, но они как говорящие мертвецы, живые мертвецы, двигающиеся мертвецы... Забирают у тебя все и убивают — им нечего терять...»

Главари-мальчишки, камикадзе из кланов, которые идут на смерть не во имя веры, а во имя денег и власти, не останавливаясь ни перед чем. Для них имеет смысл только такая жизнь.

21 января, той же ночью, когда арестовали Козимо Ди Лауро, было найдено тело Джулио Руджеро. Нашли сгоревший автомобиль с трупом на водительском сиденье. Труп был без головы. Голова лежала отдельно на заднем сиденье. Ее отпилили. Не отрубили одним быстрым ударом топора, а отпилили круглой пилой с зубчиками, которой слесари шлифуют сварные швы. Хуже инструмента не придумаешь, но именно за эффектность его и выбирают. Сначала пила разрезает мягкие ткани, потом, кроша, распиливает кости. Все произошло прямо там, судя по следам: по земле рядом с машиной были разбросаны ошметки плоти, словно кто-то выбросил требуху. Расследование даже не стали начинать, потому что все в округе были уверены: это знак. Послание. Козимо Ди Лауро не могли арестовать без чьего-то доноса. Никто не сомневался, что найден именно предатель. Такая кара настигает только того, кто продал босса. Судебный приговор оказался вынесен еще до начала следствия. Неважно, правда это или просто чья-то догадка. Я смотрел на ту машину с головой на заднем сиденье, брошенную на улице Хьюго Пратта, не вылезая из своей «веспы». Рядом со мной обсуждали подробности того, как подожгли тело и отпилили голову, как налили в рот бензин, вставили фитиль между зубов и подожгли, после чего голова разлетелась на части. Я завел «веспу» и поехал прочь.

24 января 2005 года. Когда я приехал, он уже лежал мертвый на кафельном полу. Напряженные карабинеры сновали туда-сюда перед салоном сотовой связи, где произошло покушение. Очередное. «В день по мертвецу — это уже традиция Неаполя», — нервно бормочет проходящий мимо парень. Останавливается, снимает шляпу, хотя трупу это безразлично, и идет дальше. Киллеры вошли в магазин, держа наготове пистолеты. Сразу было ясно, что их цель — не ограбление, а убийство, наказание. Аттилио попытался укрыться за прилавком. Он прекрасно осознавал бесполезность этого действия, но все равно не терял надежды, показывал, что безоружен, что не имеет никакого отношения к происходящему, что не сделал ничего плохого. Он наверняка понимал: за ним пришли солдаты каморры, участники развязанной Ди Лауро войны. В него разрядили несколько обойм и, выполнив задание, спокойно удалились, так спокойно, поговаривают, будто купили мобильный телефон, а не человека убили. Аттилио Романб лежит на полу. Вокруг кровь. Кажется, будто душа вытекла через многочисленные пулевые отверстия на его теле. Когда видишь кругом столько крови, начинаешь ощупывать себя, проверяя, не ранен ли ты, нет ли в той крови доли твоей,ходишь в состояние психотической тревоги, пытаешься убедить самого себя в отсутствии ран, а то вдруг ты не заметил, как они оказались на твоём теле. Да еще и сложно поверить, что в человеке может быть так много крови, ты уверен, что

в тебе ее гораздо меньше. Одной убежденности в сохранности твоей крови недостаточно: чьим бы ни было это кровоизлияние, ты будешь чувствовать себя таким же опустошенным. Ты сам становишься кровоизлиянием, чувствуешь, как отнимаются ноги, заплетается язык, руки погружаются в тягучее озеро, и мечтаешь, чтобы кто-нибудь посмотрел тебе в глаза, глубоко-глубоко, и определил бы стадию анемии. Ты бы хотел остановить санитаров и попросить сделать тебе внутривенное вливание, хотел бы, чтобы ком не стоял в горле, и тогда можно было бы съесть бифштекс, если удержать рвотные позывы. Надо закрыть глаза и не дышать. Запах запекшейся крови, пропитавший, должно быть, и штукатурку, отдает ржавчиной. Надо выйти, вдохнуть свежий воздух раньше, чем кровь засыплут опилками — от этой смеси идет такая вонь, что справиться с тошнотой совершенно невозможным.

До сих пор не пойму, почему мне когда-то пришла в голову мысль посетить место преступления. В одном уверен: не так важно систематизировать уже случившееся, воссоздавать страшную драму произошедшего. Нет никакого толку от разглядывания нарисованных мелом кружочков на полу, отмечающих места падения гильз, они напоминают детский бильярд. Наоборот, надо выяснить, осталось ли что-нибудь. Чем-то подобным я и занимаюсь. Пытаюсь отыскать хоть тень человечности, есть, быть может, тропка, лаз, прорытый червем бытия, который способен стать решением, ответом, наделить происходящее смыслом.

Тело Аттилио все еще лежит на полу, когда появляются его родственники. Две женщины, возможно мать и жена, точно не знаю. Идут, крепко прижавшись и поддерживая друг друга, плечом к плечу, как приклеенные. Они одни еще надеются на то, чего быть не может, хоть и прекрасно всё понимают. Женщины неразделимы, они опираются друг на друга, готовясь оказаться лицом к лицу с горем. В такие моменты, когда жены и матери приближаются медленными шагами к изрешеченному пулями телу, чувствуется иррациональная, безумная, наивная до глупости вера в силу человеческого желания. Люди надеются, надеются, всё надеются, что где-то допустили ошибку, «сарафанное радио» дало сбой, сержант карабинеров что-то не так понял и сделанное им заявление об убийстве не имеет под собой никаких реальных оснований. Будто упрямая вера во что-то может изменить ход событий. Кровяное давление надежды достигает в такой момент своего абсолютного максимума, забывая о существовании минимального значения. Но ничего нельзя изменить. Вся тяжесть жизни отражается в этих столах и плаче. Тело Аттилио лежит на полу. Он работал продавцом в салоне сотовой связи и подрабатывал в call-центре. Его жену звали Наталия, детей еще не было. Может, из-за отсутствия времени на ребенка, может, из-за нехватки средств на его содержание, или же они просто хотели вырастить его подальше от этого места. Дни проходили за работой, и, когда появилась возможность и нашлись деньги, Аттилио подумал, не стать ли ему акционером магазина, в котором впоследствии его и настигнет смерть. Другой акционер приходился дальним родственником боссу Баколи по фамилии Парьянте, тот большой начальник из команды Ди Лауро, один из тех, кто выступил против главы клана. Аттилио не знает или же недооценивает партнера по бизнесу и полностью ему доверяет, как человеку, живущему своим трудом и работающему не покладая рук. Здесь судьба решается вне зависимости от твоего желания, работа является привилегией, если ты чего-то достиг, то вцепляешься в это мертвой хваткой и не отпускаешь, веря, что вытянул выигрышный билет и фортуна к тебе благосклонна, даже если работать приходится по тринадцать часов в день, свободного времени остается только полвоскресенья, а зарплаты в тысячу евро еле-еле хватает на выплату по кредиту. В общем,

если есть работа, то надо быть благодарным и не задавать слишком много вопросов себе и судьбе.

Кто-то высказывает свои предположения, и дело принимает неприятный оборот. Теперь труп Аттилио Романо могут причислить к убитым за последние месяцы солдатам каморры. Раны одинаковые, но даже у стоящих по одну сторону баррикад причины смерти разные. Клань решает за тебя, кто ты есть и за кого играешь. Стороны распределены независимо от пожеланий. Когда армии выходят на улицы, их тактика перестает подчиняться внешним законам развития, они сами определяют смысл, доводы, причины. Магазин, в котором работал Аттилио, олицетворял в ту секунду подконтрольную «испанцам» экономику, и она терпела поражение.

Наталия, или Ната, как ее называл Аттилио, потрясена случившимся до глубины души. Она вышла замуж всего четыре месяца назад. Сегодня же никто ее не утешает, президент республики, министр, мэр не приехали на похороны и не держат ее за руку. Оно и к лучшему, наверно, хоть обойдется без фальшивых казенных церемоний. Смерть Аттилио не должна нести на себе печати несправедливых подозрений. Недоверие — это молчаливое согласие, сопровождающее порядки каморры. В очередной раз они соглашаются с действиями клана. Но коллеги Аттилы — так его называли за яростную волю к жизни — по call-центру устраивают целую демонстрацию и движутся по улицам, несмотря на засады и покушения, которые оставляют кровавые отметки на пути следования процессии. Они идут дальше, зажигают повсюду огни, объясняют, смывают позор, снимают подозрения. Аттила умер на рабочем месте, к каморре он не имел никакого отношения.

После покушений подозрение всегда падает на всех. Клановая машина работает слишком хорошо. Никаких ошибок. Зато есть наказание. Поэтому доверяют именно клану, не родственникам, которые ничего не понимают, не коллегам по работе, знавшим жертву, не его биографии. На этой войне уничтожают невинных людей, либо предполагая их возможную виновность, либо цинично оправдывая свои действия неизбежностью потерь.

26 декабря 2004 года убивают двадцатилетнего Дарио Скерилло. Он ехал на мотоцикле, когда в него выстрелили, в голову и грудь, и оставили умирать на земле, истекая кровью, так что рубашка пропиталась насквозь. Невинный мальчик. Было достаточно, что он из Казаваторе — несчастной земли, истерзанной клановой войной. Его гибель до сих пор обходят неодобрительным молчанием. Нет ни могильной плиты, ни эпитафии, ничего, что напоминало бы о нем. «Смерть от руки каморры всегда таит в себе неизвестность», — говорит мне старик, осеняя себя крестом возле того места, где упал Дарио. Кровь на земле сочного красного цвета. Она бывает разных цветов. Кровь Дарио пурпурная, словно все еще течет по венам. Кучи опилок силятся впитать ее. Чуть позже подъезжает автомобиль, и водитель, видя свободное место, припарковывается прямо над лужей крови. На этом все заканчивается. Скрывается от взгляда. Убийство было предупреждением, отправленным в телесной оболочке кровавым сообщением. Как в Боснии, как в Алжире, как в Сомали, как во время любой запутанной гражданской войны, когда непонятно, на чьей ты стороне, и достаточно убить твоего соседа, друга, родственника или даже собаку. Кровные узы или внешнее сходство служат достаточным основанием для начала охоты за тобой. Ты можешь схлопотать пулю лишь за то, что выбрал не ту улицу для прогулки. Самое главное — пробудить в людях всю возможную боль, трагедию и страх с целью продемонстрировать безграничную мощь, безраздельное господство, невозможность сопротивления настоящей, сметающей все на своем пути власти. Доходит до того, что мафиози ведут себя как люди,

обижающиеся по любому поводу, на любое слово или действие. Надо быть тише воды и не забывать об осторожности, чтобы не расстаться с жизнью, схватившись за оголенный провод вендетты. Тело Аттилио Романо выносили из магазина, я шел прочь от места происшествия и только тогда начал понимать. Понимать, почему взгляд моей матери, обращенный на меня, всегда выражает беспокойство и непонимание, отчего я все еще здесь, отчего не бегу подальше, а продолжаю жить в этом аду. Я попытался вспомнить, сколько человек погибло, было убито или ранено с моего рождения.

Для понимания экономического развития каморры количество трупов не имеет значения, оно ни в коей мере не отражает реальной картины власти, но тем не менее является самой наглядной иллюстрацией, позволяющей делать выводы, основываясь на реакции собственного желудка. Результат моих подсчетов: 1979 год — сто убитых, 1980 год — сто сорок, 1981 год — сто десять, 1982 год — двести шестьдесят четыре, 1983 год — двести четыре, 1984 год — сто пятьдесят пять, 1986 год — сто семь, 1987 год — сто двадцать семь, 1988 год — сто шестьдесят восемь, 1989 год — двести двадцать восемь, 1990 год — двести двадцать два, 1991 год — двести двадцать три, 1992 год — сто шестьдесят, 1993 год — сто двадцать, 1994 год — сто пятнадцать, 1995 год — сто сорок восемь, 1996 год — сто сорок семь, 1997 год — сто тридцать, 1998 год — сто тридцать два, 1999 год — девяносто один, 2000 год — сто восемнадцать, 2001 год — восемьдесят, 2002 год — шестьдесят три, 2003 год — восемьдесят три, 2004 год — сто сорок два, 2005 год — девяносто.

За годы моей жизни погибло три тысячи шестьсот человек. Каморра принесла больше жертв, чем сицилийская мафия, ндрангета, русская мафия, албанские группировки, больше, чем испанская ЭТА^[35] и ирландская ИРА,^[36] вместе взятые, больше, чем «красные бригады», вооруженные революционные отряды и все акты государственного террора в Италии. Каморра превзошла всех по количеству жертв. Я сразу вспоминаю каргу мира, которую часто печатают в газетах. Ее всегда можно найти в номере Le Monde Diplomatique, с отмеченными на ней зонами конфликта, на них указывают нарисованные костры. Курдистан, Судан, Косово, Восточный Тимор. Переводишь взгляд на юг Италии. Каждая война, связанная с каморрой, мафией, ндрангетой, апулийскими «пономарями» или «василисками» из Базиликаты, приносит горы трупов. Но тут нет условных обозначений ни в виде молнии, ни в виде костра. Это Центральная Европа. Здесь, как считается, сосредоточена большая часть экономических ресурсов нации. На чем она основана, не так важно. Главное, чтобы пушечное мясо гнило себе на окраинах, в лабиринтах из цемента и отбросов, на нелегальных фабриках и в хранилищах кокаина. Но об этом никто не смеет и заикнуться, все должно походить на войну между бандами, на войну бедняков. Теперь ты понимаешь значение усмешки, с которой тебя изучают сбежавшие отсюда друзья, когда приезжают из Милана или Падуи. Они не знают, кем ты стал. Оглядывают с ног до головы, определяя твой удельный вес и пытаюсь угадать, «отморозок» перед ними или «тихоня», неудачник или каморрист. Стоя на развилке, ты уже знаешь, по какой дороге идешь, и предвидишь, что в конце пути ничего хорошего тебя не ждет.

Я вернулся домой, но не смог усидеть на месте. Опять вышел на улицу и побежал всё быстрее и быстрее, так что ноги заплетались, пятки задевали ягодицы, руки болтались как у тряпичной куклы. Бежать, бежать, бежать. Сердце ухало, во рту слюна затопляла язык и зубы. Кровь пульсировала в вене на шее, переполнила грудь, стало нечем дышать, я вдохнул как можно больше воздуха и сразу же резко выдохнул, будто разъяренный бык. Опять набрал

скорость. Ладони ледяные, лицо горит, глаза закрыты. Я ощущал, что вобрал в себя всю виденную на земле кровь, ее было так много, будто бы она хлестала из крана, который кто-то отвернул до конца и сорвал резьбу. Вся она была в моем теле.

Остановился я на берегу моря. Запрыгнул на валун. Из-за темноты и тумана не было видно даже фонарей на судах, перемещающихся по заливу. От ветра на воде поднялась легкая рябь, волны будто бы опасались приближаться к линии прибоя и касаться скопившегося там мусора, но и обратно, в открытое море, тоже не спешили возвращаться. Застывали неподвижно над волнующейся водой, упрямо сопротивлялись, демонстрируя фантастическую стойкость, цеплялись за свой гребень из пены. Так и замирали в нерешительности, не зная, где здесь море, а где уже нет.

Наплыв журналистов начался через несколько недель. Представители СМИ приезжали отовсюду, неожиданно обнаружилось — каморра все-таки существует в этом районе. Раньше на это закрывали глаза, делая вид, что здесь промышляют исключительно всякие шайки и отдельные грабители. За несколько часов Секондильяно оказался в центре внимания. Специальные корреспонденты, фоторепортеры из крупнейших информационных агентств, вплоть до вездесущих ребят из BBC; подростки фотографируются рядом с оператором, держащим на плече камеру с узнаваемым логотипом CNN. «Они же и к Саддаму приезжали», — посмеиваются в Скампии. Тому, кто попал в объектив камеры, кажется, что теперь он находится в центре мира. Такой повышенный интерес словно впервые наделяет реальным существованием здешние края. Секондильянская бойня привлекает к себе внимание, которым вот уже двадцать лет обходили дела каморры. На севере Неаполя война уносит жизни в ускоренном темпе, придерживаясь правил уголовной хроники: за месяц с небольшим набирается несколько десятков жертв. Такое ощущение, что это делается с целью обеспечить каждого репортера покойником. Никто не остается внакладе. Толпы стажеров приезжают сюда, чтобы набраться опыта. Повсюду мелькают микрофоны, готовые записать интервью какого-нибудь наркоторговца, камеры снимают мрачный угловатый профиль «Парусов». Одной девушке все же удастся расспросить предполагаемых пушеров, сняв их только со спины. Героинщикам же почти каждый слушатель сует мелочь в обмен на рассказанные истории, которые те бормочут себе под нос. Две юных журналистки попросили оператора сфотографировать их на фоне еще не убранного обгоревшего остова автомобиля. Они впервые выступают в качестве хроникеров на этой войне местного масштаба, и как же без сувенира на память. Знакомый журналист из Франции позвонил мне и спросил, взять ли ему бронежилет, если он собирается пофотографировать виллу Козимо Ди Лауро. Группы репортеров разъезжали на машинах, снимали на фото- и видеокамеры, как исследователи, попавшие в лес, где постоянно меняется пейзаж. Некоторые журналисты передвигались в сопровождении полицейского эскорта. Худший способ узнать Секондильяно — окружить себя легавыми. Скампия не относится к труднодоступным местам, успех этой точки сбыта как раз в полной открытости, гарантированной любому покупателю. С такой охраной газетчики могут разве что увидеть собственными глазами то, о чем сообщают агентства печати. Они будто сидят перед своими рабочими компьютерами, только находятся при этом в движении.

Чуть меньше двух недель, и более ста журналистов. Все вдруг обратили внимание на существование крупнейшего европейского центра наркоторговли. Полицейских осаждают вопросами, репортеры мечтают об участии в облавах, надеясь увидеть хоть одного арестованного сбытчика или поприсутствовать при обыске. Каждому хочется впахнуть в пятнадцатиминутный репортаж кадр с наручниками и с изъятymi у бандитов автоматами. Должностные лица придумывают новый способ избавиться от назойливых репортеров криминальной хроники: подсовывают им для съемки одетых в штатское полицейских, изображающих пушеров. Люди получают желаемое, и не приходится тратить на них лишнее время. Полный набор ужасов в кратчайшие сроки. Сообщать о трагедии, показывать кровь, развороченные кишки, перестрелки, пробитые головы, обгорелые тела — это худший из кошмаров. Ужасы, о которых рассказывают, — только тень настоящего ужаса. Многие репортеры уверены, что в Секондильяно находится европейское гетто и там царит запредельная нищета. Если бы они не сбегали раньше времени, то обнаружили бы прямо перед собой костяк экономической структуры, тайный источник, питающий пульсирующее

сердце рынка.

Тележурналисты делали мне предложения одно фантастичнее другого. Кто-то просил прикрепить на ухо мини-камеру и выйти на «известные только мне улицы», чтобы понаблюдать за «известными только мне» людьми. Они мечтали отснять в Скампии выпуск реалити-шоу с обязательным убийством и торговлей «дурью». Один сценарист дал прочитать напечатанную на машинке историю о смерти и крови, в которой дьявол нового века родом из квартала Третий мир. Целый месяц я каждый вечер бесплатно ужинал, выслушивал самые невероятные и абсурдные идеи телевизионщиков, надеявшихся разжиться с моей помощью какими-нибудь сведениями. Во время файды на территории Секондильяно и Скампии вдруг появилось множество сопровождающих, пресс-секретарей, осведомителей, тайных проводников по миру каморры. Местные ребята выработали особую тактику. Разгуливали неподалеку от репортеров, прикидываясь, что продают наркотики или стоят на шухере, дожидались, пока кто-нибудь решится подойти к ним, и начинали настойчиво предлагать информацию, разъяснения, рвались позировать операторам. Сразу же озвучивали тарифы. Пятьдесят евро за свидетельские показания, сто евро за экскурсию по точкам сбыта, двести за посещение жилища наркоторговца из «Парусов».

Для понимания механизма оборота золота недостаточно изучения слитков и рудников. Надо начать с Секондильяно и двигаться по следам клановых империй. Войны каморры приводят к появлению на географической карте районов, находящихся под властью тех или иных семей, например, составляющие основу всего земли Кампании. Эту территорию иногда называют итальянским Диким Западом, где, если верить жутким легендам, автоматов больше, чем вилок. Но если забыть на минуту о вспыхивающей в определенные периоды агрессии, то сразу представляются огромные богатства, которые, конечно же, проплывают мимо здешних жителей. Но об этом не говорят вслух, телевидение и репортеров поглощает эстетика неаполитанских трущоб.

Двадцать девятого января убивают Винченцо Де Дженнаро. 31 января в колбасной лавке погибает Витторио Бевилакуа. 1 февраля приходит очередь Джованни Орабона, Джузеппе Пиццоне и Антонио Патрицио. Киллеры воспользовались старой как мир, но все еще действенной уловкой: прикинулись полицейскими. Двадцатитрехлетний Джованни Орабона был нападающим команды «Реал Казаваторе». Ребята спокойно шли по улице, когда рядом затормозила машина с мигалкой на крыше. Из нее вышли двое с полицейскими удостоверениями. Юноши не оказали сопротивления и не попытались скрыться. Они знали, как надо себя вести: позволили надеть наручники и посадить в автомобиль. Машина тронулась, через некоторое время резко остановилась, и им велели выйти. Если троица и не догадалась сразу, то при виде пистолетов всё стало ясно. Ловушка. Это были не полицейские, а «испанцы». Бунтовщики. Двоих прикончили без промедления, поставив на колени и выстрелив в голову, а третий, судя по оставленным следам, попробовал убежать, руки у него были связаны за спиной, и только голова помогала удерживать равновесие. Упал. Поднялся. Опять упал. Его нагнали и засунули дуло пистолета в рот. У трупа были сломаны зубы, парень по инерции укусил оружие, словно надеясь разгрызть его.

Двадцать седьмого февраля из Барселоны сообщают об аресте Раффаэле Амато. Он играл в казино в блэк-джек, чтобы избавиться от наличных. Ди Лауро смогли навредить только его кузену Розарио, устроив пожар в принадлежащем ему доме. Как стало известно

магистратуре Неаполя, Амато являлся харизматичным лидером «испанцев». Он вырос на виа Купо-дель-Арко, улице Паоло Ди Лауро и его семьи. Раффаэле Амато стал весьма влиятельным человеком, еще когда занимался посредничеством при перевозке наркотиков и определением инвестиционных ставок. По сведениям, полученным от сдавшихся мафиози и добытым Окружным управлением по борьбе с мафией, он обладал неограниченным кредитом у международных поставщиков и импортировал кокаин центнерами. До того как полицейские в масках уложили его лицом на землю, Амато уже попадал в облаву: однажды был арестован в казандринском отеле вместе с еще одним местным боссом и крупным албанским наркоторговцем, который для заключения сделок пользовался услугами превосходного переводчика, племянника министра Тираны.

Пятого февраля расстается с жизнью Анджело Романо. Третьего марта в Мелито убивают Давиде Кьяроланцу. Он узнал киллеров, возможно, ему даже назначили встречу. Парня пристрелили, пока он бежал к своей машине. Остановить файду не под силу ни магистратуре, ни полиции, ни карабинерам. Полицейские выбиваются из сил, но прекратить кровопролитие не могут. Пока СМИ гоняются за уголовной хроникой, постоянно спотыкаясь на интерпретациях и оценках, в неаполитанской газете появляется новость о заключении пакта между «испанцами» и Ди Лауро о немедленном перемирии, подписанного при посредничестве клана Личчарди. Этого события ждали и остальные кланы Секондильяно, а может, и каморристские картели из других районов, опасавшиеся, что десятилетнее закрывание глаз на их растущую власть пойдет насмарку из-за конфликта. Надо было снова давать указания представителям официальной власти игнорировать существование районов с чрезмерной концентрацией преступных элементов. Этот мирный договор не был написан каким-нибудь харизматическим лидером ночью в тюремной камере. Его не распространяли из-под полы, а, наоборот, напечатали в ежедневной газете. В *Cronache di Napoli*^[37] от 27 июня 2005 года, в статье Симоне Ди Мео, можно было прочесть следующие пункты соглашения:

1) «Раскольники» готовы восстановить дома, разрушенные в Скампии и Секондильяно в период с ноября по январь. Около восьмисот человек были вынуждены покинуть свои дома из-за бойцов Ди Лауро.

2) Монополии Ди Лауро на рынке наркотиков больше нет. Надо двигаться дальше. Территория будет поделена поровну. Окраины отходят к «раскольникам», Неаполь остается за Ди Лауро.

3) «Раскольники» смогут пользоваться своими каналами поставки наркотиков, посредничество Ди Лауро теперь не обязательно.

4) Месть по личным мотивам не должна влиять на дела, а деловые интересы должны стоять выше личных. Если кто-нибудь предпримет попытку трансформировать вендетту в междоусобную войну, то военные действия будут пресекаться, конфликт будет решаться между непосредственными его участниками.

По слухам, вернулся главный босс всех секондильянских боссов. Об этом говорят повсюду, от Апулии до Канады. Секретные службы отслеживают его месяцами. Паоло Ди Лауро оставляет следы своего пребывания, почти незаметные, не видные невооруженным глазом, как и его власть до начала файды. Вроде бы его оперировали в Марселе, в той же клинике, где лежал Бернардо Провенцано, один из руководителей коза ностра. Он вернулся,

чтобы или провозгласить мир, или уменьшить потери. Босс здесь, его присутствие ощутимо, даже сам воздух изменился. Как сказал один мафиозо в телефонном разговоре по поводу возвращения Ди Лауро после десятилетнего отсутствия: «Он должен был это сделать даже ценой собственной свободы». Босс-призрак, его не знали в лицо даже члены каморры. «Прощу тебя, покажи мне его хоть на секунду, всего на мгновение, я только взгляну разок и уйду», — умолял каморрист своего босса Маурицио Престьеры.

Паоло Ди Лауро настигают 16 сентября 2005 года на виа Канонико Сторнайоло. Он прячется в скромном доме Фортунаты Лигуори, подруги одной мафиозной «шестерки». Никому неизвестное место, вроде того, где отсиживался его сын Козимо. В бетонных джунглях гораздо проще замаскироваться в каком-нибудь доме, безразличном к лицам и чужим жизням. Настоящее небытие возможно только в городских трущобах, оно эффективнее, чем прятаться в подполе. Паоло Ди Лауро чуть не попался в день своего рождения. Придя домой на семейный ужин, он бросил нешуточный вызов полиции половины Европы. Но кто-то успел его предупредить. Карабинеры ворвались в дом и увидели накрытый стол, за которым пустовало одно место. Теперь же специальный оперативный отряд карабинеров, или СОО, решает действовать наверняка. Нервы у карабинеров напряжены до предела. Всю ночь они наблюдали за домом и наконец в четыре часа утра проникают внутрь. Босс же невозмутим и успокаивает их.

— Заходите... видите же, я неопасен... проблем не будет.

Двадцать полицейских машин сопровождают автомобиль с арестованным, а впереди едут еще четыре мотоцикла, проверяя, нет ли засады. Кортёж несется на огромной скорости, босса везут в бронированной машине. Возможных путей следования три. Первый — пересечь виа Каподимонте, потом промчаться по виа Пессина и пьядца Данте; второй — перекрыть корсо Секондилльяно и выехать на скоростную дорогу, ведущую в район Вомеро. На случай непредвиденных обстоятельств наготове стоит вертолет, готовый осуществить транспортировку по воздуху. Мотоциклисты сообщают, что впереди по курсу стоит подозрительная машина. Все ожидают нападения, но тревога ложная. Босса привозят в казарму карабинеров на виа Пастренго, в самый центр Неаполя. Вертолет снижается, пыль и земля с клумб на площади поднимаются в воздух и кружатся в вихре вместе с пластиковыми пакетами, бумажными салфетками, газетными листами. Мусорный вихрь.

Все проходит без осложнений. Но надо сразу распространить новость об аресте, показать, что удалось поймать неуловимого, арестовать босса. Журналисты уже ждут у дверей казармы, когда прибывает кавалькада из бронированных и полицейских автомобилей; заведя их, карабинеры садятся на дверцы машин. Окно с опущенным стеклом используют как седло, демонстративно держат в руках оружие, на лицах маски, на груди написано «Карабинеры». После ареста Джованни Бруски каждый карабинер и полицейский мечтает попасть в объектив в таком виде. Награда за проведенные в засаде ночи, удовлетворение от успешной охоты, первые полосы газет. Паоло Ди Лауро, выходящий из казармы, обходится без бравады своего сына Козимо, он сильно наклоняется, так что не видно лица, и телекамеры с фотоаппаратами довольствуются видом лысины. Возможно, это такой способ защиты. Если его снимут со всех возможных ракурсов сотни объективов и десятки телекамер, то он станет известен всей Италии, и тогда наверняка ничего не знавшие, но видевшие его соседи обратятся с показаниями в полицию. Не стоит облегчать работу следователям и обнародовать все свои секреты. Но кто-то воспринимает его

опущенную голову как знак отвращения к вспышкам и камерам, как нежелание выглядеть в глазах зевак дрессированным медведем из зверинца.

Через несколько дней Паоло Ди Лауро предстал перед судом, слушание проходило в зале № 215. Мне с трудом удалось найти свободное место среди многочисленных родственников подсудимого. Босс произнес только одно слово «здесь» в начале заседания. Больше слова ему не понадобились. Жесты, подмигивания, гримасы и ухмылки сложились в пантомиму, с помощью которой он общался с присутствующими, сидя на скамье подсудимых. Здравовался, отвечал, успокаивал. Место за моей спиной занял крупный мужчина с проседью в волосах. Мне показалось, Паоло Ди Лауро смотрит прямо на меня, но на самом деле его интересовал мой сосед. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом каморрист подмигнул.

Складывалось такое ощущение, что, узнав об аресте, многие пришли поздороваться с Паоло, которого уже долгое время не видели, поскольку тот был в бегах. Ди Лауро пришел на заседание в джинсах и темной тенниске. На ногах Paciotti, обувь этой марки здесь носят все главари кланов. Тюремщики освободили ему руки, сняв наручники. Достаточно решетки. В зал заходит весь цвет общества северного Неаполя: Раффаэле Аббинанте, Энрико д'Аванцо, Джузеппе Крискуоло, Арканджело Валентино, Мария Престьери, Маурицио Престьери, Сальваторе Бритти и Винченцо Ди Лауро. Соратники подсудимого, нынешние и бывшие, сидящие сегодня в разных углах: его люди и «испанцы». Элегантнее всех одет Престьери, на нем синий пиджак и голубая рубашка в клетку. Он первым подходит к защитному стеклу, отделяющему босса от остального мира. Здравуются. К ним присоединяется Энрико д'Аванцо, им удается даже о чем-то пошептать через трещины в пуленепробиваемом стекле. Многие каморристы не видели Ди Лауро уже несколько лет. Винченцо не встречал отца с тех пор, как в 2002 году ему пришлось удариться в бега и затем отсиживаться в пьемонтском Кивассо вплоть до ареста в 2004 году.

Я не спускал глаз с босса. Каждый его жест или гримаса казались мне достаточным материалом для написания многостраничных интерпретаций, для создания нового тайного языка знаков. Бессловесный диалог с сыном выглядел очень странно. Винченцо показал на безымянный палец своей левой руки указательным правой, будто спрашивая, где обручальное кольцо. Босс поднял руки к голове, к ушам и изобразил руль, который он якобы крутит. Мне не удавалось проникнуть в суть этих жестов. По версии газетчиков Винченцо задал отцу вопрос, почему тот без кольца, а он ответил, что карабинеры забрали все золото. По окончании пантомимы, состоящей из жестов, гримас, подмигиваний, шевеления губами и прижатых к стеклу рук, Паоло Ди Лауро замер, глядя на сына с улыбкой. Они поцеловались через стекло. После слушания адвокат обратился к судье, чтобы отцу разрешили обнять сына. Разрешили. Подсудимого охраняли семеро полицейских.

«Ты бледен», — заметил Винченцо, а отец ответил, пристально глядя ему в глаза: «Уже много лет это лицо не видит солнца».

Скрывающиеся от правосудия преступники часто теряют жизненную энергию еще до ареста. Когда долго прячешься, начинаешь остро ощущать невозможность воспользоваться собственным богатством, поэтому боссы особенно сильно чувствуют связь со своими людьми — она становится единственным объективным мерилom их экономического и общественного успеха. Сложная система защиты, нездоровая, доходящая до психоза потребность просчитывать каждый шаг, заточение большую часть времени в одной и той же комнате, откуда осуществляется управление делами, — все это делает скрывающихся боссов заложниками собственного бизнеса. Какая-то синьора в зале суда рассказала мне один

эпизод из подпольной жизни Ди Лауро. Она выглядела как учительница и была крашеной блондинкой, волосы отливали желтизной, а отросшие корни выдавали натуральный цвет. Ее голос был низким и чуть охрипшим. Речь шла о тех временах, когда Паоло Ди Лауро еще колесил по дорогам Секондиляно, вынужденный действовать соответственно всяким продуманным до мелочей стратегиям. Казалось, женщина даже сочувствует боссу, поскольку ему пришлось терпеть такие лишения. Она поведала, что у него было пять одинаковых машин: совпадали цвет, модель и номер. Когда ему надо было куда-то попасть, то одновременно выезжало пять машин, и он, естественно, сидел лишь в одной из них. Каждый автомобиль сопровождали телохранители, но даже они не знали наверняка, где сейчас находится босс. Машина выезжала за ворота виллы, и за ней пристраивалась охрана. Так с большой долей вероятности можно избежать предательств, но эта тактика еще и открыто сообщает о передвижениях босса. В голосе синьоры звучало сострадание: человек, вынужденный все время опасаться за свою жизнь, обречен на страдания и одиночество. Когда вся эта суматоха с языком жестов, объятиями, приветствиями и подмигиваниями подошла к концу и люди, принадлежащие к самым опасным кругам Неаполя, расселись по местам, отделявшее босса стекло было покрыто всевозможными пятнами: отпечатками ладоней и губ, жирными следами.

Менее чем через сутки после ареста Ди Лауро около транспортной развязки в Арцано обнаружили дрожащего как осиновый лист молодого поляка, который волок куда-то здоровенный мешок. Юноша был забрызган кровью, страх лишил его возможности нормально двигаться. В мешке оказалось тело. Перед смертью человека пытали, изуродовав до такой степени, что тело казалось выпотрошенным. Даже если заставить кого-то проглотить бомбу, чтобы она взорвалась у него в желудке, это будет гуманнее. Тело принадлежало Эдоардо Ла Монике, но опознать его не представлялось возможным. От лица остались одни губы, все остальное являло собой кровавое месиво. Израненное тело было покрыто коркой запекшейся крови. Мафиозо связали и на протяжении нескольких часов били доской, из которой торчали гвозди. Каждый удар оставлял на теле рану, он не просто ломал кости, но перфорировал плоть, вгоняя в нее гвозди. Пленнику отрезали уши и язык, сломали запястья, выдавили плоскогубцами глаза, а он при этом был еще жив и даже в сознании. Смерть наступила, когда ему раздробили лицо молотком и полоснули ножом по рту, так что получился крест. Тело должны были отнести на помойку, чтобы потом его, уже разложившимся, нашли в куче мусора. Всем понятно написанное кровью послание, хотя на трупе можно разглядеть только следы пыток. Ушами он слышал, где прячется босс, запястья направляли движения рук, бравших деньги, глаза видели, как ему отрезали язык, с помощью которого было совершено предательство. Разбитое лицо означало двуличие, с которым он совершил преступление против Системы. Метка на губах запечатала их навеки за предательство. Эдоардо Ла Моника не имел судимостей. Фамилия говорила за него: он принадлежал к одной из семей, сделавших Секондиляно землей каморры и центром предпринимательства. С этой семьей были связаны первые шаги Паоло Ди Лауро. Обстоятельства смерти Эдоардо Ла Моника и Джулио Руджеры очень похожи. Обоих пытали и истязали с особой жестокостью за несколько часов до ареста боссов. Освежаванные, искалеченные, выпотрошенные. Уже давно не видели подобных убийств со времен Кутоло и преданного ему киллера Паскуале Барры, по кличке Животное, который стал известен после убийства Фрэнсиса Турателлы прямо в камере: Барра вырвал руками у

того из груди сердце и впился в него зубами. Подобные ритуалы отошли в прошлое, но секондильянская файда вытаскивала их вновь на свет, превратив каждый поступок, каждый сантиметр плоти, каждое слово в средство объявления войны.

На пресс-конференции руководители СОО заявили, что арест стал возможным, когда удалось выследить женщину, покупавшую для Ди Лауро его любимую рыбу пагеллу. Эта история уж больно походила на попытку разрушить образ всемогущего босса, окруженного сотней охранников, которого в итоге погубил собственный желудок. В Секондильяно ни на секунду не поверили, что полицию вывела на след пагелла. Многие указывали на Службу информации и демократических гарантий как несущую ответственность за арест. Служба информации действительно принимала участие в происходящем, что признавали даже силы правопорядка, но в Секондильяно было чрезвычайно трудно обнаружить ее присутствие. Угадывалось нечто, весьма близкое к версии многих репортеров: по их мнению, Служба информации и демократических гарантий подкупила нескольких местных мафиози в обмен на информацию или невмешательство. Я узнал об этом из обрывков разговоров в баре. Люди за чашкой эспresso или капучино с круассаном бросали фразы вроде: «Ну, тебе же приплачивает Джеймс Бонд...»

Дважды за короткий период мне довелось услышать зашифрованное или беглое упоминание об агенте 007. Слишком незначительное и смехотворное наблюдение, чтобы делать какие-либо выводы, но в то же время слишком странное, чтобы не обратить на него внимание.

Секретные спецслужбы могли бы осуществить арест Ди Лауро, войдя в доверие к ответственным за охрану и переманив их на свою сторону, после чего им не составило бы труда нейтрализовать часовых, чтобы те не подняли тревогу и не предупредили босса. Семья Эдоардо Ла Моники отрицает какую бы то ни было его причастность к происходящему и уверяет, что он никогда не был членом Системы и вообще боялся клана вместе с его делами. Может, парню пришлось расплачиваться вместо кого-то из родственников, но тщательно продуманная пытка была, скорее, предназначена для испытания ее на себе, нежели для передачи некоего сообщения другому.

Однажды неподалеку от места, где нашли Эдоардо Ла Монику, я увидел группу людей. Один из них стал показывать на свой безымянный палец, а потом касаться головы и шевелить губами, не произнося ни слова. Перед моим взором тут же, как вспышка, возник зал суда и Винченцо Ди Лауро, совершающий странный и необъяснимый поступок: после долгой разлуки с отцом он первым делом интересуется, куда тот дел кольцо. Кольцо по-неаполитански звучит как «аньелло». Под этим жестом подразумевался Аньелло и обручальное кольцо в значении верности. Соответственно, речь идет о предательстве и одновременно о семье — его источнике. Вот кто виновен в аресте. Вот кто проговорился.

Аньелло Ла Моника был главой клана, и долгие годы местные жители называли его людей «аньелли», как членов клана Джонта из Торре-Аннунциаты называли «валентини» по имени босса Валентино Джонты. По сведениям, полученным от Руокко и Луиджи Джулиано, Аньелло Ла Монику убрал его крестник, Паоло Ди Лауро. Очевидно, что теперь люди Ла Моники работают на Ди Лауро. Однако это жестокое убийство могло быть наказанием за месть, вызванную расправой двадцатилетней давности, безжалостную месть, донос, который хуже автоматной очереди. Такое долго не забывается, очень долго. Кажется, это воспоминание хранят и унаследовавшие власть кланы Секондильяно, и подчиненный им район. Но базируется оно на слухах, предположениях и подозрениях, способных привести к

такому результату, как громкий арест или изуродованное тело. И ни в коем случае не на правде. Правда нуждается в интерпретации, а это долгая и кропотливая работа, подобная расшифровке иероглифа, значение которого тебе лучше не знать.

В экономике Секондилльяно всё вернулось на круги своя. Арестованные «испанцы» и Ди Лауро сидели в тюрьме. Появлялись новые наместники, мальчишки — новые кураторы — делали первые шаги на поприще командиров. Через несколько месяцев слово «файда» почти забылось, его заменил «Вьетнам».

— Этот тип... он через Вьетнам прошел... так что теперь должен быть поспокойнее.

— Вьетнам всех до смерти напугал.

— Так Вьетнам уже закончился или нет?

Здесь приведены отрывки из телефонных разговоров новобранцев клана. Карабинеры прослушивали их, чтобы выйти на Сальваторе Ди Лауро, восемнадцатилетнего сына босса, взявшего на себя руководство группкой подростков-наркоторговцев, которого арестовали 8 февраля 2006 года. Хотя «Испанцы» и проиграли войну, но, казалось, все-таки добились своего и обрели независимость, образовали собственный автономный картель, во главе которого поставили молодых мафиози. Карабинеры перехватили смс-сообщение, отправленное одной девочкой совсем еще юному куратору точки сбыта, арестованному во время файды и вернувшемуся в наркоторговлю сразу после выхода из тюрьмы: «Поздравляю с возвращением в родной район и продолжением работы, я безумно рада твоей победе, еще раз поздравляю!»

Она имеет в виду победу на войне, поздравляет с тем, что он сражался на правильной стороне. Ди Лауро оказались за решеткой, но зато спасли свою шкуру и бизнес, по крайней мере семейный.

Всё неожиданно успокоилось после заключения мирного соглашения между кланами и серии арестов. Район Секондилльяно выглядел утомленным от людей, беспрестанно его топтавших, фотографировавших, снимавших на видео, мучивших. От всего уставшим. Я шел по городу и останавливался перед граффити Феличе Пиньяторе, разглядывал его ожившие солнца и черепа, превратившиеся наполовину в клоунские маски. Они сообщали бетонной стене какую-то небывалую легкость и красоту. Вдруг в небо взлетели фейерверки, со всех сторон с оглушительным грохотом стали взрываться петарды. Журналисты, уже собиравшиеся уезжать после ареста босса, со всех ног бросились узнавать, что происходит. Последний ценный репортаж: в двух домах всюду что-то праздновали. Опять включили микрофоны, вспышки освещали лица, журналисты звонили начальникам, обещая репортаж об устроенном «испанцами» празднике в честь ареста Паоло Ди Лауро. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, в чем дело, и какой-то парень, явно обрадовавшись моему вопросу, ответил: «Пеппино вернулся, это для него». Год назад Пеппино ехал на своем трехколесном грузовом «Аре» на работу на рынок, но по дороге мотороллер занесло, и он перевернулся. Неустойчивая конструкция опрокинулась, и Пеппино получил серьезную черепно-мозговую травму. Чтобы поднять мотороллер из оврага, куда он свалился, понадобился трактор. Мальчик год лежал в коме и наконец пришел в себя, а через несколько месяцев его выписали из больницы и разрешили вернуться домой. Весь квартал отмечал его возвращение. Фейерверки начали запускать, как только он выбрался из машины и пересел в инвалидное кресло. Дети гладили его по обритой голове и фотографировались. Пеппино был еще слишком слаб, и мать ограждала его от слишком бурных проявлений радости,

поцелуев и объятий. Собравшиеся репортеры позвонили в редакции и отменили сенсацию, они собирались запечатлеть серенаду тридцать восьмого калибра,^[38] а в действительности люди устроили праздник в честь вышедшего из комы мальчишки. Журналисты разошлись по гостиницам, я же не последовал за ними, а вошел в дом Пеппино, чувствуя, что не могу пропустить такое веселье. Всю ночь я пил с гостями за здоровье Пеппино. Мы сидели на ступеньках, стояли на лестничных клетках, заходили в открытые двери неизвестно чьих квартир с накрытыми столами. Несмотря на количество выпитого, я был еще в состоянии привозить на «веспе» бутылки красного вина и кока-колы из еще не закрывшегося бара. Той ночью в Секондильяно было тихо и пусто. Никаких журналистов и вертолетов. Никаких часовых и дозорных. Эта тишина усыпляла, как вечером на пляже, когда лежишь, закинув руки за голову, без единой мысли в голове.

ЖЕНЩИНЫ

От меня пахло чем-то непонятным, сродни зловонию уличной забегаловки, которое пропитывает твою одежду, а потом, уже на улице, понемногу выветривается, смешиваясь с ядовитыми выхлопными газами. Ты можешь хоть десять раз принять душ, лечь отмокать в ванну, наполненную водой с самой ароматной пеной и солью, но избавиться от этого запаха не удастся. Он не въедается в твою кожу подобно поту насильника, он уже внутри тебя, будто бы неожиданно его начинает источать железа, которая ранее находилась в бездействии. Казалось бы, отмершая уже, она вдруг опять принимается функционировать, и побудительной причиной для этого служит не страх, а, скорее, предчувствие истины. Словно существует в теле нечто, способное подать тебе знак при прикосновении к настоящему. С помощью всех чувств сразу. Не прибегая к посредничеству. Эту истину нельзя передать словами, сфотографировать или снять на видео. Но иначе ее не постичь. И тогда тебе открывается ход вещей, законы развития настоящего. Никакие умозаключения не могут выявить связь между истиной и увиденным здесь. Война каморры прошла на твоих глазах, и память переполнена огромным количеством образов, причем появляются они не по отдельности, а все одновременно, наслаиваясь друг на друга и перемешиваясь. Тебе сложно поверить в увиденное. После войны не осталось обломков зданий, а опилки быстро высушили лужи крови. Словно ты один это видел или пережил, словно существовал некто, готовый покачать головой и сказать: «Неправда».

У неестественности межклановой войны, столкновения капиталов, борьбы за инвестиции, поглощающих друг друга финансовых теорий всегда есть оправдывающие их причины, некий смысл, способный отодвинуть проблему на задний план и превратить конфликт во что-то чрезвычайно далекое, тогда как на самом деле этот самый конфликт разворачивается во дворе твоего дома. В поисках смысла ты можешь все распределять по ящичкам своей картотеки, но запахи неподвластны систематизации, они просто есть. Извне. И вместе образуют единственный верный путь к утерянным бесценным воспоминаниям. Я до сих пор чувствую эти запахи. Не только крови, опилок и лосьона после бритья, исходящего от молоденьких безусых новобранцев, но, в первую очередь, женской парфюмерии. Ноздри забивала тяжелая смесь из запахов дезодоранта, лака для волос и сладких духов.

Женщины всегда принимают участие в клановой борьбе за власть. Не случайно во время файды в Секондильяно две из них были убиты с такой жестокостью, какой удостоиваются только боссы. Однажды около сотни женщин вышли на улицы, чтобы помешать арестам сбытчиков и их охраны. Они поджигали мусорные баки и хватали за руки карабинеров. Я видел, как девочки-подростки оживлялись всякий раз, когда видели рядом телекамеру, бросались к ней, улыбаясь в объектив и напевая что-нибудь, предлагали взять у них интервью, ходили кругами вокруг операторов, пытались разглядеть логотип на камере и понять, для какого канала их снимают. Они — надежда, что кто-то с телевидения увидит их и позовет участвовать в какой-нибудь передаче. Счастливых случайностей здесь не бывает, за них борются не на жизнь, а на смерть, их покупают, их ищут. Случайности — это плод усилий. То же самое и в отношениях с мальчиками: ничего нельзя пускать на самотек, надеясь на неожиданную встречу и сказочную любовь с первого взгляда. Каждое достижение — результат правильной тактики. Не иметь никакой тактики — опасное

легкомыслие для девушки, всегда есть опасность, что кто-то распустит руки и они окажутся не там, где надо, что чужие языки настойчиво проникнут за плотно сжатые зубы. Надевая узкие джинсы и обтягивающую кофточку, девушки превращают красоту в приманку. В некоторых случаях красота становится ловушкой, пусть и самой приятной. Но если ты поддашься, соблазняешься на минутное удовольствие, то неизвестно, что ждет тебя дальше. Каждая девушка стремится завладеть парнем получше и, когда он попадает в расставленную ловушку, делает все, чтобы удержать его. Со всем мирится. Глотает, зажав нос. Теперь он принадлежит ей. Целиком. Как-то я проходил мимо одной школы. На моих глазах с мотоцикла слезла девушка. Не спеша, дав всем возможность разглядеть ее мотоцикл, шлем, перчатки и остроносые сапоги, в которых она еле передвигалась. Школьный служащий, один из тех, кто проработал здесь всю жизнь и на чьих глазах выросло не одно поколение школьников, подошел к ней со словами: «Франче, ты что, уже обженихалась? Да еще и с Анджело. Ты знаешь, что ему прямая дорога в Поджореале?»

«Женихаться» означает «быть помолвленными», а не «заниматься любовью». Этот Анджело вступил в Систему совсем недавно и пока никаких особо важных должностей не занимал. И, по мнению школьного служащего, со дня на день мог загреметь в тюрьму Поджореале. У девушки уже был готов ответ, еще до того, как она попыталась защитить своего парня. Ответ «на все случаи жизни», который всегда при себе. «Ну и в чем проблема? Свой ежемесячный заработок он и так будет мне отдавать. Он меня по-настоящему любит...»

Ежемесячный заработок. Это первая удача девушки. Когда парень попадает за решетку, «зарплата» все равно остается. Это деньги, выплачиваемые кланами семьям своих членов. Если есть невеста, то деньги идут ей, но, чтобы получить их наверняка, надо быть беременной. Брак необязателен, достаточно ребенка, пусть еще и не родившегося. Хотя, если ты только невеста, есть риск, что неожиданно объявится еще какая-нибудь девушка, которая знать не знала о твоём существовании. В таких случаях или местный представитель клана решает, как разделить выплату между двумя женщинами — это небезопасно, ведь их семьи станут относиться друг к другу по меньшей мере прохладно, — или сам мафиозо выбирает ту, которой все достанется. Чаще всего никто из соперниц ничего не получает и все отходит семье заключенного, что решает проблему. Брак или рождение ребенка — вот две вещи, которые стопроцентно гарантируют получение денег. Их практически всегда передают из рук в руки, чтобы не оставлять следов на банковских счетах. Для этого есть «призраки». «Призраком» называют человека, занимающегося доставкой ежемесячного пособия. Это прозвище получено за незаметность, они как невидимки, словно под землей добираются до места назначения, выследить их почти невозможно — такие меры безопасности необходимы, чтобы избежать шантажа, давления, грабежей. Они появляются на улице из ниоткуда, к одним и тем же домам всегда приходят разными маршрутами. «Призраки» отвечают за зарплаты низших слоев клана. Каморристы, занимающие более высокие посты, время от времени обращаются за нужной суммой напрямую к кассиру. «Призраки» — не члены Системы, хотя могли бы воспользоваться своим привилегированным положением и претендовать на место в клане. Очень часто на клан работают пенсионеры, бухгалтеры из магазинов, старые счетоводы из мелких лавок, получая, таким образом, неплохую прибавку к пенсии. К тому же у них появляется повод еще раз выйти из дома, а не просиживать весь день перед телевизором. 28 числа каждого месяца они стучат в дверь, ставят на стол свои сумки, достают из туго набитого внутреннего

кармана куртки конверт с написанным на нем именем каморриста, убитого или арестованного, и отдают его жене или старшему сыну. Почти всегда вместе с деньгами они приносят немного продуктов. Ветчина, фрукты, спагетти, яйца, хлеб. Курьеры поднимаются по лестнице, шурша пакетами и задевая ими о стены. Продолжительное шуршание и тяжелые шаги означают, что приближается «призрак». Они всегда нагружены до предела, продукты покупают в одних и тех же магазинах, фрукты — у одних и тех же торговцев, покупают все за один раз, а потом разносят по семьям. По количеству сумок курьера сразу понятно, сколько жен или вдов каморристов живет на этой улице.

Дон Чиро — единственный «призрак», которого я знал лично. Он был родом из исторического центра города, разносил клановые зарплаты еще в прежние беспокойные времена. Теперь же, в нынешний благоприятный период, кланы стремятся не просто выжить, а реорганизоваться. Дон Чиро работал на кланы Испанских кварталов и на протяжении нескольких лет еще и на кланы Форчеллы. Сейчас он время от времени сотрудничал с кланом квартала Санита. «Призрак» так ловко находил в лабиринтах неаполитанских переулков дома, подвалы и полуподвалы, строения без номеров, каморки, притулившиеся в углах лестничных площадок, что почтальоны, вечно плутовавшие в этих дебрях, поручали ему относить почту своим клиентам. Ботинки у дона Чиро были стоптанные, спереди нарывом выпирал большой палец, а каблуки сровнялись с подошвой. Такие ботинки — самый настоящий символ «призрака», свидетельство пройденных пешком километров, вверх и вниз по переулкам Неаполя, и дороги эти становились еще длиннее из-за вечной мании преследования и страха быть ограбленным. Дон Чиро ходил в неопрятных штанах, довольно чистых, но неглаженных. Его жена умерла, а новая подруга-молдаванка была слишком молода, чтобы по-настоящему заботиться о своем спутнике. Пугливый по натуре, он смотрел в пол, даже когда разговаривал со мной, усы у него пожелтели от никотина, так же как и указательный и средний пальцы на правой руке. Еще «призраки» приносят каждый месяц зарплату каморристам, чьи жены оказались за решеткой. За арестованную жену деньги брать стыдно, поэтому во избежание наигранных упреков, криков на лестнице, театральных жестов и выпроваживаний из дома, во время которых, впрочем, оскорбленный муж не забывает забрать пресловутый конверт, курьеры обычно, не доводя до этого, сразу идут домой к матерям каморристок и передают деньги им, чтобы те уже сами разбирались с семьей заключенной.

Какие только жалобы не выслушивают «призраки» от жен членов Системы! На подорожание коммунальных услуг и растущую квартплату, на детей, которые проваливают экзамены или, наоборот, хотят поступить в университет, на что тоже нужны деньги. Курьеры выслушивают все просьбы, все сплетни по поводу жен других каморристов, у которых мужья хитрее, поэтому они сумели продвинуться выше по служебной лестнице и заработать больше денег. Пока женщины причитают, «призраки» повторяют монотонно: «Понимаю, понимаю». Они дают несчастным излить душу и под конец произносят что-нибудь вроде «Это от меня не зависит» или «Я только приношу деньги, я ничего не решаю». Женщины прекрасно понимают это, но надеются, что «призрак» случайно обмолвится о свалившихся на женщину бедах какому-нибудь местному боссу и он увеличит ежемесячные выплаты или предоставит страдалицам какие-нибудь льготы. Дон Чиро настолько привык повторять «понимаю», что на все реагировал одинаково: «Понимаю, понимаю», о чем бы ты с ним не говорили. Он разнес деньги сотням женщин и мог бы поведать о целых поколениях жен и невест, а также одиноких мужчин. Историография критических замечаний о боссах и

политиках. Но дон Чиро был «призраком» печальным и молчаливым, нарочно превратившим свою голову в пустой сосуд, где каждое услышанное слово отдавалось эхом, при этом надолго там не задерживаясь. Пока я с ним разговаривал, он протащил меня через пол-Неаполя, от центра до окраин, потом попрощался и сел на автобус, возвращающийся в ту точку, откуда мы начали путь. Это все входило в тактику заметания следов: дон Чиро запутывал меня, чтобы я не догадался, даже приблизительно, где он живет.

Часто женщины рассматривают мужа-каморриста как отвоеванный у судьбы капитал. Если будет угодно небесам и позволят способности, то капитал принесет доход и женщины станут предпринимателями, руководителями, генералами, обладающими безграничной властью. Если же дело пойдет плохо, то им останутся лишь долгие часы в тюремных залах свиданий и унижительные мольбы о работе сиделкой наравне с иммигрантками. Все ради уверенности в том, что будет чем заплатить адвокатам и на какие средства прокормить детей, если клан пойдет на дно и прекратит ежемесячные выплаты. Женщины каморры с помощью своих тел влияют на образование альянсов, по их внешности и поведению можно узнать, насколько влиятельна их семья, из толпы они выделяются черными покрывалами на похоронах, дикими криками во время арестов, воздушными поцелуями, посылаемыми из-за барьера на слушаниях в суде.

Собирательный образ спутницы мафиозо неизбежно базируется на представлении о ней как о несамостоятельной личности, живущей исключительно проблемами и желаниями мужчин: братьев, мужей, сыновей. Это не так. За последние годы в мире каморры многое изменилось, в том числе и роль женщины: от продолжательницы рода и опоры в трудную минуту она прошла путь до самого настоящего управленца, занятого преимущественно предпринимательской и финансовой деятельностью, поскольку вопросами нелегальных перевозок и применения силы занимаются другие.

Такой фигурой, вошедшей в историю, была Анна Мацца, вдова крестного отца из Афраголы, одна из первых женщин в Италии, осужденных за организованную преступную деятельность, глава мафиозно-предпринимательского союза наравне с другими влиятельными каморристами. Сначала Анна Мацца воспользовалась именем своего мужа, убитого в семидесятые годы, — Дженнаро Моччи. «Черная вдова каморры», как ее называли, свыше двадцати лет руководила кланом Мочча, ее власть достигла таких масштабов, что когда в девяностых годах она была вынуждена перебраться в окрестности Тревизо, то, по полученным сведениям, сумела наладить связь с мафией из района Бренты, продолжая укреплять свои позиции, даже находясь в изоляции. Ей предъявили обвинение сразу же после смерти мужа: она вложила оружие в руку сына, которому еще не исполнилось и тринадцати лет, велел расправиться с заказчиком убийства его отца. Но доказать ничего не удалось, и Анна Мацца осталась на свободе. В созданной ей системе власти она находилась на самой вершине, делала упор на бизнес, отрицательно относилась к насильственным методам и, как показывает серия расследований 1999 года, проведенных управой Афраголы, умело контролировала все возможные сферы деятельности на подчиненной ей территории. Политики считались с ней и искали ее поддержки. Анна Мацца была первой в своем роде, если не принимать в расчет Пупетту Мареска, прекрасную мстительницу и убийцу, о которой Италия узнала в пятидесятые годы, когда она на седьмом месяце беременности решила отомстить за смерть своего мужа, Паскалоне э'Ноли.

Анна Мацца одной мстью не ограничилась. Она поняла, что надо пользоваться

старомодными принципами боссов каморры и некоторой безнаказанностью, положенной женщинам. Эта старомодность позволила ей избежать покушений, зависти и конфликтов. Мацца возглавляла клан в 80–90-х годах, занимаясь, в основном, развитием собственных предприятий и постепенным покорением сферы строительства. Клан Мочча, наряду с другими влиятельными семьями, стал играть большую роль в распределении строительных подрядов, контроле карьеров и посредничестве при покупке земельных участков, пригодных для застройки. Территория, лежащая между Фраттамаджоре, Криспано, Сант-Антимо, Фраттаминоре и Кайвано, контролируется кланом Мочча. В девяностых он вошел в состав «Нового клана», созданного в противовес «Новой организованной каморре» Раффаэле Кутоло и способного превзойти коза ностра по деловому размаху и политической мощи. Когда потерпели фиаско партии — ставленники мафии, боссы «Нового клана» оказались единственными, попавшими под арест и приговоренными к пожизненному тюремному заключению. Они не хотели расплачиваться за поступки политиков, которым помогали и обеспечивали поддержку. Не хотели, чтобы их воспринимали как раковую опухоль на теле системы, в действительности созданной ими и существовавшей за счет их активной, хотя и криминальной деятельности. Поэтому решили явиться с повинной.

В девяностые годы Паскуале Галассо, босс Поджомарино, стал первым каморристом такого высокого уровня, согласившимся сотрудничать с правосудием. Он предпочел рассказать обо всем, ничего не утаивая, начиная с имен и размеров состояний и заканчивая причинно-следственными связями, а государство в знак благодарности взяло под свою охрану имущество не только его семьи, но и самого Галассо. Мафиозо выложил все, что знал. Кланов конфедерации должны были заставить его замолчать навечно, и это взяла на себя семья Мочча. Показания Галассо могли уничтожить клан вдовы в считанные часы, достаточно было проверить хотя бы несколько его откровений. Люди Анны Маццы пытались подкупить охрану и отравить предателя, хотели прикончить его с помощью базуки. Но все попытки провалились, и Анна Мацца поняла, что выполнять мужскую работу придется ей самой, что пришло время для применения на практике новой стратегии. Она придумала неожиданный ход — предложила соратникам добровольное отречение. Члены силовых отрядов отрекались от своей деятельности, никого не закладывая, не называя имен и не подставляя заказчиков и исполнителей. Отречение представляло собой идеологическое дистанцирование, требование совести, попытку делегитимизировать действующие законы, согласно которым официального отказа по моральным соображениям достаточно для искупления вины. Это было лучшее, что могла предпринять вдова Мацца, чтобы исключить всякую вероятность чистосердечного признания и в то же время подчеркнуть якобы полную изоляцию кланов от государства. Идеологически отдалиться от каморры, пользуясь различными преимуществами, возможностью искупить свою вину, улучшением условий в тюрьмах, но при этом и словом не обмолвиться о механизмах власти, людях, текущих счетах, альянсах. То, что кому-то могло показаться идеологией, идеологией каморры, для кланов являлось лишь экономической и силовой деятельностью группы предпринимателей. Кланов претерпевали изменения: преступная риторика приказала долго жить вместе со свойственной Кутоло манией идеологизировать действия каморры. Отречение могло решить проблему чистосердечных признаний, смертельно опасных для каморры, которые, несмотря на множество противоречий, все же являли собой реальную угрозу ее могуществу. Вдова осознавала огромный потенциал этого хитрого хода. Грешники написали письмо священнику и выразили желание очиститься, оставив полную оружия машину перед

церковью в Ачерре, — своеобразный символ отречения клана, подобно поступку ИРА в случае с англичанами. Сдача оружия. Но каморра не относится к борцам за независимость или к вооруженным группировкам, ее реальная власть заключается не в автоматах. Ту машину так и не нашли, и постепенно идея отречения, родившаяся в голове женщины-босса, утратила свою привлекательность: парламент и судебные органы перестали воспринимать ее всерьез, да и сам клан ее больше не поддерживал. Все больше мафиози сдавалось полиции, и все меньше от них было пользы, Галассо своими откровениями «сдал» силовые структуры клана, при этом почти не затронув сферы предпринимательства и политики. Анна Мацца не оставляла идею о построении матриархата на базе каморры. Женщины держали в своих руках реальную власть, а мужчины выполняли функции солдат, посредников и руководителей, подчиняющихся решениям начальниц. Важные экономические и военные решения оставались в компетенции «черной вдовы».

Представительницы женского пола отличались лучшими предпринимательскими способностями, не так стремились демонстрировать свою власть и старались избегать конфликтов. Женщины-руководители, женщины-телохранители, женщины-предприниматели. Одна из «компаньенок» Анны, Иммаколата Капоне, за годы службы клану сколотила состояние. Иммаколата была крестной матерью дочери вдовы, Терезы. Если Анна Мацца с ее старомодной укладкой и пухлыми щеками выглядела как настоящая матрона, то Иммаколата была элегантной миниатюрной блондинкой с аккуратной прической. Никто бы не заподозрил в ней могущественного члена мафии. Она не искала мужчин, готовых передать ей часть своего могущества, наоборот, мужчины искали у нее защиты. Замуж она вышла за Джорджо Сальерно — каморриста, пытавшегося помешать разговарившемуся Галассо, а потом связалась с членом клана Пука из Сант-Антимо. Эта семья, весьма влиятельная в прошлом и приближенная к Кутоло, получила особую известность после случая с Антонио Пукой, братом любовника Иммаколаты. У него в кармане нашли записную книжку, где упоминался Энцо Тортора — телеведущий, несправедливо обвиненный в связи с каморрой.

Когда Иммаколата достигла экономической и управленческой зрелости, клан Мочча находился в состоянии кризиса. Тюремные и желающие покаяться поставили под угрозу кропотливую работу донны Анны. Но Иммаколата сделала ставку на бетон, помимо того она руководила фабрикой керамических изделий в центре Афраголы. Эта бизнесвумен сделала все возможное, чтобы приблизиться к клану Казалези, держащему в своих руках все внутригосударственные и международные сделки, связанные со строительством. Следователи окружного управления Неаполя по борьбе с мафией выяснили, что Иммаколата Капоне было под силу вернуть семье Мочча утраченное лидерство в этой сфере. В ее распоряжении находилась фирма Motrer, специализирующаяся в купле-продаже земли на юге Италии и обладающая огромным влиянием. Согласно полученным сведениям, она придумала безотказную схему обогащения, заручившись согласием местного политика. Политик сообщал об имеющемся строительном подряде, предприниматель выигрывал тендер, а донна Иммаколата становилась субподрядчиком.

Кажется, однажды я ее видел. Она заходила в супермаркет в Афраголе. За ней следовали две девушки-телохранителя. Они сопровождали ее на «смарте» — имеющемся у каждой женщины-мафиозо маленьком двухместном автомобиле, двери которого, судя по толщине, были бронированные. Девушку-телохранителя многие наверняка представляют мужеподобной культуристкой с накачанными мускулами. Мощные бедра,

гипертрофированные грудные мышцы вместо бюста, здоровенные бицепсы, бычья шея. Те же, которые попались на глаза мне, совершенно не соответствовали этому стереотипу. Одна невысокого роста, с широкими тяжелыми бедрами и крашеными иссиня-черными волосами, другая худая, хрупкая, угловатая. Меня поразило то, как тщательно была подобрана их одежда, какая-то деталь обязательно повторяла цвет «смарта» — интенсивно желтый. У одной это оказалась футболка, у другой — оправа солнечных очков. Такой цвет был выбран не случайно, о простом совпадении не могло идти и речи. Это знак мастерства. Комбинезон такого же цвета носила Ума Турман в фильме Квентина Тарантино «Убить Билла», где женщины впервые изображены как криминальные авторитеты первого порядка. В нем же с обнаженным самурайским мечом в руке Ума Турман красуется на рекламном постере фильма, и именно цвет сразу бросается в глаза, даже чувствуется на языке. Цвет, столь неестественно желтый, что его сделали символом. У организации-победителя и символ должен быть победоносным. Ничего нельзя пускать на самотек, надо предусматривать все, вплоть до цвета одежды телохранителей. Капоне продемонстрировала, что многие состоящие в клане женщины, независимо от статуса и положения, предпочитают в личной охране иметь дело с женщинами и заботятся о соответствии стиля и создаваемого образа.

Однако что-то пошло не так. Возможно, она заступила на чужую территорию или же узнала чужие тайны. Иммаколату Капоне убили в марте 2004 года в Сант-Антимо, подконтрольном ее любовнику. Охраны с ней не было. Скорее всего, она просто не ожидала никакой опасности. Покушение произошло в центре города, киллеры шли за ней по пятам. Иммаколата почувствовала слежку и бросилась бежать, а окружающим казалось, что ее обокрали и теперь она гонится за грабителями, вот только сумочку женщина прижимала к груди, не в силах преодолеть инстинкт, не дающий выбросить то, что мешает бежать, даже ради спасения собственной жизни. Она кинулась в мясную лавку, но не успела спрятаться за прилавком. Ее догнали и дважды выстрелили в затылок. Устаревший принцип, не позволявший трогать женщин, которым умело пользовалась Анна Мацца, теперь был преодолен. Развороченный пулями череп и залитое кровью лицо демонстрировали новый политикосиловой курс клана. Мужчины и женщины равны. Никакого пресловутого кодекса чести. Но семья Мочча оставалась верна матриархату, все так же была в любой момент готова к крупным сделкам, контролировала территорию с помощью хорошо продуманного инвестирования и финансового посредничества на высшем уровне, руководила торговлей земельными участками, избегала файд и альянсов, способных вторгнуться в семейный бизнес.

Сегодня на земле, принадлежавшей дочерним предприятиям клана, расположен самый большой в стране магазин Ikea, а крупнейшее на юге Италии строительство высокоскоростной железной дороги началось именно отсюда. В октябре 2005 года коммуны Афраголы в очередной раз подвергли антимафиозной чистке. Предъявив серьезные обвинения, допросили свыше двухсот пятидесяти человек, связанных тесными родственными связями с кланом Мочча: от советников муниципалитета Афраголы до президента коммерческой структуры.

На решение распустить совет повлияли и некоторые разрешения на строительство, выданные в обход правил. На принадлежащих боссам участках появились немыслимых размеров строения, поговаривают и о больнице, которая должна была появиться на земле, приобретенной кланом Мочча. Купили ее за бесценок, за гроши, а когда стало известно о том, что здесь будет больница, продали за бешеные деньги. Прибыль составила 600% от

начальной стоимости. Такую прибыль могли получить только женщины клана Мочча.

Женщины готовы на все ради защиты имущества и собственности клана, пример тому Анна Волларо — племянница Луиджи Волларо, босса из семьи Портичи. Однажды пришли полицейские с целью конфисковать одно из многочисленных заведений клана — пиццерию. Анне было двадцать девять лет. Она взяла канистру с бензином, облилась им и, щелкнув зажигалкой, подожгла себя. И заметалась в разные стороны, чтобы никто не попытался потушить пламя. Наконец она врезалась в стену, и штукатурка в этом месте почернела, как розетка при коротком замыкании. Волларо сгорела заживо в знак протеста против конфискации имущества, нажитого с помощью незаконных капиталов, которые она воспринимала лишь как результат самой обычной предпринимательской деятельности.

Бытует мнение, что, успешно применяя силу, можно дорасти в криминальных кругах до уровня предпринимателя. Это не так, или, по крайней мере, не всегда так. К примеру, файда в Куиндичи, коммуне в провинции Авеллино, уже долгие годы являющейся полем битвы между кланами Кава и Грацьяно. Эти семьи постоянно находятся в состоянии войны, вся экономика держится на женщинах. В восьмидесятых землетрясение разрушает Валло ди Лауро, и миллиарды лир, пущенные на реконструкцию, порождают прослойку буржуазии каморристов-предпринимателей. Но в Куиндичи происходит нечто иное и гораздо более важное по сравнению с событиями в остальной части Кампании: не просто стычка группировок, а многолетняя междоусобная файда, в ходе которой противники совершают около сорока жестоких убийств и поселят горе в домах друг друга. Так рождается заряд неизлечимой ненависти, заражающий, словно душевная болезнь, членов обеих семей из разных поколений. Всё вокруг поневоле оказывается замешано в устроенную двумя врагами резню. В семидесятые годы Кава входили в состав клана Грацьяно. Противостояние начинается в восьмидесятые, когда в Куиндичи поступают деньги, выделенные на ликвидацию последствий землетрясения, — сто миллиардов лир, приведшие к конфликту, вызванному разногласиями по поводу квот на подряды и необходимых взяток. Обеим семьям эти капиталы позволят создать свои строительные империи благодаря успешному управлению женщинами-каморристками.

Однажды местный мэр, ставленник Грацьяно, спокойно сидел у себя в кабинете, и тут в дверь постучали люди Кава. Они не сразу начали стрелять, и мэр успел открыть окно, вылезти на крышу и сбежать от убийц по крышам примыкающих домов. Пять раз клану Грацьяно удавалось посадить своих людей в кресло мэра, двоих из них убили, троих сместили по приказу президента республики за связь с каморрой. Был момент, когда казалось, все еще может измениться. Ольгу Сантаньелло, молодого фармацевта, выбрали на должность мэра. Только сильная женщина могла противостоять женщинам из семей Кава и Грацьяно. Она делала все возможное, чтобы отчистить грязь власти кланов, но безрезультатно. 5 мая 1998 года в Валло-ди-Лауро случилось мощнейшее наводнение, дома заполнили вода и глинистое месиво, земля покрылась множеством илистых прудов, дороги превратились в непроходимые каналы. Ольга Сантаньелло утонула. Поглотившая ее грязь оказалась весьма полезной для кланов. За наводнением последовали новые капиталовложения, которые позволили обоим кланам укрепить свою власть. Следующим мэром стал Антонио Синискальки, переизбранный через четыре года практически единогласно. После первой победы на выборах из здания управы выдвинулся пеший кортеж, состоявший из мэра, советников и их наиболее ярых соратников. Они дошли до округа Бросагро и прошествовали перед домом Артуро Грацьяно по прозвищу Пацан, но не ему

предназначались приветствия чиновников. В первую очередь визитеры обращались к женщинам семьи Грацьяно: те выстроились по старшинству на балконе и принимали знаки уважения от нового мэра, занявшего место погибшей Ольги Сантаньелло. В июне 2002 года Антонио Синискальки арестуют в результате рейда, проведенного Окружным управлением по борьбе с мафией. Прокуратура Неаполя установила, что восстановительные работы он начал с подряда на благоустройство бульвара и строительство забора вокруг виллы-бункера Грацьяно.

Виллы в Куиндичи оборудованы секретными убежищами, благоустроены асфальтированными дорогами и уличным освещением. Так коммуна распорядилась общественными средствами, помогая Грацьяно избежать покушений и засад. Члены обоих кланов прятались за неприступными стенами под круглосуточным присмотром установленных повсюду телекамер.

Босса Бьяджо Каву арестовали в аэропорту Ниццы, откуда он собирался улететь в Нью-Йорк. Когда его посадили в тюрьму, вся власть перешла в руки дочери и жены, других женщин клана. Лишь женщины появлялись на людях, они были не только теневыми руководителями, мозговыми центрами, но и официальной эмблемой семьи, ее лицом и глазами. Если представители соперничающих кланов сталкивались на улице, они обменивались высокомерными и злыми взглядами, которые задерживались где-то в области скул: все помнили нелепое утверждение, что опустивший глаза считается проигравшим. Страсти накалялись, и женщины семьи Кава почувствовали, что пришло время братья за оружие. Из предпринимателей они должны были превратиться в убийц. Они тренировались в подъездах, стреляли по мешкам с орехами, выращенными в собственных ореховых рощах, включая на полную громкость музыку, чтобы заглушить выстрелы. Во время муниципальных выборов 2002 года они перестали выходить из дома без оружия и ездили по Куиндичи на «ауди-80». Мария Шибелли, Микелина Кава и юные Кларисса и Феличетта Кава, одной шестнадцать, другой девятнадцать лет. На виа Кассезе автомобиль семьи Кава выехал навстречу машине Грацьяно, в которой сидели Стефания и Кьяра Грацьяно, двадцати и двадцати одного года соответственно. Кава открыли огонь, но их противникам удалось затормозить и развернуться, словно они заранее ожидали нападения. Надавили на газ, умчались прочь. Пули разбили стекла и попали в корпус машины, но людей не задели. Возмущенные девушки вернулись на виллу Грацьяно. Они решили отомстить. Выехали на своей «альфа-ромео», за ними следовала бронированная машина с четырьмя мафиози, вооруженными автоматами и винтовками. Они нагнали «ауди» и ударили ее несколько раз. Вторая машина блокировала боковые улицы, перекрывая пути к спасению, а потом обогнала преследуемый автомобиль, чтобы ему совсем некуда было деться. Женщины из клана Кава еще после первой стычки, впрочем, безрезультатной, избавились от оружия, опасаясь полицейских. Поэтому они резко повернули, распахнули дверцы и выскочили из машины, надеясь убежать. Грацьяно тоже вылезли из автомобилей и открыли огонь. Свинцовый ливень накрыл ноги, головы, плечи, туловища, щеки, глаза. Через несколько секунд на земле лежали тела, босые, поскольку жертвы, убегая, потеряли туфли. Грацьяно не заметили, что одна из пострадавших осталась жива. Феличетта Кава спаслась. В сумочке одной из жертв нашли пузырек с кислотой: каморристки не собирались ограничиваться только перестрелкой, они собирались изуродовать лица противниц.

Большинство женщин способно отнестись к преступлению как к минутному эпизоду, подчиненному их воле, ступени, преодоленной одним быстрым движением. Женщины клана

очень явно это демонстрируют. Они обижаются и чувствуют себя униженными, когда их называют каморристами или преступницами. Будто бы слово «преступление» означает лишь оценку совершенного действия, а не отражает объективную суть поведения. Это обвинение. До сих пор ни одна женщина из каморры не сдалась полиции, в отличие от многих мужчин.

Семейное имущество особо яростно защищала Эрминия Джульяно, прозванная Лазурью за цвет глаз, красивая и яркая сестра Кармине и Луиджи, боссов Форчеллы. Судя по полученным сведениям, в клане она отвечала за недвижимость и инвестированные в коммерцию капиталы. Лазурь выглядела как типичная жительница Неаполя, хулиганка из центра: крашеная в платиновую блондинку, со светло-голубыми холодными глазами, всегда обведенными черным карандашом. Она руководила финансовыми и юридическими конторами клана. В 2004 году в Джульяно конфисковали, перекрыв клану кислород, двадцать восемь миллионов евро, заработанных на предпринимательстве. Семья владела несколькими сетями магазинов как в Неаполе, так и за его пределами и фирмой, которой принадлежал ставший необычайно популярным бренд, — таким его сделала мудрая политика самой фирмы и экономикосиловое покровительство клана. Франчайзинговая сеть этой марки насчитывает пятьдесят шесть торговых точек в Италии, Токио, Бухаресте, Лиссабоне и Тунисе.

Клан Джульяно господствовал в 80–90-х годах в самом уязвимом месте Неаполя — районе Форчелла, пользующемся крайне дурной репутацией. Джульяно, кажется, поднялись до самого верха: начали снизу, потихоньку выбрались из нищеты, от контрабанды перешли к проституции, от рэкета к похищениям. В состав династии входило огромное количество разных родственников: кузены, племянники, дяди. Настоящего расцвета клан достиг в конце восьмидесятых, и до сих пор он не утратил и не утратит своей харизмы. Нынешние желающие командовать в центре все равно должны сначала переговорить с Джульяно. Это клан, который больше всего боится опять вернуться в нищету. Репортер Энцо Перез записал одно из высказываний Луиджи Джульяно, короля Форчеллы, отражавшее его отношение ко всяческим лишениям: «Я с Томмазино не согласен, мне рождественские вертепы нравятся, но вот святош на дух не выношу!»

Во внешнем облике всемогущей каморры больше женских черт, но и достается больше всего от жерновов власти тоже женщинам. Четырнадцатилетняя Аннализа Дуранте погибла 27 марта 2004 года под перекрестным огнем в Форчелле. Четырнадцатилетняя. Четырнадцать лет. Когда произносишь это, кажется, ледяная вода стекает по спине. Я был на похоронах Аннализы Дуранте. Приехал в церковь слишком рано. Цветы еще не привезли, повсюду висели плакаты, выражавшие скорбь и соболезнования, трогательные записки от одноклассниц. Аннализу убили жарким вечером — наверно, это был первый по-настоящему жаркий вечер за дождливую весну. Девушка решила сходить в гости к подруге. Она была в белом платье, очень ей шедшем. Оно облегало ее стройное подтянутое тело, покрытое легким загаром. Такие вечера словно созданы для встреч с мальчиками, а для девушки из Форчеллы четырнадцать лет — это самый возраст для выбора потенциального жениха, который при умелом поведении с ее стороны впоследствии перейдет в статус мужа. Девочки из рабочих кварталов Неаполя в четырнадцать лет уже выглядят как опытные женщины. Толстый слой косметики на лице, угрожающе топорщится бюст, втиснутый в лифчик «пуш-ап», остроносые сапоги на высоких каблуках, которые угрожают безопасности лодыжек. Надо быть опытным эквилибристом, чтобы удержать равновесие, пока идешь по базальту,

лавовому камню, покрывающему улицы Неаполя, врагу женских туфелек. Аннализа была красива. Даже более чем. Вместе с подругой и кузиной она слушала музыку, поглядывая на мальчишек, проезжавших мимо на мопедах, то резко срывающихся с места, то выписывающих восьмерки между пешеходами и автомобилями. Такие брачные игры. Этот атавизм не меняется. Любимые певцы всех девушек Форчеллы — неомелодисты, сладкоголосые выходцы из народа, чрезвычайно популярные не только в рабочих кварталах Неаполя, но также среди жителей Палермо и Бари. Джиджи д'Алессиио — главный кумир. Ему удалось выбраться отсюда и обрести всенародную известность, другим же, и таких сотни, не удалось, и они стали знаменитостями районного масштаба — конкретного квартала, дома, переулка. У каждого свой певец. Из магнитофона доносятся трели очередного местного «соловья», и вдруг вылетают два мопеда, преследуя какого-то парня. Тот убегает, несется по улице. Аннализа, ее подруга и кузина не догадываются, в чем дело, и думают, что это просто шутка или игра в «слабо». Затем раздаются выстрелы. Пули рикошетят. Две из них попадают в Аннализу, она падает. Все разбегаются, из балконных дверей, постоянно открытых настежь, начинают выглядывать люди. Крики, скорая, больница, весь квартал высыпал на улицы, изнывая от любопытства и беспокойства.

Сальваторе Джульяно — непростое имя. Кажется, его обладатель априори имеет право командовать. Но в Форчелле этот представитель клана получил власть не в память о сицилийском бандите. Дело только в фамилии. Ситуация ухудшилась, когда Лавиджино Джульяно решил заговорить. Он сдался, предал своих, чтобы избежать пожизненного заключения. Но, как часто бывает при диктатуре, даже если главаря убирают, его место может занять только его человек. Поэтому Джульяно, несмотря на пятно позора, остались единственными, кто мог поддерживать связи с крупными наркоторговцами и решать вопрос защиты. Но Форчелла мало-помалу устает от этого. Город не хочет больше находиться во власти обесчещенной семьи, не хочет арестов и столкновений с полицией. Желая занять место босса должен заявить о себе как о новом хозяине и разобраться с ядром клана, с наследником — с Сальваторе Джульяно, племянником Лавиджино. В тот вечер претенденты собирались официально сообщить о захвате власти, расправиться с молодым Джульяно, начинавшим набирать силу, и показать Форчелле, что наступают новые времена. Сальваторе ждут, его узнают. Он идет себе спокойно, но вдруг замечает киллера. Бросается бежать, киллер преследует его, юноша набирает скорость, надеясь скрыться в каком-нибудь переулке. Начинается стрельба. Очевидно, Джульяно оказывается рядом с тремя девушками, использует их как живой щит, вытаскивает в суматохе пистолет и открывает огонь. Всего несколько секунд, и он бросается прочь, убийцам не удается нагнать его. Две девушки забегают в подъезд. Оглядываются: не хватает Аннализы. Выходят на улицу. Она лежит на земле, повсюду кровь, пуля попала ей в голову.

В церкви я проталкиваюсь к алтарю, где стоит гроб. По бокам от него четверо полицейских в форме — дань уважения семье погибшей от области Кампания. Гроб полон белых цветов. К его основанию кладут сотовый телефон, ее телефон. Отец Аннализы не может поверить в случившееся. Он суетится, что-то бормочет, сжимает кулаки в карманах. Подходит ко мне, но обращается к кому-то другому: «Что теперь? Что теперь?» Когда отцу не удастся сдержать слез, все родственницы ему вторят, рыдают, заламывают руки, раскачиваются, тонко подвивая, когда же он успокаивается, женщины погружаются в молчание. Сзади на скамейках сидят девочки, подруги, кузины, соседки Аннализы. Они подражают своим матерям, копируют их движения, так же качают головой, повторяют те же

слова: «Не могу поверить! Этого не может быть!» Они чувствуют, что им поручено ответственное задание: утешать. И гордятся этим. Похороны жертвы каморристских разборок для таких подростков являются обрядом инициации наравне с первой менструацией или первым половым актом. Дети участвуют в жизни квартала наравне со своими матерями. Они под прицелом теле- и фотокамер, кажется, что все происходящее затеяно только ради них. Большинство этих девчушек уже скоро выйдет замуж за каморристов. Кому-то достанется успешный мафиозо, кому-то простой исполнитель. Сбытчик или предприниматель, киллер или бизнесмен. Дети многих из них погибнут, и безутешным матерям останется только отстаивать очереди в тюрьме Поджореале, чтобы увидаться с мужем, рассказать ему последние новости и передать деньги. Но сейчас это лишь одетые в черное дети, пусть и в джинсах с заниженной талией и трусиках «танго». На похоронах они тоже должны хорошо выглядеть. Идеально. Они оплакивают подругу, зная: ее смерть делает их женщинами. Несмотря на испытываемое горе, девочки счастливы, потому что долго ждали этого момента. Я размышляю о цикличности происходящего на здешней земле. Полагаю, когда Джульяно достигли расцвета своей власти, Аннализы еще не было на свете, а ее мать была маленькой и дружила с другими девочками, впоследствии ставшими женами Джульяно и их людей; став постарше, они слушали д'Алессио, воспевали Марадону, сошедшего с семьей Джульяно на почву кокаина и бывавшего на их праздниках, — есть известная фотография, сделанная дома у Лавиджино, где Диего Армандо Марадона запечатлен лежащим в ванне, имеющей форму морской раковины. Двадцать лет спустя Аннализа погибнет во время погони за одним из Джульяно, он будет отстреливаться, используя ее как щит или же просто пробегая мимо. История повторяется, всё абсолютно идентично. Бесконечный, трагичный, неизменный процесс.

Церковь переполнена. Полицейские и карабинеры слишком суетятся. Я не могу понять причину. Снуют повсюду, выходят из себя по любому поводу, явно нервничают. Я делаю несколько шагов, и все становится ясно. Удаляюсь от церкви и вижу, как машины карабинеров пытаются отделить толпу идущих на похороны людей от приближающейся кавалькады на роскошных мотоциклах, автомобилях с откидным верхом, мощных скутерах. Это члены семьи Джульяно, последние, кто остался предан Сальваторе. Карабинеры опасаются беспорядков, возможных столкновений между каморристами и толпой. К счастью, обходится без проблем, но присутствие мафиози обладает глубоким смыслом. Никто не имеет права распоряжаться в центре Неаполя без их согласия или, по меньшей мере, посредничества. Они демонстрируют всем, что никуда не исчезли и власть все еще принадлежит им, несмотря ни на что.

Из церкви выносят белый гроб, толпа насаждает, пытаясь дотронуться до него, люди теряют сознание, кажется, от нечеловеческих криков лопнут барабанные перепонки. Процессия достигает дома Аннализы, и ее мать, не нашедшая в себе силы прийти в церковь на отпевание, чуть не прыгает с балкона. Рыдает, мечется, от слез лицо покраснело и распухло. Несколько женщин удерживают ее. Привычная сцена отчаяния. Конечно, ритуальный плач и выставление напоказ своего горя совершенно искренни и не являются игрой на публику. Совсем наоборот. Это говорит о навязываемых культурных рамках, в которых живет большинство неаполитанских женщин, до сих пор вынужденных обращаться к особо экспрессивным моделям поведения, чтобы доказать неподдельность своего переживания и поделиться им с окружающими. Это иступленное страдание, несмотря на абсолютную достоверность, обладает всеми чертами театральной постановки.

Собираются журналисты. Антонио Бассолино и Роза Руссо Ерволино в панике, им кажется, что местные жители могут ополчиться против них. Но все в Форчелле уже научились использовать политику в своих целях и обходиться без открытой вражды. Кто-то аплодирует силам правопорядка. Некоторых журналистов это приводит в восторг. Благодарность карабинерам в квартале каморры. Наивные. Аплодисменты — только провокация. Лучше полицейские, чем Джульяно. Вот что это означает. Репортеры пытаются взять интервью, кто-то подходит с телекамерой к хрупкой на вид старушке. Она сразу выхватывает микрофон и орет: «По вине этих... мой сын пятьдесят лет проведет в тюрьме! Убийцы!» Люди полны ненависти к любителям пооткровенничать с полицией. Толпа сжимает кольцо, напряжение растет. При мысли, что маленькая девочка умерла из-за желания послушать музыку с подружками, сидя у подъезда жарким весенним вечером, все внутри сжимается. Подступает тошнота. Надо держать себя в руках. Я должен понять, что произошло, если это вообще возможно. Аннализа здесь родилась и прожила всю жизнь. Подружки рассказывали ей о поездках на мотоциклах с мальчиками из клана, она бы, скорее всего, влюбилась в молодого богатого красавца каморриста, способного сделать хорошую карьеру в Системе, или же, может быть, в старательного малого, который будет горбатиться весь день за гроши. Ей бы пришлось пойти работать на подпольную фабрику, шить сумки по десять часов в день за пятьсот евро в месяц. Аннализу поразили руки девушек, работающих с кожей, она даже сделала запись в своем дневнике: «У них всегда черные руки, они сидят целыми днями взаперти на фабрике. Моя сестра Ману занимается тем же, но начальник хотя бы не заставляет ее работать, если она себя плохо чувствует». Аннализа стала символом трагедии, потому что в ее случае трагедия достигла своего апогея — убийства. Здесь же образ жизни всегда будет приговором, бессрочным заключением, отбыванием наказания в диком и жестоком мире, где все движется с бешеной скоростью. Вина Аннализы состоит в том, что она родилась в Неаполе. Только в этом, больше ни в чем. Белый гроб с телом Аннализы несут дальше, и тут ее одноклассница, соседка по парте, звонит ей на сотовый. Так звучит новый реквием. Сначала обычный звонок, потом музыка: какая-то нежная мелодия. Никто не берет трубку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАЛАШНИКОВ

Я положил руку сверху. Закрыв глаза. Подушечкой указательного пальца исследовал всю поверхность. Сверху донизу. Когда находил отверстие, то чуть зацеплял ногтем. Затем повторил это со всеми витринами. Иногда подушечка пальца помещалась в отверстие целиком, иногда только наполовину. Потом мой палец стал двигаться быстрее, хаотично перемещаясь по гладкой поверхности, так что напоминал обезумевшего червя, который заползал в дырки и выныривал обратно, переползал через впадины, метался по стеклу. А потом я сильно порезал палец. И продолжил движение по витрине, оставляя за собой пурпурно-красный водянистый след. Открыл глаза. Резкая, острая боль. Отверстие заполнилось кровью. Я перестал валять дурака и принялся сосать ранку.

Пули «Калашникова» оставляют совершенные отверстия. Они с силой впечатываются в бронированные стекла, вгрызаются, разъедают, прокладывают целые туннели, будто жуки-древоточцы. Следы от выстрелов из автомата издали производят странное впечатление. Внутренности бронированного стекла будто бы покрыты нарывами. Обычно торговцы не меняют витрины после обстрела из автомата. Кто-то заделывает дырки силиконовой пастой, кто-то заклеивает черной клейкой лентой, но большинство оставляет, как есть. Бронированная витрина может стоить целых 5 000 евро, поэтому проще смириться с таким невеселым дизайном. К тому же подобные декорации даже привлекают покупателей, которые будут притормаживать из любопытства и расспрашивать хозяина магазина, может, еще и купят что-то сверх необходимого. Стекла не заменяют и в надежде на то, что следующего обстрела витрина не переживет и обрушится. Тогда, если хозяин подсуется и придет пораньше, а потом одежда с манекенов таинственным образом исчезнет, то случившееся будет расценено как кража, и за все заплатит страховая компания.

Обстрел витрин не всегда означает угрозу или переданное с помощью пули предупреждение — это скорее военная необходимость. Когда прибывает новая партия «Калашниковых», их надо опробовать. Проверить, исправны ли, не сбит ли прицел, не заедает ли затвор. Надо привыкнуть к оружию. Протестировать его можно было бы и за городом, стреляя по бронированным стеклам уже пришедших в негодность автомобилей. Наконец, купить стекла и спокойно на них тренироваться. Но никто так не делает. Вместо этого стреляют по витринам магазинов, бронированным дверям, металлическим ставням, напоминая заодно, что все без исключения принадлежит им, что существуют только минутные уступки, привилегии, которые могут устанавливать только они и которые в любой момент можно аннулировать. От этого есть еще и косвенная польза, потому что все стеклодувные мастерские района с самыми выгодными ценами на бронированные стекла связаны с кланом, поэтому чем больше разбитых витрин, тем больше доход стекольщиков.

Прошлой ночью с востока прибыла партия из тридцати «Калашниковых». Из Македонии. Из Скопье в Гричиньяно-д'Аверса. Путешествие прошло быстро и без проблем, в результате гаражи каморристов наполнились автоматами и помповиками. Представители каморры сразу после падения социалистического занавеса встретились с руководителями разлагающихся коммунистических партий. На переговорах они олицетворяли собой могущественный и немногословный Запад. Клановые знали о кризисе и неофициально закупали на востоке — в Румынии, Польше, бывшей Югославии — оружие целыми складами, на несколько лет вперед обеспечивая зарплатами сторожей, караульных,

чиновников, отвечающих за хранение армейского имущества. Можно сказать, что армии этих стран существуют и на средства кланов тоже. Лучший способ спрятать оружие — держать его в казармах. Поэтому уже много лет, несмотря на смены лидеров, файды и внутренние проблемы, боссы имеют дело не с черным рынком оружия, а со складами восточноевропейских стран, находящимися в полном их распоряжении. Та партия автоматов приехала в армейских грузовиках с гордой надписью «НАТО» на кузовах. Они были украдены у американцев и с подобным «пропуском» могли беспрепятственно ездить по всей Италии. База НАТО в Гричиньяно-д'Аверса — колосс в миниатюре, неприступная колонна из железобетона, торчащая посреди равнины. Это тоже творение рук семейства Коппола, как и все в тех краях. Американцев здесь видят крайне редко. С проверками тоже нечасто приезжают. Грузовики НАТО обладают полной свободой, поэтому, когда оружие оказывается в стране, водитель оставляет машину на площади, идет завтракать и, обмакивая круассан в капучино, спрашивает у посетителей бара, где бы найти «пару черных ребят, чтобы быстренько кое-что разгрузить». Все знают, что означает «быстренько». Ящики с оружием весят немногим больше ящиков с помидорами. Африканцы, которые хотят подзаработать после трудов на полях, берут по два евро за ящик — вчетверо дороже, чем за ящик помидоров или яблок.

Как-то я прочитал в газете НАТО, издаваемой для семей военных, служащих за границей, статью для тех, кому предстояло жить в Гричиньяно-д'Аверса. Один отрывок я даже перевел и переписал в записную книжку, чтобы не забыть: «Чтобы понять, куда вы едете, представьте себе фильмы Серджо Леоне. Здесь все как на Диком Западе: главари, перестрелки, неписанные и незыблемые правила. Но не волнуйтесь, по отношению к американцам, как военным, так и гражданским, проявляются максимальные уважение и гостеприимство. Тем не менее выходите с территории военной базы только в случае необходимости». Эта статья помогла мне лучше понять место, где я жил.

В то утро в баре я обнаружил Мариано в состоянии необыкновенного возбуждения — весь как на иголках. Несмотря на ранний час, он уже заправлялся мартини у стойки бара.

— В чем дело?

Все задавали ему этот вопрос. Бармен отказался наполнить стакан по четвертому разу. Но он не отвечал, как будто и так было понятно.

— Я хочу с ним познакомиться, мне сказали, что он еще жив. Правда?

— Что «правда»?

— Как же он это сделал? Я возьму отпуск и поеду к нему...

— К кому? Да о чем ты?

— Он легкий и надежный, делает двадцать-тридцать выстрелов, и не надо ждать пять минут... Это гениальное изобретение!

Он был в экстазе. Бармен взирал на него, как смотрят на того, кто впервые познал женщину, и теперь его лицо сияет от восторга, испытанного еще Адамом. Наконец бармен догадался, о чем шла речь. Мариано впервые взял в руки «Калашников» и был настолько им восхищен, что захотел познакомиться с его создателем — Михаилом Калашниковым. Он никогда в жизни ни в кого не стрелял, его роль в клане ограничивалась снабжением подконтрольных баров определенными марками кофе. Совсем молодой, он только недавно закончил университет по специальности «Экономика и коммерция», и теперь через него проходили десятки миллионов евро, поскольку многие бары и кофейные компании хотели стать частью торговой сети клана. Но местный босс считал, что все его люди, не важно,

окончили они университет или нет, солдаты они или коммерческие директора, должны уметь стрелять. И каждому был дан в руки автомат. Ночью Мариано разрядил пару обойм в витрины нескольких случайно выбранных баров. Это не было предупреждением, но даже если сам он выбрал витрины наугад, без всякой логики, то владельцы баров наверняка могли найти правдоподобную причину. Всегда есть из-за чего почувствовать себя виноватым. Мариано произносил название автомата особым тоном, как профессионал: АК-47. Так официально называется самый известный в мире автомат. Все довольно просто, АК означает автомат Калашникова, а 47 — год, когда это оружие появилось в Советской армии. Оружью часто дают такие зашифрованные названия из букв и цифр, за которыми скрывается смертоносная сила. Это зримое олицетворение жестокости. На самом деле все гораздо банальнее, просто какому-нибудь прапорщику надо было записать пришедшее на склад новое оружие как новый, тип шурупов. «Калашниковы» почти ничего не весят и легки в эксплуатации, особого ухода не требуют. Их главное достоинство — средняя мощность выстрела: не такая маленькая, как у револьверов, чтобы избежать потери в поражающей силе, и не слишком большая, иначе возникает отдача и понижается чувствительность и точность оружия. Сборка настолько проста, что в Советском Союзе школьники учились собирать и разбирать «Калашников» на уроках под присмотром учителя. Занимало это в среднем две минуты.

В последний раз я слышал автоматную очередь несколько лет назад. В Санта-Мария-Капуа-Ветере, вроде бы около университета, точно помню только, что это был перекресток. Четыре машины перегородили дорогу автомобилю Себастьяно Катерино, ближайшего соратника Антонио Барделлино — бессменного босса казертской каморры в 80–90-е годы, и люди, сидевшие в них, разом открыли огонь из «Калашниковых». Когда Барделлино умер и власть сменилась, Катерино сбежал, чтобы не попасть в начавшуюся зачистку. Тринадцать лет он и носа из дома не показывал, скрывался ото всех, выходил только ночью, предварительно замаскировавшись, выезжал за ворота своей виллы исключительно на бронированной машине. Его новая жизнь протекала вдали от родных мест. Он думал, что после стольких лет затишья сможет начать все заново. Надеялся, что пришедший к власти клан забыл о прошлом и не станет трогать бывшего лидера. И начал формировать в Санта-Мария-Капуа-Ветере новый клан, превратив древний римский город в свою вотчину. Маршал района Сан-Чиприано-д'Аверса, откуда был родом Катерино, когда приехал на место происхождения, произнес только одну фразу: «Жестоко они с ним обошлись!» Отношение к тебе после твоей смерти здесь напрямую зависит от количества выпущенных в тебя пуль. Если тебя убивают одним деликатным выстрелом в голову или живот, то это расценивается как необходимая операция, выполненная с хирургической точностью и хладнокровием. Двести пуль в автомобиль и более сорока в тело могут означать только сильнейшее желание стереть тебя с лица земли. У каморры превосходная память, и ждать она способна до бесконечности. Тринадцать лет, сто пятьдесят шесть месяцев, четыре «Калашниковых», двести выстрелов, по одной пуле за каждый месяц ожидания. Бывает так, что и оружие обладает памятью и хранит в себе приговор, который потом в нужный момент приводит в исполнение.

В то утро, когда я водил пальцем по изрешеченной пулями витрине, у меня за плечами был рюкзак. Я должен был ехать в Милан к двоюродному брату. Не важно, с кем и о чем ты говоришь, стоит лишь заикнуться, что уезжаешь куда-нибудь, как на тебя сразу начинают сыпаться поздравления и напутствия, все уверенно заявляют: «Правильно, так и надо. Ты

правильно поступаешь, я бы тоже так сделал». Подробности их не интересуют — подробности, зачем ты вообще туда едешь. Какова бы ни была причина, она точно убедительнее той, по которой ты должен остаться здесь. Когда меня спрашивают, откуда я, то я никогда не отвечаю. Хотел бы ответить «с юга», но это звучит слишком высокопарно. Когда мне задают тот же вопрос в поезде, я смотрю в пол и делаю вид, будто не слышу. В такие моменты мне всегда вспоминаются «Сицилийские беседы» Витторини, и я боюсь, что, открыв рот, заговорю нараспев голосом Сильвестро Феррато. Но это было бы неуместно. Времена меняются, голоса — нет. Мне однажды довелось ехать в поезде «Евростар» с одной толстой синьорой, которая с трудом помещалась на сиденье. Она зашла в Болонье, решительно настроенная на долгий разговор: это давало ей возможность подчинить себе время, если уж с телом не вышло. Ей хотелось знать обо мне все: откуда я еду, чем занимаюсь, куда направляюсь. Вместо ответа я хотел показать ей порез на пальце. Но не стал. Только ответил: «Я из Неаполя». Говорить об этом городе можно бесконечно, достаточно лишь назвать его, и вопросы отпадают сами собой. Место, где и зло, и добро абсолютны. Я задремал.

На следующее утро, ни свет ни заря, мне позвонил обеспокоенный Мариано. Требовались несколько бухгалтеров и руководителей для одной деликатной операции, проводимой в Риме предпринимателями из наших краев. Иоанн Павел II был тяжело болен, возможно, даже при смерти, но официально пока еще никаких заявлений не делалось. Мариано предложил мне составить ему компанию. Я вышел на первой же станции и вернулся обратно. Магазины, гостиницы, рестораны, супермаркеты — всем неожиданно понадобилось в кратчайшие сроки получить огромные партии всевозможных товаров. Их ожидали баснословные прибыли, миллионы человек должны были сосредоточиться в Риме, жить на улицах, стоять часами на тротуарах вдоль дорог, при этом им надо будет пить и есть — одним словом, потреблять товары. Можно было увеличивать цены в три раза, торговать круглые сутки, выжимать деньги из каждой минуты. Мариано принимал участие в происходящем, он позвал и меня за компанию, а за такую любезность должен был еще и заплатить. Ничто не делается бесплатно. Мариано пообещали дать отпуск на месяц, чтобы он осуществил свою мечту и поехал в Россию знакомиться с Михаилом Калашниковым. Один из членов русской мафии даже поклялся, что знаком с ним лично. С его помощью Мариано мог бы встретиться со своим кумиром, посмотреть ему в глаза, дотронуться до рук, создавших непобедимый автомат.

В день похорон папы в Риме началось настоящее столпотворение. Все улицы были запружены людьми, даже тротуара, по которому мы ступали, не было видно. Человеческая масса заполнила собой дороги, все входы и выходы, окна. Она, словно лавина, поглощала любое свободное пространство. Лавина, увеличивавшаяся в объеме до тех пор, пока не разрушала русло, по которому текла. Люди повсюду. Повсюду. Перепуганный до смерти пес забрался под автобус, видя, как его место обитания заполнили тысячи чужих ног. Мы с Мариано остановились у входа в какой-то дом, встав на ступеньке, единственной свободной от группы поющих людей, решивших исполнять песенку о святом Франциске без остановки на протяжении шести часов. Мы сели перекусить. Я был без сил. Мариано, в отличие от меня, никогда не уставал, каждый его шаг оплачивался, поэтому он всегда чувствовал себя чрезвычайно занятым.

Вдруг я услышал, что кто-то зовет меня. Я понял, кто это, еще не успев обернуться. Мой отец. Мы не виделись два года, жили в одном городе и никогда не пересекались.

Удивительно, как мы наткнулись друг на друга в этом людском месиве. Отец жутко смутился. Он даже не знал, как со мной поздороваться, хотел этого, но не был уверен, что имеет право. Я был в эйфории, как во время тех путешествий, когда ты знаешь, что с минуты на минуту с тобой может случиться что-то невероятное и повторится это нескоро, и тебе хочется впитать в себя все волшебные моменты, прочувствовать их, стараясь, впрочем, не упустить и другие возможности, попадающиеся на каждом шагу. Отец воспользовался тем, что румынская авиакомпания в связи со смертью папы снизила цены на рейсы в Италию, и привез сюда свою подругу со всей ее семьей. Сопровождавшие его женщины скрывали волосы под платками и носили четки на запястье. Было невозможно понять, на какой именно улице мы находимся, помню только огромную растяжку между двумя зданиями: «Одиннадцатая заповедь: не толкайся и не толкаем будешь». На двенадцати языках. Родственники моего отца были на седьмом небе от счастья. Еще бы, присутствовать при таком важном событии, как смерть папы. Все мечтали о послаблениях для иммигрантов. Сопереживание общему горю и участие во всеобъемлющем траурном шествии были для этих румын шагом к получению итальянского гражданства, сначала на эмоциональном уровне, а потом уже официально. Отец восхищался Иоанном Павлом II, тем, что все должны были целовать ему руку. Его поражало, как можно достичь такого могущества и такого послушания народа, не прибегая к открытому шантажу и без четко продуманной тактики. Все власть имущие преклоняли колени перед папой римским. Для моего отца этого было достаточно, чтобы восхищаться им. Я увидел, как он и мать его подруги опустились на колени посреди улицы, чтобы прочитать молитву. Среди многочисленных румынских родственников я заметил ребенка и сразу понял, что это сын моего отца и Микаэлы. Мне было известно, что мать родила его в Италии, тем самым обеспечив гражданством, но жили они в Румынии. Он не отходил от материнской юбки. Я его никогда не видел и знал только имя. Стефано Николае. Стефано — по имени отца моего отца, Николае — по имени отца Микаэлы. Отец называл мальчика Стефано, мать и румынские родственники — Нико. Скоро все станут звать его просто Нико, но отец пока еще не сдался. Первым подарком, который мальчик получил от отца, едва выйдя из самолета, был мяч. Он видел сына лишь второй раз, но вел себя так, будто сам его вырастил. Взяв ребенка на руки, отец подошел ко мне.

— Нико теперь будет жить здесь. На этой земле. На земле своего отца.

Не знаю почему, но мальчик сразу погрузился, уронил мяч на землю и успел остановить его ногой, не дав потеряться безвозвратно в толпе.

Ни с того ни с сего мне вспомнился запах, в котором угадывались соль и пыль, цементная крошка и гниющий мусор. Влажный запах. В памяти сразу всплыла поездка на пляж в Пинетамаре, мне тогда было двенадцать лет. Отец зашел в мою комнату, я только-только проснулся. Кажется, было воскресенье. «Ты знаешь, что твой двоюродный брат уже умеет стрелять? А ты? Ты что, хуже его?»

Он привез меня в Вилладжо-Коппола на Домицианском побережье. Пляж находился на месте заброшенной свалки, полной старья, покрытого солью и известковой коркой. Я бы провел здесь не один день, откапывая мастерки, перчатки, стоптанные башмаки, поломанные мотыги и затупившиеся кирки, но я был здесь не для того, чтобы рыться в мусоре. Отец бродил по песку в поисках мишеней. Лучше всего для этого подходили бутылки. В идеале — из-под пива Peroni. Кругом было много ржавых автомобилей, и он поставил бутылки на крышу обгоревшего «фиата-127». Пляжи Пинетамаре служили свалкой для машин, использованных при ограблениях и засадах. Я до сих пор помню отцовскую

«беретту-92-FS». Поцарапанная, как будто в крапинку, старая — просто праматерь всех пистолетов. Все ее знают как М9, непонятно почему. Я постоянно слышу, что ее так называют: «Что, хочешь ощутить М9 у виска? Достать ее?» Отец вложил «беретту» мне в руку. Она показалась очень тяжелой. Рукоятка пистолета была шершавая, будто из наждачной бумаги, она плотно держалась в ладони, а когда выскальзывала из руки, возникало ощущение, будто в кожу впиваются маленькие шипы. Отец научил меня снимать пистолет с предохранителя и правильно держать руку, показал, как целиться, если мишень слева, — в этом случае надо было закрывать правый глаз.

— Роббе, рука твердая, но не напряженная. Расслабленная, но не вялая... Помогай себе другой рукой.

Перед тем как изо всех сил нажать на спусковой крючок обоими указательными пальцами, я закрывал глаза и задира л плечи, словно в попытке заткнуть уши. Я и по сей день не переношу звуки стрельбы. Думаю, дело в барабанных перепонках — после каждого выстрела по полчаса хожу оглушенный.

Коппола — семья весьма влиятельных предпринимателей — организовали в Пинетамаре самую крупномасштабную нелегальную застройку на Западе. Восемьсот шестьдесят три тысячи квадратных метров, застроенных бетоном, — Вилладжо-Коппола. Никакого разрешения не получали — в этих местах гранты на строительство и разрешения только взвинчивают стоимость работ, поскольку приходится попутно давать взятки чиновникам. Поэтому Коппола просто приехали на место строительства с бетономешалками. Центнеры железобетона уничтожили самые красивые сосновые леса на побережье Средиземного моря. Из домофонов новостроек доносился шум моря.

Когда я наконец впервые в жизни попал по мишени, то испытал смешанное чувство гордости и вины. Я научился стрелять, я научился. Никто теперь меня не тронет. Но оружие — страшная вещь. Начав им пользоваться, ты уже не можешь остановиться. Это как кататься на велосипеде. Бутылка не разлетелась вдребезги. Она так и стояла. Точнее, ее половина. Правая половина. Отец отошел к машине. Я остался один с пистолетом в руке, но, как ни странно, одиночества не чувствовал, хотя и стоял посреди куч мусора и металлолома. Я вытянул правую руку в сторону моря и дважды выстрелил в воду. Брызг не было, может, пули и не долетели до воды. Но мне казалось верхом смелости атаковать море. Отец вернулся с футбольным мячом, украшенным портретом Марадоны. Награда заточное попадание. Потом наклонился ко мне. От него пахло кофе. Он был доволен: теперь его сын был не хуже сына брата. Глядя друг на друга, мы повторили наш традиционный диалог, наш катехизис:

- Роббе, как называется человек без образования, но с пистолетом?
- Придурок с пистолетом.
- Молодец. Как называется человек с образованием, но без пистолета?
- Образованный придурок.
- Молодец. Как называется образованный человек с пистолетом?
- Настоящий мужчина, папа.
- Молодец, Робертино!

Нико еще только учился ходить. Отец говорил с ним на своей обычной скорости. Малыш не понимал. Он впервые слышал итальянскую речь, хотя мать и позаботилась о том, чтобы он родился здесь.

— Он похож на тебя, Роберто?

Я внимательно посмотрел на ребенка и порадовался за него. Ни малейшего сходства со мной.

— К счастью, не похож.

В ответ отец бросил на меня разочарованный взгляд, будто бы говоря, что я даже в шутку не способен сказать ему то, что он хотел бы услышать. Мне всегда казалось, что отец постоянно находится в состоянии войны с кем-то. Как будто он должен вести сражение и думать об альянсах, предосторожностях, тактике. Для отца жить в двухзвездочной гостинице означало потерять лицо и опозориться неизвестно перед кем. Будто бы существовала некая сила, готовая покарать его в любой момент, если он не будет жить в королевской роскоши и всюду вести себя по-хозяйски, даже если это выглядит смешно.

— Лидеру, Роббе, никто не нужен, он должен быть уверенным и внушать страх. Если никто тебя не боится, не робеет в твоём присутствии, значит, тебе не удалось стать по-настоящему важной персоной.

Когда мы ходили в ресторан, отца всегда раздражало, что официанты зачастую обслуживали сначала представителей каморры, даже если они приходили на час позже нас. Боссы садились, и через пять минут их обед был уже на столе. Отец раскланивался с ними, но сам при этом еле сдерживался. Он страстно мечтал о таком же уважении. Уважении, которое основывалось одновременно на зависти к власти и на страхе. Немалую роль здесь играли и деньги.

— Посмотри на них. Вот кто на самом деле главный. Они решают все! Некоторые имеют власть над словами, а некоторые — над делами. Ты должен распознавать тех, кто вершит дела, и делать вид, что доверяешь тем, кто властен над словами. Но в глубине души ты должен знать правду. На самом деле главный тот, кто вершит дела.

Вершители дел, как называл их мой отец, сидели за столом. Они уже давно решили судьбу этой земли. Сидели все вместе, улыбались. Потом они постепенно разругаются друг с другом, оставив за собой тысячи трупов, как идеограммы своих финансовых инвестиций. Боссы знали, как загладить вину за то, что их обслужили первыми, — заказывали обеды для всех присутствующих. Но только перед самым уходом, чтобы не выслушивать льстивые благодарности. Бесплатный обед получили все, кроме двоих. Кроме профессора Яннотто и его жены. Они не поздоровались с мафиози, и те не стали предлагать им обед. Но передали через официанта бутылку лимончелло в подарок. Каждый каморрист знает, что нельзя обходить вниманием явных врагов, потому что явный враг ценнее тайного. Отец в качестве отрицательного примера всегда приводил мне профессора Яннотто. Они вместе учились в школе. Профессор жил в съемной квартире, был исключен из партии, не имел детей, плохо одевался и ходил всегда злой. Он преподавал в лицее, и я помню, как он вечно ругался с родителями учеников, которые просили посоветовать какого-нибудь знакомого учителя, чтобы «подтянуть» их детей. Отец считал, что Яннотто обречен. Ходячий труп.

— Как по-твоему, кто распоряжается человеческой жизнью: философ или врач?

— Врач!

— Молодец. Врач. Потому что человеческие жизни находятся в его руках. Он решает, спасать или нет. Только так творится добро — когда у тебя есть возможность сделать зло. В противном случае ты неудачник, посмешище и ни чего не решаешь. Ты можешь решить делать только добро, но оно получится ущербным, ненастоящим. Настоящее добро — это

сознательный выбор между добром и злом.

Я молчал в ответ. Мне никогда не удавалось понять, что именно он хотел объяснить мне. Да и сейчас не понимаю до конца. Возможно, еще и поэтому я пошел на философский факультет, чтобы ничего не решать за других. Мой отец в 80-е служил медиком на машинах «скорой помощи». Четыреста трупов в год. Он работал там, где убивали и по пять человек за день. Приезжал по вызову, раненый лежал на земле, но до приезда полиции забирать его было нельзя, потому что, услышав вой сирены, киллеры возвращались, преследовали их машину, блокировали ее, врывались внутрь и завершали начатое. Такое случалось не раз, поэтому и врачи, и санитары знали, что надо стоять перед раненым и ждать, не вернется ли киллер, чтобы добить жертву. Однажды отец приехал в Джулиано — между Неаполем и Казертой, где хозяйничала семья Маллардо. Парню было восемнадцать лет, если не меньше. Ему стреляли в грудь, но пуля попала в ребро. «Скорая» приехала моментально. Она была неподалеку. Раненый хрипел, кричал, истекал кровью. Отец положил его в машину. Санитары были в ужасе. Они пытались отговорить отца: очевидно, что убийцы стреляли не целясь и их кто-то спугнул, но они обязательно должны вернуться. Санитары еще надеялись убедить отца: «Давай подождем. Они вернутся, закончат свое дело, и мы его увезем».

Отец не мог смириться. Всею свое время, даже смерти. Восемнадцать лет — явно неподходящее для нее время, пусть речь и идет о члене каморры. Он погрузил парнишку в машину, отвез в больницу и тем самым спас ему жизнь. Ночью в дом моего отца пришли киллеры, те, которые не смогли прицелиться как следует. Меня там не было, я жил с матерью. Но я столько раз слышал эту историю, обрываемую всегда на одном и том же месте, что мне уже кажется, будто я сам там был и принимал участие в происходящем — настолько хорошо все это знаю. Думаю, отца избили до полусмерти, потому что он потом около двух месяцев не показывался на людях. Потом еще четыре месяца не смел смотреть никому в глаза. Сделать свой выбор и спасти того, кто должен умереть, — значит разделить его судьбу, потому что желание обычного человека не способно ничего изменить. Разобраться с проблемой не помогут ни принятое тобой решение, ни осознание происходящего или долгие размышления — не они придают тебе уверенность в том, что твои поступки единственно верные. Что бы тебе ни пришлось делать, обязательно найдется причина, по которой это будет неправильно. Вот оно, настоящее одиночество.

Малыш Нико опять смеялся. С Микаэлой мы примерно одного возраста. Когда она призналась, что покидает Румынию и уезжает в Италию, ее тоже поздравляли, не задавая никаких вопросов, не спрашивая, собирается ли она пойти на панель, стать домработницей или сиделкой, выйти замуж или официально устроиться на работу. Люди знали только, что она уезжает. А этого достаточно для счастья. Нико же ни о чем не думал. Он только отворачивался от очередного молочного коктейля, который ему подсовывала мать. Пытаясь убедить ребенка поесть, отец положил рядом с ним мяч, по которому тот и ударил изо всех сил. Мяч отскочил рикошетом от колен, голеней, обуви десятков людей. Мой отец бросился догонять. Зная, что Нико смотрит, он неуклюже попытался обвести монахиню, но мяч снова ускользнул у него из-под ног. Малыш хохотал, сотни лодыжек, мелькавших перед его глазами, превращали все вокруг в лес из ног и сандалий. Ему нравилось смотреть на отца, на нашего отца, который с трудом — ему мешал живот — пытался достать мяч. Я хотел поднять руку, чтобы помахать ему, но он затерялся где-то в человеческой массе. Раньше чем через полчаса он бы оттуда не выбрался. Ждать бесполезно. И было уже поздно. Я

окончательно потерял его из виду, масса поглотила его, затянув в себя и переварив.

Мариано все-таки встретился с Михаилом Калашниковым. Целый месяц он путешествовал по Восточной Европе: Россия, Румыния, Молдавия. Подаренные кланом каникулы. Вновь мы встретились в баре в Казаль-ди-Принчипе. В том же баре, что и всегда. У Мариано с собой была толстая пачка фотографий, стянутых резинкой: раньше так выглядели готовые к обмену стикеры Panini. Это были портреты Михаила Калашникова, собственноручно им подписанные. Мариано распечатал перед отъездом чуть ли не сотню одинаковых фотографий Калашникова, на которых тот изображен в форме генерала Советской армии с наградами на груди: орден Ленина, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени. Мариано удалось выйти на него с помощью русских, сотрудничающих с мафией Казерты, которые и представили его генералу.

Михаил Тимофеевич Калашников жил в городе у подножия Урала — Ижевске. Калашников был здесь живой легендой. Специально для него даже наладили прямое сообщение с Москвой, он превратился в своеобразную достопримечательность для высокопоставленных туристов. Гостиница возле дома генерала, где остановился и Мариано, зарабатывала огромные деньги на его почитателях, которые или дожидались возвращения своего кумира из какого-нибудь очередного тура по России, или ждали, пока он их примет. К Калашникову Мариано вошел, держа в руке видеокамеру. Генерал съемку разрешил, но попросил не распространять эту запись. Мариано согласился без всяких возражений, понимая, что тот, кто свел его с Калашниковым, знает его адрес, номер телефона и запомнил в лицо. Мариано предстал перед генералом с обмотанным скотчем пластмассовым контейнером, на котором были нарисованы морды буйволов. Этот псих ухитрился довести в багажнике машины коробку с моццареллой буфала^[39] из Аверсы.

Фильм о посещении дома Калашникова Мариано мне показывал на маленьком мониторе в видеокамере. Изображение дергалось, лица искажались, предметы то приближались, то удалялись, деформируясь, перед объективом мелькали то запястье, то большой палец. Больше всего это напоминало видеоотчет о школьной поездке, который снимали на бегу. Дом Калашникова был похож на дачу Дженнаро Марино, или это просто была типичная русская дача, но я, кроме той, принадлежавшей боссу из Арцано, больше никаких загородных поместий не видел, поэтому мне эти два дома показались идентичными. Стены у Калашникова были увешаны репродукциями Вермера, а шкафы ломились от безделушек из дерева и хрусталя. Полы застланы коврами. В какой-то момент генерал вдруг закрыл объектив рукой. Мариано объяснил, что ему хватило наглости войти в комнату, которую Калашников не позволял снимать ни под каким предлогом. На стене висел металлический шкафчик, сквозь бронированное стекло было видно его содержимое — первая модель «Калашникова», прототип, созданный, согласно легенде, старым генералом (тогда еще только неизвестным сержантом) по схемам, которые он чертил на клочках бумаги, когда лежал раненый в больнице и мечтал о создании такого оружия, которое сделало бы непобедимыми продрогших и голодных солдат Советской армии. Первый в истории АК-47, хранящийся под замком, как первый заработанный цент Скруджа Макдака,^[40] знаменитый *number one* в футляре, Номер Один, который колдунья Амелия^[41] упорно пытается прибрать к рукам. Эта модель бесценна. За обладание такой военной реликвией многие бы пожертвовали чем угодно. После смерти Калашникова ее ожидает та же судьба, что и полотна Тициана и Микеланджело, — аукцион «Кристи».

Мариано провел в доме Калашникова все утро. Видимо, его поручитель был по-настоящему влиятельным человеком, раз генерал проявил такое гостеприимство. Следующая сцена из фильма: они сидят за столом, и маленькая сморщенная старушка открывает контейнер с моцареллой. Ели с удовольствием. Водка и моцарелла. Мариано не мог упустить такие кадры и положил камеру на стол, чтобы запечатлеть все происходящее. Как великий Калашников ест моцареллу из сыроварен его босса. В кадр попал и шкаф на заднем плане, где на полке стояли рамки с детскими фотографиями. Несмотря на то что меня уже тошнило от этого видео и я не мог дождаться, когда же оно наконец закончится, мне не удалось сдержать любопытства:

— Мариано, это все дети и внуки Калашникова?

— Ты что, какие дети! Многие называют в его честь своих детей, а потом присылают их фотографии. Наверно, этот автомат им жизнь спас или они просто им восхищаются...

Хирурги получают фотографии детей, которых они спасли — вылечили или прооперировали, — потом вставляют снимки в рамки и держат на полочке как свидетельства своих профессиональных успехов. Так и у Калашникова в гостиной хранилась коллекция фотографий детей, носивших имя его творения. Как-то в Анголе итальянский репортер брал интервью у известного повстанца из «Движения за освобождение», который заявил: «Я назвал сына Калшем, потому что это имя — синоним свободы».

Калашникову восемьдесят четыре года, но он очень хорошо сохранился. Его приглашают на все мероприятия, он как передвижная икона, олицетворяющая собой самый знаменитый в мире автомат. До выхода на пенсию в чине генерал-лейтенанта он получал зарплату в пятьсот рублей, что по тем временам более или менее соответствовало сегодняшним пятистам долларам. Если бы у Калашникова была возможность запатентовать свое изобретение на Западе, сейчас он точно был бы одним из богатейших людей планеты. Даже по самым скромным подсчетам, в мире было произведено свыше ста пятидесяти миллионов автоматов «Калашникова», все по оригинальному проекту генерала. Даже если бы он получил всего по одному доллару за каждый экземпляр, то сейчас купался бы в деньгах. Но отсутствие прибыли его ничуть не огорчало: он создал свое детище, вдохнул в него жизнь, и этого было достаточно. Хотя, возможно, какие-то доходы он все же получал. Мариано рассказал, что почитатели Калашникова не забывают его. Якобы в знак уважения время от времени перечисляют на его счет тысячи долларов, присылают ценные подарки из Африки: поговаривали о ритуальной маске из золота, подаренной ему Мобуту, и о балдахине, инкрустированном слоновой костью, полученном в подарок от Бокассы; ходили слухи, что из Китая был доставлен целый поезд с локомотивом и вагонами — Дэн Сяопин знал о нелюбви генерала к полетам на самолетах. Но это легенды, сплетни, записанные журналистами, которым из-за отсутствия влиятельных покровителей не удалось добиться встречи с Калашниковым и осталось только брать интервью у рабочих с Ижевского оружейного завода.

Михаил Калашников говорил на беглом английском, выученном уже в старости, и отвечал автоматически, используя одни и те же фразы вне зависимости от вопроса: ответы подходили к любому вопросу, как отвертка подходит к любому шурупу. Мариано, пытаясь хоть как-то справиться с волнением, задавал ему бесполезные и банальные вопросы об автомате. «Я изобрел это оружие не ради продажи и наживы, а для защиты родины, когда она в этом нуждалась. Если бы я мог вернуться в прошлое, то сделал бы то же самое, прожил

бы точно так же. Всю жизнь я работал, и моя жизнь — это моя работа». Он всегда так отвечает на вопросы о своем изобретении.

Нет в мире вещи, не важно, органического или неорганического происхождения, предмет это или вещество, у которой было бы больше жертв, чем у АК-47. «Калашников» убил больше людей, чем атомная бомба в Хиросиме и Нагасаки, больше, чем ВИЧ, бубонная чума и малярия, больше, чем исламский фундаментализм или все землетрясения, вместе взятые. Огромное количество человеческих жизней, которое даже вообразить себе трудно. Только одному участнику конференции, специалисту по рекламе, удалось подобрать подходящее сравнение: чтобы представить число убитых из автомата, надо взять бутылку и наполнить ее сахаром, наблюдая, как он по песчинке сыплется из пакета. Одна песчинка — одна жертва «Калашникова».

АК-47 — это автомат, который не подводит даже в самых тяжелых условиях. Его никогда не заклинивает, из него можно стрелять, когда он весь покрыт грязью или намок, его удобно держать в руках, а курок спускается так легко и плавно, что справится и ребенок. Везение, осечка, неточность стрелка — все то, что может спасти жизнь во время боя, безотказный АК-47 будто бы аннулирует. Фатум перестает играть какую бы то ни было роль. Автомат прост в обращении, легок и удобен, а убивает с такой эффективностью, что никакая подготовка не нужна. «Он способен превратить в солдата даже обезьяну», — говорил беспощадный Кабила, политический лидер Конго. За последние тридцать лет более чем в пятидесяти странах во время боевых действий на штурм шли с «Калашниковыми». По данным ООН, бойни, учиненные с помощью этого оружия, происходили на территории Алжира, Анголы, Боснии, Бурунди, Гаити, Камбоджи, Кашмира, Колумбии, Конго, Мозамбика, Руанды, Сомали, Сьерра-Леоне, Судана, Чечни, Шри-Ланки, Уганды. Более пятидесяти регулярных армий имели в арсенале «Калашниковых», а сколько нерегулярных, сколько вооруженных группировок и отрядов повстанцев их использовали — не сосчитать.

От пуль «Калашникова» погибли Садат в 1981-м, генерал Далла Кьеца в 1982-м, Чаушеску в 1989-м, Сальвадор Альенде был найден во дворце Ла-Монедра — его расстреляли из «Калашникова». Эти громкие убийства лучше всякой пресс-службы повествуют об истории автомата. АК-47 изображен на флаге Мозамбика и является символом еще сотни политических группировок, от палестинской «Аль-Фатах» до перуанского «Революционного движения Тупак Амару». Когда мы видим Усаму бен Ладена в его видеообращениях, снятых где-то в горах, он держит «Калашников» как символ устрашения. В чьих только руках не побывало это оружие: борцов за свободу, притеснителей, повстанцев, террористов, похитителей, президентской охраны. Калашников создал чрезвычайно эффективное оружие, лишь улучшавшееся с годами, пережившее восемнадцать модификаций, на базе оригинального проекта было создано двадцать две новые модели. Это самый настоящий символ либеризма. Святыня. И мог бы стать его эмблемой: не важно, кто ты, не важно, о чем думаешь, не важно, где твоя родина, не важно, какую религию исповедуешь, не важно, против чего и за что выступаешь, достаточно того, что ты делаешь то, что делаешь, с помощью нашей продукции. Имея 50 000 000 долларов, можно приобрести около 200 000 автоматов. Имея 50 000 000 долларов, можно создать маленькую армию. То, что разрушает политические и посреднические связи, стимулирует потребительскую активность — это власть, которая подчиняет себе рынок; Михаил Калашников своим изобретением дал дорваться до «стволов» всем, от верховных правителей до главарей мелких банд. После изобретения «Калашникова» никто не мог свалить свое

поражение на нехватку оружия. С его появлением воцарилось равенство: оружие для всех, бойня для каждого. Сражение перестало быть привилегией армии. На международном уровне «Калашников» сделал то же, что в местном масштабе — кланы Секондильяно, распространившие кокаин по всей Италии и позволившие всем желающим стать потребителями, розничными торговцами и даже крупными наркодилерами, чем избавили рынок от многочисленных перекупщиков. Так и «Калашников» дал возможность стать солдатом кому угодно, вплоть до детей, превратил в генералов тех, кто не смог бы руководить и стадом из десяти овец. Покупать автоматы, стрелять, использовать людей и вещи и опять покупать. Все остальное — мелочи. На всех фотографиях у Калашникова спокойное лицо. Угловатый славянский лоб и по-монгольски узкие глаза, которые с возрастом становятся все больше похожи на крохотные щелочки. Он спит сном праведника. Ложась спать, чувствует себя если не счастливым, то безмятежным, аккуратно ставит тапочки под кровать. Даже когда он серьезен,^[42] уголки рта у него опущены, как у Кучи из «Цельнометаллической оболочки». Он улыбается губами, но не лицом.

При взгляде на портреты Калашникова мне сразу вспоминается Альфред Нобель, которого весь мир знает как учредителя премии своего имени, забывая о том, что он в первую очередь создатель динамита. На фотографиях, сделанных вскоре после этого эпохального изобретения, когда Нобель уже понял, как будет использована его смесь нитроглицерина с глиной, он выглядит необычайно взволнованным, теребит бороду. Может, только мне так кажется, но когда я вижу Нобеля таким, с удивленно поднятыми бровями и потерянным взглядом, то он будто говорит: «Я не хотел. Я собирался проникать в глубь гор, крошить камень, прокладывать штольни. Я не хотел того, что произошло». У Калашникова же лицо спокойное, как у всякого русского пенсионера, поглощенного своими воспоминаниями. Так и представляешь, как он рассказывает, обдавая тебя перегаром, о каком-нибудь своем друге, с которым они вместе прошли войну, или, сидя за столом, хвастается полупшепотом, каким был выносливым любовником в молодости. Если продолжить игру в предположения, то Калашников с фотографий будто бы хочет сказать: «Все хорошо, это не мои проблемы, я просто создал автомат. Кто и в каких целях его использует, меня не касается». Ответственность только перед самим собой, ограниченная лишь одним поступком. Твоим собственным поступком, который тебе позволяет или нет твоя собственная совесть. Уверен, это одна из причин, по которой старый генерал, сам того не желая, стал кумиром всех мафиозных кланов земного шара. Михаил Калашников не продает оружие сам и не посредничает в торговле автоматами, не обладает политическим влиянием и не выделяется особенной харизмой, но при этом олицетворяет собой девиз каждого человека в эпоху рыночных отношений: «Делай все возможное, чтобы выиграть, остальное тебя не касается».

На Мариано была толстовка с надписью «Калашников» и рюкзак через плечо с той же фамилией. Генерал открыл для себя новый вид инвестиций и оказался талантливым предпринимателем. Мало у кого в активе есть всемирно известное имя. Немецкий бизнесмен открыл фабрику по производству одежды с лейблом «Калашников», и генерал, начав распространение своей фамилии таким образом, вошел во вкус, включившись еще и в производство огнетушителей. Вдруг, не окончив свой рассказ, Мариано остановил фильм и выскочил из бара. Открыл багажник своей машины, вытащил армейский чемодан и, вернувшись, положил его на барную стойку. Я решил, что он окончательно свихнулся на

почве мистического поклонения автомату, и с ужасом подумал, что он проехал пол-Европы с автоматом в багажнике и собирается прямо здесь его продемонстрировать. Но в чемоданчике оказался хрустальный «Калашников», наполненный водкой. Настоящий китч. Пробка располагалась в дуле. После поездки Мариано в Россию бары всей Аверсы, сотрудничавшие с ним, получили в качестве специального торгового предложения водку «Калашников». Я сразу представил хрустальные клоны знаменитого автомата, выставленные за спинами всех барменов от Теверолы до Мондрагоне. Фильм подходил к концу, глаза болели — из-за близорукости мне приходилось щуриться. Но последний кадр сразил меня наповал. Двое стариков в тапочках стоят на пороге и, дожевывая моццареллу, машут гостю на прощание. Вокруг нас с Мариано уже образовалась толпа мальчишек, взиравших на него как на героя, как на избранного. Он был знаком с Михаилом Калашниковым. Мариано посмотрел на меня заговорщически, хотя никаких общих тайн у нас сроду не было. Освободил пачку фотографий от резинки и принялся их перебирать. Проглядев с десятка, вытащил наконец ту, которую искал: «Это тебе. И не говори потом, что я о тебе забыл».

На фотографии старого генерала черной ручкой была выведена надпись: «To Roberto Saviano with Best Regards. M. Kalashnikov».[\[43\]](#)

Международным организациям, занимающимся экономической статистикой, постоянно нужны новые данные, которые они потом «скармливают» газетам, журналам, политическим партиям. Например, легендарный индекс Биг-Мака: чем выше стоимость одноименного сэндвича в «Макдоналдсе», тем богаче страна. Для оценки состояния прав человека аналитики советуют изучать цены на автомат Калашникова. Чем он дешевле, тем сильнее в стране ущемляют права человека; если он доступен всем, значит, правовое государство бьется в агонии, а баланс сил в обществе окончательно расстроен. В Западной Африке цены доходят до пятидесяти долларов за штуку. В Йемене же, к примеру, можно найти бывший в употреблении АК-47 всего за шесть долларов. Влияние на востоке и доступ к оружейным складам находящихся в кризисе постсоциалистических стран превратили кланы Казерты и Неаполя в лучших партнеров для торговцев оружием — наравне с калабрийскими косками, занимающимися этим с давних пор.

Каморра, являясь одним из крупнейших поставщиков оружия на международном рынке, могла влиять на стоимость «Калашниковых», негласно контролируя таким образом состояние прав человека на Западе. Уровень этих прав постепенно опускался, напоминая каплю, движущуюся по катетеру. В то время как у французских и американских преступных группировок на вооружении было любимое оружие морских пехотинцев — М-16 Юджина Стоунера, тяжелое и громоздкое, которое должно быть хорошо смазанным и чистым, если ты не хочешь, чтобы его заклинило прямо у тебя в руках, — на Сицилии и в Кампании, от Чинизи до Казаль-ди-Принчипе, в 80-е годы уже всю пользовались «Калашниковыми». В 2003 году дал показания Раффаэле Спинелло из клана Дженовезе, хозяин Авеллино и прилегающих к нему территорий, и полиции стало известно о связи басков из ЭТА с каморрой. Клан Дженовезе объединился с семьей Кава из Куиндичи и с несколькими семьями из Казерты. Будучи кланом не первого порядка, он тем не менее был в состоянии обеспечить оружием одну из наиболее значимых вооруженных группировок Европы, которая за тридцать лет борьбы перепробовала все возможные пути добычи вооружения. Но кланы Кампании были привилегированными поставщиками. Двое *etarras* — баскские активисты Хосе Мигель Аррета и Грасия Морило Торрес, — поданным прокуратуры Неаполя от 2003 года, в течение десяти дней вели переговоры в номере миланского отеля. Цены, маршруты, процедуры обмена. Наконец они пришли к соглашению. ЭТА переправляла кокаин через своих активистов и получала в обмен оружие. Стоимость наркотика теперь должна была стать ниже, ЭТА получала его от колумбийских повстанцев, брала на себя транспортные издержки и ответственность за доставку товара в Италию, делая все, чтобы укрепить связь с картелями Кампании, кроме которых, возможно, никто больше был не в силах обеспечить желающих целыми военными арсеналами. Но ЭТА не ограничивалась только «Калашниковыми». Ее интересовало тяжелое вооружение, мощная взрывчатка и в особенности ракетные установки.

Отношения между каморрой и повстанцами всегда были плодотворными. Даже в Перу, второй родине неаполитанских наркоторговцев. В 1994 году суд Неаполя обратился к перуанским властям с просьбой провести расследование, после чего около десятка итальянцев были выдворены из Лимы. Цель расследования — выявление связей между неаполитанскими кланами и «Революционным движением Тупак Амару», возглавляемым братьями Родригес. Революционеры с повязанными на лицах красно-белыми платками. Даже они не могли обойтись без кланов. Кокаин в обмен на оружие. В 2002 году был арестован адвокат по имени Франческо Мальюло, обвиненный в сотрудничестве с влиятельным кланом Маццарелла из Сан-Джованни-а-Тедуччо, оборудовавший себе убежище в Неаполе, в районах Санта-Лючия и Форчелла. Его выслеживали больше двух лет: его самого и его сделки в Египте, Греции и Англии. Был перехвачен звонок, сделанный с виллы генерала Аидида, одной из центральных фигур войны в Сомали, чье противостояние клану Али Махди превратило страну в растерзанный и разлагающийся труп, годный исключительно на то, чтобы захоронить его вместе с токсичными отходами Европы. Расследование взаимоотношений между кланом Маццарелла и Сомали проходило по всем возможным направлениям, но торговля оружием была, безусловно, на первом месте. Даже главнокомандующие становились по-женски покорными и покладистыми на переговорах с каморристами, когда нуждались в поставках оружия.

В марте 2005 года оружие продемонстрировало свою мощь в Санта-Анастасии, у подножия Везувия. Отчасти виноват случай, отчасти недисциплинированность торговцев:

заказчики и перевозчики не смогли договориться о цене, и прямо посреди улицы началась перепалка. Когда появились карабинеры, наркоторговцы быстро разобрали фальшивые стенки внутри фургончика, стоявшего рядом, и он превратился в самый настоящий арсенал, поражающий своими размерами. Пистолеты-пулеметы «Узи», укомплектованные четырьмя магазинами и ста двенадцатью патронами 380 калибра, русские и чешские автоматы, стреляющие очередями со скоростью девятьсот пятьдесят пуль в минуту. Не новые, но хорошо смазанные, с нетронутым табельным номером, их только-только доставили из Кракова. Девятьсот пятьдесят выстрелов в минуту — американские вертолеты во Вьетнаме обладали такой же огневой мощью. Одного этого оружия хватило бы, чтобы уничтожить несколько дивизий вместе с бронетехникой, а здесь речь шла всего лишь о кучке каморристов из района Везувия. Оружие становится, таким образом, еще одной возможностью управлять рычагами реальной власти, как Левиафан, который навязывает господство во имя собственной потенциальной жестокости. В арсеналах каморры имеются базуки, ручные гранаты, противотанковые мины, всевозможные автоматы, но используются при этом только «Калашниковы», «Узи», автоматические и полуавтоматические пистолеты. Остальным же обзаводятся на стадии формирования вооруженных сил и держат для устрашения. Обладая таким военным потенциалом, кланы не противостоят законному насилию государства, но сами стремятся монополизировать насилие. В Кампании нет той любви к перемириям, которой отличаются легендарные кланы коза ностра. Оружие напрямую связано с динамикой становления капиталов, передела территорий, слияния набирающих силу молодых группировок и конкурирующих семей. Мафиози словно бы владеют исключительным правом на само понятие насилия, на его сущность и инструменты воздействия. Насилие становится их кредо, прибегая к насилию, они тем самым утверждают свою власть, власть Системы. Клань даже создали свое оружие: члены каморры сами спроектировали его, подготовили рабочие чертежи и запустили изделие в производство. В 2004 году на севере Неаполя, в Сант-Антимо, полицейские обнаружили выкопанную в земле яму, замаскированную сорняками, где было спрятано странное ружье, завернутое в промасленную ткань. Вроде тех жутких ружей из разряда «сделай сам», которые можно купить за двести пятьдесят евро, тогда как, например, полуавтоматический пистолет стоит в среднем две с половиной тысячи. Изобретенное кланами оружие состоит из двух трубок, которые можно носить отдельно друг от друга, но при соединении они превращаются в мощный обрез, рассчитанный на патроны или дробь. Прототипом послужило детское игрушечное ружье 80-х годов, стрелявшее мячиками для пинг-понга; чтобы выстрелить, надо было сильно потянуть на себя затвор, и срабатывала внутренняя пружина. Одно из тех игрушечных ружей, без которого тысячи итальянских детей не представляли себе игру в войну. Но именно такая детская игрушка породила то, что теперь называется «трубкой». Одна из трубок — с рукояткой диаметром побольше и длиной около сорока сантиметров. Внутри впаян большой металлический болт, наконечник которого служит затвором. Вторая — трубка меньшего диаметра, рассчитанная на пулю двадцатого калибра, с дополнительной рукояткой сбоку. До смешного просто и невероятно эффективно. Это оружие удобно тем, что, выстрелив, не надо никуда скрываться и уничтожать его. Достаточно просто разобрать, и ружье превратится в две ничем не примечательные трубки, которые никого не заинтересуют при обыске.

Перед тем как ружье нашли в Сант-Антимо, я слышал о нем от пастуха, не имевшего никакого отношения к мафии, — он был одним из тех изнуренных крестьян, которые еще

бродят по Италии со своими овцами по полям вокруг эстакад и старых барачков. Этот пастух уже не раз находил убитых, разорванных пополам овец из своего стада — именно разорванных, а не разрезанных или разрубленных. Тощие неаполитанские овцы, у которых все ребра торчат, пережевывают траву, отравленную диоксином, отчего у них портятся зубы, а шерсть становится неприятного серого цвета. Пастух думал, что это провокация его жалких конкурентов, у которых ни одной здоровой овцы-то не было. Он не понимал. Создатели ружья-трубки проверяли его мощностъ на небольших животных. Овцы были лучшей мишенью, чтобы оценить силу выстрелов и качество оружия. Последнее определяли по тому, каким образом овца переворачивалась в воздухе и в стороны разлетались две части, будто в кадре из видеоигры.

Вопрос об оружии спрятан от посторонних глаз в кишках экономики, окружен поджелудочной железой молчания. Италия тратит на вооружение двадцать семь миллиардов долларов. Больше, чем Россия, вдвое больше, чем Израиль. Исследование проводилось Стокгольмским международным институтом исследования проблем мира (СИПРИ). Если к этим официальным данным добавить сведения Европейского института политических, экономических и социальных исследований о трех миллиардах и трехстах миллионах — обороте оружейного бизнеса, находящегося в руках каморры, ндрангеты, коза ностра и «Сакра Корона Униты», то след, оставленный государством и кланами, выведет к трем четвертям оружейного оборота всего полушария. Картель клана Казалези представляет собой криминально-предпринимательское объединение, работающее на международном уровне и способное обеспечить всем необходимым не только отдельные группировки, но и целые армии. Во время Фолклендской войны 1982 года между Англией и Аргентиной последняя переживала тяжелейший период экономической изоляции. В таких условиях установились торговые отношения между аргентинскими защитниками и каморрой, через которую, как через воронку, поступало оружие, — официально никто бы этого не сделал. Клань запаслись всем необходимым из расчета на затяжную войну, но конфликт разрешился быстро: начался в марте, а в июне была найдена возможность выхода из него. Мало выстрелов, мало погибших, мало сделок. Война принесла больше выгоды политикам и демократии, чем предпринимателям и экономике. Кланам Казерты не имело смысла распродавать непригодившееся оружие в погоне за быстрым заработком. В тот же день, когда было объявлено перемирие, английские секретные службы перехватили звонок из Аргентины в Сан-Чиприано-д'Аверса. Его достаточно, чтобы осознать могущество и дипломатические способности семей из Казерты:

— Алло!

— Я слушаю.

— Война закончилась, что теперь будем делать?

— Ничего, будет другая...

С течением времени к властителям приходит мудрость, а с ней и терпеливость, которой зачастую не владеют многие предприниматели, даже самые способные. В 1977 году, когда Казалези занимались закупкой танков, итальянские секретные службы сообщили, что один «леопард», демонтированный и готовый к транспортировке, находится на станции Вилла-Литерно. Торговля танками «леопард» долгое время была в руках каморры. В феврале 1986 года перехватили телефонный разговор между членами клана Нуволетта и немцами из тогдашней Восточной Германии, договаривавшимися о покупке «леопардов». Смена боссов не мешала казалийцам оставаться международными поставщиками не только для отдельных

группировок, но и для целых армий. В 1994 году Служба информации и военной безопасности и веронский Центр контрразведки сообщили, что Желько Ражнатович, более известный как Аркан, был связан с Сандоканом Скъявоне, боссом Казалези. Аркана убили в 2000 году в отеле Белграда. Он был одним из самых беспощадных преступников во время сербской войны, который не моргнув глазом сровнял с землей мусульманские поселения Боснии. Ражнатович создал сербскую «Добровольную охрану»^[44] — националистическую организацию. Два тигра объединились. Аркан договорился об оружии для повстанцев и, что важнее, о возможности обойти наложенное на Сербию эмбарго, ввозя деньги и боеприпасы под видом гуманитарной помощи: полевых госпиталей, медикаментов и медицинского оборудования. По мнению Службы информации и военной безопасности, на самом деле Сербия оплачивала поставки общей стоимостью в десятки миллионов долларов, снимая деньги со счетов в австрийских банках, в общей сложности 85 000 000 долларов. Эти деньги потом переводились на счет совместного сербо-кампанийского предприятия, задача которого заключалась в распределении по разным отраслям промышленности заказов на производство тех или иных товаров для гуманитарной помощи, и платили они за это полученной от незаконной деятельности прибылью, перерабатывая, таким образом, свои же собственные капиталы. И здесь в игру включились Казалези. Они предоставили нужные компании, транспорт, товары, необходимые для запуска механизма отмывания денег. Если верить полученной информации, то Аркан через посредников попросил казалийцев о вмешательстве, когда надо было усмирить албанскую мафию, способную помешать начатой финансовой войне своими вторжениями с юга или перекрытием каналов поставок оружия. Казалези договорились с союзными им албанцами, снабдив их оружием, и Аркану была обеспечена спокойная партизанская война. Взамен кланы приобрели по бросовым ценам ряд фирм, предприятий, магазинов, ферм, и теперь половина Сербии оккупирована итальянцами. Прежде чем вступить в войну, Аркан спросил мнения каморры. Кампанские кланы, как хищники, держат все военные конфликты от Южной Америки до Балкан в своих когтях.

ЖЕЛЕЗОБЕТОН

Я уже давно не появлялся в Казаль-ди-Принчипе. Если родина военного ремесла — Япония, серфинга — Австралия, алмазов — Республика Сьерра-Леоне, то в Казаль-ди-Принчипе сосредоточена предпринимательская мощь каморры. Если ты оттуда родом, то в глазах обитателей Неаполя и Казерты обладаешь заведомым иммунитетом, выглядишь значительно, чем есть на самом деле, олицетворяешь собой живое воплощение свирепости преступных группировок Казерты. Тебе гарантированы всеобщее уважение и своего рода естественный страх. Даже Бенито Муссолини хотел избавиться от этого деления по происхождению, придуманного мафией, и поэтому переименовал коммуны Сан-Чиприано-д'Аверса и Казаль-ди-Принчипе в Альбанову. По случаю открытия новой эпохи справедливости он отправил несколько десятков вооруженных карабинеров, чтобы решить проблему «огнем и мечом». Сегодня единственным напоминанием об Альбанове является одноименная железнодорожная станция в Казале.

Ты мог часами молотить боксерскую грушу, проводить целые дни, поднимая штангу и накачивая грудные мышцы, глотать пачками стероиды, но стоило тебе оказаться лицом к лицу с обладателем характерного акцента и чрезмерной жестикуляции, как перед твоими глазами сразу вставали картины с лежащими на земле мертвецами, накрытыми простынями. Есть такие старые поговорки, где в крайне сжатом виде содержится вся эта кровавая мифология, к примеру: «Каморристами становятся, казалийцами рождаются». Или во время перепалки, когда двое, бросая вызов, меряются взглядами, перед тем как наброситься друг на друга с кулаками или ножом, становится предельно ясным их отношение к жизни: «Что жизнь, что смерть — мне все равно!» Иногда место рождения, родные корни могут оказаться весьма полезными, стать плюсом, достаточно лишь позволить им смешаться со стереотипным образом жестокости и использовать как скрытую угрозу. Тогда можно получить скидки на билеты в кино или кредит на какое-нибудь сомнительное предприятие. Но бывает и наоборот, когда с тем местом, откуда ты родом, связаны настолько сильные предрассудки, что бесполезно доказывать кому-то его неправоту, мол, не все там мафиози и преступники, а каморристов вообще меньшинство, и ты идешь простейшим путем, быстро вспоминая ближайшие населенные пункты, что-нибудь нейтральное, не связывающее тебя автоматически с мафией: Секондильяно становится Неаполем, Казаль-ди-Принчипе — Аверсой или Казертой. Испытывать стыд или гордость за свое происхождение — зависит от игры, которую ты ведешь, от момента и ситуации.

Корлеоне, в отличие от Казаль-ди-Принчипе, — город, спроектированный Уолтом Диснеем. Казаль-ди-Принчипе, Сан-Чиприано-д'Аверса, Казапезенна. На этой территории меньше ста тысяч жителей, но зато тысяча двести приговоренных по статье 416-бис о мафиозных организациях и огромное количество людей, находящихся под следствием или обвиненных в соучастии за связь с мафией. Эта земля с давних пор терпит бремя семей каморры, жестокой и беспощадной буржуазии, наиболее кровавые и могущественные члены которой составляют авангард клана. Клан Казалези, имя которого происходит от самого Казаль-ди-Принчипе, объединяет на автономных федеративных правах все семьи каморристов из Казерты: от Кастель-Вольтурно, Вилла-Литерно, Гричиньяно, Сан-Таммаро и Чезы до Вилла-ди-Бриано, Мондрагоне, Каринолы, Марчанизе, Сан-Никола-Ла-Страда, Кальви-Ризорты, Лушано и еще сотни населенных пунктов. У каждого свой местный босс,

каждый входит в сферу влияния Казалези. Антонио Барделлино, положивший начало Казалези, был первым в Италии, кто догадался, что и героин скоро будет вытеснен кокаином. Однако героин оставался основным товаром для коза ностра и многих семей каморры. Подсевшие на героин наркоманы были для них сродни набитым деньгами сейфам, тогда как кокаин в 80-е годы употребляла только немногочисленная элита. Антонио Барделлино понимал тем не менее, что будущее за более легким наркотиком, не сразу проявляющим свое убойное действие, изысканным аперитивом вместо вульгарной отравы. Он открыл фирму, занимавшуюся импортом-экспортом рыбной муки: экспортировали из Южной Америки, а импортировали в Аверсу. Под этим прикрытием переправлялись тонны кокаина. Барделлино имел дело и с героином, его он сбывал в Америке, отправляя Джону Готти в фильтрах кофемашин. Как-то раз американская служба по борьбе с наркотиками перехватила шестьдесят семь килограммов кокаина, но босса Сан-Чиприано-д'Аверса это не испугало. Через несколько дней его люди позвонили Готти: «Теперь мы переправим вдвое больше, только другим способом». В окрестностях Аверсы зародился картель, который решился противостоять Кутоло, и воспоминание о жестокости той войны заложено в генетическом коде кланов Казерты. В 80-х годах семьи, соратники Кутоло, были уничтожены в ходе нескольких беспощадных военных операций. С семьей Ди Маттео, состоявшей из четырех мужчин и четырех женщин, было покончено в кратчайшие сроки. Казалези оставили в живых только восьмилетнего ребенка. Симеоне, все семеро, были убиты почти одновременно. Утром они были живы и здоровы, ночью же исчезли с лица земли. Убиты. В Понте-Анниккино в марте 1982 года Казалези установили на холме полевой пулемет, из тех, что используют в траншеях, и расправились с четырьмя людьми Кутоло.

Антонио Барделлино был членом коза ностра, другом и соратником Томмазо Бушетты, с которым жил на одной вилле в Южной Америке, хорошо знал Тано Бадаламенти. Лишив власти Бадаламенти и Бушетту, клан Корлеонеци попытался избавиться и от Барделлино, но безуспешно. Когда «Новая организованная каморра» еще только начала свое восхождение, сицилийцы попробовали расправиться и с Кутоло. Посланный ими киллер, Миммо Бруно, отплыл из Палермо, но был убит, как только паром вышел из порта. Коза ностра всегда питала к Казалези особого рода уважение и даже робость, но когда в 2002 году казалийцы убили Раффаэле Лубрано — босса Пиньятаро-Маджоре, местечка неподалеку от Капуи, — который принадлежал к коза ностра и вступил в нее при поддержке Тото Риины, многие опасались начала файды. Помню, как на следующий после покушения день продавец газет, протягивая клиенту газету с местными новостями, тихо поделился своими страхами:

- Если сейчас еще и сицилийцы заявятся, то три года мира нам не видать.
- Какие сицилийцы? Мафиози?
- Ну да.
- Пусть они встанут перед Казалези на колени и сосут. Им, сосунам, только этим и заниматься.

Одним из наиболее возмущивших меня высказываний о сицилийской мафии принадлежало пришедшему с повинной Кармине Скьявоне из клана Казалези. В одном интервью 2005 года он высказался о коза ностра как о сосредоточенной на политике структуре, неспособной мыслить категориями бизнеса в отличие от каморристов из Казерты. По мнению Скьявоне, мафия хотела поставить себя в позицию антигосударства, а

это противоречило идеологии предпринимателей. Парадигмы «государство-антигосударство» не существует. Есть только территория, на которой занимаются бизнесом: с, без, при помощи государства.

«Мы жили в условиях государства. Для нас государство должно было существовать и быть именно таким, каким оно и было. Только философия у нас с сицилийцами разная. Если Риино привык к островной изоляции, к уединению гор — самый настоящий старый овчар, — то мы уже перешагнули через эту ступень, мы хотели жить с государством. Если кто-то из представителей власти чинил нам препятствия, мы находили другого, посговорчивее. Если это был политик, то мы потом не голосовали за него, если учреждение — находили обходные пути».

Кармине Скьявоне, двоюродный брат Сандокана, первым рассказал правду о деятельности клана Казалези. Когда он принял решение о сотрудничестве с правосудием, дочь Джузеппина вынесла ему жестокий приговор, который, возможно, даже хуже смертного. В нескольких газетах опубликовали ее гневные слова: «Он лжец, лицемер, негодяй и предатель, решивший продать свои же неудачи. Чудовище. Он мне не отец. Я даже не знаю, что такое каморра».

Предприниматели. Только так определяют каморристов из Казерты: предприниматели. Клан, целиком состоящий из безжалостных фабрикантов, владельцев строительных компаний и земельных собственников. У каждого свои вооруженные банды, объединенные между собой, и деятельность во всех секторах экономики. Достоинством картеля Казалези всегда являлась способность работать с крупными партиями наркотиков, не испытывая при этом особой необходимости заниматься сбытом и на внутреннем рынке. Римские просторы — вот конечная точка их распространения, но гораздо более важную роль играет посредничество при купле-продаже крупных партий. В 2006 году Управление по борьбе с мафией установило, что Казалези снабжали наркотиками палермские семьи. Объединение с кланами Нигерии и Албании позволило им освободиться от необходимости напрямую контролировать наркоторговлю. Договоренности с нигерийскими кланами из Лагоса и Бенин-Сити, союзы с мафией из Приштины и Тираны, соглашения с украинскими мафиози из Львова и Киева сразу перевели Казалези на другой уровень. В то же время им были предоставлены особые привилегированные условия при инвестировании средств в восточные страны и при покупке кокаина у международных наркоторговцев, базирующихся в Нигерии. Новые лидеры, новые войны — все началось с образования клана Барделлино, источника предпринимательской власти на этой территории. Достигнув абсолютного господства во всех секторах экономики, легальных и нелегальных, от наркоторговли до строительства, Антонио Барделлино обосновался с новой семьей в Сан-Доминго. Своих южноамериканских детей он назвал так же, как и итальянских, чтобы не усложнять себе жизнь и не путаться. Бразды правления передал самым верным помощникам. Они вышли целыми и невредимыми из войны с Кутоло, успешно вели дела и повысили авторитет клана, расширили свое влияние географически, захватив север Италии и за границу. Марио Йовине, Винченцо Де Фалько, Франческо Скьявоне — Сандокан, Франческо Бидоньетти — Чиччотто-Полуночник и Винченцо Загария были боссами казалийской федерации. В начале 80-х Чиччотто-Полуночник и Сандокан не только отвечали за военную мощь клана, но при этом занимались еще и предпринимательской деятельностью во всех возможных отраслях

экономики, так что хорошо представляли себе, как надо управлять огромной многоотраслевой корпорацией. Марио Йовине, во всем берущий пример с Барделлино, оказался противником самой идеи об автономии. Тогда остальным пришлось воспользоваться довольно странной на первый взгляд, но крайне эффективной тактикой. Достичь цели, используя угловатость каморристской дипломатии, можно было только одним способом: развязать междоусобную войну.

Как сообщил следствию Кармине Скьявоне, Чиччотто-Полуночник и Сандокан давили на Антонио Барделлино, пытаясь убедить его вернуться в Италию и избавиться от Мими Йовине, брата Марио, который владел мебельной фабрикой и формально не принимал никакого участия во внутренних процессах каморры, но, по их мнению, был осведомителем карабинеров. Чтобы убедить старого босса в своей правоте, они сказали: даже Марио готов пожертвовать собственным братом, чтобы сохранить власть клана. Барделлино позволил себя убедить, и Мими был убит по дороге на работу, на свою фабрику. Сразу после этого Чиччотто-Полуночник и Сандокан надавили на Марио Йовине, чтобы тот велел расправиться с Барделлино, поскольку он рискнул убить его брата, основываясь только на слухах. Двойная игра, в результате которой два мафиозо ополчились друг на друга. Начались приготовления. Соратники Антонио Барделлино, все как один, были согласны с необходимостью убрать бывшего главу клана, главного идеолога создания в Кампании криминально-предпринимательской системы. Барделлино переехал из Санто-Доминго на виллу в Бразилии. Ему донесли, что его разыскивает Интерпол. В 1988 году в Бразилию приехал Марио Йовине под предлогом решения ряда вопросов, касающихся их бизнеса: импорта-экспорта рыбно-кокаиновой муки. Когда Йовине пришел на встречу с Барделлино, то проломил противнику голову столярным молотком, поскольку пистолета у него при себе не было. Тело захоронил в выкопанной на бразильском пляже яме, которую, впрочем, так и не нашли; отсюда пошла легенда, что Антонио Барделлино на самом деле жив-здоров и наслаждается жизнью на каком-нибудь южноамериканском острове. По завершении операции босс сразу же позвонил Винченцо Де Фалько, сообщил о случившемся и отдал приказ о начале охоты на сторонников Барделлино. Париде Сальцилло, племянник Барделлино и наследник его власти, был вызван на саммит глав казалийского картеля. По свидетельству Кармине Скьявоне, Париде посадили во главу стола как представителя дяди. Неожиданно на него набросился Сандокан и принялся душить, в то время как его двоюродный брат, тоже Франческо, которого все звали Чиччарьелло, и еще двое каморристов — Раффаэле Диана и Джузеппе Катерино, держали руки и ноги жертвы. Сандокан мог бы застрелить Сальцилло или ударить ножом в живот, как делали раньше. Но он хотел сделать это руками: так новое поколение расправляется со старыми вождями. С тех пор как в 1345 году Андрей Венгерский был задушен в Аверсе в результате заговора, организованного его женой Джованной I и неаполитанской знатью во главе с Карло ди Дураццо, мечтавшим о королевской власти, удушение стало символом наследования трона, насильственной смены правителя. Сандокан должен был донести до всех, что преемником является он, что по праву жестокости он новый лидер Казалези.

Антонио Барделлино создал комплексную систему власти, но образовавшиеся предпринимательские ячейки не могли вечно существовать в отведенных им рамках. Они переросли сдерживающую их иерархию и теперь должны были явить всю свою мощь. Так Сандокан Скьявоне стал лидером. Созданная им система была необычайно эффективной и опиралась на родственников. Брат Вальтер отвечал за боевые действия, двоюродный брат

Кармине занимался экономикой и финансами, другой кузен, Франческо, стал мэром Казаль-ди-Принчипе, а третий, Никола, — чиновником министерства финансов. Все это сыграло важную роль на начальном этапе, когда надо было как следует утвердиться на своей территории. В первые годы власть Сандокана укрепились еще и за счет тесных связей с политикой. В 1992 году в Казаль-ди-Принчипе из-за конфликта со старой Христианско-демократической партией кланы поддержали Итальянскую либеральную партию, обеспечив ей такое количество голосов, которого у нее никогда в жизни не было: с 1% она взлетела до 30%. Но все остальные члены клана возражали против неограниченного господства Сандокана. В особенности семья Де Фалько, которая тоже могла бы заручиться поддержкой карабинеров и полицейских, создать предпринимательские и политические альянсы. В 1990 году главы Казалези провели несколько собраний. На одно из них был приглашен и Винченцо Де Фалько по прозвищу Беглец. Боссы хотели избавиться от него. Но он не пришел. Вместо Беглеца появилась полиция и арестовала всех присутствовавших. В 1991 году Винченцо Де Фалько был убит — расстрелян в машине. Когда полиция приехала на место преступления, из колонок стереосистемы еще звучал на полной громкости голос Доменико Модуньо. Это убийство привело к расколу внутри конфедерации Казалези. С одной стороны оказались семьи, поддерживающие Сандокана-Йовине: Загария, Речча, Бидоньетти и Катерино; с другой — сторонники Де Фалько: Куадрано, Ла Торре, Луизе, Сальцилло. Де Фалько в ответ на смерть Беглеца в 1991 году расправился с Марио Йовине в португальском Каскаисе. Его расстреляли во время разговора в телефонной будке. Смерть Йовине открыла дорогу Сандокану Скъявоне. Дальше последовали четыре года войны и жестоких убийств, четыре года непрерывной бойни между соратниками Скъявоне и Де Фалько. Четыре года продолжались перетасовки в альянсах, переходы кланов на сторону противника, передел территорий и сфер влияния, но решение так и не было найдено. Сандокан стал олицетворением победы своего картеля над остальными семьями. Через какое-то время все его враги перешли в разряд союзников. Цемент, наркоторговля, рэкет, перевозки, монополия на торговлю и распоряжение поставками. Здесь заправляли казалийцы Сандокана. Цементные тресты стали главным оружием клана Казалези.

Каждая строительная компания обеспечивает себя цементом через тресты, этот механизм способствует налаживанию связей между кланом и всеми предпринимателями, занимающимися строительством в данной зоне, и участием каморры в существующих проектах. Цены на цемент у подконтрольных клану трестов обычно устанавливал Кармине Скъявоне, и это было по-своему полезно, поскольку, помимо цемента, корабли поставляли еще и оружие странам Ближнего Востока, невзирая на эмбарго. Подпольная торговля позволяла снизить стоимость легального товара. Клан Казалези зарабатывали на каждом этапе строительного процесса. Они обеспечивали материалами множество фирм-субподрядчиков, получали взятки, участвуя в крупных сделках. Взятки играли роль некой отправной точки, потому что без них ни одна из принадлежащих кланам фирм не начала бы работать, а никакие конкуренты со стороны не смогли бы выполнить требуемый объем работы так же хорошо и дешево. Объем сделок, контролируемых семьей Скъявоне, приближается к пяти миллиардам евро. Общий оборот средств картеля Казалези, складывающийся из недвижимости, ферм, акций, наличности, строительных фирм, сахарных заводов, цементных фабрик, ростовщичества, торговли наркотиками и оружием, составляет около трехсот миллиардов евро. Казалийская каморра превратилась в поливалентную организацию; в Кампании она самая надежная и может принять участие в

любой разновидности бизнеса. Огромное количество вовлеченных в оборот денежных средств дает ей возможность в случае необходимости нелегально брать льготный кредит, таким образом удается вытеснить конкурентов за счет низких цен или запугиваний. Новая буржуазия казалийской каморры превратила вымогательство в особого рода сервис, рэкет стал неотъемлемой частью предпринимательской деятельности каморры. Платить мафии ежемесячную дань — значит не только обеспечивать ее средствами для сделок, но одновременно и гарантировать себе самому экономическую защиту, сотрудничество с банками, грузовой автотранспорт, хороших торговых агентов. Рэкет как принудительное приобретение ряда услуг. Это новое видение рэкета было сформулировано в 2004 году во время расследования, проведенного квестурой Казерты и закончившегося арестом восемнадцати человек. Франческо Скъявоне (Сандокан), Микеле Загария и клан Мочча являлись главными партнерами Cirio и Parmalat в Кампании. Производимое этими фирмами молоко составляло 90% от продаваемого в районе Казерты, большей части Неаполя, во всем южном Лацио, части Марке и Абруццо, части Базиликаты. Такой результат был достигнут благодаря тесной связи с казалийской каморрой и взяткам, которые предприниматели выплачивали кланам, чтобы удержать лидирующее положение. В это процесс были вовлечены самые разные компании, и все были аффилированы с империей Eurolat, перешедшей в 1999 году от Cirio Краньотти к Parmalat Танци.

Суд наложил арест на три фирмы-концессионера и на различные организации, занимающиеся оптовыми закупками и продажей молока, все их контролировали Казалези. Чтобы стать особым клиентом, сначала Cirio, а потом и Parmalat вели дела напрямую с родственником Микеле Загарии, босса из семьи Казалези, уже лет десять как скрывающегося от правосудия. Заслужить особое отношение можно было в первую очередь с помощью гибкой торговой политики. Cirio и Parmalat предоставляли оптовикам особую скидку — от 4 до 6,5%, тогда как все остальные предлагали примерно 3%, — и вдобавок создали систему поощрений за хорошо выполненную работу, что давало возможность и супермаркетам, и розничным торговцам получать значительные скидки: такими методами Казалези добивались всеобщего признания своей диктатуры в сфере бизнеса. Когда же их не понимали по-хорошему и отказывались следовать общим интересам, приходилось прибегать к решительным мерам: угрозам, рэкету, уничтожению грузовиков, в которых перевозят товар. Избивали водителей, угоняли фуры конкурирующих фирм, поджигали склады. Воцарилась атмосфера постоянного страха, тем более что на подконтрольных клану территориях было запрещено не только распространять товары не принадлежащих Казалези марок, но даже пытаться купить их хоть где-нибудь. Жертвами в итоге оказывались покупатели, потому что в условиях монополии, изоляции рынка и, следовательно, отсутствия серьезной конкуренции цены выходили из-под контроля.

О сговоре итальянских производителей молочной продукции с каморрой стало известно осенью 2000 года, когда один из людей Казалези, Куоно Леттьеро, согласился сотрудничать с силами правопорядка и рассказал о наиболее важных торговых связях кланов. Каждая крупная организация мечтает о постоянных покупателях, поскольку это самый простой и действенный способ получить банковские гарантии. В подобной ситуации Cirio и Parmalat могли бы провозгласить себя «пострадавшей стороной» — жертвами рэкета, но следователи знали наверняка, что никаких проблем у них нет и сами компании и местные каморристы довольны таким сотрудничеством.

Cirio и Parmalat всегда подчинялись требованиям кланов Кампании, в 1998 году один сотрудник Cirio поплатился за нежелание выполнять приказы мафии: на него напали в собственном доме в районе Казерты и жестоко избили дубинкой на глазах жены и девятилетней дочери. Устойчивость монополии гораздо лучше нестабильности рынка, отсюда полное повиновение и преданность. Деньги, вкладываемые в монополию и рынок Кампании, должны были проходить по бюджетам разных фирм, что не составляло особого труда в Стране креативной бухгалтерии и легализованного подделывания смет. Липовые счета-фактуры, липовые спонсирования, липовые премии в конце года за перевыполненный план по продаже молока легко решали бухгалтерские проблемы. По этой же причине с 1997 года вышеупомянутые компании становятся спонсорами несуществующих праздников: Праздника моцареллы, Дня музыки на площади, торжеств в честь Сан-Таммаро, покровителя Вилла-Литерно. В знак уважения за проделанную работу концерн Cirio финансировал еще и спортивное общество, которым на самом деле заправлял клан Мочча, — Афрагольский Полиспорт, а с ним и обширную сеть спортивных, музыкальных, развлекательных клубов, входивших в местную «социальную сеть» Казале.

В последние годы влияние клана значительно возросло, распространившись и на восточную Европу: Польшу, Румынию, Венгрию. В марте 2004 года именно в Польше арестовали Франческо Чиччарьелло Скьявоне, кузена Сандокана, усатого и низкорослого босса, одного из крупных деятелей каморры. Его разыскивали по обвинению в десяти убийствах, трех похищениях, девяти покушениях и многочисленных нарушениях закона в связи с применением оружия, не говоря уже о рэке. Мафиозо задержали по дороге в магазин, он шел за покупками вместе со своей подругой-румынкой, двадцатипятилетней Луизой Боэтц. Чиччарьелло скрывался под именем Антонио и выдавал себя за ничем не примечательного итальянского бизнесмена в возрасте пятидесяти одного года. Девушка явно подозревала, что у ее любовника какие-то проблемы: собираясь встретиться с ним в Кросно, городе рядом с Краковом, она специально поехала поездом, несмотря на неудобства, чтобы сбить со следа возможных полицейских ищек. Хотя Луиза и делала несколько раз пересадки, пересекала три границы, ее все равно выследили, машина наружного наблюдения сопровождала ее вплоть до пригорода Кросно. Чиччарьелло задержали в супермаркете у кассы. Он сбрил усы, распрямил волосы, прежде кудрявые, похудел. Переехал в Венгрию, но продолжал встречаться с любовницей в Польше. Он совершал крупные сделки, скупал фермы и земли, пригодные под застройку, налаживал связи с местными предпринимателями. Итальянский представитель Инициативы по сотрудничеству в Юго-Восточной Европе, борющейся с международной преступностью, доложил, что Скьявоне и его люди часто ездят в Румынию, где проворачивают какие-то крупные дела в городах Барлад (на востоке страны), Синая (центр), Клюй (запад) и на побережье Черного моря. У Чиччарьелло было две любовницы: Луиза Боэтц и Кристина Кореманчау, тоже румынка. Дошедшая до Казале новость об аресте босса «из-за женщины» выглядела как насмешка. В местной газете появилась статья с издевательским заголовком «Чиччарьелло задержан вместе с любовницей». В действительности же обе женщины выполняли функции управляющих и курировали его капиталовложения в Польше и Румынии, став поистине незаменимыми помощницами в делах. Чиччарьелло был одним из последних боссов семьи Скьявоне, попавших в руки полиции. За двадцать лет нахождения у власти и участия в файдах многие из сторонников клана оказались за решеткой. Именно здесь когда-то началось крупнейшее из виденных Римом восстаний под предводительством

мятежного гладиатора Спартака, а теперь его именем называли громкий процесс, в ходе которого были оглашены результаты огромного количества расследований по делу картеля Казалези и всех примыкающих к нему структур.

В день вынесения приговора я направился в суд в Сан-Мария-Капуа-Ветере. Втиснул свою «веспу» в зазор между двумя машинами и пробился ко входу в здание. Я ожидал увидеть толпу репортеров с камерами и фотоаппаратами, но их оказалось очень мало, и все они представляли местные газеты и телеканалы. Зато карабинеров и полицейских было хоть отбавляй. Человек двести. Два вертолета низко кружили над зданием суда, так что гул вращающихся лопастей ни на минуту не оставлял присутствующих в покое. Собаки, ищущие взрывчатку, полицейские машины. Напряжение зашкаливало. Федеральное телевидение и пресса отсутствовали. Средства массовой информации проигнорировали процесс по делу преступного картеля, крупнейший по количеству обвиняемых и ожидаемых приговоров. Специалистам процесс «Спартак» известен как номер 3615 — это номер из регистра общего назначения, присвоенный делу, по которому проходят около тысячи трехсот человек, делу, заведенному Окружным управлением по борьбе с мафией в 1993 году, когда Кармине Скьявоне решил дать показания.

Процесс длился семь лет и двадцать один день, было проведено шестьсот двадцать шесть слушаний. Самый сложный антимафиозный процесс в Италии за последние пятнадцать лет. Пятьсот свидетелей и вдобавок еще двадцать четыре осведомителя, шестеро из которых сидели на скамье подсудимых. Собранные материалы заняли девятьсот папок, заполненных актами, следственными заключениями по другим процессам, документами, распечатками перехваченных разговоров. Примерно через год после рейда 1995 года начались расследования наподобие «Спартака». «Спартак-2» и «Королевские каналы» — проекты, связанный с реконструкцией каналов XVIII века, которые с момента постройки в эпоху царствования Бурбонов ни разу не ремонтировались. Реконструкцией «Королевских каналов» уже долгие годы занимались кланы, они объявляли многомиллиардные тендеры, средства от которых уходили отнюдь не на восстановительные работы, а перетекали в собственные строительные организации, что обеспечило бы им в ближайшем будущем лидирующее положение. А еще процесс АИМА,^[45] начатый в связи с противозаконными действиями клана Казалези по отношению к известным центрам по переработке сельскохозяйственной продукции — Европейский союз забирал оттуда переработанные излишки фруктов, взамен выплачивая крестьянам компенсацию. В глубокие чаши, куда складывали фрукты, кланы сбрасывали отходы, металлолом, строительный мусор, взвешивали получившуюся смесь и представляли результат, как вес чистых фруктов. Компенсация, естественно, шла к ним в карман, а «сэкономленная» часть урожая, собранная на их же землях, продавалась повсюду. Был издан сто тридцать один декрет о наложении ареста на фирмы, земельные участки, сельскохозяйственные предприятия на общую сумму в сотни миллионов евро. Секвестр наложили и на два футбольных клуба: игравшего в серии С2 «Альбанову» и «Казаль-ди-Принчипе».

Следствие заинтересовало и субподряды на общественные работы, которые кланы доверяли дружественным организациям, чтобы потом распоряжаться поставками цемента и заниматься земельными махинациями. Другим крайне важным аспектом было мошенничество в отношении ЕЭС, особенно это касалось полученных нечестным путем денежных выплат, предназначенных для агропромышленного сектора. Еще сотни убийств, создание предпринимательских альянсов. Пока я вместе со всеми ожидал вынесения

вердикта, то размышлял о процессе: он был непохож на другие, отличался от тех, которые велись против каморристских семей с юга. Расследования вроде этого обычно входят в историю, как Нюрнбергский процесс над целым поколением каморры, но, в отличие от глав Третьего рейха, многие мафиози так и продолжали руководить всеми делами, оставаясь ядром своей империи. Нюрнберг без победителей. Подсудимые молча сидели в железных клетках. Сандокан находился в тюрьме в Витербо, с ним организовали видеоконференцию. Перевозить заключенного было слишком рискованно. Все слышали только громкие голоса адвокатов: более двадцати адвокатских контор и пять десятков адвокатов с ассистентами изучали, проверяли, наблюдали, защищали. Родственники обвиняемых сгрудились в комнатке по соседству с залом, где проходило слушание, превращенным в неприступную крепость. Они наблюдали за происходящим на экране. Когда председатель суда взял в руки приговор на тридцати страницах для оглашения, шум в зале стих. Были слышны только нервные сглатывания, учащенное дыхание, тиканье сотен часов, вибрация десятков телефонов, у которых отключили звук. Напряженное молчание, сопровождаемое какофонией, порожденной волнением. Председатель сначала зачитал список осужденных, затем оправданных. Двадцать одно пожизненное заключение и в общей сложности более семисот пятидесяти лет в тюрьме. Двадцать один раз он произнес приговор к пожизненному тюремному заключению и многократно повторил имена осужденных. Семьдесят раз назвал сроки, которые остальные мафиози, занимавшие как низшие, так и руководящие должности, должны были провести за решеткой, чтобы искупить вину за связь с могущественной каморрой. К половине второго заседание уже почти закончилось. Сандокан попросил дать ему слово. Он суетился, хотел ответить на обвинение, повторив доводы своей коллегии защитников о том, что являлся просто успешным предпринимателем, а завистливые и прокоммунистически настроенные интриганы-судьи объявили представителей буржуазии из Аверсы преступной группировкой, хотя те всего добились за счет выдающихся предпринимательских способностей. Он был готов вопить о несправедливости приговора. Согласно его логике, все погибшие в Казерте являлись жертвами не файд, спровоцированных конфликтами каморры, а стычек, обусловленных всеобщей деревенской отсталостью. Но на этот раз Сандокану не дали высказаться. Его усмирили, как расшумевшегося ребенка. Как только он перешел на крик, судьи велели отключить звук. На экране продолжал бушевать бородастый здоровяк, потом исчезло и изображение, зал суда сразу опустел, полицейские и карабинеры медленно покидали помещение, вертолет все еще кружил над зданием. Как ни странно, я не чувствовал, что клан Казалеци потерпел поражение. Многих посадили за решетку на несколько лет, часть боссов была приговорена к пожизненному заключению, кто-то со временем наверняка решил бы сотрудничать с полицией и вернуться к более или менее нормальной жизни на свободе. Сандокан, должно быть, задыхался от ярости, свойственной влиятельному человеку, в голове у которого хранится подробная карта его империи, но нет возможности напрямую ее контролировать.

Боссам, не желающим откровенничать с властями, остается только жить мнимым ощущением могущества, практически вымышленного, они должны любым способом забыть о тех предпринимателях, которых когда-то сами поддерживали и вывели в люди, а те, не будучи членами клана, сумели выйти сухими из воды. Боссы легко могли потянуть их за собой, было бы желание, но тогда пришлось бы идти с повинной, а это означало бы моментальное падение авторитета и угрозу жизни оставшихся на свободе родных. Наконец, самое, наверно, страшное, что может случиться с боссами, связано с их деньгами: подчас

владельцам не под силу отследить движение своих капиталов, проходящих по легальным каналам. Они могут во всем признаться, раскрыть все секреты, но узнать, куда подевались деньги, не удастся. Боссы всегда платят, без этого никак. Они убивают, командуют вооруженными отрядами, являются отправной точкой для получения незаконной прибыли, отчего их преступления легко идентифицировать, в отличие от не бросающихся в глаза экономических махинаций служащих. Боссы не могут быть вечными. От Кутоло власть переходит к Барделлино, от Барделлино к Сандокану, от Сандокана к Загари, от Ла Моники к Ди Лауро, от Ди Лауро к «испанцам», а от «испанцев» еще бог знает к кому. Экономическая мощь Системы как раз и основывается на постоянной смене лидеров и каморристской политики. Диктатура в клане всегда бывает непродолжительной; долгое нахождение у власти одного босса привело бы к росту цен, к монополизации рынков с последующим их ужесточением, к инвестициям в одни и те же отрасли без привлечения новых. Вместо того чтобы стать добавочной стоимостью для преступной экономики, единоличное правление только мешает бизнесу. Вскоре после прихода к власти, в окружении босса начинают вырисовываться новые фигуры, готовые занять его место и добиться еще большего, пройдя по головам гигантов, в становлении которых они принимали участие. Как любил повторять один из наиболее серьезных исследователей динамики развития власти, журналист Риккардо Ореолес: «Криминалитет не является абсолютной властью, он лишь ее часть». Ни один босс не захочет идти в политику. Если бы каморра обладала всем возможным могуществом, то его, босса, бизнес не определял бы положение стрелки, колеблющейся между легальным и нелегальным. При таком раскладе любой арест или громкий процесс, скорее, выполняет функцию смены лидера, перехода к следующему этапу, чем просто разрушает существующий порядок вещей.

На следующий день в газетах появились фотографии сидящих рядом боссов, «шестерок», молоденьких новобранцев и матерых рецидивистов, они символизировали не преступников, обреченных вечно гореть в адском огне, а кусочки мозаики, вместе образующие ту власть, которой на протяжении двадцати лет никто не смел противиться или противостоять. После вынесения приговора по завершении процесса «Спартак» сидящим за решеткой боссам осталось только прибегнуть к угрозам, как тайным, так и явным; угрожали они судьям, магистратам, журналистам — всем, кто, по их мнению, выставил простых торговцев цементом и буйволицами самыми настоящими киллерами перед лицом закона.

Сенатор Лоренцо Диана был главным объектом их ненависти. Они писали в местные газеты, открыто угрожали ему во время слушаний. После объявления приговора по делу «Спартак» неизвестные проникли на территорию принадлежащего брату сенатора рыбного хозяйства, где разводили форель, и выкинули всю рыбу на берег. От переметнувшихся на сторону полиции каморристов стало известно о готовящихся покушениях на сенатора. Сторонников таких радикальных мер все же сумели остановить более дипломатичные члены клана. Еще одним веским доводом явился конвой. Вооруженный конвой никогда не был помехой для мафии. Бронированные автомобили и полицейские ей не страшны, но подобные меры сигнализируют, что интересующий ее человек находится под охраной и избавиться от него не так просто, это не обыватель, чья смерть будет иметь значение только для родственников. Лоренцо Диана — один из тех политиков, кто не стал ограничиваться общими высказываниями о преступности и обратился сразу к сложной системе казалийской власти. Он родился в Сан-Чиприано-д'Аверса, на его глазах набирали силу Барделлино и Сандокан, он рос в атмосфере файд, убийств, нелегального бизнеса. Он может рассказать о

кланах больше, чем кто-либо другой, его познания и хорошая память представляют угрозу. Кланы опасаются, что в любой момент интерес СМИ к казалийским проблемам может вновь проснуться и что сенатор сообщит Комиссии по расследованию деятельности мафии то, о чем пресса до сих пор молчит, сводя все к преступлениям местного масштаба. Лоренцо Диана — один из тех редких людей, кто понимает, что противостояние силам каморры требует огромного терпения, поскольку каждый раз приходится начинать с самого начала, распутывать по ниточке клубок экономических преступлений и только в конце выходить на главаря. Медленно, но упорно, стиснув зубы, даже когда внимание к теме ослабевает и все кажется бесполезным, тонет в бесконечном водовороте криминального могущества, не причиняя ему никакого вреда.

Процесс, завершившийся вынесением приговора, мог привести к открытому конфликту между Бидоньетти и Скъявоне. Долгие годы их противостояние осуществлялось через преданные им кланы, но до сих пор общий бизнес они ставили выше разногласий. Бидоньетти располагали внушительным арсеналом, их территория была расположена на севере Казерты, власть клана простиралась до Домицианского побережья. Они не знали пощады: в Кастель-Вольтурно велели сжечь заживо бармена Франческо Сальво. Бар, где тот работал, — «Тропикана» — ему же и принадлежал, а убили его за замену принадлежащих Бидоньетти игровых автоматов на автоматы соперников. «Полуночники» бросили фосфорную бомбу в машину Габриэле Спенузы, когда тот ехал по дороге из Нолы в Вилла-Литерно. В 2001 году Доменико Бидоньетти приказал убрать Антонио Мальюло: тот, будучи женатым мужчиной, посмел ухлестывать за кузиной босса. Его привезли на берег моря, привязали к стулу и стали набивать песок в рот и ноздри. Мальюло давился им, выплевывал, чтобы хоть как-то дышать, выдувал из носа. Изрыгал обратно, жевал, напрягал горло, пропитывал слюной, создавая вязкую массу наподобие цемента, — из-за нее он и задохнулся. Жестокость «полуночников» была прямо пропорциональна их предпринимательскому успеху. В 1993 и 2006 годах Управление Неаполя по борьбе с мафией провело ряд расследований, и стало известно, что Бидоньетти объединились с масонами, вышедшими из «П-2».^[46] За вполне умеренные деньги они занимались нелегальной переработкой токсичных отходов, которые образовывались в результате деятельности близких к ложе предпринимателей. Гаэтано Черчи, племянник Чиччотто-Полуночника, арестованный в ходе операции «Аделфи» против экомафии, был связующим звеном между казалийской каморрой и масонами и по долгу службы часто встречался с Личио Джелли. Изучив финансовый оборот всего одной замешанной в эти махинации фирмы, следователи вышли на сделку, стоимость которой составляла свыше тридцати пяти миллионов евро. Оба босса, и Бидоньетти, и Скъявоне, находились в одинаковом положении: сидели в тюрьме с перспективой пожизненного заключения. Каждый мог бы воспользоваться положением другого и натравить своих людей на клан соперника. Был такой момент, когда всё, казалось, могло закончиться грандиозным столкновением, погубившим бы сотни жизней.

Весной 2005 года младший сын Сандокана отправился на праздник в Парете — территорию Бидоньетти, — где ему приглянулась девушка, пришедшая со спутником. Отпрыск клана Скъявоне приехал один и полагал, что ему нечего бояться, раз он сын самого Сандокана. Он ошибся. Его вытащили на улицу и избили, надавав вдобавок подзатыльников и пинков под зад. После такой трепки ему пришлось ехать в больницу и зашивать рану на голове. На следующий день к бару «Пенелопа», где обычно собирались ребята, отделавшие

Скьявоне, подъехало несколько машин и мотоциклов, компания насчитывала человек пятнадцать. Вооруженные бейсбольными битами, они вошли внутрь и принялись крушить все подряд, жестоко избили каждого, кто попался под руку, но с обидчиками Скьявоне им так и не удалось покончить — те, скорее всего, успели выбежать через заднюю дверь. «Расстрельная команда» догнала их и открыла огонь прямо на площади, полной людей. Одна пуля попала в живот случайно оказавшемуся рядом мужчине. На следующий день три мотоцикла подъехали к кафе «Маттеотти» в Казаль-ди-Принчипе — любимому месту юных членов клана Скьявоне. Мафиози медленно слезли с мотоциклов, дав прохожим время разбежаться, и тоже устроили погром. Все закончилось многочисленными побоями и шестнадцатью ножевыми ранениями. В воздухе витало предчувствие войны.

Страсти накалились еще больше из-за неожиданного признания Луиджи Дианы, сообщившего, как написали в местной газете, что к первому аресту Скьявоне приложил руку Бидоньетти, что это он напел полиции про убежище босса во Франции. Противники уже всюду настраивались на битву, а карабинеры готовились собирать трупы. Предотвратил резню Сандокан. Несмотря на тюремные запреты, он нашел возможность отправить в местную газету открытое письмо, опубликованное 21 сентября 2005 года на первой странице. Босс разрешил конфликт как опытный дипломат, опровергнув заявление заговорившего мафиозо, у которого, кстати, через несколько часов после обнародования признания убили кого-то из родственников.

«Есть доказательства, что предатель, донесший на меня и спровоцировавший арест, — это Кармине Скьявоне, а не Чичотто Бидоньетти. Человек, откликающийся на имя Луиджи Дианы, лжет и сеет раздоры, преследуя личные цели».

Также он «подсказывает» главному редактору, как надо отбирать новости: «Прошу вас не опираться на явно заказные заявления этого стукача, за которые ему наверняка хорошо заплатили, и не превращать серьезное ежедневное издание в бульварную газетенку, иначе вам перестанут доверять, что как раз и произошло с другой газетой, вашим конкурентом, на которую я не возобновил подписку, и многие последуют моему примеру, потому что не захотят читать продажную газету».

Этим письмом Сандокан официально выбрал на роль своего представителя газету, в которую обратился, и делегитимировал конкурирующее издание.

«Я не собираюсь комментировать процветающую у ваших конкурентов тенденцию писать небылицы. Нижеподписавшийся кристально чист, как родниковая вода!»

Люди Сандокана последовали примеру своего босса, из десятков тюрем по всей Италии стали поступать заявки на подписку на облюбованную им газету и отказы от раскритикованной прежней. Сандокан закончил свое миротворческое письмо такими словами: «Жизнь всегда сопоставляет предназначенные тебе трудности с твоими возможностями. Этих же стукачей она окунула в грязь. Как свиней!»

Картель Казалези не проиграл. Наоборот, он, скорее, продемонстрировал свою силу. Прокуратуре Неаполя по борьбе с мафией стало известно, что власть в картеле распределена между двумя людьми: Антонио Йовине — Сосунком, который стал боссом в очень юном возрасте, за что и получил такую кличку, и Микеле Загарией, боссом Казалепенны, за непропорциональное лицо прозванным Кривым, но сейчас, кажется, он велит называть себя Манерой. Оба босса уже давно находятся в бегах, они внесены в список особо опасных преступников, составленный министерством внутренних дел Италии. Их невозможно поймать, но точно известно, что беглецы где-то в стране. Ни один босс не может разрывать

надолго связь со своими корнями, ведь в них его власть, и они же способны эту власть разрушить.

Территории площадью в несколько десятков квадратных километров, маленькие городки, узкие тропинки, сплетенные в лабиринты, разбросанные по полям одинокие фермы. Поймать беглецов невозможно. Они на своей земле. Они ездят по всему миру, но всегда возвращаются домой, большую часть года проводят здесь. Все об этом знают. Но боссы остаются на свободе. Идеально организованное прикрытие затрудняет арест. Их виллы не стоят пустыми, там продолжают жить члены семьи и родственники. У Антонио Йовине в Сан-Чиприано небольшой дворец в стиле «либерти», тогда как вилла Микеле Загарии, расположенная между Сан-Чиприано и Казапезенной, представляет собой целый жилой комплекс, вместо крыши там стеклянный купол, обеспечивающий светом огромное дерево, растущее в центре гостиной. Клану Загария принадлежит с десяток обслуживающих организаций по всей стране; Управление Неаполя по борьбе с мафией выяснило — он был первым в Италии, кто занялся землеоборотом и обладал наибольшим влиянием. Источник экономического преимущества — не обычная преступная деятельность, а умение находить золотую середину между легальными и нелегальными капиталами.

Подобные организации изначально ориентированы на конкуренцию. Они размещают свои «анклавы» в Эмилии-Романье, Тоскане, Умбрии и Венето, поскольку там нет такого строгого антимафиозного контроля, а это способствует переводу туда отдельных частей структуры. Раньше Казалези только облагали данью кампанийских предпринимателей на севере Италии, теперь же они контролируют территорию напрямую. Казалези распоряжаются еще и большей частью строительных проектов в районе Модены и Ареццо, пользуясь в основном рабочей силой из Казерты.

Следствию стало известно, что строительные компании, связанные с семьей Казалези, по окончании строительства высокоскоростной железной дороги (ВЖД) на юге переключились на север. В июле 1995 года судья Франко Импозимато провел расследование и выяснил: крупные фирмы, выигравшие тендер на строительство ВЖД, передали субподряд компании Edilsud, напрямую связанной с Микеле Загарией, и еще десятку других организаций, также входящих в казалийский картель. Этот проект — строительство высокоскоростной дороги — принес прибыль примерно в десять тысяч миллиардов лир.

По полученным сведениям, Загария заранее договорился с калабрийской ндрангетой о совместном участии в подрядах, что означало бы присоединение Реджо-Калабрии к линии высокоскоростной железной дороги. Казалези были готовы, они всегда готовы. Прокуратура Неаполя по борьбе с мафией установила: в последние годы капазезенской части казалийского союза удалось принять участие в ряде общественных работ в центрально-северной части страны, направленных на восстановление Умбрии после землетрясения 1997 года. Фирмы, принадлежащие каморре из Аверсы, легко могут контролировать подряд или стройку на любом этапе. Техническое обеспечение, землеоборот, транспорт, сырье, рабочую силу.

Организации из Аверсы всегда готовы включиться в работу, на их стороне организованность, экономичность, скорость и эффективность. В Казаль-ди-Принчипе официально существует пятьсот семнадцать строительных фирм. Большинство входит непосредственно в сами кланы, оставшаяся сотня представляет собой разбросанные по окрестностям фирмы, готовые в любой момент прийти на помощь. Кланов не мешают развитию региона, даже, наоборот, способствуют ему. На клочке земли в несколько квадратных километров за последние пять лет они выстроили самые настоящие бетонные дворцы во славу коммерции: в Марчанизе — один из крупнейших многозальных кинотеатров Италии, в Тевероле — самый большой торговый центр южной части Италии, в том же Марчанизе — крупнейший торговый центр Европы. И все это в области с самыми высокими показателями по безработице и с бесконечным потоком эмигрантов. Огромные коммерческие конгломераты, названные этнографом Марком Оже «не-местами», казались уже, скорее, «тред-местами». Супермаркеты — средоточия всего, что может быть куплено и потреблено, — позволяют оправдать наличие денег, объяснить происхождение которых весьма затруднительно. Отсюда начинается легальное существование денег, это как официальное крещение. Чем больше строится торговых центров и затеваетсястроек, чем больше поставляется товаров и работает поставщиков, чем больше задействовано транспортных средств, тем быстрее удастся деньгам перейти черту, отделяющую противозаконное от законного.

Кланам на руку конструктивное развитие региона, они готовы поучаствовать в дележе добычи. Остается только с нетерпением ждать запуска крупных проектов — строительства метрополитена в Аверсе и аэропорта в Граццанизе, который станет одним из самых больших в Европе. Недалеко от него находятся фермы, принадлежавшие раньше Чиччарьелло и Сандокану.

Имущество Казалези можно было обнаружить где угодно. Одна только недвижимость, описанная за последние годы Управлением Неаполя по борьбе с мафией, тянет более чем на семьсот пятьдесят миллионов евро. Статистика приводит в ужас. Только в ходе процесса «Спартак» секвестрировали сто девяносто девять зданий, пятьдесят два земельных участка, четырнадцать организаций, двенадцать легковых автомобилей и три плавсредства. По результатам процесса 1996 года, за несколько лет у Сандокана и его доверенных лиц конфисковали имущество на четыреста пятьдесят миллиардов: фирмы, коттеджи, участки, здания и роскошные автомобили (среди них «ягуар», в котором находился Сандокан при первом аресте). Подобные потери разорили бы любую фирму, пустили бы по миру любого предпринимателя. С такими ударами по экономике не справился бы ни один концерн. Но картель Казалези был исключением. Каждый раз при чтении постановления о наложении ареста на имущество боссов, при виде списков с подробным перечнем, чего именно их

лишило Окружное управление, я ощущал усталость и отчаяние: куда ни глянь, все принадлежит им. Все. Земли, карьеры, охраняемые автостоянки, сыроваренные заводы, гостиницы, рестораны, фермы и буйволицы. Казалось, каморра всемогуща: ей принадлежало все без исключения.

Один предприниматель действительно обладал абсолютной властью, делавшей его хозяином всего, — это Данте Пассарелли из Казаль-ди-Принчипе. Много лет назад его арестовали за принадлежность к каморре, предъявили обвинение в том, что он был кассиром семьи Казалеви, и упрятали за решетку на восемь лет по статье 416-бис. Он не относился к тем предпринимателям, которые просто совершали сделки с кланом или при его посредничестве. Пассарелли был настоящим предпринимателем, самым лучшим, самым надежным, заслужившим наибольшее доверие. В прошлом колбасник, он обладал удивительными коммерческими способностями, и, видимо, этого было достаточно, чтобы ему предложили стать инвестором части капиталов клана. Он начал с оптовой торговли, а потом переключился на промышленность. От производства пасты перешел к строительству, от сахара к ресторанному обслуживанию и закончил футболом. Управление по расследованию деятельности мафии оценило состояние Данте Пассарелли в триста-четыре миллиона евро. Значительная часть этого богатства была нажита на акциях и капиталовложениях в продовольственно-сельскохозяйственный сектор. Ему принадлежал ИРАМ, один из крупнейших сахарных заводов Италии. Фирма «Данте Пассарелли и сыновья» занимала лидирующее положение на рынке продовольственного обеспечения, она выиграла тендер на снабжение столовых при больницах в Санта-Мария-Капуа-Ветере, Капуе и Сесса-Аурунке, ей принадлежало около сотни апартаментов, коммерческих и промышленных предприятий. Арест Пассарелли 5 декабря 1995 года повлек за собой конфискацию следующего имущества: девять зданий в Вилла-Литерно, квартира в Санта-Мария-Капуа-Ветере и еще одна в Пинетамаре, здание в Казаль-ди-Принчипе. Еще земельные участки в Кастель-Вольтурно, Казаль-ди-Принчипе, Вилла-Литерно, Канчелло-Арhone, сельскохозяйственный комплекс La Balzana в Санга-Мария-ла-Фоссе площадью в двести девять гектаров, состоящий из сорока построек. Наконец, предмет гордости предпринимателя — стоявшая под охраной на причале в Галлиполи «Анфра III», роскошная яхта с десятками комнат, паркетом и джакузи. Когда-то Сандокан с супругой совершили на «Анфре III» круиз по греческим островам. Расследование продвигалось, и конфискация продолжалась до тех пор, пока в ноябре 2004 года Данте Пассарелли не нашли мертвым — он упал с балкона одного из своих домов. Труп с треснувшим черепом и переломанным позвоночником обнаружила жена. Дело до сих пор не раскрыто. Все еще неизвестно, был ли это злой рок, или неведомый убийца вытолкнул предпринимателя с балкона строящегося здания. После смерти мафиозо имущество перешло к семье и не досталось государству, как ожидалось. Пассарелли была предназначена судьба коммерсанта, завладевшего капиталами, которыми он никогда не смог бы управлять, и увеличившего их в несколько раз. Но внезапно всё расстроилось, начались расследования, и никакое имущество не помогло ему избежать конфискации. С помощью предпринимательских качеств он построил империю, полученное же поражение принесло ему смерть. Кланов не прощают ошибок. Когда Сандокану во время процесса сообщили о смерти Данте Пассарелли, тот лишь произнес спокойно: «Мир его праху».

Источником власти кланов оставался цемент. На стройках я физически, всем своим

существом чувствовал могущество мафии. Летом я не раз устраивался туда на работу; чтобы замешивать бетон, мне достаточно было назвать бригадиру место моего рождения, что действовало лучше всяких рекомендаций. Самые толковые строители, работающие быстро и задешево и не действующие при этом на нервы, родом из Кампании. Мне так и не удалось по-настоящему освоиться в этом каторжном ремесле, способном принести кучу денег, но только в том случае, если ты готов отдать все силы, всю энергию, задействовать каждый мускул. Работать в любых погодных условиях, хоть в трусах, хоть в шубе. Только прикоснувшись к цементу, почувствовав его запах, можно понять, на чем держится истинная власть.

Я постиг истинную сущность происходящего в стройиндустрии, когда умер Франческо Якомино. Ему было тридцать три года. Тело нашли лежащим на мостовой, на пересечении виа Куаттро Оролоджи и виа Габриэле д'Аннунцио в Геркулануме. Упал с лесов. Все, включая землемера, тотчас исчезли с места происшествия. Никто даже не вызвал «скорую», опасаясь, что не удастся убежать к ее приезду. Люди бросились врассыпную, оставив еще живого Якомино, истекающего кровью, валяться посреди дороги. Погиб очередной строитель, каждый год на итальянских стройках случается около трехсот таких смертей, но именно это сообщение пронзило меня, засев занозой. Случившееся с Франческо Якомино вызвало во мне не просто негодование, а настоящую ярость, сдавившую грудь подобно приступу астмы. Я бы с радостью последовал примеру героя романа Лучано Бьянчарди «Горькая жизнь», который приезжает в Милан с целью взорвать Башню Пирелли^[47] и отомстить за сорок восемь шахтеров, погибших 4 мая 1954 года в результате взрыва в шахте. В «Колодце каморры». Ее так называли за жуткие условия работы. Наверно, мне тоже следовало выбрать какой-нибудь дом, точнее, Дом, и взорвать его, но не успел я погрузиться в шизофреническое состояние мстителя, готовящего покушение, только почувствовал астматическое удушье от злости, как вдруг в ушах зазвучало «Я знаю» из известной статьи Пазолини, повторяясь без остановки, словно назойливый мотив. Поэтому вместо кропотливого поиска подходящего для диверсии дома я поехал на могилу Пазолини в Казарсу. Поехал один, хотя такие поступки лучше совершать вместе с кем-то, чтобы избежать излишней патетичности. В компании с преданными читателями или девушкой. Но из упрямства я поехал один.

В таких красивых местах, как Казарса, хочется думать о посвящающих себя творчеству писателях, а никак не о покидающих родные края местных жителях, ищущих пристанище еще южнее, подальше от этого ада. На могилу Пазолини я пришел не для того, чтобы почтить его память или отдать дань уважения. Пьер Паоло Пазолини. Единое и одновременно триединое имя, как писал Капрони.^[48] Я не поклоняюсь ему, как святому, и не считаю Христом от литературы. Мне нужно было само место. Место, где я спокойно мог бы подумать над возможностью открыть правду. Не просто описать отдельные случаи и частности, а рассказать о механизмах власти. Я хотел понять, удастся ли назвать имена, никого не пропуская, дать портрет каждого, раскрыть преступления и представить их в виде составляющих архитектурной конструкции власти. Обнаружить — так специально обученная свинья находит трюфели — движущие силы реальности, доказательства могущества, не прибегая к метафорам или каким-либо вспомогательным средствам, вооружившись лишь острым клинком литературы.

В Неаполе я сел на поезд до Порденоне, который еле тащился, и его название было достаточно красноречивым для предстоящей дистанции: «Марко Поло». Огромное

расстояние отделяет Фриули от Кампании. Выехав вечером без десяти восемь, я прибыл во Фриули утром следующего дня в двадцать минут восьмого. Ночью в поезде было безумно холодно, поэтому мне не удалось даже задремать. Из Порденоне я доехал до Казарсы на автобусе и пошел по улице, не поднимая глаз, как будто настолько хорошо знал дорогу, что мог вспомнить ее, глядя себе под ноги. Естественно, сбился с пути. После долгих блужданий удалось найти виа Вальвазоне, с нужным мне кладбищем, где был похоронен Пазолини с семьей. Недалеко от входа, по левую руку, виднелся голый участок земли. Я подошел поближе. В центре стояли две небольшие плиты из белого мрамора. «Пьер Паоло Пазолини (1922–1975)». Рядом, чуть в глубине, могила его матери. Там я почувствовал себя не таким одиноким и дал волю ярости, так сильно сжав кулаки, что ногти впились в ладони. И стал проговаривать свое «Я знаю», «Я знаю» сегодняшнего дня.

Я знаю, и у меня есть доказательства. Я знаю, где начинается экономика и откуда берется ее запах. Запах успеха и победы. Я знаю, что несет с собой прибыль. Я знаю. Правда слова не берет пленных, она все переваривает и превращает в улики. Ей не нужны повторные проверки и многочисленные расследования. Она наблюдает, взвешивает, смотрит, слушает. Знает. Не сажает никого за решетку, и свидетели не отказываются от показаний. Никто не «стучит» полиции. Я знаю, и у меня есть доказательства. Я знаю, где фракталы со страниц учебников по экономике растворяются, преобразуясь в материю, предметы, металл, время и контракты. Я знаю. Никто не прячет улики на флешках и не зарывает их в землю. Я не располагаю никаким компрометирующим видео, хранящимся в заброшенном гараже где-нибудь далеко в горах. Копий документов секретных спецслужб у меня тоже нет. Доказательства неопровержимы, потому что собраны по крупницам, запечатлены на сетчатке, описаны словами, выжжены на металле и дереве разбушевавшимися эмоциями. Я вижу, прислушиваюсь, смотрю, говорю и, наконец, формирую доказательство — сегодня это не любимое большинством слово обретает вес, только когда шепчут «неправда» на ухо тому, кто внимает монотонной, с парными рифмами, кантилене механизмов власти. Правда пристрастна, в конце концов, если бы ее можно было свести к объективной формуле, то получилась бы чистая химия. Я знаю, и у меня есть доказательства. Поэтому я рассказываю правду.

Я стараюсь подавлять в себе беспокойство, охватывающее меня всякий раз, когда куда-то иду, поднимаюсь по лестнице, еду в лифте, когда вытираю ноги о коврик и перешагиваю через порог. Мне не удастся справиться с душевным волнением при виде жилых домов и других построек. Если же рядом есть собеседник, то я еле сдерживаю себя, чтобы не начать рассказывать, как все это создается, как надстраивают этажи и лепят балконы до самой крыши. Дело не в переполняющем меня чувстве вины перед всем миром или моральном долге перед теми, кто оказался вычеркнутым из истории. Скорее я стремлюсь избавиться от брехтовской техники, мной же самим превращенной в привычку. Я размышляю о скрытых пусковых механизмах исторических событий. О вечно пустых мисках народа, послуживших причиной взятия Бастилии, а не о воззваниях жирондистов и якобинцев. Не думать об этом я не могу и никогда не мог. Будто зритель смотрит на картину Вермеера и думает о тех, кто смешивал краски, натягивал холст, изготавливал жемчужные сережки, а не любит портретом. Самое настоящее извращение. При виде лестничного марша я тотчас представляю себе цикл производства цемента, а облепленные окнами многоэтажки наводят на мысли о строительных лесах. Невозможно притворяться, что ничего не замечаешь. Не могу не думать о строительном растворе и мастерке, глядя на стены. Должно быть,

географическая привязанность к тому или иному меридиану, заданная от рождения, определяет особую связь с некоторыми субстанциями. К одному и тому же явлению в разных местах относятся по-разному. Полагаю, что в Катаре запах нефти и бензина ассоциируется с роскошными домами, солнечными очками и лимузинами. Кислый запах каменного угля напоминает жителям Минска о грязных лицах, утечках газа и покрытых копотью городах, а бельгийцам — о пахнущих чесноком итальянцах и выходцах из Магриба, злоупотребляющих луком. С цементом на юге Италии то же самое. Цемент. Южная нефть. Все начинается с цемента. Любая экономическая империя на каком-то этапе приходит к строительству: торги, тендеры, карьеры, цемент, наполнители для бетона, строительный раствор, кирпичи, леса, рабочие. Таков арсенал итальянского предпринимателя. Если фундамент его экономической империи не замешан на цементе, надеяться ему не на что. Нет проще способа сколотить состояние в кратчайшие сроки, заслужить доверие, собрать достаточное количество голосов к выборам, распределить зарплаты, получить финансовую поддержку, разместить свою фотографию на фасадах строящихся зданий. Бизнесмен-строитель должен сочетать в себе качества посредника и хищника. Обладать выдержкой педантичного компилятора бесчисленных документов, бесконечных ожиданий, разрешений, которые выдают крайне медленно, со скоростью капающей со сталактитов воды. Талант хищника заключается в умении отыскивать ничем на первый взгляд не примечательные участки, выкупать их за гроши, а потом терпеливо дожидаться того момента, когда стоимость каждого сантиметра земли и каждой ямы значительно возрастет. Предприниматель-хищник пускает в дело клюв и когти. Итальянские банки обеспечивают застройщикам максимально возможные кредиты, кажется даже, что банки специально ради застройщиков и созданы. Если вдруг не хватает доказательств платежеспособности дельца и будущие его постройки не являются достаточной гарантией, всегда находится какой-нибудь хороший друг, готовый за него поручиться. Единственное, чему доверяют итальянские банки, — это надежности цемента и кирпичей. Исследования, лаборатории, сельское хозяйство, ремесленное производство представляются директорам банков чем-то неопределенным, неведомой планетой, где отсутствует гравитация. Комнаты, этажи, плитка, телефонные и электрические розетки — только такую конкретность они признают. Я знаю, и у меня есть доказательства. Я знаю, как была застроена половина Италии. Даже больше половины. Мне известны руки, пальцы, проекты. И песок. Песок, задействованный в возведении домов и небоскребов. Кварталов, парков, вилл. Жители Кастель-Вольтурно никогда не забудут, как бесконечные вереницы грузовиков вывозили из Вольтурно песок. Грузовики ехали друг за другом, а по обочинам стояли крестьяне, впервые в жизни увидевшие мамонтов из металла и резины. Когда-то людям удалось выжить и удержаться на родной земле, а теперь их лишают всего. Тот песок нашел пристанище в стенах кондоминиумов в Абруццо, домов в Варезе, Азьяго, Генуе. Сегодня уже не река впадает в море, а море в реку. В Вольтурно теперь ловят рыбу — лаврака, крестьян там не осталось. Лишившись земли, они занялись разведением буйволиц, потом стали открывать небольшие строительные фирмы, нанимая на сезонную работу выходцев из Нигерии и Южной Африки, но делали это в обход кланов, за что в скором времени поплатились жизнью.

Я знаю, и у меня есть доказательства. Для организаций, занимающихся добычей полезных ископаемых, существуют официальные ограничения по объемам разработок, в действительности же они поглощают и перемалывают целые горы. Измельченные горы и холмы добавляют в цемент и распространяют повсюду. От Тенерифе до Сассуоло. Сырье

стало перемещаться так же, как и люди. В Сан-Феличе-а-Канчелло я встретил в траттории дона Сальваторе, старого мастера. Он напоминал ходячий труп и выглядел лет на восемьдесят, хотя на самом деле ему было не больше пятидесяти. На протяжении десяти лет в его обязанности входило добавление в растворосмесители промышленной пыли. Посредничество принадлежащих кланам фирм, которые включили переработку токсичных отходов в производство цемента, дало возможность многим компаниям участвовать в торгах на получение подряда, называя цену, сходную с ценой китайской рабочей силы. Теперь гаражи, стены и лестницы несут в себе яд. Ничего не произойдет, пока какой-нибудь рабочий не вдохнет эту пыль и не умрет через несколько лет, обвиняя во всем рак.

Я знаю, и у меня есть доказательства. Успешные итальянские предприниматели начинали с цемента. Они сами являются частью цикла цементаоборота. Прежде чем они стали любимцами фотомоделей, покупателями яхт, лидерами финансовых групп и владельцами газет, был цемент, и за всем этим тоже стоит цемент, организации-субподрядчики, песок, щебень, грузовики с набившимися в них строителями, которые работают по ночам, а наутро исчезают, прогнившие леса, липовые страховки. Авангард итальянской экономики опирается на толстые стены. Следует изменить конституцию. Написать, что государство держится на цементе и застройщиках. Они являются истинными родоначальниками. Не Ферруччо Парри,^[49] Луиджи Эйнауди,^[50] Пьетро Ненни^[51] и не полковник Валерио.^[52] Именно строители подняли с колен Италию, уничтоженную крахом Синдоны^[53] и приговором без права обжалования, вынесенным Международным валютным фондом. Цементные заводы, торги, многоэтажки, газеты.

Строительный бизнес сжимает, как удав, кольцо вокруг мафиози. После карьеры киллера, рэкетира или «кукушки» их ждет строительство или уборка мусора. Вместо короткометражек и проводимых в школах конференций имело бы смысл сводить юных каморристов на стройки и показать, какая судьба их ожидает. Если удастся избежать тюрьмы и преждевременной смерти, то всю свою жизнь, до самой старости, они проведут на стройке, сплевывая известь, смешанную с кровью. А у бизнесменов-предпринимателей, которых, как думают боссы, они полностью контролируют, будут многомиллионные заказы. От работы умирают. И это происходит постоянно. Бешеная скорость строительства, необходимость экономить на какой бы то ни было безопасности, ненормированный график. Изнуряющие смены по девять-двенадцать часов в день, включая субботу и воскресенье. Зарплата 100 евро в неделю и сверхурочные за ночную и воскресную работу: пятьдесят евро за каждые десять часов. Те, кто помоложе, выдерживают пятнадцать. Нередко с помощью кокаина. Смерть на стройке влечет за собой отработанную последовательность действий. Тело забирают и инсценируют дорожно-транспортное происшествие. Засовывают его в машину, поджигают и сталкивают с обрыва или пускают под откос. Деньги, выплаченные страховой компанией, перейдут к семье погибшего как компенсация. Часто сами инсценировщики получают серьезные травмы, например, если надо протаранить стену машиной с трупом, дав ей предварительно загореться. Если в момент происшествия рядом оказывается бригадир, то механизм срабатывает идеально. Если же его нет, то рабочих охватывает паника. Они хватают тяжелораненого, находящегося при смерти, и бросают у дороги, ведущей к госпиталю. Подъезжают на машине, выбрасывают тело, и только их и видели. Бывает, что в ком-то просыпается совесть, и тогда вызывают «скорую». Любой человек, участвующий в процедуре избавления от тела уже почти мертвого коллеги, знает, что с ним сделают то же самое, если он упадет и разобьется. Ты можешь быть уверен, в

случае опасности сосед придет на помощь и добьет тебя, сделает все, чтобы избавиться от проблемы. Поэтому на стройках царит атмосфера некоей подозрительности. Стоящий рядом рабочий может оказаться твоим палачом, и наоборот. Он не станет тебя мучить, просто оставит подыхать на тротуаре или подожжет, засунув в машину. Все строители знают такую схему действий. А фирмы с юга дают лучшие гарантии. Люди работают, а потом исчезают, и любая проблема тотчас по-тихому разрешается.

Я знаю, и у меня есть доказательства. А у доказательств есть имена. За семь месяцев на севере Неаполя на стройплощадках погибли пятнадцать строителей. Сорвались с высоты, попали под ковш экскаватора или, устав от непосильной нагрузки, не справились с управлением подъемным краном. Надо спешить. Хотя стройки тянутся годами, фирмы-субподрядчики должны сразу освобождать место для тех, кто придет им на смену. Заработал, получил деньги и отправился дальше. Свыше 40% организаций, действующих на территории Италии, имеют южные корни, берут начало из окрестностей Аверсы, Неаполя, Салерно. На юге до сих пор возможно рождение империй, соединение экономических звеньев, а равновесие на стадии первоначального накопления еще не достигнуто. По всей южной части страны, от Апулии до Калабрии, надо развесить таблички с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!», обращенные ко всем желающим броситься очертя голову в цементную баталию, чтобы через несколько лет оказаться в римских и миланских гостиных. Это «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!» напоминает пожелание удачи: предпринимателей много, а удержаться на плаву очень непросто и мало кому удастся.

Я знаю. И у меня есть доказательства. Новоиспеченные застройщики, владельцы банков и яхт, короли сплетен и любимцы шлюх скрывают источники своих доходов. Возможно, у них еще осталась душа. Им стыдно признаваться, откуда берутся деньги. В США — стране, на которую они равняются, — нередко ситуация, когда молодые аналитики и экономисты, желая показать, на что они способны, докапываются до правды, какими путями была достигнута победа на рынке того или иного предпринимателя, ставшего значимой фигурой в финансовом мире, обретшего успех и славу. Здесь же все молчат. Деньги — это только деньги. Благополучные дельцы из Аверсы — земли, отравленной каморрой, — на вопросы о секрете их успеха спокойно отвечают: «Я купил за десять, а продал за тридцать». Кто-то сказал, что на юге можно жить, как в раю. Надо смотреть исключительно в небо и никогда даже не пытаться опустить взгляд. Но это невозможно. Экспроприация перспективы затронула и области видения. На пути любой перспективы оказываются балконы, чердаки, мансарды, кондоминиумы, нагромождения многоэтажек, переплетения кварталов. Здесь ничего не падает с неба. Здесь ты спускаешься вниз. Падаешь в бездну. На дне каждой бездны обязательно есть другая бездна. Я не могу не чувствовать этого, когда поднимаюсь по лестницам или на лифте, захожу в квартиры. Потому что я знаю. И это извращение. Вот почему в компании успешных предпринимателей мне становится нехорошо. Пусть эти господа элегантны, голосуют за левых и у них правильная, спокойная речь. Я чувствую запах извести и цемента, исходящий от их носков, запонок *Vulgari*, библиотек. Я знаю. Знаю, кем построено и до сих пор продолжает строиться все на моей земле. Знаю, что сегодня вечером из Реджо-Калабрии выедет поезд, который в полночь остановится в Неаполе, а потом отправится в Милан. Он будет полон. На вокзале его встретят фургоны и потрепанные «фиаты-пунто», поджидающие рабочих для новыхстроек. Никто не станет изучать и принимать в расчет эту кочевую эмиграцию, она так и останется покрытой известковым налетом. Я знаю, какова конституция моей эпохи, как наживается богатство. Знаю, сколько

крови было пролито ради каждого фундамента. Я знаю, и у меня есть доказательства. Пощады не будет.

ДОН ПЕППИНО ДИАНА

Когда я думаю о войне кланов из Казаль-ди-Принчипе, Сан-Чиприано, Казапезенны, затронувшей все подвластные им территории, от Парете до Формии, то всегда вспоминаю белые простыни. Белые простыни, развешенные на каждом балконе, перекинутые через перила, висящие на натянутых под каждым окном веревках. Кругом белым-бело, полотнища чисты как снег. Они, словно вывешенные флаги, олицетворяли собой горький траур во время похорон дона Пеппино Дианы. Дело происходило в марте 1994 года, мне было шестнадцать лет. Меня разбудила тетя — как и всегда, — но сделала это с несвойственной ей жесткостью: сдернула простыню, на которой я лежал, свернувшись калачиком, движением, каким обычно разворачивают завернутую в бумагу колбасу. Я чуть не свалился с кровати. Тетя ничего не сказала, но ее состояние выдавали громкие шаги, будто нервное возбуждение находило выход через пятки. Она привязывала простыни к перилам так сильно, что и ураган бы их не сорвал. Распахивала окна, впуская внутрь голоса и отдавая взамен звуки нашего дома. Даже дверцы шкафов открывала. Помню толпу скаутов, переставших на время изображать жизнерадостных всеобщих любимцев, их дурацкие желто-зеленые косынки, казалось, излучавшие яростную скорбь, потому что дон Пеппино был одним из них. Мне никогда не доводилось видеть скаутов в таком взволнованном состоянии, настолько невнимательными к порядку и дисциплине, которым уделяли огромное значение во время долгих маршей. Тот день для меня — как шкура далматинца, где вместо пятен провалы в памяти. История дона Пеппино Дианы была очень необычной, из разряда тех, что надо запомнить и хранить в себе. Глубоко в горле, в сжатом кулаке, рядом с грудной мышцей, около коронарных артерий. Редкая история, мало кому известная.

Дон Пеппино Диана учился в Риме, где и должен был остаться, чтобы делать карьеру вдаль от родной земли, провинциальной отсталости и грязного бизнеса. Духовную карьеру, достойную юноши из хорошей буржуазной семьи. Однако он внезапно принял решение вернуться в Казаль-ди-Принчипе — поступок, свойственный людям, которые не могут избавиться от какого-то воспоминания, привычки, запаха или же постоянно чувствуют необходимость сделать что-то и не успокаиваются, пока наконец не выполнят это либо, по крайней мере, не попытаются. Дон Пеппино, будучи еще совсем молодым, стал священником в базилике Св. Николая в Бари, выделявшейся своей современной архитектурой и, даже с точки зрения эстетики, соответствовавшей его идеям. Он появлялся на улице в джинсах, чем отличался от своих предшественников, подчеркивавших авторитет мрачной сутаной. Дон Пеппино не разбирал семейные дразги, не занимался наставлением неверных мужей на путь истинный и утешением обманутых жен, — он как-то незаметно и очень естественно изменил роль провинциального священника. Его интересовал вопрос развития власти, не только последствий нищеты — вылечить больное место было недостаточно, — но он надеялся, что сможет постичь процесс возникновения метастазов, остановить гангрену, помешать превращению его земли в источник капиталов и трупов. Иногда он выкуривал сигару прямо на публике, что в другом месте выглядело бы совершенно нормально. Здесь же священники обычно демонстрировали на людях аскетизм, а сами дома не отказывали себе в маленьких слабостях. Дон Пеппино предпочитал сохранять собственное лицо, гарантируя, таким образом, искренность на земле, где окружающие, наоборот, должны ориентироваться на гримасы, отражающие истинную

сущность человека, и помогают им в этом прозвища, наделяющие своего хозяина определенной властью, которую хочется навсегда вживить в эпидермис. Его переполняла жажда действия, он взялся за устройство Центра помощи иммигрантам, где бы первых африканских беженцев обеспечивали пищей и кровом. О них обязательно надо было позаботиться, чтобы они не попали под влияние кланов и не превратились в идеальные боевые машины, как и случилось впоследствии. Для реализации задуманного ему понадобилось вложить и часть личных сбережений, накопленных в результате преподавательской деятельности. Ожидание помощи от государства — такой долгий и сложный процесс, что может послужить самым очевидным мотивом для бездействия. Уже будучи священником, он видел смену боссов, свержение Барделлино, приход к власти Сандокана и Чиччотто-Полуночника, резню, устроенную людьми Барделлино и членами клана Казалези, затем стычки между наиболее успешными каморристами.

В хрониках того периода запечатлен известный случай с автомобильным кортежем, проехавшим по округе. Около шести вечера с десятков автомобилей совершили круг почета перед домами конкурентов. Люди Скьявоне бросили вызов менее удачливым соперникам. Я тогда еще был маленьким, но мои двоюродные братья клянутся, что видели все собственными глазами. Машины не спеша проезжали по улицам Сан-Чиприано, Казапезенны и Казаль-ди-Принчипе, мафиози сидели прямо на дверцах, так что одна нога оставалась в салоне, а другая свободно свешивалась. В руках они держали автоматы и ехали с открытыми лицами. Кавалькада медленно продвигалась вперед, собирая по дороге все новых участников: каморристы брали с собой ружья и полуавтоматические пистолеты, выходили из дома и шагали вслед за автомобилями. Самая настоящая общественная демонстрация, где вооруженные мафиози выступают против соперников. Они останавливались у домов, где жили конкуренты. Тех, кто осмелились не согласиться с их господством.

— Спускайтесь, засранцы! Выходите на улицу, если у вас есть яйца!

Все продолжалось не меньше часа. Никто не препятствовал кортежу, только моментально опускались ставни магазинов и баров. Этот «комендантский час» растянулся на два дня. Люди сидели по домам, даже за хлебом не выходили. Дон Пеппино почувствовал, что пришло время составить план сопротивления. Надо было в открытую обозначить тактику, перейти от одиночных свидетельств к организованным, наладить выполнение местными церквями новой миссии. Он составил неожиданный документ, который подписали все священники Казаль-ди-Принчипе и его окрестностей: религиозный текст, христианский, пропитанный безнадежностью и чувством человеческого достоинства, сделавшим эти слова универсальными, способными выйти за пределы религии и поколебать уверенность боссов, заставить дрожать их голоса, напугать сильнее, чем рейд Комиссии по расследованию деятельности мафии, чем конфискация карьеров и бетономешалок, сильнее, чем прослушивание телефонных разговоров, в которых звучат приказы кого-то убить. Текст получился живым и искренним, а название в духе романтизма сразу попадало в цель: «Любовь к моему народу не позволяет мне молчать». В день Рождества дон Пеппино раздавал листовки с речью, на дверь церкви он их не вешал: в отличие от Лютера ему не надо было реформировать римскую церковь, у него хватало других забот. Предстояло выяснить, каким образом можно построить дорогу, пересекающую пути власти, ту единственную, что способна пошатнуть экономическое и криминальное могущество семей каморры.

Дон Пеппино проник в оболочку слова, выкопал из пещеры синтаксиса силу, которой могло обладать только слово, произнесенное публично и внятно. Он не поддавался интеллектуальной апатии человека, уверенного, что слово уже исчерпало все свои ресурсы и теперь годится только на заполнение воздушного пространства. Он воспринимал слово как нечто конкретное, как образованную атомами материю, созданную для вмешательства в ход вещей, как строительный раствор, как острие кирки. Дон Пеппино искал наиболее выразительные языковые средства, которые холодным душем окатили бы грязные помыслы. Молчание в этих краях не приравнивается к общепринятой круговой поруке, выражающейся в традиционных кепках-коппола и опущенном взгляде. Дело, скорее, в принципе «это меня не касается». Здесь, да и в других местах тоже, такое поведение привычно, люди реагируют на существующее положение вещей уходом в себя. Слово священника стало криком. Выверенным, высоким и резким, направленным на бронированное стекло с целью взорвать его.

«Мы бессильно наблюдаем горе многих семей, чьи сыновья стали жертвами каморры или ее участниками. (...) Сегодня каморра являет собой одну из форм терроризма, которая вселяет страх, устанавливает свои законы и, подобно эндемии, является постоянным компонентом кампанийского общества. Каморристы беспощадно, с оружием в руках, насаждают свои неприемлемые порядки: рэкёт, послуживший причиной увеличения субсидирования нашей земли, что лишило ее возможности автономного развития; взятки за строительные работы в размере 20% и выше, способные напугать и самого безрассудного предпринимателя, незаконная перевозка, покупка и продажа наркотических веществ, употребление которых приводит к появлению огромного количества молодых изгоев и одновременно к формированию рабочей силы для преступных организаций; столкновения между группировками, обрушивающиеся на семьи местных жителей подобно карающему бичу; отрицательный пример всему молодому поколению, подобный лаборатории, где изучают жестокость и организованную преступность (...)»

В первую очередь, дон Пеппино помнил, что в связи с угрозой всемогущих кланов нельзя было отсиживаться в исповедальне и руководить оттуда. Он тщательно изучил слова пророков в поисках подтверждения необходимости выходить на улицы, обличать, действовать, ведь только таким образом можно наделить смыслом собственное существование.

«Наша задача, как пророков, — обличать, нельзя об этом забывать, Бог призывает нас к пророчеству.

Пророк подобен стражнику: он видит несправедливость, обличает ее и обращается к изначальному замыслу Господа (*Иез. 3:16–18*);

Пророк помнит прошлое и использует его для обнаружения нового в настоящем (*Исайя 43*);

Пророк призывает к разделению страдания и сам следует этому завету (*Быт. 8:18–22*);

Пророк указывает нам главный путь — путь справедливости (*Иер. 22:3 — Исайя 58*).

Братьев наших, священников и пастырей, мы просим говорить ясно во время проповедей и во всех тех случаях, когда требуется мужество, чтобы свидетельствовать. Церковь мы призываем не отказываться от своей „пророческой“ роли, чтобы орудия обличения и гласности позволили бы создать новое сознание под знаком справедливости

и объединения этических и общественных ценностей».

В своем воззвании дон Пеппино и не думал проявлять политкорректность по отношению к административной власти, будучи уверенным не только в ее связи с каморрой, но и в отстаивании интересов мафии, и в игнорировании социальной реальности. Он не мог поверить, что кто-то сознательно сделал выбор в пользу зла, олицетворяемого кланом, просто таков был результат конкретных условий, определенных механизмов, очевидных причин и обостряющихся проблем. Никогда на Церкви или на ком-либо другом в этих краях не лежала такая просветительская задача.

«Подозрительность и недоверие жителей юга к властям, поскольку уже век прошел, как те не в состоянии решить серьезные проблемы, терзающие южную часть страны, связанные в основном с работой, домом, здравоохранением и образованием;

подозрения, часто не такие уж необоснованные, в связи каморры с политиками, которые за поддержку на выборах или же, преследуя общие с мафией цели, гарантируют прикрытие и поправки;

распространенное чувство неуверенности в себе и не отпускающее ощущение опасности, вызванное недостаточной юридической защитой как людей, так и имущества, медлительностью правозащитного аппарата, двойственностью трактования законов (...) нередко обуславливает обращение к клану за масштабной защитой или же соглашение с каморристской „крышей“;

полная неясность на рынке трудоустройства, в связи с чем поиск работы скорее обретает черты клиентелизма и ориентируется на каморру, чем опирается на законы трудового права;

недостаток или неудовлетворительный уровень общественного воспитания, в том числе и в пастырской деятельности, когда можно воспитать истинного христианина, не сформировав при этом полноценную личность и гражданина».

В конце 80-х годов дон Пеппино организовал антикаморристскую демонстрацию, причиной которой послужил массовый штурм казармы карабинеров в Сан-Чиприано-д'Аверса. Десятки людей горели желанием разнести в пух и прах государственные учреждения и отделать чиновников за вмешательство в ссору двух местных ребят прямо во время празднеств в честь местного святого. Казарма Сан-Чиприано зажата в переулке, пути к отступлению для командиров и рядовых полицейских отрезаны. Подавить волнения удалось только с помощью наместников клана, которых прислали сами боссы, чтобы спасти горстку карабинеров. В то время у власти еще находился Антонио Барделлино, а его брат Эрнесто занимал пост мэра.

«Мы, пастыри кампанийской Церкви, не ограничиваемся задачей обличать существующее положение вещей и надеемся, что наши возможности и авторитет поспособствуют преодолению сложившейся ситуации посредством пересмотра и интегрирования элементов и методов пастырской деятельности».

Дон Пеппино поставил под сомнение истинность веры боссов и стал открыто отрицать реальность союза между христианством и кланами с их предпринимательской, силовой и политической мощью. На территории каморры религиозный посыл не рассматривается как конфликтующий с преступными действиями: клан направляет свою деятельность на благо всех своих членов, и, выходит, организация не забывает о христианских добродетелях и

следует им. Необходимость расправы с врагами и предателями воспринимается как дозволенное нарушение, заповедь «Не убий», записанную на скрижалях Моисея, боссы могут трактовать по-своему в том случае, если убийство совершается ради высшей цели, то есть в целях защиты клана, интересов его главарей, благополучия команды, а значит, и всех. Господь поймет и простит грех кровопролития, приняв во внимание его необходимость.

В Сан-Чиприано-д'Аверса — территории Антонио Барделлино — процедура посвящения в каморристы заключалась в ритуальном обряде, который использовала и коза ностра, но этот обычай, наряду со многими другими, постепенно забывался. Булавкой прокалывали подушечку пальца на правой руке кандидата, и капли крови должны были упасть на образок с Мадонной из Помпей. Затем последний нагревали над пламенем свечи, и главари, стоявшие вокруг стола, передавали его друг другу. Если все целовали образ Мадонны, то испытываемый официально становился членом клана. Мафиозная организация никак не может обойтись без религии, это не просто дань суеверию или культурный атавизм, но духовная сила, помогающая в принятии особо важных решений. Часто каморристские семьи, а в особенности крупные боссы, воспринимают свою жизнь как посланное свыше испытание, сосредоточение всех возможных страданий и давящих на совесть грехов, как искупление благосостояния семьи и преданных им людей.

В Пиньятаро-Маджоре клан Лубрано на свои деньги отреставрировал фреску, изображающую Мадонну. Ее называют «Мадонной каморры», потому что именно у нее, находясь в бегах, просили заступничества самые влиятельные члены коза ностра, проделавшие путь от Сицилии до Пиньятаро-Маджоре. Так и представляешь коленопреклоненных Тото Риину, Микеле Греко, Лучано Лиджо или Бернардо Провенцано на скамье перед фреской с Мадонной, умоляющих ниспослать им озарение и защитить от преследователей.

Когда Винченцо Лубрано оправдали, он вместе со своими приспешниками совершил на нескольких автобусах паломничество в Сан-Джованни Ротондо, чтобы поблагодарить падре Пио, искренне считая оправдательный вердикт его заслугой. Многие боссы каморры ставят на своих виллах статуи падре Пио в натуральную величину, терракотовые и бронзовые копии статуи Христа-Искупителя с распростертыми руками, венчающей гору Корковадо в Рио-де-Жанейро. В «лабораториях» Скампии часто работники формируют зараз тридцать три «кирпича» гашиша, помня о возрасте Христа. Потом делают перерыв на тридцать три минуты, крестятся и возвращаются к работе. Проявляя уважение к Христу, они надеются получить взамен хорошую прибыль и отсутствие проблем. То же самое и с пакетиками кокаина: нередко наместник окропляет их святой водой из Лурда, прежде чем передать «пушерам», в надежде, что обойдется без кровопролития, ведь в случае недовольства качеством товара именно он окажется крайним.

Система не ограничивается подчинением себе одних только телесных оболочек и распоряжением чужими жизнями, она и души не оставляет в покое. Дон Пеппино хотел разъяснить людям слова, значения, дать определения ценностей.

«Семьей каморра называет созданный с преступными целями клан, главным законом которого является абсолютная преданность, где исключено любое стремление к независимости, оно считается предательством, заслуживающим смерти, и это относится не только к измене, но и к любому проявлению порядочности; каморра всеми силами старается распространить и укрепить такой вид семьи, эксплуатируя еще и религиозные догматы. Для христианина, выросшего в учении о Слове Божьем, семья означает

исключительно общность людей, объединенных взаимной любовью, где любовь представляет собой бескорыстное и неустанное служение, возвеличивающее и того, кто дает, и того, кто принимает. Каморра хочет всех убедить в своей религиозности, и ей удается обманывать не только верующих, но иногда и неискушенных, наивных пастырей душ человеческих».

Священник в своем послании постарался обратиться к самой сути догматов. Сделал все, чтобы избежать смешения воедино сопричастности, роли крестного отца, брака и каморристских стратегий. Отделил пакты и клановые альянсы от религиозной символики. Местным святошам и подумать-то о таких вещах было страшно, тем более произнести, от одной лишь мысли об этом у них бы свело желудок. Кто бы свергнул с алтаря босса, согласившегося стать крестным отцом ребенка одного из членов клана? Кто бы отказался справлять свадьбу только по той причине, что она скрепляет клановый союз? Дон Пеппино высказывает свое мнение.

«Недопустимо исполнение обязанностей крестного отца там, где это требуется, людьми, чья личная и общественная жизнь не является образцом честности и христианской зрелости. К священным обрядам нельзя привлекать тех, кто пытается оказать незаконное давление на других вследствие отсутствия необходимой священной инициации».

Дон Пеппино бросил вызов каморре, когда Франческо Сандокан Скьявоне был в бегах и скрывался на собственной загородной вилле, в подземном бункере, а семьи Казалези вели в то время внутриклановую войну; и крупные сделки, связанные с цементом и переработкой мусора, устанавливали новые границы их империй. Дона Пеппино не привлекала роль отца-утешителя, провожающего в последний путь гробы с телами молодых ребят — погибших солдат, рядовых каморристов, — и шепчущего вполголоса «Мужайтесь!» одетым в черное матерям. Он заявил в интервью: «Люди должны наконец сделать свой выбор, как бы трудно это ни было». Вдобавок он занял определенную позицию, пояснив, что на первый план выйдет борьба с властью политической, являющейся продолжением криминально-предпринимательской, упор будет делаться на конкретные проекты, ориентированные на обновление, и он не сможет остаться беспристрастным. «Партию по ошибке отождествляют с ее представителем, у кандидатов, выдвигаемых каморрой, часто нет ни политической программы, ни стоящей за ними партии, их задача — быть марионеткой или просто занимать место». Дон Пеппино не ставил перед собой цель победить каморру. По его собственным словам, «победители и побежденные находятся в одной лодке». Он хотел понять, изменить, найти доказательства, обличить, сделать электрокардиограмму сердца экономического могущества, чтобы найти слабое место и вызвать инфаркт миокарда у клановой гегемонии.

Никогда я не чувствовал себя верующим, но эхо от слов дона Пеппино преодолело и границы религии. Он выработал новый метод воздействия, основанный на возрождении религиозного и политического слова. На вере в возможность вцепиться намертво зубами в реальность или даже растерзать ее. Это слово способно отследить путь капиталов, ориентируясь на их вонь.

Считается, что деньги не пахнут, — это верно в том случае, если они находятся в правящих руках. В любых других они не то что не пахнут, воняют, как общественные туалеты. Там, где жил дон Пеппино, исходящий от денег запах держится совсем недолго. Он

ощущается лишь в момент выделения, пока не успел превратиться ни во что другое и не обрел официальное существование. Схожие запахи можно различить, только если уткнуться носом в их источник. Дон Пеппино понял, он должен держаться как можно ближе к земле, преследовать по пятам, ловить взгляды и ни в коем случае не отдаляться от родного края, дабы и дальше наблюдать, обличать, узнавать, где и как накапливаются богатства компаний, что именно приводит к бойням и арестам, фэйдам и безмолвию. Свой инструмент, единственный, которому было под силу изменить настоящее, он держал на кончике языка. Слово. Именно слово, не позволявшее молчать, определило его смертный приговор. Дату убийства киллеры выбрали не случайно. 19 марта 1994 года, день его именин. Раннее утро. Дон Пеппино еще не успел надеть облачение священнослужителя. Он находился в церковном конференц-зале, рядом со своим кабинетом. Его не сразу узнали.

— Где дон Пеппино?

— Это я.

Его последние слова. Пять выстрелов эхом отразились от нефов, две пули попали в лицо, остальные три в голову, грудь и руку. Целились в лицо и стреляли с близкого расстояния. Одна пуля так и осталась на его теле, между курткой и свитером. Она попала в связку ключей, висевшую у священника на поясе. Дон Пеппино готовился служить первую мессу. Ему было тридцать шесть лет.

Труп на полу храма одним из первых обнаружил Ренато Натале, мэр Казаль-ди-Принчипе и коммунист, которого избрали всего четыре месяца назад. Это не было случайностью, убийство хотели связать с его только начавшейся политической деятельностью. Натале первым из всех мэров Казаль-ди-Принчипе поставил во главу угла борьбу с кланами. В знак протеста он даже вышел из городского совета, который, по его мнению, превратился в орган для утверждения взятых откуда-то со стороны законопроектов. В Казале карабинеры однажды ворвались в дом Гаэтано Корвино, ассессора, где собралась вся правящая верхушка клана Казалези. Собрание состоялось в отсутствие хозяина, тот отправился в муниципалитет на заседание управы. На таких «заседаниях» обсуждаются дела как официального порядка, так и нелегальные операции. Бизнес — единственное, что заставляет тебя встать утром, вытаскивает из кровати, вцепившись в пижаму, и ставит на ноги.

На Ренато Натале я всегда смотрел издали, как мы смотрим на людей, становящихся против своего желания символами, олицетворениями идеи дела, противостояния, мужества. Символами практически метафизическими, нереальными, архетипическими. Я с каким-то детским любопытством наблюдал, как он создавал медпункты для иммигрантов, как в смутное время бесконечных фэйд не боялся говорить правду о семьях казалийской каморры и их бизнесе, связанном с цементом и мусором. Ему пригрозили расправой, велели изменить поведение, иначе пострадала бы его семья, но он не отступил, использовал все возможные средства для разоблачения преступников, вплоть до расклеивания повсюду листовок с подробными описаниями решений и действий кланов. Чем с большим постоянством и мужеством он действовал, тем сильнее становилась его метафизическая защита. Надо хорошо знать здешнюю историю, чтобы оценить особую вескость слов «цель» и «желание».

Издание закона о роспуске городских управ в связи с антимафиозной чисткой затронуло шестнадцать административных округов провинции Казерты. Пять из них подверглись двойной проверке. Каринола, Казаль-ди-Принчипе, Казапезенна, Кастель-Вольтурно, Чеза,

Фриньяно, Граццанизе, Лушано, Мондрагоне, Пиньятаро-Маджоре, Рекале, Сан-Чиприано, Санта-Мария-ла-Фосса, Теверола, Вилла-ди-Бриано, Сан-Таммаро. Мэры, стремящиеся выступить против кланов из этих районов, сначала должны победить на выборах, для чего надо набрать голосов больше, чем было куплено мафией, и справиться с опутывающей любой политической режим экономической паутиной; а потом новые главы городов сталкиваются с трудностями в виде ограничения их возможностей, нехватки средств и абсолютной маргинальности. Теперь они должны начать борьбу, разрушить все по кирпичику до основания. Муниципальный бюджет против интернационального, отряды полицейских против бесчисленных вооруженных группировок. Похожая ситуация сложилась в 1988 году, когда Антонио Канджано, ассессор Казапезенны, проявил несогласие с участием кланов в некоторых подрядах. Ему стали угрожать, а когда это не подействовало, выследили и выстрелили в спину прямо посреди площади, при свидетелях. Он не дал пройти клану Казалези, Казалези не дали пройти ему. Канджано оказался прикован к инвалидной коляске. Предполагаемых виновников покушения оправдали в 2006 году.

Казаль-ди-Принчипе — не оккупированный мафией район Сицилии, где противостояние криминальному бизнесу — нелегкое дело, но тебя в нем сопровождает кортеж из телекамер, толпы знаменитых и не очень репортеров и целая когорта всяческих начальников из отделов по борьбе с мафией, которые отчасти преувеличивают свои достижения. Здесь же каждое твоё действие вписано в ограниченное пространство и известно немногим. Именно это одиночество, по моему мнению, мужество, которое, подобно доспехам, ты носишь на себе, даже не замечая. Иди дальше, делай, что должен, а остальное не имеет значения. Потому что не всегда от угроз переходят к делу, пускают неуголному пулю точно промеж глаз или выгружают центнеры коровьего дерьма прямо тебе под дверь.

С тебя медленно снимают слой за слоем, по одному каждый день. Наконец ты остаешься голым наедине с ощущением, что сражаться приходится с несуществующим противником — плодом твоей больной фантазии. Начинаешь верить сплетням, обвиняющим тебя в зависти к успешным людям, поскольку сам ты неудачник, и, находясь в состоянии фрустрации, называешь их каморристами. Похоже на игру в маджонг. Они убирают по очереди все деревянные фишки, не давая тебе и пошевелиться, и в результате ты остаешься в полном одиночестве, которое тащит тебя за волосы. Такое состояние души для тебя недопустимо. Ты рискуешь. Снижаешь степень защиты, перестаешь понимать логику развития, символы, принятые решения. Ты рискуешь стать слепым ко всему. Остается только израсходовать до конца все свои ресурсы. Надо отыскать то, что запустит двигатель твоей души и позволит двигаться дальше. Иисус Христос, Будда, гражданский долг, мораль, марксизм, гордость, анархизм, борьба с преступностью, порядочность, постоянная злость, патриотизм, направленный на возрождение юга Италии. Что угодно. Не крючок, на котором можно повиснуть. Скорее уходящий в землю могучий корень. В бессмысленной битве, где, ты знаешь наверняка, тебе уготована роль проигравшего, есть одна вещь, о которой всегда надо помнить. Верь, что корень крепнет и всё сильнее врастает в почву, пока ты продолжаешь свое сопротивление, больше похожее на сумасшествие или одержимость. Я научился узнавать о наличии этого стержня по глазам людей, решивших в открытую выступить против могущества мафии.

Подозрения в убийстве дона Пеппино сразу пали на группировку Джузеппе Куадрано, каморриста, примкнувшего к врагам Сандокана. Свидетельские показания дали фотограф,

пришедший в тот день поздравить священника, и ризничий базилики Св. Николая. Едва разошлись слухи о том, что Куадрано — подозреваемый номер один, босс Нунцио Де Фалько по кличке Волк, находившийся в Андалусии, в Гранаде, закрепленной за ним во время передела территорий и сфер влияния членами клана Казалеzi, позвонил в квестуру Казерты и договорился о встрече на своей территории, чтобы прояснить ситуацию, в которой оказался замешан его человек. Приехали два чиновника. Из аэропорта их забрала жена босса и повезла по живописным андалусским равнинам. Нунцио Де Фалько ожидал полицейских не на своей вилле в Санта-Фе, а в ресторане, где большую часть посетителей наверняка составляли каморристы, готовые вмешаться при любом неосторожном действии гостей. Босс сразу объяснил, что пригласил их с целью рассказать свою версию случившегося, своего рода интерпретацию исторического факта, а никак не обвинение или донос. Такое вступление необходимо, чтобы не запятнать имени и репутации семьи. О сотрудничестве с полицией и речи быть не могло. Де Фалько недвусмысленно указал на убийцу дона Пеппино — на клан Скьявоне, на своего соперника. Они расправились со священником, чтобы бросить тень подозрения на Де Фалько. Волк заверил, что не мог отдать такой приказ, поскольку его брат Марио был очень привязан к убитому. На самом деле дон Пеппино отговорил того от участия в деятельности каморристской Системы, их беседа лишила клан нового главаря. Это достижение священника, одно из важнейших в его карьере, Де Фалько использовал как свое алиби. В поддержку слов Де Фалько выступили еще два члена клана: Марио Санторо и Франческо Пьяченти.

Джузеппе Куадранотоже находился в Испании. Сначала гостил на вилле Де Фалько, потом переехал в окрестности Валенсии. Он хотел создать свою группировку и попробовал заняться поставками наркотиков — проверенное средство для запуска экономического двигателя, необходимого для образования очередного криминально-преступного итальянского клана на юге Испании. Но план провалился. Куадрано всегда оставался актером второго плана. Он обратился в испанскую полицию и выказал желание помочь правосудию, после чего опроверг версию Нунцио Де Фалько, ранее озвученную в полиции. Куадрано представил убийство как часть фэйды между своей группировкой и семьей Скьявоне. Он был наместником в Каринаро, когда за короткий срок наемники Сандокана из клана Казалеzi убрали четверых его людей, двух дядей и шурина. Куадрано рассказал, как вместе с Марио Санторо придумал план мести: надо было убить Альдо Скьявоне, племянника Сандокана. Впрочем, сначала они позвонили Де Фалько в Испанию, поскольку ни одна силовая акция невозможна без разрешения главарей, но босс из Гранады не дал добро, понимая, что Скьявоне после смерти племянника прикажет расправиться со всеми родственниками Де Фалько, оставшимися в Кампании. Босс сообщил, что отправит в Италию Франческо Пьяченти, который передаст его распоряжения и возьмет руководство в свои руки. От Гранады до Казаль-ди-Принчипе Пьяченти доехал на своем «мерседесе» — символе этой земли в 80–90 годы. Журналист Энцо Бьяджи был потрясен, когда собирал материал для статьи и увидел статистику по продаже «мерседесов» в Италии. По количеству купленных автомобилей Казаль-ди-Принчипе опередил почти всю Европу. Бьяджи обратил внимание на еще один факт: Казаль-ди-Принчипе находился на первом месте среди городов Европы и по количеству совершенных в нем убийств. Следовало бы особо изучить соотношение «мерседесов» и мертвецов — важный показатель по территориям каморры. Если верить признанию Куадрано, то Пьяченти сообщил о необходимости убрать дона Пеппино. Никто не догадывался о причинах такого решения, но, как все считали, «Волк

знает, что делает». Согласно полученным сведениям, Пьяченти заявил, что сам выполнит задание, если с ним пойдут Санторо и еще кто-нибудь из клана. Марио Санторо не слишком этому обрадовался и позвонил Де Фалько, чтобы высказать свое несогласие с идеей убийства. Но потом все равно вынужден был принять ее. Если он хотел и дальше заниматься посредничеством в наркоторговле между Италией и Испанией, идти против приказа Волка было нельзя. Однако пойти на убийство священника, тем более не зная, ради чего, было гораздо труднее, чем выполнить любое другое поручение. В каморристской Системе убийство стало необходимостью, настолько же обыденной, как денежный перевод, приобретение концессии, разрыв дружбы. Его не отделить от повседневной жизни, в нем восход и закат каждой семьи, каждого босса, каждого члена клана. Но убийство священника, не имеющего никакого отношения к борьбе за власть, не укладывалось в голову. По свидетельству Куадрано, Франческо Пьяченти все же отказался от участия в покушении из-за того, что его в Казале знают слишком многие. Марио Санторо, наоборот, согласился, но не в одиночку, а с Джузеппе Делла Медалья, членом клана Рануччи из Сант-Антимо, с которым они уже не раз вместе работали. Выполнение задания наметили на шесть утра следующего дня. Ночь вся команда провела прескверную. Они не могли уснуть, ругались с женами, психовали. Священник пугал их больше вооруженного до зубов противника.

Делла Медалья на встречу не явился, но за ночь успел найти себе замену — Винченцо Верде. Его коллеги такому выбору не обрадовались: у Верде часто случались приступы эпилепсии. Был риск, что после выстрела у него начнется припадок, он в конвульсиях свалится на землю, сожмет зубы так, что останется без языка, а изо рта пойдет пена. Киллеры надеялись — вместо него пойдет Никола Гальоне, но тот категорически отказался. Санторо почувствовал, что сходит с ума, он не понимал, как быть дальше. Куадрано пришлось отправить своего брата Армандо на помощь Санторо. Дело проще простого: перед церковью ждет машина, убийцы осуществляют задуманное и спокойно возвращаются. Будто с ранней молитвы. После выполнения задания «расстрельная команда» не спешила с бегством. Куадрано мог вернуться в Испанию тем же вечером, но никуда не поехал. Он чувствовал себя в полной безопасности, поскольку убийство дона Пеппино выходило за рамки проводимой до сих пор силовой политики. А раз им самим была неведома причина случившегося, то и у карабинеров нет никаких шансов ее отыскать. Как только полиция начала расследование и проработку разных версий, Куадрано возвратился в Испанию. От Франческо Пьяченти он узнал о готовившемся на него покушении, инициаторами которого выступили Нунцио Де Фалько, Себастьяно Катерино и Марио Санторо — по-видимому, подозревающие его в желании сдать полицию, — но в намеченный день киллеры увидели Куадрано в машине с маленьким сыном и пощадили.

В Казаль-ди-Принчипе Сандокан все чаще слышал свое имя в связи с убийством священника. Тогда он передал семье дона Пеппино, что если его люди доберутся до Куадрано раньше полиции, то разрежут того на три части и подбросят на церковный двор. Так клан не просто отомстил бы, а ясно дал бы понять, что не причастен к смерти дона Дианы. Почти одновременно с заявлением о невиновности Франческо Скъявоне в Испании происходит встреча членов клана Де Фалько, на которой Джузеппе Куадрано предлагает убить какого-нибудь родственника Скъявоне, расчленив, сложить в мешок и оставить возле церкви дона Пеппино. Обе группировки пришли к одному и тому же решению, ничего не зная о намерениях соперника. Предъявить труп по частям — самый эффектный способ донести до людей какую-то мысль. Пока убийцы обсуждали важность расчленения для

укрепления своих позиций, я вновь задумался о борьбе дона Пеппино и о значимости слова. О новизне и невероятной силе самой идеи вооружиться словом в беспощадной войне против власти мафии. Слова, с одной стороны, и бетономешалки с автоматами — с другой. И это не метафора, а реальность. Слова обличают, свидетельствуют, они просто есть. Единственное оружие слова в его произнесении. Слово как страж и свидетель: никогда не перестает указывать на виновного. От слова, нацеленного таким образом, можно избавиться лишь одним способом — уничтожив его.

В 2001 году в Санта-Марии-Капуа-Ветере суд первой инстанции приговорил Винченцо Верде, Франческо Пьяченти и Джузеппе Делла Медалью к пожизненному заключению. Джузеппе Куадрано уже давно начал претворять в жизнь план по дискредитации образа дона Пеппино. Во время допросов он всю фантазировал на тему возможных причин убийства, выставляя деятельность дона Пеппино в криминальном свете. Он сообщил, что Нунцио Де Фалько передал священнику оружие, а тот, не спросив разрешения, переправил его Вальтеру Скъявоне, — за такой серьезный промах его и наказали. По другой версии, его убили в состоянии аффекта за то, что он посягнул на честь кузины босса. Как в случае с женщиной, когда, чтобы отбить всю охоту думать о ней, достаточно назвать ее про себя «шлюхой», так и обвинение священника в домогательстве сразу ставит на нем клеймо. Наконец, было высказано предположение, что дона Пеппино убили за невыполнение его прямых обязанностей: он отказался отпеть в церкви родственника Куадрано. Неправдоподобные, смехотворные причины, придуманные с целью разрушить образ мученика, не дать распространиться его речам, представить дона Пеппино не жертвой каморры, а рядовым каморристом. Те, кому не известны механизмы криминальной власти, часто видят в убийстве невинного проявление поразительной недалёковидности мафии, ведь поданный жертвой пример становится нормой и образцом для подражания. Крамольные истины словно получают подтверждение. Но нет, это в корне неверно. Смерть на территории каморры сразу же провоцирует тысячи подозрений, невинность здесь — практически несбыточная мечта. Ты виновен, пока не докажут обратного. На земле клана теория современного права действует совершенно по-другому.

Смерти невинного уделяется так мало внимания, что стоит появиться хоть малейшим подозрениям, и СМИ забудут об этой новости, а вернутся к ней, только если не будет никаких других трупов. Поэтому развенчание образа дона Пеппино должно было привести к уменьшению давления на кланы, снижению интереса со стороны государства, который мог бы создать ненужные проблемы.

Местная газета раструбила на всю округу о бесчестном поведении дона Пеппино. Заголовки были набраны таким жирным шрифтом, что типографская краска отпечатывалась на подушечках пальцев. «Дон Пеппино был каморристом», а через несколько дней «Дон Пеппино в постели с двумя женщинами». Клань ясно дали понять: сопротивление бесполезно. У того, кто действует наперекор каморре, обязательно есть свой интерес, проблема, личный мотив, вынуждающий барахтаться в грязи.

Сохранить добрую память о доне Пеппино взялись родственники и единомышленники. Например, были опубликованы статьи и книги журналистов Раффаэле Сардо и Розарии Капаккьоне, где подробно описывались клановые стратегии, хитрости, звучавшие в показаниях явившихся в полицию с повинной, сложную и беспощадную систему власти каморры.

В 2003 году суд второй инстанции вынес на обсуждение некоторые факты из показаний Джузеппе Куадрано, в результате чего Винченцо Верде и Джузеппе Делла Медалью оправдали. Слова Куадрано были далеки от истины, потому что с самого начала он делал все возможное, чтобы отвести от себя подозрения. На самом деле он и был киллером, это подтвердили свидетели и баллистические экспертизы. Джузеппе Куадрано убил дону Пеппино Диану. Суд второй инстанции оправдал Верде и Делла Медалью. На дело пошли Куадрано и Санторо в качестве водителя. Франческо Пьяченти обеспечил киллеров нужными сведениями о доне Пеппино и руководил операцией, ради чего Де Фалько и прислал его из Испании. Повторный суд подтвердил приговор Пьяченти и Санторо — пожизненное заключение. Куадрано даже специально записал на пленку несколько телефонных разговоров, где он повторяет, что не имеет никакого отношения к убийству. Эти записи были переданы полиции. Куадрано понимал: приказ исходил от Де Фалько, и не хотел, чтобы стало известно о его роли руки, державшей пистолет. Вполне вероятно, все остальные персонажи, задействованные в первой версии показаний Куадрано, обделались со страху и напроочь отказались участвовать в покушении. Иногда пистолеты и автоматы бессильны перед безоружным человеком и бьющими в цель словами.

Нунцио Де Фалько арестовали в Альбачете, прямо в скором поезде Валенсия — Мадрид. Он создал могущественный криминальный картель при участии членов ндрангеты и нескольких выходцев из коза ностра. И, как выяснила испанская полиция, попытался организовать живущих на юге страны цыган по тому же принципу, по модели преступной группировки. Была построена целая империя. Туристические районы, игорные дома, магазины, гостиницы. Туристическая инфраструктура Коста-дель-Соль пережила небывалый подъем, когда клан Казале и неаполитанские каморристы решили превратить это место в жемчужину массового туризма.

В январе 2003 года Де Фалько приговорили к пожизненному тюремному заключению за организацию убийства дон Пеппино Дианы. Во время чтения приговора меня разобрал смех. Я с трудом удержал себя в руках. То, что происходило в зале суда, можно было назвать не иначе как абсурдом. Адвокатом Нунцио Де Фалько выступал Гаэтано Пекорелла: занимая пост президента Судебной комиссии палаты депутатов, он при этом защищал одного из влиятельнейших боссов каморристской картели Казале. Меня забавляла степень могущества кланов, им удалось преодолеть законы природы и непреложные истины мира сказок. Волка защищала овечка.^[54] Наверно, у меня от усталости начался бред или просто сдали нервы.

Прозвище Нунцио Де Фалько написано у него на лице. Он и правда похож на волка. На фотографии, сделанной в полиции, можно рассмотреть: вытянутое лицо с редкой жесткой бородой, напоминающей ошетилившегося ежа, и остроконечными ушами. Выющиеся волосы, треугольный рот и смуглая кожа. Вылитый оборотень из фильма ужасов. Местная газета, та самая, что писала о связи дон Пеппино с кланом, посвятила первые страницы Волку как неутомимому любовнику, мечте всех женщин от мала до велика. Заголовок на первой полосе газеты от 17 января 2005 года весьма красноречив: «Нунцио Де Фалько — король распутников».

«Казаль-ди-Принчипе (провинция Казерта)

Они не красавцы, но все равно привлекают женщин своим статусом боссов. Так уж сложилось. Если бы надо было составить рейтинг боссов-плейбоев всей провинции, то

первое место разделили бы двое многократно судимых каморристов из Казаль-ди-Принчипе, особой красотой не блистающих, хотя, казалось бы, лидером должен был быть самый неотразимый из всех, а это, без сомнений, дон Антонио Барделлино. Впереди же Франческо Пьяченти, сиречь Носач, и Нунцио Де Фалько, сиречь Волк. По слухам, у первого было пять жен, а у второго семь. Конечно, мы считаем не только официальные браки, но и гражданские, продолжительные отношения, приведшие к появлению детей. У Де Фалько, если верить нашим источникам, по меньшей мере двенадцать детей от разных женщин. Любопытно, что итальянками он не ограничивался. Одна его подруга была испанкой, другая англичанкой, третья португалкой. Даже когда боссы находились в бегах, то в каждом новом месте заводили семью. Как моряки? Практически (...) Не случайно во время процессов по их делам в суд вызывали в качестве свидетелей некоторых их женщин, всегда очень красивых и элегантных. Довольно часто именно слабый пол становился причиной заката боссов. Не раз бывало так, что женщины косвенно способствовали поимке особо опасных главарей. Однажды сыщики выследили одну из них, и это привело к аресту самого Франческо Чиччарьелло Скьявоне (...) В общем, женщины и для боссов — одновременно отрада и крест».

Перемирие между кланами было достигнуто ценой жизни дона Пеппино. Это предположение высказано и в приговоре. Воюющие стороны пришли к некоему соглашению и подписали его кровью дона Пеппино. Из священника сделали козла отпущения и принесли в жертву. Убийство разом избавляло кланы от головной боли и вдобавок отвлекало внимание следователей от их деятельности.

Я слышал о друге молодости дона Пеппино по имени Чиприано, он написал целую речь в защиту погибшего, которую собирался произнести на похоронах, своего рода ответ на дискуссию о личности священника, но в то утро не смог даже рукой пошевелить. Он уехал с юга много лет назад и теперь жил в окрестностях Рима, пообещав себе никогда больше не ступать на землю Кампании. Мне рассказали, что, узнав о смерти друга, он от горя надолго слег. Когда я пытался расспросить о нем у его тети, она в ответ твердила мне одну и ту же фразу убитым голосом: «Он ушел в себя. Чиприано ушел в себя».

Время от времени кто-то уходит в себя. Здесь такое довольно часто случается. Когда я слышу это выражение, то сразу вспоминаю Джустино Фортунато, который в начале XX века решил разведать обстановку на хребте южной части Апеннин и провел в пути несколько месяцев, обошел все города и деревни, останавливался на ночлег у простых батраков, выслушивал мнения озлобленных крестьян, чтобы узнать голос и запах «южного вопроса». Позже, став сенатором, он периодически возвращался в те края и расспрашивал о встреченных им ранее людях, о тех, что были настроены наиболее воинственно и помогли бы ему в осуществлении политических реформ. Но часто их родственники отвечали: «Он ушел в себя». Уйти в себя, замолчать, онеметь, поддаться желанию спрятаться от внешнего мира и перестать понимать, знать, делать. Перестать бороться. Выбрать отшельничество, когда необходимость принять реальность уже вот-вот готова поглотить тебя. Чиприано тоже ушел в себя. Местные жители мне рассказывали, что все началось с собеседования по поводу вакансии начальника отдела кадров в одной фирме из Фрозиноне, занимающейся грузоперевозками. Читая вслух его резюме, менеджер остановился на месте проживания.

— А, я понял, откуда вы! Тот знаменитый босс ведь оттуда... Сандокан, верно?

— Нет, это родина Пеппино Дианы!

— Кого?

Чиприано встал и вышел. Он стал зарабатывать на жизнь, открыв в Риме газетный киоск. Мне удалось выяснить адрес его матери, я столкнулся с ней совершенно случайно: мы стояли рядом в очереди в магазине. Должно быть, она предупредила сына о моем приходе, потому что на мои звонки по домофону он не отвечал. Думаю, он догадывался, о чем я хотел поговорить. Но я не уходил и терпеливо ждал — готов был заночевать у него под дверью, если бы понадобилось. Наконец он все же решил спуститься. Неохотно поздоровался. Мы пошли в небольшой парк у дома. Сели на выбранную им скамейку, Чиприано открыл тетрадь в тонкую линейку, как в начальной школе, и я увидел его обличительную речь, написанную от руки. Может статься, на тех страницах был почерк и дона Пеппино. Спросить я не решился. Эти слова должны были бы принадлежать им обоим. Но все пошло не так. Киллеры, смерть, клевета, глубокое одиночество. Он начал читать тоном монаха-еретика, при этом жестикулируя как дольчинианец, возвещающий на улицах Апокалипсис:

«Люди, мы не можем допустить, чтобы наша земля стала землей каморры, новой Гоморрой, которую надо сокрушить! Люди каморры, — не животные, а именно люди, как и все, — мы не можем допустить, чтобы то, что в других местах считается законным, черпало бы здесь свою незаконную энергию, мы не можем допустить, чтобы где-то возводилось то, что здесь разрушается. Обращайте в пустыню участки со своими виллами, не позволяйте идее вседозволенности становиться между тем, кто вы есть, и тем, кем хотите быть. По воле ГОСПОДА на Содом и Гоморру с небес полились огонь и сера, уничтожив оба города, равнину, всех жителей и всю растительность. „Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом“ (*Быт. 19, 12–29*). Мы должны побороть страх перед превращением в столп и рискнуть повернуться и посмотреть, что происходит вокруг, какая кара постигла Гоморру: тотальное разрушение, восприятие жизни, как суммы или разности ваших экономических операций. Вы не видите, что мы живем в Гоморре, не видите этого? Вспомните: „...увидят серу и соль, выжженную землю, где уже ничего не посеешь и не вырастишь, где не взойдет никакая трава, словно это Содом и Гоморра, Адма и Цевоим, города, уничтоженные ГОСПОДОМ в гневе и ярости“ (*Второзаконие 29:22*). Ваша жизнь зависит от чьего-то „да“ или „нет“, вы умираете, подчиняясь приказу или чужому выбору, десятилетия проводите за решеткой ради получения права на смерть, зарабатываете кучи денег и вкладываете в дома, где не будете жить, в банки, куда никогда не зайдете, в рестораны, которыми не станете управлять, в фирмы, главой которых не станете; вы распоряжаетесь правом на смерть, пытаетесь подчинить себе жизнь — эту жизнь вы проводите, прячась в подземных бункерах и окружив себя телохранителями. Убиваете и умираете сами на шахматном поле, где король не вы, а тот, кто пользуется вами, заставляет вас есть друг друга до тех пор, пока некому уже будет поставить шах и на поле останется лишь одна пешка. И ей окажетесь не вы. Вы перевариваете здесь то, что поглощаете, а выплевываете далеко отсюда, поступаете как птицы, кормящие птенцов изо рта отрыгнутой пищей. Но вы кормите не птенцов, а хищных ястребов, на самом деле вы не птицы, а буйволы, по собственной воле готовые погибнуть там, где кровь и могущество определяют победу. Пришло *время перестать быть Гоморрой...*»

Чиприано замолчал. Казалось, перед его мысленным взором проходят все те лица, а точнее, рожи, в которые он хотел бы бросить эти слова. Он тяжело дышал, задыхаясь, как астматик. Потом закрыл тетрадь и ушел, не попрощавшись.

«ГОЛЛИВУД»

Именем дона Пеппино Дианы называли Центр экстренной помощи и временный приют для несовершеннолетних сирот в Казаль-ди-Принчипе. Он расположился на вилле, конфискованной у Эджидио Копполы, члена клана Казалези. Огромный роскошный дом, который можно было разбить на большое количество комнат. Агентство по обновлению, развитию и безопасности территории, Agorinasce, объединяющее коммуны Казапезенны, Казаль-ди-Принчипе, Сан-Чиприано-д'Аверсы и Вилла-Литерно, приспособило часть имущества каморры для нужд местного населения. Секвестрированные у боссов виллы хранят ауру бывших владельцев до тех пор, пока зданием не найдется новое применение. Опустевшие, они все равно символизируют могущество. Если пройти по окрестностям Аверсы, то возникает ощущение, будто разглядываешь каталог с перечислением всех архитектурных стилей последних тридцати лет. Самые внушительные виллы, принадлежащие застройщикам и землевладельцам, являются примером для коттеджей простых служащих и торговцев. Если первые опираются на четыре ряда бетонных колонн дорического ордера, то у вторых рядов два, а сами колонны в два раза ниже. Игра в подражание привела к образованию целых конгломератов из вилл, соревнующихся во внушительности, архитектурной изощренности и нерушимости с целью стать единственными и неповторимыми, ради чего владельцы даже воспроизводят на воротах абстрактные линии с картин Мондриана.

Каморристские виллы подобны бетонным жемчужинам, затерявшимся на просторах Казерты под защитой мощных стен и видеокамер. Десятки и десятки вилл. Мрамор и паркет, колоннады и парадные лестницы, каминные с выгравированными на граните инициалами боссов. Но одна из них затмевает остальные по известности и величию или, во всяком случае, плодит вокруг себя самое большое количество легенд. Здесь ее называют «Голливудом». Услышав это название, все сразу понимают, о чем речь. «Голливуд» принадлежит Вальтеру Скъявоне, брату Сандокана, отвечающему в клане за цементаоборот вот уже на протяжении многих лет. В голову сразу приходят предположения о происхождении названия. Так и представляешь огромные площади и роскошь. На самом же деле причина не в этом. Дом Вальтера Скъявоне действительно связан с Голливудом. В Казаль-ди-Принчипе рассказывают, босс попросил архитектора построить виллу, идентичную той, на которой в Майами жил кубинский гангстер Тони Монтана, персонаж фильма «Лицо со шрамом». Мафиози пересматривал фильм тысячу раз и был настолько им поражен, что даже стал отождествлять себя с героем Аль Пачино. Если проявить фантазию, можно увидеть определенное сходство между его худым, изможденным лицом и лицом актера. Все истории, связанные с этим домом, звучат как легенды. Местные говорят, что босс дал своему архитектору видеокассету с фильмом: ему нужна вилла, как в «Лице со шрамом», и никакая другая. Описанный случай из тех, которые обязательно украшают историю о приходе к власти любого босса, его образ со временем обрастает легендами, современными урбанистическими мифами. Если кто-то упоминал «Голливуд», то рядом обязательно оказывался тот, кто еще в детстве видел сам процесс строительства, приезжал вместе с другими мальчишками на велосипедах и наблюдал за тем, как посреди улицы постепенно вырастала вилла Тони Монтаны, словно ожившая картинка с экрана. Одно настораживает: в Казале обычно сначала возводят высокий забор, а потом уже начинают

строительство. В сказку о Голливуде я никогда не верил. Снаружи вилла Скьявоне — вылитый бункер, окруженный внушительными стенами с угрожающего вида решетками. Вход преграждают бронированные двери. Что внутри — непонятно, но, судя по солидным защитным укреплениям, нечто очень ценное.

Есть только один внешний опознавательный знак, безмолвное послание прямо у главного входа. По бокам от решетки, напоминающей ворота на ферме, стоят две небольшие дорические колонны, над которыми расположен тимпан.^[55] Они резко выделяются на фоне скромных домиков с толстыми стенами и красными калитками. На самом деле неоязыческий тимпан — это своеобразный фамильный знак, послание интересующимся виллой. Одного взгляда мне хватило, чтобы наконец поверить в существование постройки, ставшей легендой. Миллион раз я порывался войти внутрь и увидеть Голливуд своими глазами. Но это казалось невозможным. Здесь и после конфискации всем заправляли каморристы. Пока власти размышляли о дальнейшем использовании здания, однажды утром я набрался смелости и вошел внутрь. Через боковой вход, чтобы избежать настороженных взглядов. Вилла предстала предо мной во всем блеске и великолепии, ее фасад внушал благоговейную робость, какую испытываешь при виде общепризнанных шедевров. Над колоннами нависали два этажа с тимпанами разных размеров, самый большой находился сверху, в центре каждого было высечено по полукругу. Вход казался делом рук безумного архитектора: две широких лестницы подобно мраморным крыльям соединяли первый и второй этажи, на втором соорудили открытую галерею, откуда просматривался нижний зал. У Тони Монтаны был точно такой же лестничный пролет с основным входом в кабинет, именно там в финале фильма происходила хрестоматийная перестрелка. Вилла поражает обилием дорических колонн. Те, что внутри дома, покрыты розовой штукатуркой, снаружи — зеленовато-аквамариновой. По бокам здания двойные колоннады, декорированные дорогостоящим кованым железом. Площадь участка — 3400 квадратных метров, самого трехэтажного дома — 850, в конце 90-х годов его оценивали примерно в пять миллиардов лир, сегодня же рыночная стоимость этого объекта составляет четыре миллиона евро. Комнаты на первом этаже ошеломляют своими размерами, в каждой есть своя ванная, что, по-моему, уже перебор. Одни огромные и шикарные, другие небольшие и довольно простые. В детской до сих пор на стенах висят постеры с певцами и футболистами, маленькая потемневшая картинка с двумя ангелочками — под ней наверняка раньше стояла кровать. Газетная вырезка под заголовком «Альбанова берется за оружие». Альбанова — это группировка из Казальди-Принчипе и Сан-Чиприано-д'Аверсы, созданная на деньги клана и обезвреженная в 1997 году Комиссией по борьбе с мафией. Любимая игрушка боссов. Обугленные листки на потрескавшейся штукатурке напоминали о сыне Вальтера, подростком погибшем в автокатастрофе. С балкона открывался вид на сад, усаженный пальмами, и на маленькое искусственное озеро; деревянный мостик соединял берег с заросшим деревьями и кустарником островком, который не осыпался благодаря технологии сухой кладки. При Скьявоне в этой части дома обитали грозные сторожевые собаки — еще одна примета обладания властью. За виллой начинался газон, а за ним элегантный бассейн неправильной формы: в углу сделали полукруглый выступ, на котором росла пальма, дававшая летом густую тень. При взгляде на эту часть территории сразу вспоминалась скульптурная композиция «Купание Венеры» — настоящая жемчужина Английского сада на территории Королевского дворца в Казерте. Богиня любви грациозно располагалась у кромки воды, точь-в-точь как у Ванвितелли.^[56] После ареста босса в 1996 году прямо в этих

комнатах вилла опустела. Вальтер не последовал примеру своего брата, Сандокана, построившего под своей роскошной виллой в центре Казаль-ди-Принчипе по-королевски просторное убежище. Сандокан скрывался от правосудия в надежной крепости без дверей и окон, подземные ходы и пещеры обеспечивали пути отступления, а само жилое пространство занимало 100 квадратных метров и было идеально продумано.

Фантастическое жилище с полами из белой майолики, освещенное неоновыми лампами. Не забыли и о видеодомофоне. В бункер вели два входа, оба были отлично замаскированы. Дверей, в обычном понимании, действительно не было, их заменяли бетонные стены, отъезжающие в сторону. В случае угрозы обыска босс через люк в полу столовой попадал в сложную систему соединенных между собой тоннелей, всего их было одиннадцать, и они образовывали «редут», последнее убежище, куда по приказу Сандокана принесли несколько походных палаток. Бункер в бункере. Год и семь месяцев потратило Управление по расследованию деятельности мафии, чтобы в 1998 году поймать босса: все это время велось наблюдение из засады. В результате было принято решение разрушить стену, закрывавшую вход в укрытие. Уже после того, как Франческо Скъявоне сдался, нашли наконец главный вход, он находился в кладовке виллы на виа Салерно, между пустыми пластиковыми коробками и садовым инвентарем. В бункере было все необходимое для жизни. Два холодильника, забитых продуктами, которых хватило бы, по меньшей мере, шестерым на пару недель. На одной из стен располагалась мощная стереоустановка с видеомагнитофонами и проекторами. Криминальный отдел неаполитанской квестуры десять часов разбирался с охранной системой и аппаратурой, отвечающей за перекрытие обоих входов. В укрытии нашлась даже ванна с гидромассажем. Подземная берлога в лабиринте лазов и тоннелей.

Вальтер под землей не прятался. Несмотря на преследования полиции, он все равно приезжал на особо важные встречи. При свете дня возвращался домой в сопровождении телохранителей, будучи уверенным в неприступности своей виллы. Его арестовали благодаря случайности в результате обычной проверки. Как правило, полицейские и карабинеры по десять-двенадцать раз на дню заходят домой к родственникам беглецов, изучают обстановку, делают обыск, но в первую очередь давят на психику, убеждая хозяев не поддерживать скрывающегося от правосудия члена семьи. Синьора Скъявоне всегда вела себя с полицейскими любезно и одновременно дерзко. Невозмутимо предлагала чашку чая с печеньем, хотя в ответ на свое предложение всегда получала отказ. Но однажды вечером во время такого обхода жена Вальтера повела себя необычно: ее голос по домофону звучал крайне напряженно, дверь она открывала очень долго, и полицейские тотчас заподозрили неладное. Синьора Скъявоне ходила за ними по пятам по всей вилле, а не стояла, как раньше, внизу у лестницы, разговаривая так громко, что слышно было в любой части дома. В спальне на кровати нашли стопку выглаженных мужских рубашек, принадлежавших, судя по размеру, явно не сыну. Здесь был Вальтер. Он вернулся домой. Полицейские тотчас рассредоточились по вилле, разыскивая беглеца. Поймали его, когда он пытался перелезть через стену, которую сам велел построить, чтобы наглухо огородить свой дом. Попался как воришка, повиснув на гладкой поверхности и пытаясь нащупать ногой хоть какую-нибудь опору. Виллу сразу же конфисковали, но за шесть лет новый владелец так и не нашелся. Вальтер приказал своим людям позаботиться о его доме. Если он не мог принадлежать хозяину, то должен был быть разрушен. Или его, или ничей. Двери сорвали с петель,

выломали рамы, разобрали паркет, сняли мраморные плиты на лестнице, демонтировали стоившие бешеных денег камин, сбили даже плитку в ваннах, с корнем вырвали поручни из цельной древесины и светильники, вынесли кухонный гарнитур, антикварную мебель XIX века, стеклянные шкафы и картины. Напоследок Вальтер распорядился разбросать по дому покрышки, их подожгли, чтобы нанести непоправимый ущерб стенам, штукатурке и колоннам. В произошедшем можно разглядеть послание от босса. Единственным предметом, оставленным на месте и не пострадавшим при пожаре, оказалась ванна в зале на третьем этаже, любимое детище хозяина. Такой позавидовал бы и король. Она находилась на возвышении, состоявшем из трех ступеней, а вода текла из пасти позолоченного льва. Из большого стрельчатого окна открывался чудесный вид на сад. Ванна напоминала о могуществе Скъявоне как автора замысла, так и каморриста: будто художник уничтожил картину, но оставил на холсте свою подпись. Медленно прогуливаясь по «Голливуду», я пришел к мысли, что истории, воспринимавшиеся как выдумки и небывлицы, на самом деле оказались правдой. Дорические капители, величественность постройки, двойной тимпан, ванна посреди комнаты и в первую очередь две парадные лестницы в точности соответствовали прототипам из фильма «Лицо со шрамом».

Я бродил по закопченным комнатам и ощущал, как все внутренние органы увеличились и слились в одно большое сердце. Его биение отдавалось в каждой клеточке моего тела все сильнее и сильнее. Стараясь унять волнение, я глубоко дышал, во рту пересохло. Если бы кто-нибудь из каморристов, присматривавших за виллой, обнаружил непрошеного гостя, то мне бы не поздоровилось: здесь можно было орать во всю глотку, и никто не услышал бы. Но мое вторжение либо осталось незамеченным, либо вилла больше никому не принадлежала. Меня пронизывала пульсирующая ярость, перед глазами вставали размытые видения, сливавшиеся в одну картину: друзья-иммигранты, новоиспеченные члены клана и солдаты, неспешные вечера в этих пустынных краях, отсутствие каких-либо занятий помимо бизнеса, насквозь коррумпированные политики, империи, зародившиеся на севере Италии или в Европе, а на юге представленные исключительно мусором и диоксином. Я почувствовал, что сейчас взорвусь. Требовалось излить на кого-то свою злобу. Искушение было непреодолимым. Я поднялся по ступеням, встал на бортик ванны и помочился в нее. Пусть поступок и идиотский, но мне сразу же стало легче. Вилла являла собой подтверждение «общего места», материализовавшийся миф. Мне все казалось, что сейчас в дверях появится Тони Монтана и самоуверенно, с наглой усмешкой заявит: «Всё, что у меня есть в этой жизни, — мои яйца и мое слово. Зато за эти две вещи я отвечаю, вам понятно?» Быть может, Вальтер мечтал умереть как Монтана, попав под ураганный огонь и рухнув с лестницы на пол в вестибюле, но вместо этого его ожидала тюремная камера и базедова болезнь, разрушавшая глаза и повышавшая кровяное давление до критического уровня.

Кинематограф уже не обращается к жизни мафии в поисках интересных сюжетов. Теперь все наоборот. Будущие боссы не следуют традиционной манере поведения, не проводят дни напролет на улице, ориентируясь на местных главарей, не носят в кармане нож, не могут похвастаться шрамами на лице. Они смотрят телевизор, учатся, ходят в университет, получают дипломы, ездят за границу и в первую очередь изучают механизмы инвестирования. Лучший пример — фильм «Крестный отец». Никто в самих преступных организациях, как в сицилийских, так и кампанийских, этот термин — дословный перевод английского *Godfather* — никогда не использовал. Главу семьи или члена клана называли «собратом». Но после выхода фильма представители живших в США мафиозных семей

итальянского происхождения обратили внимание на неологизм и заменили им уже вышедшего из моды «собрата». Молодые италоамериканцы, связанные с мафией, подражали своим кумирам: носили темные очки и костюмы в тонкую полоску, цитировали легендарные фразы. Босс Джон Готти во всем хотел походить на дона Вито Корлеоне. А Лучано Лиджа, босс коза ностра, специально фотографировался с выдвинутой вперед челюстью, как у героя из «Крестного отца».

Прототипом для Марио Пьюзо послужил не сицилийский мафиозо, а история и внешний вид Альфонсо Тьери, босса Пиньясекки, рынка в историческом центре Неаполя. После смерти Чарльза Гамбино он возглавил союз итальянских мафиозных семей в Америке. Неаполитанский босс Антонио Спавоне — Каналья, связанный с Тьери, заявил в интервью одной американской газете: «Сицилийцы приучили всех, что надо молчать и быть тише воды ниже травы, неаполитанцы же показали миру, как надо командовать. Сразу показать, кто здесь главный, а не нюни распускать». Источник большей части архетипов криминального мира и концентрата мафиозной харизмы находился в Кампании, на участке всего в несколько километров. Аль Капоне родом из этой области, его семья жила в городе Кастелламаре-ди-Стабия. Он первым из боссов стал прототипом киногероя. Его прозвище, полученное из-за изуродованной щеки, — Лицо Со Шрамом — известно по фильму Брайана де Пальмы 1983 года о кубинском мафиозо, но еще раньше, в 1932 году, оно было использовано в названии картины Говарда Хоукса. Аль Капоне приезжал в сопровождении охраны на съемочную площадку, когда намечались натурные съемки или сцены перестрелок, чтобы помочь советом. Босс следил, чтобы образ Тони Камонте — списанного с него персонажа Лица Со Шрамом — не опошили. Он хотел во всем походить на Тони Камонте, ведь после выхода фильма именно киногероя стали бы воспринимать как истинного Капоне, а не наоборот.

Кинематограф — это подспорье в считывании знаков в поведении боссов. В Неаполе яркий тому пример — Козимо Ди Лауро. Каждый, кто видит его поместье, сразу вспоминает картину Брендона Ли «Ворон». Каморристы должны создавать себе определенный имидж, не всегда соответствующий действительности, поэтому им приходится прибегать к помощи кино. Примеряя узнаваемую голливудскую маску на себя, они идут кратчайшим путем к превращению в фигуру, внушающую страх. Фантазия киношников влияет даже на такие, казалось бы, сугубо технические вопросы, как манера держать пистолет и способ стрельбы. Однажды ветеран Криминального отдела неаполитанской квестуры рассказал мне, как каморристы подражают киллерам из фильмов:

«После Тарантино они все стали стрелять как бог на душу положит. Ствол прямо больше не держат, теперь только плашмя или скособочат его, наклонят оружие и стреляют, как в фильмах, а от этого одни неприятности. Попадают в живот, в пах, в ноги, не убивают, а калечат. В результате приходится приканчивать жертву выстрелом в затылок. Такое варварство, когда все вокруг залито кровью, не соответствует преследуемой цели».

Женщины-телохранители женщин-боссов выглядят как Ума Турман в фильме «Убить Билла»: коротко стриженные светлые волосы и ярко-желтый комбинезон. У Винценцы Ди Доменико из Испанских кварталов, недолгое время сотрудничавшей с органами правопорядка, было весьма красноречивое прозвище Никита в честь главной героини картины Люка Бессона о девушке-киллере. Кинематограф, американский в первую очередь,

не воспринимается здесь как нечто далекое, как место, где реальность искажается, где невозможное становится возможным. Наоборот, связь с ним самая тесная.

Я медленно двинулся прочь от виллы, отыскивая дорогу среди зарослей ежевики и сорняков, наводнивших любимый Английский сад босса. Калитку я не запер. Еще несколько лет назад на одно приближение к вилле моментально отреагировал бы десяток часовых. Я же спокойно вышел, засунув руки в карманы и опустив голову, как выходит из кинозала зритель, еще находящийся под впечатлением от увиденного.

В Неаполе сразу чувствуешь, что фильм Джузеппе Торнаторе «Каморрист» оказал большое влияние на местных жителей. Достаточно услышать их шутки, одни и те же на протяжении многих лет.

— Скажите Профессору, что я не предатель.

— Я прекрасно знаю, кто он такой, но и я не промах!

— У Малакарне кишка тонка!

— Кто тебя послал?

— Меня послал тот, кто может тебя порешить, а может и помиловать!

Музыка из фильма превратилась в своего рода гимн каморры: его насвистывают при виде проходящего мимо местного главара или, например, чтобы действовать на нервы какому-нибудь лавочнику. Дошло до того, что на дискотеках стали крутить целых три ремикса на основе самых известных фраз Раффаэле Кутоло, произнесенных в фильме актером Беном Газзарой.

В Казаль-ди-Принчипе двое мальчишек, Джузеппе М. и Ромео П., декламировали по памяти диалоги из «Каморриста». Разыгрывали целые сценки из фильма. «Какой вес у „шестерки“? Такой же, как и у подгоняемого ветром перышка».

Они стали верховодить своими сверстниками из Казале и Сан-Чиприано-д'Аверсы, когда у них самих и прав водительских даже не было. Не было, потому что им еще не исполнилось восемнадцати. Они росли хулиганами. Хвастуны и шуты, они оставляли в ресторане на чай столько же, сколько должны были заплатить по счету. Носили рубашки, расстегнутые на подетски безволосой груди, и сопровождали свое передвижение шумом и гамом, будто демонстрируя право на каждый шаг. Смотрели на всех свысока, твердо уверенные в собственном могуществе, которое на самом деле существовало только в их воображении. Ходили только вместе. Джузеппе, как босс, всегда шел на шаг впереди товарища. Ромео играл роль телохранителя, правой руки, преданного соратника. Джузеппе часто называл его Донни, в честь Донни Браско. Пусть тот и был агентом под прикрытием, но при этом стал настоящим мафиозо, до глубины души, что оправдывает его в глазах поклонников, искупает тяжкий грех. Их панически боялась вся молодежь Аверсы, особенно те, кто только-только сел за руль. Хулиганы ехали на мопеде, выбирали в жертву какую-нибудь парочку, провоцировали столкновение, а пока шел обмен необходимой для страховых компаний информацией, один из бандитов подходил к девушке, плевал ей в лицо и ждал реакции юноши, чтобы получить повод для драки. Нападали и на людей постарше, в том числе и на достаточно влиятельных. На своей территории юнцы чувствовали себя хозяевами. Они родились в Казаль-ди-Принчипе, и этого, по их мнению, было достаточно. Им хотелось внушать всем страх и уважение, чтобы простые смертные не решались даже глаза на них поднять и смотрели бы в пол. Но однажды новоявленные гангстеры перегнули палку.

Раздобыли где-то автомат, наверняка на каком-нибудь оружейном складе клана, вышли с ним на улицу, привязались к группке ребят и открыли огонь. Видимо, какой-то опыт у них все же был, потому что обошлось без пострадавших, это явно была акция запугивания, чтобы дать почувствовать запах пороха, услышать визг пуль. Один из бандитов перед началом стрельбы что-то продекламировал. Никто не понял, что именно, но очевидцу происшествия показалось, это была цитата из Библии, он даже высказал предположение, будто бы подростки готовились к ожидающей их конфирмации. Но, судя по долетевшим до свидетелей фразам, к церковному обряду они не имели никакого отношения. Это действительно оказалась Библия, но не в катехизической интерпретации, а в переложении Квентина Тарантино. В фильме «Криминальное чтиво» данный отрывок произносит Джулс Уинфилд перед тем, как пристрелить парнишку, виновного в исчезновении драгоценного чемоданчика Марселласа Уоллеса:

«Путь праведника окружен со всех сторон несправедливостью эгоистичных и тиранией злых. Благословенен тот, кто во имя милосердия и доброй воли ведет слабых сквозь долину тьмы, ибо он воистину страж брату своему и спаситель детей заблудших. И я обрушу мою месть и неистовый гнев на того, кто пытался отравить и разрушить братьев Моих, и ты узнаешь, что Я Господь, когда совершу над тобой Мое мщение!» (Иез. 25)

Джузеппе и Ромео разыграли эту сцену из фильма, а потом открыли огонь. Отец Джузеппе был из каморристов, решил сдаться полиции, но потом вернулся обратно в коалицию Куадрано — Де Фалько, потерпевшую поражение от Скъявоне. Одним словом, неудачник. Мальчик подумал, что, выбрав правильную роль, он сможет изменить сценарий своей жизни. Молодые бандиты знали наизусть шутки и главные сцены из всех гангстерских фильмов. Часто кулаки шли в ход из-за одного лишь взгляда, к которому во владениях каморры относятся крайне серьезно. Косой взгляд приравнивается к вторжению на чужую территорию: это то же самое, что ворваться в чужой дом, высадив входную дверь. Взглядом можно оскорбить сильнее, чем словами. Чтобы бросить вызов, достаточно посмотреть кому-то прямо в лицо и не отводить глаз:

— У тебя какие-то проблемы? Я не понял, у тебя что, проблемы?

А после знаменитого диалога из «Таксиста» начиналось рукоприкладство, толчки в грудь такой силы, что отдавались во всей грудной клетке и, казалось, гул был слышен на километр вокруг.

Боссы Казалези крайне серьезно отнеслись к действиям этих мальчишек. Потасовки, выяснения отношений и угрозы кланами не приветствовались, поскольку провоцировали беспокойство со сторон матерей и заявления в полицию. Поэтому местным главарям было дано указание «вежливо предупредить» зарвавшихся ребят и призвать к порядку. Подростков обнаруживают в баре и сообщают им, что терпение кланов подходит к концу. Но Джузеппе и Ромео продолжают действовать по тому же сценарию: избивают, кого хотят, мочатся в бензобаки мотоциклов местных жителей. Боссы посылают за ними, чтобы поговорить лицом к лицу: кланы не могут допустить такого поведения на своей территории, о привычной покровительственной толерантности надо забыть, пора переходить к наказанию, так что хорошей взбучки им не избежать, прилюдная порка напомнит о необходимости послушания. Юнцы игнорируют приглашение, просиживают штаны в баре, играют в «Видеопокер», вечера проводят дома перед телевизором — смотрят диски с любимыми фильмами, заучивая реплики, обороты речи, уделяя особое внимание позам и

фасону ботинок. Они полагают, что справятся с кем угодно, даже с боссами. И верят: достаточно одного противостояния тем, кто могущественнее, чтобы внушить настоящий страх окружающим. Им все нипочем, и друзья скоро станут как Тони и Мэнни из «Лица со шрамом». Они держатся независимо, продолжают набеги, запугивания, превращаясь потихоньку в неофициальных хозяев Казерты. В планы мальчишек не входило вступление в клан. Они даже попыток таких не делали. Этот путь был слишком долгим и трудоемким, пришлось бы начинать с самого низа. К тому же наиболее ценных людей Казалези привлекали к экономической деятельности организации, а не к силовой. Джузеппе и Ромео являли собой полную противоположность каморристского солдата-новобранца. Они считали, что дурная репутация родного района делает их всемогущими. Хотели, не вступая в клан, пользоваться всеми привилегиями каморристов. Обложили всех данью: требовали бесплатного обслуживания в барах, бесплатного бензина для мопедов на заправках и полного, тоже бесплатного, обеспечения их матерей. В случае неповиновения они навещали непокорного и, например, разбивали стекла, применяли силу, чтобы припугнуть зеленщика или продавщицу. Весной 2004 года посланцы клана назначают юным гангстерам встречу на окраине Кастель-Вольтурно, в районе Парко Маре. Песок, море и мусор там неотделимы друг от друга. Быть может, ребят ожидало выгодное деловое предложение, а может, и перспектива участия в засаде. Первой засаде в их жизни. Если кнут не приводил к желаемому результату, боссы прибегали к прянику. Я представлял себе, как они мчатся во весь опор на своих мопедах и ощущают себя участниками тех сцен из фильмов, в которых признанные авторитеты вынуждены отступать под напором новых героев. Молодые спартанцы шли на войну с мыслью о подвигах Ахилла и Гектора, здесь же проливали кровь, и свою, и чужую, ориентируясь на фильмы «Лицо со шрамом», «Славные парни», «Донни Браско» и «Крестный отец». Когда я оказываюсь в Парко Маре, перед моими глазами оживает сцена, многократно потом описанная в газетах по результатам полицейского расследования. Джузеппе и Ромео приехали значительно раньше назначенного времени. Оставалось дожидаться каморристов. Нервы были на пределе. Наконец появилась машина, из нее вышло несколько человек. Мальчишки двинулись им навстречу, но даже не успели поздороваться: Ромео сразу же схватили, лишив возможности двигаться, и принялись избивать Джузеппе. Потом приставили пистолет к груди поверженного противника и нажали на курок. Я уверен, что в памяти Ромео всплыла сцена из фильма «Славные парни», где Томми Де Вито приглашают в Америке на встречу с коза ностра, но ведут не в зал, где собрались все боссы, а в пустую комнату и выстрелом в голову убивают наповал. Кино — не выдумка, тот, кому кажется, что нельзя жить, как в фильмах, ошибается; мнение, что происходящее на экране не соответствует действительности, тоже ошибочно. Есть лишь одно отличие: в кино Аль Пачино вылезет из бассейна, в который упал каскадер, изрешеченный пулями противника, и вытрет с лица бутафорскую кровь, а Джо Пеши вымоет голову и остановит фальшивое кровотечение. Но зритель об этом не задумывается, потому что ему все равно. Я знаю наверняка, хоть и никогда не смогу доказать верность своей догадки, что Ромео при виде лежащего на земле Джузеппе внезапно осознал различие между кинематографом и реальностью, между постановочной сценой и настоящими неприятностями, между жизнью и сценарием. Очередь дошла и до него. Ему выстрелили в горло, а потом пустили пулю в лоб. Общий возраст на двоих еле дотягивал до тридцати. Клан Казалези просто вырезал опухоль, образовавшуюся под влиянием кино и доставляющую хлопоты. Анонимных звонков в полицию или «скорую помощь» никто

делать не стал. Мафиози оставили тела на растерзание чайкам, клевавшим их руки, и бродячим псам, обитавшим на заваленных мусором пляжах, которые обглодали лица. Но в фильмах такие подробности остаются за кадром, повествование всегда обрывается чуть раньше.

Между зрителями, живущими на территории каморры, и любыми другими зрителями нет никакой разницы. Повсюду кинематограф воспринимается как набор архетипов для подражания. Если ты не местный, то тебе может нравиться «Лицо со шрамом» и ощущение идентификации себя с главным героем, здесь же ты можешь быть им, но быть им надо до конца.

Земли каморры богаты еще и любителями искусства и литературы. У Сандокана в его доме-бункере была огромная библиотека, он подобрал книги в основном по двум темам: история Королевства обеих Сицилий и личность Наполеона Бонапарта. Скъявоне превозносил эпоху правления Бурбонов и гордился наличием среди своих предков чиновников из Терра-ди-Лаворо,^[57] восхищался гением Бонапарта, который сумел завоевать пол-Европы, поднявшись с самого низа, как и сам Сандокан, прошедший путь от простого новобранца до главнокомандующего одного из самых влиятельных кланов Европы. В прошлом студент медицинского факультета, он коротал часы вынужденного заточения в убежище за написанием икон и портретов Бонапарта и Муссолини. В неприметных на первый взгляд лавочках Казерты до сих пор можно приобрести ценнейшие изображения святых, выполненные Скъявоне, на которых вместо лика Христа красуется лицо самого босса. Еще он питал слабость к эпической литературе. Особенно любил читать Гомера, Артуровский цикл и Вальтера Скотта. Он даже назвал одного из своих многочисленных сыновей громким и гордым именем Айвенго.

Имена потомков всегда указывают на пристрастия отцов. У Джузеппе Миссо, главы неаполитанского клана из квартала Санита, три племянника: Бен Гур, Иисус и Эмилиано Сапата. Миссо, который во время судебных процессов вел себя как политический лидер, как мыслитель, консервативный и мятежный, написал недавно роман «Мраморные львы». За несколько недель в Неаполе распродали сотни экземпляров этой книги, отличающейся исковерканным синтаксисом и яростным стилем изложения. Речь в ней идет о Неаполе 80–90-х годов, о становлении босса: он предстает одиноким борцом против каморры, промышленной рэкетом и наркоторговлей, и пропагандистом еще довольно туманного рыцарского кодекса грабежей и воровства. За годы продолжительной криминальной карьеры Миссо не раз попадал под арест, и его всегда сопровождали книги Юлиуса Эвола^[58] и Эзры Паунда.

Август Ла Торре, босс Мондрагоне, — специалист по психологии, почитатель Карла Густава Юнга и знаток трудов Зигмунда Фрейда. В списках книг, запрошенных боссом для чтения в тюрьме, значатся целые библиографии исследователей психоанализа, а в речах, произносимых им на слушаниях, цитаты из Лакана переплетаются с размышлениями о школе гештальтпсихологии. На пути к достижению власти Ла Торре использовал свои познания как секретное управленческое и силовое оружие.

Один из ближайших соратников Паоло Ди Лауро тоже принадлежит к каморристам, любящим искусство и культуру: Томмазо Престьеро продюсирует большинство певцов-неомелодистов и является тонким ценителем современного искусства. Коллекционеры среди боссов не редкость. Вилла Паскуале Галассо представляла собой личный музей

антиквариата, включавший порядка трехсот предметов, главной ценностью которого был трон Франциска I Бурбона. Луиджи Волларо по прозвищу Халиф являлся обладателем полотна Боттичелли, своего любимого художника.

Полиция арестовала Престьери, сыграв на его любви к музыке. Босса задержали в неаполитанском театре «Беллини», куда тот, уже будучи в бегах, приехал на концерт. После вынесения приговора Престьери заявил: «Искусство делает меня свободным, и тюрьма этому не помеха». Живопись и музыка, дополняя друг друга, сообщили боссу необыкновенное спокойствие, помогающее пережить любые невзгоды, даже потерю двух братьев, хладнокровно убитых на поле боя.

АБЕРДИН, МОНДРАГОНЕ

Август Ла Торре, босс-психоаналитик, был любимчиком Антонио Барделлино, еще в юном возрасте он заменил отца на посту главаря клана «Кьюови», как его называют в Мондрагоне. Зона влияния клана — северная часть Казерты, юг Лацио и Домицианское побережье. Клан состоял в союзе с врагами Сандокана Скъявоне, со временем он продемонстрировал хорошую деловую хватку и умение руководить подконтрольной территорией, а это единственное, что может разрешить конфликтную ситуацию между семьями каморры. Способности к ведению предпринимательской деятельности приблизили Ла Торре к Казале, которые дали клану возможность сотрудничать с ними, сохраняя автономию. Имя Август босс получил не случайно. Первенцев в семье Ла Торре по традиции называли именами римских императоров. Но в данном случае историю повернули вспять: на самом деле сначала правил Август, а за ним уже Тиберий, тогда как отец Августа Ла Торре носил имя Тиберий.

Виллу Сципиона Африканского неподалеку от озера Патрия, сражения Ганнибала за Капую, непоколебимую мощь самнитов, первых европейских воинов, наносивших серьезные удары римскому войску и скрывавшихся в горах, — семьи из этого района воспринимали как часть местной истории, как предания о далеком прошлом, к которому они сами тоже принадлежали. Помимо помешательства кланов на истории, бытовало представление о Мондрагоне как о родине моццареллы. В детстве отец часто отправлял меня туда обедаться сыром. Определить производителя самой вкусной моццареллы невозможно, у каждой получается разный запах: у моццареллы из Баттипальи он сладковатый и легкий, из Аверсы — соленый и густой, из Мондрагоне — чистый и прозрачный. Мастера-сыровары из Мондрагоне знают способ проверки качества сыра. Если моццарелла оставляет во рту послевкусие — «дыхание буйволицы», как его называют крестьяне, — то это лучшее доказательство. Если же, проглотив кусочек, ты так и не почувствуешь запах буйволицы, продукт никуда не годится. Мне всегда нравилось гулять по пристани в Мондрагоне. Каждое лето, пока ее не разрушили, я ездил туда по многу раз. Лизнувший море бетонный язык, к которому должны были пришвартовываться лодки. Его никогда не использовали по назначению.

Мондрагоне неожиданно стал целью для всех жителей Казерты и района осушенных понтийских болот, желающих эмигрировать в Англию. Они хотели воспользоваться шансом и наконец-то уехать подальше, но не для того, чтобы стать официантом, посудомойкой в «Макдоналдсе» или барменом, получающим зарплату в кружках темного пива. В Мондрагоне отправлялись за полезными знакомствами с нужными людьми, в надежде получить льготное жилье, понравиться владельцам кафе и баров и быть милостиво ими принятыми. Тут можно было найти людей, готовых взять тебя на работу в страховое агентство или агентство по продаже недвижимости, и даже простые батраки, имея связи, могли рассчитывать на по-настоящему достойные контракты. В конце 90-х годов Мондрагоне стал дверью в Великобританию. Имея здесь хотя бы одного друга, ты мог надеяться, что тебя наконец-то оценят по достоинству и без чьих-либо рекомендаций. Такое случается крайне редко, а в Италии вообще невозможно, особенно на юге. Чтобы тебя принимали и ценили только за то, кем ты являешься на самом деле, обязательно нужна чья-то протекция, которая если и не даст тебе абсолютного преимущества, то хотя бы привлечет

внимание. Действовать без покровителя — все равно что оказаться без рук и без ног. Ты ощущаешь свою ущербность. В Мондрагоне же просто собирали резюме, а потом думали, кому их отправить в Англию. Конечно, талант имел значение, и то, как ты его преподносил, тоже. Но это распространялось исключительно на Лондон и Абердин, в Кампании все было совсем иначе.

Однажды мой друг Маттео принял решение оставить родные края раз и навсегда. Отложил немного денег, получил диплом с отличием, стоивший ему немалых трудов, и понял, что больше не в состоянии разрываться между стажировками и работой на стройках, позволявшей зарабатывать на жизнь. Он знал имя нужного человека, готового помочь ему попасть в Англию, а потом еще и организовать там сразу несколько собеседований. Я пошел вместе с ним. Мы провели несколько часов на пляже, ожидая нашего помощника. Дело было летом. Во время отпусков на пляжи Мондрагоне стекаются все жители Кампании, которые не могут позволить себе отдых на Амальфитанской Ривьере или аренду виллы на море и поэтому катаются туда-обратно между своим домом и побережьем. Вплоть до середины 80-х годов моццареллу продавали в деревянных емкостях, полных горячего буйволиного молока. Купальщики вылавливали сыр прямо руками, окуная их в молоко, и дети, прежде чем откусить кусочек от белой массы, облизывали держащие ее пальцы, солоноватые на вкус. Постепенно торговля моццареллой сошла на нет, не выдержав конкуренции с солеными баранками и кокосовыми хлопьями. Наш друг опоздал на два часа. Наконец он появился, загорелый, в одних лишь крошечных плавках, и объяснил, что слишком поздно сел завтракать, поэтому слишком поздно пошел плавать и слишком поздно смог обсохнуть. Это он так извинился. В общем, виновато было солнце. «Контакт» отвел нас в турагентство. И всё. Мы думали, что пришли на встречу с таинственным посредником, а оказалось, он должен был лишь сопроводить нас в агентство, выглядевшее довольно плачевно. Никаких россыпей красочных проспектов. Настоящая дыра. Но воспользоваться нужными нам услугами можно было только при наличии необходимых знакомств в Мондрагоне. Простой человек со стороны обнаружил бы здесь обычное туристическое агентство. Совсем молоденькая девушка взяла у Маттео резюме и сообщила нам ближайшую дату вылета. Его собирались отправить в Абердин. Девушка протянула список с названиями фирм, куда следовало обратиться по поводу трудоустройства. За небольшую доплату агентство само договорилось с менеджерами по подбору персонала о собеседованиях. Эта контора работала как часы, в отличие от многих других. Через два дня мы сели на самолет, летящий в Шотландию, — самый экономичный и быстрый вариант для тех, кто покидает Мондрагоне.

В Абердине ты чувствовал себя как дома, хоть и находился на огромном расстоянии от Италии. Этот город — третий по величине в Шотландии — серый и мрачный, где дождь идет часто, но не с таким постоянством, как в Лондоне. До появления итальянских кланов никто здесь не понимал, какие возможности скрываются в организации досуга и туризме, рестораны, гостиницы, да и сама общественная жизнь были устроены на тоскливый английский лад. Одни и те же привычки, бары, заполненные лишь раз в неделю толпящимися у стойки людьми. По сведениям, полученным прокуратурой Управления Неаполя по борьбе с мафией, все началось с Антонио Ла Торре, брата Августа, создавшего ряд коммерческих предприятий, которые смогли за несколько лет стать украшением шотландского предпринимательства. Деятельность клана Ла Торре в Великобритании по большей части легальная: приобретение и управление недвижимостью и коммерческими фирмами, торговля продуктами питания с Италией. Даже сложно составить какую-либо

статистику для такого крупного бизнеса. Маттео искал в Абердине то, чего не нашел в Италии, мы, удовлетворенные, бродили по улицам, будто бы впервые в жизни ощутив, что кампанийское происхождение хоть где-то способно окружить нас атмосферой уверенности. В домах номер 27 и 29 по Юнион Террас я обнаружил принадлежащий клану ресторан Pavarotti's, официальным владельцем которого является Антонио Ла Торре. Он даже фигурирует в online-путеводителях по этому шотландскому городу. А в Абердине считается крайне роскошным и элегантным заведением, идеальным и для обсуждения деловых вопросов, и для ужина на самом высоком уровне. На гастрономической ярмарке Italissima в Париже детища кланов получили хорошую рекламу — они были названы олицетворением стиля made in Italy. Антонио Ла Торре представил свои предприятия ресторанного бизнеса под своим же брендом. Этот успех сделал Ла Торре одним из первых шотландских предпринимателей, вышедших на европейский рынок.

Антонио Ла Торре задержали в Абердине в марте 2005 года, в Италии был получен ордер на его арест в связи с участием в преступной организации каморристского толка и рэкетом. Долгое время он избегал и ареста, и экстрадиции, прикрываясь шотландским гражданством и непризнанием британскими властями вмененной ему в вину преступной деятельности. Шотландия не хотела терять одного из лучших своих предпринимателей.

В 2002 году суд Неаполя выдал санкцию на предварительное заключение под стражу тридцати человек из клана Ла Торре. Обвинение гласило, что преступный синдикат зарабатывал огромные суммы на рэкете, контроле экономической деятельности и строительных подрядов в своей зоне влияния, а потом инвестировал их в бизнес за границей, главным образом в Великобритании, где уже образовалась самая настоящая колония клана. Она не осуществляла никакой экспансии, не составляла конкуренции в сфере рабочей силы, наоборот, впрыскивала свежие экономические соки, возрождая сектор туризма, запуская прежде неведомый городу механизм импорта и экспорта, возвращая к жизни операции с недвижимостью.

Успеха международного уровня добился еще один выходец из Мондрагоне — Рокфеллер. Свою кличку он получил за исключительный предпринимательский талант и неиссякаемый запас наличных денег. Рокфеллер — это шестидесятидвухлетний Раффаэле Барбатто, родившийся в Мондрагоне. Свое настоящее имя, наверно, он и сам не помнил. Его жена-голландка вплоть до конца восьмидесятых годов вела бизнес в Голландии — ей принадлежали два казино, известных интернациональным составом клиентов: от брата Боба Челлино, основателя игорных домов в Лас-Вегасе, до важных славянских мафиози, базирующихся в Майами. Партнерами Рокфеллера были некто Либорио, сицилиец со связями в коза ностра, и голландец Эми, уехавший в Испанию и открывший там отель, жилой комплекс и несколько дискотек. Как сообщили полиции Марио Сперлонгаро, Стефано Пиччирилло и Джироламо Роццера, Рокфеллер явился одним из организаторов поездки в Каракас вместе с Августом Ла Торре, целью которой была встреча с венесуэльскими наркоторговцами, продававшими кокаин по очень заманчивым ценам, конкурентами колумбийцев — поставщиков Казалези и неаполитанских кланов. Именно Рокфеллер нашел убежище для Августа, когда тот скрывался от правосудия в Голландии. Спрятал его в клубе любителей стендовой стрельбы, и босс мог хоть целыми днями стрелять по тарелкам, чтобы не терять форму вдали от родного Мондрагоне. У Рокфеллера были связи повсюду, его знали как успешного бизнесмена не только в Европе, но и в США,

поскольку он держал в своих руках игорные дома, созданные вместе с итало-американскими мафиози, которых все больше привлекала Европа с точки зрения размещения капиталов; к тому же албанские кланы, постепенно захватывающие власть в Нью-Йорке, медленно, но верно вытесняли их из игры, вынуждая искать поддержку со стороны каморры. Кампанийские семьи использовали для наркоторговли и инвестиций в ресторанный и гостиничный бизнес каналы, открытые выходцами из Мондрагоне. Рокфеллеру принадлежит пляж «Адам и Ева», переименованный в La Playa.^[59] там, на побережье Мондрагонс, расположен туристический комплекс, где многие беглецы скрываются от преследований. Чем комфортнее убежище, тем реже появляются соблазнительные мысли сдать полицию, чтобы прекратить, наконец, прятаться. К предателям Ла Торре относились со всей жестокостью. Франческо Тиберио, двоюродный брат Августа, позвонил Доменико Пенсе, дававшему показания против клана Стольдер, и недвусмысленно дал понять, что тому лучше исчезнуть.

— От семьи Стольдер я узнал, что ты их заложил, а нам здесь не нужны помощники правосудия, так что убирайся поскорей из Мондрагоне, пока никто не пришел и не перерезал тебе глотку.

Кузен Августа обладал редким даром запугивать по телефону стукачей. В случае с Витторио Ди Телла он без обиняков посоветовал тому позаботиться об одежде для похорон:

— Иди за черной рубашкой, козел, будешь знать, как рот открывать. Я тебя прикончу!

Никто и представить себе не мог масштабы деятельности мафиози из Мондрагоне, пока не заговорили первые информаторы. Согласно показаниям Стефано Пиччирилло, один из друзей Рокфеллера по имени Раффаэле Акконча, тоже из Мондрагоне и тоже оказавшийся в Голландии, владелец сети ресторанов, являлся одновременно крупным наркоторговцем международного класса. В Голландии, в каком-то банке должно быть, до сих пор хранится казна клана Ла Торре, миллионы евро, заработанные на посредничестве и торговле, так и не обнаруженные властями. Для уроженцев юга Италии этот пресловутый сейф в голландском банке стал символом абсолютного богатства, затмив все остальные примеры. Теперь вместо «Ты меня принимаешь за Банк Италии?» говорят «Ты меня принимаешь за Банк Голландии?».

Клан Ла Торре, оккупировавший преимущественно Голландию и частично Южную Америку, планировал занять лидирующее положение на римском рынке кокаина. Когда речь идет о наркоторговле или инвестициях в недвижимость, все криминально-предпринимательские семьи Казерты ориентируются в первую очередь на Рим. Клан Ла Торре использовал пути поставки товара, проходившие через Домицианское побережье. Местные виллы служили перевалочными пунктами сначала только для контрабандных сигарет, а затем и для всего остального. У Нино Манфреди тоже был дом в этих краях. К нему приходили представители клана с просьбой продать виллу. Манфреди отказывался, как мог, но он жил в стратегически важном месте, идеально подходящем для швартовки катеров, и давление увеличивалось. От предложений о продаже перешли к требованиям отдать виллу за установленную самим кланом сумму. Манфреди был вынужден обратиться за помощью к одному из боссов коза ностра и предать события огласке, выступив по радио в январе 1994 года, но никто из сицилийцев не захотел связываться с могущественными семьями Мондрагоне. Только шумиха, поднятая актером на телевидении и в других средствах массовой информации, смогла привлечь внимание к оказываемому на него давлению,

связанному со стратегическими интересами каморры.

Поставки наркотиков совмещались и с другими видами коммерческой деятельности. Энцо Бокколато, родственник Ла Торре, владелец ресторана в Германии, решил вкладывать деньги в экспорт одежды. Вместе с Антонио Ла Торре и каким-то ливанским предпринимателем они закупали в Апулии вещи, сшитые в Кампании, поскольку монополия на текстильную промышленность принадлежала кланам Секондильяно, и перепродавали в Венесуэле через некоего Альфредо, одного из крупнейших торговцев алмазами в Германии, судя по проведенным расследованиям. С подачи каморристских кланов из Кампании алмазы за счет разброса цен на них и одновременно неизменной номинальной стоимости очень быстро стали любимым средством отмыwania «грязных» денег. У Энцо Бокколато были связи в аэропортах Венесуэлы и Франкфурта и среди сотрудников таможни: через них не только проходила пересылаемая одежда, но наверняка осуществлялась и широкомасштабная торговля кокаином. Может показаться, что кланы, завершив процесс накопления крупных капиталов, резко прекращают криминальную предпринимательскую деятельность, восстав в какой-то степени против своего генокода, и переводят ее в легальное русло. Как и в случае с американскими Кеннеди, которые во времена сухого закона сколотили целые состояния на торговле алкоголем, после чего разорвали всякие отношения с преступным миром. В действительности же сила итальянской каморры заключается именно в соединении двух видов деятельности, позволяющем не отказываться от криминального бизнеса. В Абердине такую систему называют «скретч». Как рэперы и диджеи останавливают пальцами пластинку на проигрывателе, так и предприниматели-каморристы тормозят на миг движение легального рынка, играющего роль пластинки. Задерживают, делают скретч, а потом отпускают, придавая большую скорость.

Расследования прокуратуры Управления Неаполя по борьбе с мафией показали, что любой кризис легального бизнеса приводит к активизации дополняющего его нелегального. Если заканчивались наличные деньги, печатали фальшивые банкноты, если срочно нужны были капиталы, занимались продажей липовых, якобы государственных ценных бумаг. Конкуренцию импортеров подавляли с помощью рэкета, в результате чего нежелательный товар исчезал. Скретч на пластинке легального бизнеса обеспечивает клиентов устойчивым и не отдающим шизофренией ценовым стандартом, способствует стабильным показателям по банковским кредитам, не дает остановиться денежному обороту и потребительской активности. Скретч уменьшает толщину перегородки между законом и экономическим императивом, между кодифицированными запретами и стремлением к прибыли.

Деятельность клана Ла Торре за рубежом привела к неизбежному включению в структуру клана англичан, становившихся его полноправными членами и занимавшими определенное место в иерархии. Среди них был задержанный в Англии Брендон Куин, до сих пор исправно получающий из Мондрагоне ежемесячное жалованье, в том числе и «тринадцатую зарплату». В постановлении о предварительном заключении от июня 2002 года написано, что «имя Брендона Куина постоянно вносится в расчетную книгу клана по личному приказу Августа Ла Торре». Членам клана помимо физической защиты обычно гарантируют заработную плату, юридическую помощь и «крышу» в случае необходимости. Босс сам следил за выполнением всех страховых обязательств, а это означало, что Куин играл жизненно важную роль в бизнес-устройстве клана и являлся первым британским каморристом в криминальной истории Италии и Великобритании.

Я постоянно слышал рассказы о Брендоне Куине, но никогда его не видел. Даже на фотографии. Оказавшись в Абердине, я не мог не попытаться разузнать что-нибудь о Брендоне, надежном соратнике Августа Ла Торре, шотландском каморристе, который, зная лишь синтаксическую структуру организации и грамматику власти, оставил по собственной воле старейшие кланы Северо-Шотландского нагорья и променял их на Мондрагоне. Возле принадлежавших Ла Торре заведений всегда околачивались местные ребята. Они не имели ничего общего с опустившимися уголовниками, просиживающими штаны за кружкой пива в надежде, что вдруг само по себе подвернется какое-нибудь дело, мордобой или кража. Парни здесь собирались бойкие, уже принимавшие участие в легальных операциях клана на самых разных уровнях. Транспортировка, реклама, маркетинг. На вопрос о Брендоне никто не отвечал подозрительным взглядом или туманными фразами, тогда как в Неаполе я столкнулся бы именно с такой реакцией на мой интерес к члену клана. Казалось, Брендона Куина здесь знали всегда, или же он просто успел превратиться в живую легенду, известную каждому. Куин был тем, кому удалось. Он не стал, как они, рядовым служащим в ресторане, фирме, агентстве по продаже недвижимости с фиксированным окладом. Брендон Куин добился гораздо большего, осуществил мечту многих шотландцев: начал с участия в законном бизнесе, после чего влился в Систему, стал действующим звеном клана. Сделаться настоящим каморристом, несмотря на невыгодное положение родившегося в Шотландии, и подтвердить тем самым, что экономика движется по одному-единственному пути, банальному, для всех одинаковому, построенному на общих правилах, поражениях, чистой конкуренции и ценах. Поразительно, что меня с моим английским языком, отягченным итальянским произношением, воспринимали не как эмигранта, не как уменьшенную копию Джейка Ла Мотты^[60] или соотечественника захватчиков, пришедших на их землю и тянущих из нее деньги, но как напоминание об азбуке абсолютной экономической власти, способной преодолеть все препятствия даже ценой пожизненного заключения и смерти. Впечатляли их обширные познания о Мондрагоне, Секондильяно, Марано, Казаль-ди-Принчипе, воспринимавшихся как легендарные места из эпических сказаний, поведенных боссами-бизнесменами, переехавшими сюда и открывшими многочисленные рестораны. Моим ровесникам из Шотландии казалось, что у родившихся на территории каморры есть огромное преимущество, выжженное огнем клеймо, определившее для тебя бытие как форму существования, где все — предпринимательство, оружие и особенно твоя жизнь — служит для обретения денег и власти, ради них стоит жить и дышать, именно они позволяют тебе стать центром твоей вселенной и больше ни о ком не заботиться. Брендон Куин добился всего этого, хоть и не родился в Италии, никогда не видел Кампанию, не ездил, наматывая километры, от одной стройки к другой, от мусорной свалки к ферме по разведению буйволиц. Ему удалось. Он получил власть и стал каморристом.

Клан вывел свою коммерческо-финансовую деятельность на международный уровень, но это не прибавило ему гибкости в управлении основной территорией. В Мондрагоне Август Ла Торре придерживался крайне суровой политики. Он забывал о жалости, когда дело касалось могущества картеля. Из Швейцарии ему ящиками поставляли оружие. Босс прибегал к самым разным стратегиям: активно принимал участие в торгах, потом ограничивался альянсами и спорадическими связями, укреплявшими его бизнес, — таким образом, его тактика основывалась на следовании интересам собственных предприятий. Мондрагоне был первой коммуной Италии, подвергшейся в 90-х годах антикаморристской

чистке. За прошедшие годы связь между политикой и кланами так и не оборвалась. В 2005 году находящийся в бегах преступник из Неаполя прятался в доме кандидата, метившего на пост уходящего в отставку мэра. Членом городского совета долгое время была дочь регулировщика уличного движения, обвиненного в получении взяток от Ла Торре.

Август проявлял жестокость и по отношению к политикам. Противники его бизнеса подвергались беспощадным наказаниям в назидание другим. Метод физического устранения врагов клана Ла Торре не менялся, на преступном жаргоне силовой прием Августа называли смертью «по-мондрагонски». Схема такова: в деревенский колодец бросали изувеченный десятками выстрелов труп, за которым следовала граната с выдернутой чекой. Тело разрывало на части, а останки скрывались под водой, перемешанной с землей. Так Август поступил с Антонио Нуньесом, вице-мэром христианско-демократического толка, бесследно пропавшим в 1990 году. Нуньес мешал клану, стремившемуся к непосредственному контролю над муниципальными и публичными тендерами и к участию в политической и административной жизни. Август Ла Торре не нуждался в союзниках, он хотел руководить всем сам, без чьего-либо участия. Принимаемые на данном этапе решения, связанные с применением силы, нельзя назвать взвешенными. Сначала стреляли, а потом уже думали. Август пришел к власти в совсем юном возрасте. Ла Торре решили стать акционерами еще только строившейся частной клиники Incaldana, внушительный пакет акций которой принадлежал Нуньесу. Она должна была стать одной из самых престижных клиник на территории от Лацио до Кампании, а ее расположение — совсем недалеко от Рима — привлекло бы массу бизнесменов из южного Лацио. Она решила бы проблему нехватки лечебных учреждений на Домицианском побережье и в районе осушенных понтийских болот. Август ввел в административный совет клиники своего человека, тоже занимающегося предпринимательством на благо клана, сколотившего состояние на управлении мусорной свалкой. Август хотел, чтобы именно он представлял семью. Нуньесу эта затея не понравилась, он чувствовал: в планы Ла Торре входит не только участие в крупном проекте, но и что-то еще. Август отправил к вице-мэру своего человека, чтобы задобрить его и убедить принять предлагаемые каморрой условия по руководству экономической стороной дел. Ничего зазорного во вступлении политика из христиан-демократов в контакт с боссом, нацеленным на решение вопросов предпринимательской и силовой власти, не было. Кланов являли собой экономическое могущество данной территории, отказ от встречи с ними равнялся отказу мэра Турина от встречи с председателем правления компании FIAT. Август Ла Торре и не думал о приобретении акций клиники по выгодной цене, как поступил бы любой дипломатичный босс, — он собирался получить их бесплатно. Взамен мафиозо гарантировал, что все его фирмы, которые получают подряды на обслуживание, уборку, общественное питание, транспортировку и охрану, будут работать очень качественно и за умеренную плату. Август даже уверял, у его буйволиц молоко станет лучше, если клиника достанется ему. Нуньеса забрали с его сельскохозяйственного предприятия под предлогом встречи с боссом и привезли на ферму в Фальчано-дель-Массико. Как потом заявит в полиции босс, Нуньеса, помимо самого Августа, ждали Джироламо Роццера, или Джимми, Массимо Джитто, Анджело Гальярди, Джузеппе Валенте, Марио Сперлонгано и Франческо Ла Торре. Все они ждали исполнения приговора. Вице-мэр, выйдя из машины, сразу направился к боссу. Пока Август раскрывал объятия, чтобы поприветствовать гостя, он успел тихо передать указания Джимми:

— Вот и дядюшка Антонио. Давай.

Смысл фразы предельно ясен. Джимми зашел со спины и дважды выстрелил Нуньесу в висок, а босс сам добил жертву. Тело скинули в стоявший в чистом поле глубокий — метров сорок — колодец и швырнули внутрь две ручных гранаты. Долгие годы судьба Антонио Нуньеса оставалась неизвестной. Периодически звонили люди, якобы видевшие его где-то в Италии, а на самом деле он лежал на дне колодца под толстым слоем земли. Через тринадцать лет Август и его подручные указали карабинерам на место, где покоятся останки вице-мэра, осмелившегося воспрепятствовать усилению клана Ла Торре. Когда начали собирать уцелевшие фрагменты, стало ясно, что они принадлежали не одному человеку. Четыре больших берцовых кости, два черепа, три руки. Больше десяти лет тело Нуньеса пролежало рядом с Винченцо Бокколато, каморриста, переметнувшегося к Ла Торре после поражения Кутоло, на которого он раньше работал.

Бокколато приговорили к смерти за то, что в одном письме, отправленном из тюрьмы другу, он сильно оскорбил Августа. Босс обнаружил письмо совершенно случайно, пока расхаживал без цели по гостиной своего подчиненного: проглядывая лежавшие на столе бумаги, он вдруг заметил свое имя, заинтересовался и в итоге прочитал отрывок из письма Бокколато, состоявший сплошь из оскорблений и критики в его адрес. Смертный приговор был вынесен еще до окончания чтения. Разделаться с Винченцо предстояло Анджело Гальярди, еще одному бывшему соратнику Кутоло, который не вызвал бы никаких подозрений. Лучшие убийцы получают из друзей: они выполняют работу чище других, ведь им не приходится гнаться за вопящей жертвой. Тихо достают пистолет, когда человек меньше всего этого ожидает, приставляют к затылку и нажимают на курок. Босс предпочитал, чтобы убийства совершались в уютной, дружеской обстановке. Август Ла Торре не терпел шуток в свой адрес и не мог позволить, чтобы за произнесением его имени следовал смех. Это было недопустимо.

Луиджи Пеллегрини, более известный как Джиджотто, как раз любил посплетничать обо всем, что касалось влиятельных личностей его города. Во владениях каморры живет немало людей, передающих шепотом истории о сексуальных похождениях боссов, оргиях наместников и о распутных дочерях предпринимателей клана. Обычно боссы закрывают на это глаза, потому что им своих забот хватает, да и нет ничего странного в том, что о жизни сильных мира сего распускают слухи. Джиджотто рассказывал направо и налево, что видел жену Августа в обществе одного из самых преданных ему людей. Он видел, как на встречи с любовником ее отвозил личный водитель самого босса. Глава семьи Ла Торре, все державший в своих руках, не замечал — жена изменяет ему прямо у него под носом. Джиджотто каждый раз придумывал новые подробности и дополнял свои выдумки. Как бы то ни было, анекдот о жене босса, наставляющей мужу рога с ближайшим соратником, обошел всю округу, его пересказывали друг другу, не забывая ссылаться на источник. Однажды Джиджотто прогуливался по центру Мондрагоне, как вдруг услышал шум подъехавшего к тротуару мотоцикла. Он бросился бежать еще до того, как водитель заглушил мотор. Сидевший за спиной водителя киллер открыл огонь, но Джиджотто так ловко лавировал между фонарными столбами и людьми, что обойма закончилась, а он остался невредим. Водителю пришлось спрыгнуть с мотоцикла и броситься вдогонку за Джиджотто, пытавшимся укрыться в баре за стойкой. Каморрист вытащил пистолет и выстрелил болтуну в голову на глазах у десятка людей, которые как-то незаметно испарились сразу после происшествия. Судя по проведенным расследованиям, убрать с

дороги клеветника, смешивающего с грязью имя босса, решил, даже не спросив на то разрешения, один из главарей клана, Джузеппе Франьоли.

Август воспринимал Мондрагоне вместе с его полями, побережьем, морем как свою собственность, как заводской цех, лабораторию, предназначенную для него и его союзников-предпринимателей, как сырье для переработки на благо бизнеса. Он наложил строжайшее вето на торговлю наркотиками на территории Мондрагоне и Домицианского побережья. Высочайшее повеление боссов Казерты подчиненным и всем остальным. Запрет был вызван моральными соображениями — желанием оградить сограждан от употребления героина и кокаина, но в то же время немаловажным фактором выступала необходимость исключить возможность обогащения за его счет рядовых членов клана, которые, обнаружив источник скорого обогащения, могли бы взбунтоваться против власти Ла Торре. Наркотики, поставляемые мондрагонским картелем из Голландии в Лацио и Рим, были категорически запрещены, за дурью жителям Мондрагоне приходилось ездить в Рим, хотя в столицу травка, кокаин и героин попадали из их же города, от неаполитанцев и Казалеци. Мондрагонцы напоминали котов, гоняющихся за собственным хвостом, только место, откуда он растет, находилось от них на почтительном расстоянии. Клан создал специальное подразделение наподобие аналогичных полицейских структур и назвал его АОБР — Антинаркотическим отрядом быстрого реагирования. Если ты попадался с косяком во рту, то зарабатывал перелом носа, если вдруг женщина обнаруживала в вещах мужа пакетик с кокаином и проговаривалась об этом, то участники АОБР с помощью кулаков и пинков быстро отбивали у провинившегося охоту нюхать порошок, а потом еще и договаривались с бензозаправками, чтобы наркоману не отпускали бензин и тот не смог бы доехать до Рима.

Хасса Фахри, молодой египтянин, долго расплачивался за свою героинозависимость. Он работал в свинарнике с черными казертанскими свиньями, принадлежавшими к редкому виду. Со шкурой темного цвета, темнее, чем у буйволиц, приземистыми, волосатыми и жирными; из их мяса делали тонкие колбаски, вкуснейшие отбивные и колбасу. Ремесло свинаря отвратительно. Разгребаешь навоз целыми днями и подвешиваешь вниз головой туши заколотых поросят, подставляя тазик, чтобы собирать кровь. В Египте Хасса работал водителем, но, поскольку вырос в деревне, умел обращаться с животными. Только не со свиньями. Он был мусульманином, и свиньи вызывали у него отвращение. С другой стороны, уж лучше присматривать за свиньями, чем копать, как индийцы, в буйволином дерьме. Хоть свиньи испражняются много, но площадь свинарников ничтожно мала по сравнению с хлевом. Всем арабам это известно, и они предпочитают ухаживать за свиньями, а не валиться с ног от усталости, убирая за буйволицами. Хасса подсел на героин и постоянно сбегал из свинарника в Рим за дозой. Он стал законченным наркоманом, денег вечно не хватало, и знакомый пушер посоветовал ему заняться наркоторговлей в Мондрагоне — городе, напрочь лишенном точек сбыта. Парень согласился и обосновался с товаром возле бара Domizia. Сразу же нашлись клиенты. За десять часов он зарабатывал столько же, сколько за полгода работы в свинарнике. Как всегда и бывает, чтобы прикрыть его бизнес, хватило одного телефонного звонка от хозяина бара. Кто-то звонит другу, друг звонит кузену, кузен — собрату-каморристу, а тот уже сообщает кому следует. Имеют значение лишь начало и конец этой цепочки.

Через несколько дней люди Ла Торре, провозгласившие себя членами АОБР, появились на пороге дома Фахри. Пришли именно туда, а не на рабочее место, поскольку Хасса мог попытаться сбежать, лавируя между свиньями и буйволицами и тогда пришлось бы гнаться

за ним по грязи и дерьму. Позвонили по домофону и назвались полицейскими, Потом посадили в машину и повезли куда-то. Но явно не в комиссариат. Когда Хасса почувствовал приближение смерти, у него началась странная аллергическая реакция. Тело, словно накачиваемое воздухом, начало раздуваться, как если бы паника вызвала анафилактический шок. Августу Ла Торре самому было не по себе, когда он рассказывал судьям о случившемся: глаза у египтянина превратились в щелочки, будто бы их засасывало в череп, из пор сочился густой, как мед, пот, изо рта текла белая пена. Убийц было восемь. Но стреляли только семеро. Марио Сперлонгано заявил в своих показаниях: «Мне казалось абсурдным и излишним стрелять в тело, из которого уже ушла жизнь». Но так было всегда.

Август явно упивался своим именем и стоявшей за ней историей. Каждый шаг босса, каждый поступок должны были сопровождать его legionеры, legionеры каморры. Когда убийство вполне мог совершить один человек или, максимум, двое, он отправлял целую команду. Часто присутствующим на экзекуции вменялось выпустить хоть одну пулю, хотя жертва уже давно была мертва. Один за всех, и все за одного Август считал, все его люди должны принимать участие в выполнении задания, пусть в этом и нет необходимости. Постоянный страх, что кто-то отступит, вынуждал его задействовать большие группы. В любой момент сделки, заключаемые в Амстердаме, Абердине, Лондоне, Каракасе, могли вскружить голову какому-нибудь каморристу и внушить ему идею работать исключительно на себя самого. Здесь настоящая цена коммерции — жестокость. Если ты от нее отказываешься, то теряешь все. Расправившись с Хассой Фахри, в его тело воткнули около сотни используемых героинщиками шприцев для ввода инсулина. Это недвусмысленное сообщение предназначалось всем живущим на территории от Мондрагоне до Формии. Босс никого не жалел. Когда один из самых преданных ему силовиков — Паоло Монтано по кличке Дзумпарьелло — не смог избавиться от кокаиновой зависимости и серьезно подсел на наркотики, Август велел своему близкому другу пригласить Паоло на встречу на ферме. Они приехали на место, но когда Эрнесто Корнаккья должен был разрядить обойму в наркомана, то испугался, что может попасть в босса, стоящего слишком близко к жертве. Август вытащил пистолет и прикончил Монтано, причем одна пуля срикошетила и попала Корнаккье в бедро, но тот был согласен и на пулю, лишь бы босс остался невредим. Дзумпарьелло тоже бросили в колодец и взорвали «по-мондрагонски». Legionеры пошли бы на все ради босса, они даже последовали его примеру и сдались полиции. В январе 2003 года после ареста жены Август сделал важный шаг — сдался. Обвинил себя и своих людей в совершении примерно сорока убийств, указал, где именно на просторах мондрагонских полей погребены останки взорванных им в колодцах жертв, признал свою причастность к многочисленным случаям вымогательства. Вскоре к нему присоединились Марио Сперлонгано, Джузеппе Валенте, Джироламо Роццера, Пьетро Скуттини, Сальваторе Орабона, Эрнесто Корнаккья и Анджело Гальярди. Для боссов, оказавшихся за решеткой, молчание — лучший способ сохранить авторитет, удержать, хотя бы формально, за собой власть, пусть тюремное заключение и отдаляет от реального управления. Но Август Ла Торре — особый случай. Несмотря на то, что он не только заговорил, но и увлек за собой верных соратников, ему не следовало опасаться, что в результате подобного отступничества его семья окажется под угрозой или что сотрудничество с силами правопорядка нанесет ущерб экономической империи мондрагонского картеля. Полученная от него информация имела огромное значение для понимания логики происходящих боен и истории эволюции власти на побережье Казерты и Лацио. Август Ла Торре, как и многие другие боссы

каморры, говорил о прошлом. Без этих показаний не существовало бы истории власти. Без подобного подспорья факты, детали, механизмы обнаруживаются лишь спустя десять, двадцать лет, что сравнимо с пониманием человеком только после смерти, как при жизни функционировал его организм.

В смелом решении Августа Ла Торре и его соратников таился определенный риск: слишком велик был соблазн рассказать всю правду о деятельности клана, получив взамен возможность выйти через несколько лет на свободу и сохранить за собой легальную экономическую власть, передав решение силовых вопросов другим, в первую очередь албанским семьям. Как будто бы подробная и откровенная информация гарантировала им сохранение за собой легальной экономической деятельности и позволяла избежать пожизненного заключения и внутренних фальд, вызванных сменой власти. Август не мог сидеть за решеткой и не мог смириться с долгими годами заключения, как это делали великие боссы, рядом с которыми он вырос. Находясь в умбрийской тюрьме, он требовал, чтобы ему готовили исключительно вегетарианские блюда, а поскольку видеомониторы в камерах были запрещены, то, будучи киноманом, договорился с редактором местного телевидения о трансляции всех трех серий «Крестного отца» в удобное ему время — вечером, перед сном.

Судьи чувствовали двойственность ситуации: Ла Торре не отказывался от роли босса, несмотря на свои признания. Они составляли часть его могущества, и это видно по письму, адресованному дяде, где Август заверяет, что не упоминал его имени в связи с делами клана, но попутно умело включает и явную угрозу, адресованную дяде и двум его родственникам, пресекая таким образом даже теоретическую возможность появления в Мондрагоне враждебного боссу альянса: «Люди, которых твой зять и его отец воспринимают как защитников, окажутся их могильщиками».

Несмотря на сотрудничество с полицией, босс, сидя в тюрьме Л'Аквилы, обращался к клану за деньгами, передавал через шофера Пьетро Скуттини и свою мать письма с приказами и просьбами, игнорируя запреты. Следствие установило, что за вежливыми просьбами скрывался самый настоящий рэкет. Написанное в чрезвычайно любезных тонах послание владельцу одного из крупнейших сыроваренных заводов на Домицианском побережье доказывало — Август продолжал держать его на крючке.

«Дорогой Пеппе, прошу тебя об огромном одолжении. Для меня все кончено, и я обращаюсь к тебе за помощью во имя нашей долгой дружбы, только ради нее, и даже если ты ответишь отказом, не беспокойся, я останусь твоим другом. Мне срочно нужны десять тысяч евро, и я буду очень благодарен, если ты еще дополнительно сможешь выплачивать мне тысячу евро в месяц, мне и моим детям на проживание...»

Привычный для семьи Ла Торре уровень жизни явно не соответствовал государственной финансовой помощи, положенной помогающим правосудию. Насколько широк круг деятельности клана, я смог понять только после изучения всех материалов с результатами грандиозной конфискации, проведенной в 1992 году по распоряжению магистратуры Санта-Мария-Капуа-Ветере. Были секвестрированы: недвижимость общей стоимостью около двухсот тридцати миллионов евро, одиннадцать заводов и фабрик на общую сумму в триста двадцать три миллиона евро, оборудование еще на сто тридцать три миллиона. Речь шла о нескольких промышленных предприятиях, расположенных между Неаполем и Гаэтой, вдоль Домицианского побережья, — в их числе один сыроваренный завод и один сахарный —

четырёх супермаркетах, девяти виллах, расположенных на незаконно захваченных участках на морском побережье, о роскошных автомобилях и мотоциклах. На каждом предприятии работало около шестидесяти человек. Кроме того, судьи вынесли постановление о прекращении деятельности организации, выигравшей тендер на вывоз мусора по всей коммуне Мондрагоне. Своей масштабной операцией они уничтожили внешние проявления экономической мощи клана, тогда как по сравнению с реальным положением дел это была капля в море. В числе секвестрированного имущества находилась и громадная вилла, слухи о которой дошли даже до Абердина. Четырёхэтажный дом, оборудованный бассейном с подводным лабиринтом, возвышался над морем в районе Ариана города Гаэта и был построен на манер виллы Тиберия — не основоположника клана из Мондрагоне, а императора, удалившегося от дел и ставшего правителем Капри. На самой вилле я никогда не был, поэтому легенды и свидетельские показания послужили своеобразной лупой, поведавшей мне о существовании целого имперского мавзолея, стража клановой собственности на итальянской земле. Береговая линия могла бы послужить отличным плацдармом для воплощения самых смелых архитектурных фантазий. Однако побережье Казерты превратилось со временем в нагромождение наспех сооружённых домов и коттеджей, с помощью которых собирались привлечь тысячи туристов — от южного Лацио до Неаполя. Никакого плана застройки, никакой лицензии. Постепенно коттеджи заселили толпы африканцев, а парки, так и оставшиеся на стадии проекта, участки, отведённые под строительство комплексов вилл и многосемейных домов для отдыхающих и туристов, превратились в неконтролируемые свалки. Все в этих краях покрылось грязью. Бурого цвета море омывает берег, где песок смешан с мусором. За несколько лет здесь не осталось и тени красоты. Летом некоторые заведения Домицианского побережья превращались в самые настоящие бордели, и мои друзья, бывало, готовясь к вечерней охоте, показывали мне пустые кошельки. Пустые не в смысле денег, а в смысле квадратиков из фольги с выпуклой круглой сердцевинкой — презервативов. Так они демонстрировали безопасность затеи съездить потрахаться в Мондрагоне: «Сегодня мне это не понадобится!»

Роль презерватива для Мондрагоне выполнял Август Ла Торре. Он решил заботиться о здоровье своих подданных. Город уподобился своего рода храму, гарантирующему защиту от самой страшной инфекционной болезни. Пока мир боролся с ВИЧ, север провинции Казерта находился под строжайшим контролем. Клан проявлял бдительность. Следил за результатами анализов и располагал полным списком больных — инфекция не должна была коснуться их земли. Поэтому сразу стало известно, что приближенный к Августу Фернандо Броделла был ВИЧ-инфицирован. Он представлял собой опасность, потому что нередко заходил к местным девушкам. В отличие от семьи Бидоньетти, делавшей за свой счёт операции членам клана в лучших клиниках Европы и находившей для них самых умелых докторов, Ла Торре и не подумал отправить его к хорошему врачу или оплатить необходимое лечение. Броделлу хладнокровно убили. Клан отдал приказ избавляться от заболевших, чтобы не допустить эпидемии. Инфекционную болезнь, передающуюся наименее контролируемым путем — половым, могло остановить только уничтожение ее переносчиков. Только лишив больного жизни, можно было быть уверенными в том, что он никого не заразит.

Безопасность ценилась кампаниями и при вложении денег. Ла Торре купили на территории Анакапри виллу, в которой располагалась база карабинеров. Выплачиваемая карабинерами арендная плата избавляла их от возможных проблем. Потом клан понял, что

туризм принесет большой доход, и карабинеров выселили. Обустроили в здании шесть апартаментов с садиками и парковочными местами и получили туристический комплекс, конфискованный впоследствии Комиссией по расследованию деятельности мафии. Законные надежные инвестирования, не вызывающие подозрений.

После явки с повинной Августа новый босс, Луиджи Франьоли, преданный соратник Ла Торре, столкнулся с трудностями, связанными с некоторыми членами клана, например с Джузеппе Манконе по кличке Рэмбо. Манконе отдаленно напоминал Сталлоне, в основном перекачанным в спортзале телом. Он взялся за организацию точек сбыта, а значит, мог вскоре выступить против старых боссов, чья репутация была несколько подмочена после сговора с полицией. По сведениям Управления по борьбе с мафией, кланы Мондрагоне обратились к семье Бирра из Геркуланума, чтобы нанять киллеров. Двое наемников прибыли в Мондрагоне в августе 2003 года, чтобы убить Рэмбо. Приехали на скутере, неповоротливом, но зато внушающем ужас, так что просто грех было не использовать его в случае покушения. В этом городе они оказались впервые, но сразу с легкостью узнали, что нужный им человек находится, как обычно, в баре Роху. Скутер остановился у входа. Один из его пассажиров уверенно подошел к Рэмбо, выпустил в него целую обойму и вернулся к своему товарищу.

— Все в порядке? Дело сделано?

— Да, да, готово, поехали...

Около бара стояли несколько девушек и обсуждали планы на Феррагосто. Когда они увидели бегущего человека, то сразу поняли, в чем дело, и не спугали звук выстрелов хлопками петард. Они упали на асфальт лицом вниз, опасаясь, как бы убийца их не увидел, — в этом случае они стали бы свидетелями. Но одна из них не опустила глаз. Она смотрела на убийцу, не отводя взгляда, не прижимаясь к земле грудью и не закрывая руками лицо. Это была тридцатипятилетняя воспитательница детского сада. Она заявила о покушении, дала показания, пришла на опознание. Она могла бы промолчать, сделать вид, что ничего не произошло, вернуться домой и жить как раньше, хотя бы из страха, из боязни угроз. Но хуже всего становилось от осознания бесполезности: бесполезно арестовывать киллера, он лишь один из многих. Несмотря на это, она все же заговорила, потому что хотела правды. Той настоящей правды, которая заключается в самом обычном поступке, нормальном, простом, необходимом, как дыхание. Женщина рассказала об увиденном, не попросив ничего взамен. Ни денег, ни охраны — она не назначала цену своим словам. Просто рассказала о том, чему стала свидетельницей, описала лицо убийцы, угловатые скулы, густые брови. Выстрелив, тот сел за спину напарника на поджидавший его скутер и уехал. Убийцы плутали по дороге, заезжая в тупики, то и дело возвращаясь назад, чтобы запутать следы. Они были похожи скорее на сумасшедших туристов, чем на киллеров.

Судебный процесс, начатый в связи с показаниями воспитательницы, закончился приговором к пожизненному заключению двадцатичетырехлетнего Сальваторе Чефарьелло, состоявшего на службе у кланов Геркуланума. Магистрат, записывавший показания женщины, назвал ее розой в пустыне, выросшей на земле, где правду придумывает сильнейший, где она редко становится известна всем и всплывает, только когда за нее есть что выторговать.

Это признание не могло не повлиять на ее жизнь, похожую на нить, зацепившуюся за гвоздь: теперь полотно ее существования распускалось по мере развития судебного процесса. Она должна была выйти замуж, но жених бросил ее; потеряла работу и переехала в более надежное место, где государство выплачивало ей мизерное пособие, которого хватало только на самое необходимое. Часть родственников отвернулась от нее. Она оказалась в одиночестве. В одиночестве, которое бесцеремонно врывается в повседневную жизнь: хочется пойти танцевать, но не с кем, в трубке длинные гудки, друзья отдаляются понемногу — до тех пор, пока не исчезнут окончательно. Пугает не признание само по себе, не возмутительное для всех окружающих сотрудничество со следствием. Логика круговой поруки не настолько банальна. Поступок воспитательницы возмутителен, потому что этот выбор подается как естественный, инстинктивный. Необходимость сказать правду.

Совершив такой поступок, высказав свое мнение, ты будто заявляешь: «Да, дойти до истины удастся даже там, где ее ищут лишь ради выгоды, чтобы не прогадать на лжи, и где никто не понимает, зачем добиваться правды ради нее самой». Окружающие чувствуют себя неловко, ощутив на себе взгляд того, кто восстал против правил жизни, которые они безропотно приняли. Приняли и ничуть не стыдятся этого, потому что так должно быть, потому что так было всегда, и невозможно ничего изменить собственными силами, а значит, не стоит и пытаться, надо плыть по течению и жить по правилам, которые устанавливаешь не ты.

В Абердине я все время натыкался взглядом на материальные подтверждения успешности итальянского бизнеса. Кажется странным видеть здесь, на таком расстоянии от

дома, отростки известного тебе корня. Сложно описать ощущение, которое вызывают у тебя эти рестораны, офисы, страховые компании, дома: будто бы тебя берут за лодыжки, переворачивают вниз головой и начинают трясти, пока из карманов не вывалится мелочь, ключи от квартиры — в общем, все, что только может вывалиться из карманов и изо рта, даже душа, если только она подлежит коммерциализации. Денежные потоки струились повсюду, подобно лучам, питающимся энергией из основополагающего центра. Понимать это — совсем не то, что видеть. Я отправился с Маттео на собеседование. Его, конечно же, взяли. Он и мне предложил остаться в Абердине.

— Здесь достаточно быть самим собой, Роббе...

Кампанийское происхождение и испускаемое им сияние были необходимы Маттео, чтобы его резюме, высшее образование и желание работать оценили по достоинству. В Шотландии это происхождение сделало его таким же, как и все, гражданином, обладающим правами, тогда как в Италии к нему относились как к мусору, лишенному всякой защиты и не представляющему интереса, изначально проигравшему из-за ошибочно выбранного жизненного пути. Я никогда не видел его таким счастливым. Чем сильнее он радовался, тем мне становилось горше и тоскливее. Я не мог абстрагироваться от места моего рождения, от поступков ненавистных мне людей, не мог почувствовать себя абсолютно чуждым беспощадным процессам, разрушавшим жизни и желания. Родившийся здесь подобен щенку охотничьей собаки, который чует запах кролика с первой же минуты своего существования. Хочешь ты этого или нет, но за кроликом ты все равно побежишь, пусть потом и отпустишь его невредимым, сжав поплотнее клыки. Я читал по следам, видел дороги, тропки, воспринимал их с бессознательной одержимостью, обладая проклятым умением проникать в самую суть происходящего на завоеванной земле.

Мне хотелось лишь одного: убраться поскорее из Шотландии и никогда больше не возвращаться. Я уехал сразу же, как только смог. Уснуть в самолете не удавалось, воздушные ямы и тьма за иллюминатором сжимали мне горло, словно туго завязанный галстук. Вероятно, приступ клаустрофобии не был связан с ограниченным пространством маленького самолета или чернотой снаружи: я чувствовал себя раздавленным действительностью, казавшейся скотным двором, набитым истощенными животными, набрасывающимися на еду и готовыми быть съеденными после этого. Будто бы весь мир — это одна общая территория с едиными законами развития, понятными каждому. Спасения нет — либо тебя принуждают принять участие в сражении, либо ты прекращаешь свое существование. Я возвращался в Италию, имея в голове четкое представление о двух путях, двух скоростных магистралях: по первой мчались в одном направлении капиталы, предназначенные для вливания в европейскую экономику, по второй же на юг стекалось то, что повсюду считалось отравой. Она поступала через форсируемые петли открытой и гибкой экономики, в результате непрерывного цикла трансформаций создавая в других местах богатства, которые никогда не употребились бы на развитие породившей их земли.

Эти отходы скапливались в надутым брюхе юга Италии, большом, как живот беременной женщины, чей плод никогда не вырастет, только выйдут выкидышем деньги, чтобы сделать возможной следующую беременность, а за ней новый выкидыш, опять беременность, и так до тех пор, пока тело не истощится, не закупорятся артерии, не засорятся бронхи, не разрушатся синапсы^[61]. Снова, снова и снова.

ПЫЛАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

Фантазировать просто. Создать в голове образ человека и чего-то несуществующего, продумать поступок не составляет труда. Можно даже мысленно нарисовать собственную смерть. Труднее всего представить себе экономику во всем ее многообразии. Финансовые потоки, процент прибыли, сделки, долги, инвестиции. Нет ничего конкретного, ни одного лица, на котором бы сфокусировалось внимание. Можно сформулировать несколько определений экономики, но они не будут иметь никакого отношения к движению финансовых средств, банковским счетам, отдельным операциям. Если все же попытаться представить себе экономику, сконцентрироваться, закрыв глаза, то, скорее всего, вы увидите исключительно психоделические цветные разводы на внутренней поверхности века.

Я не оставлял попыток создать в воображении образ экономики, способный вместить в себя производство, продажу, операции, связанные со скидками и закупками. Но нарисовать схему или найти приемлемый собирательный образ было невозможно. Вероятно, единственный способ представить экономику в развитии заключался в изучении отметин, оставляемых ею на пути своего следования подобно лохмотьям сброшенной за ненужностью старой кожи.

Самым красноречивым символом каждого экономического цикла являются свалки. На них скапливается прошлое, этот оставленный потреблением шлейф — больше, чем просто след на земной коре. На юге заканчивают свой путь токсичные отходы, бесполезный балласт, осадок продукции. По подсчетам Legambiente,^[62] все незарегистрированные отходы составили бы целую горную цепь весом в 14 000 000 тонн, или гору высотой 14 600 метров с подножием площадью в три гектара. Высота Монблана 4810 метров, Эвереста — 8844 метра. Эта мусорная гора из отбросов, не проходящих ни по каким бумагам, стала бы самой высокой на планете. Так я представляю себе ДНК экономики, торговые операции, практикуемые коммерсантами вычитание и сложение, дивиденды с прибыли — в виде огромной горы. Если бы эту внушительную гряду взорвали, то разлетевшиеся ошметки покрыли бы большую часть юга Италии — четыре региона с самыми высокими показателями по экологическим преступлениям: Кампанию, Сицилию, Калабрию и Апулию. Они же возглавляют списки лидеров по количеству преступных организаций, по уровню безработицы и по самому большому конкурсу на вступление в ряды армии и полиции. Неизменный состав, всегда один и тот же. Провинция Казерты, земля клана Маццони, от Гарильяно до озера Патрия за тридцать лет впитала в себя тонны яда, токсичных отходов, бытового мусора.

Территория, сильнее всего пораженная ядовитым трафиком, включает в себя коммуны Граццанизе, Канчелло Арноне, Санта-Мария-ла-Фосса, Кастель-Вольтурно, Казаль-ди-Принчипе — почти триста квадратных километров — и земли в провинции Неаполь между Джульяно, Куальяно, Виллариккой, Нолой, Ачеррой и Марильяно. Нигде больше на Западе не было такого количества нелегальных отходов, как токсичных, так и просто мусора. За четыре года этот бизнес принес в карман кланам и их посредникам сорок четыре миллиарда евро. Прирост в данной сфере за последние годы составил 29,8%, что сравнимо только с рынком кокаина. С конца девяностых годов кланы каморры занимают лидирующую позицию на континенте по переработке отходов. В 2002 году министр внутренних дел убеждал парламент в необходимости заключить договор с его специалистами и привлечь их

к контролю за уборкой мусора, чтобы иметь возможность отслеживать весь цикл. Клан Казалези, состоящий из двух ветвей: одной под руководством Скъявоне Сандокана и второй, возглавляемой Франческо Бидоньетти, или Чиччотто-Полуночником, делит сферы влияния. Этот бизнес настолько велик, что, несмотря на постоянные трения, им долго удавалось избегать рокового столкновения. Но, помимо Казалези, есть еще и клан Маллардо из Джульяно — картель, способный очень быстро размещать полученную от собственных перевозок прибыль и привозить на свою территорию огромное количество отходов. В коммуне Джульяно обнаружили заброшенный карьер, доверху заполненный отбросами. Чтобы перевезти такое количество мусора, понадобилось бы, по примерным подсчетам, около двадцати восьми тысяч фур. Это количество особенно впечатляет, если представить себе колонну упирающихся друг в друга грузовиков, протянувшуюся от Казерты до Милана.

Боссы не испытывают ни малейшего угрызения совести, пропитывая отравой землю, на которой стоят их виллы и, больше того, их империи, оставляя ее загнивать. Жизнь босса коротка, власть клана заканчивается быстро из-за файд, арестов, убийств и пожизненных заключений. Насыщение подконтрольной территории токсичными отходами, окружение ее ядовитыми горными цепями может стать проблемой только для того, в чьих руках долгосрочная власть и на ком лежит социальная ответственность. В момент заключения сделки значение имеет только вопрос получения сверхприбыли, все остальное не важно. Большая часть токсичных отходов движется по вектору «север-юг». С конца 90-х годов в район Неаполя и Казерты было переправлено 18 000 тонн токсичных отходов из Брешии, а еще 1 000 000 тонн за четыре года оказался в Санта-Мария-Капуа-Ветере. Отходы из северной части Италии — с фабрик в Милане, Павии и Пизе — попадали в Кампанию. В 2003 году прокуратуры Неаполя и Санта-Мария-Капуа-Ветере установили, что за сорок дней в город Трентола Дучента рядом с Казертой поступило свыше 6500 тонн отходов из Ломбардии.

Поля провинций Неаполь и Казерта подобны картам мира мусора, лакмусовым бумажкам итальянского промышленного производства. Его историю, насчитывающую несколько десятков лет, можно изучить, побродив по свалкам и карьерам. Мне всегда нравились тропинки, идущие вдоль свалок, нравилось ездить по ним на своей «веспе». Такое ощущение, что ты шагаешь по остаткам цивилизации и видишь слои коммерческих операций, будто прямо по соседству с тобой высятся олицетворяющие производство пирамиды, растянутые на километры результаты потребления. Проселочные дороги обычно заасфальтированы, пусть и совсем плохо, для упрощения подъезда грузовикам. География находящихся здесь вещей напоминает сложную и многоцветную мозаику. Любой бракованный товар или не востребованная больше нигде деятельность найдет себе пристанище в этих краях. Один крестьянин вспахивал только что купленное поле, находившееся прямо на границе между провинциями Неаполь и Казерта. Трактор все время застревал, словно почва в тот день была особенно твердой. Вдруг по бокам от сошника стали взлетать в воздух клочки бумаги. Это оказались деньги. Тысячи и тысячи банкнот, сотни тысяч. Крестьянин выскочил из трактора и бросился собирать обрывки купюр — спрятанную неизвестно каким бандитом добычу или награбленное в ходе какого-то крупного дела добро. Деньги были искромсанные и блеклые. Источником их оказался Банк Италии, сложивший в мешки тонны банкнот, вышедших из обращения. Лиру похоронили под землей, остатки старых дензнаков выделяли вредные вещества в грядки с цветной капустой.

Около Вилларикки карабинеры обнаружили участок, заваленный салфетками, попавшими сюда с ферм из Венето, Эмилии-Романьи, Ломбардии, где их использовали для осушения коровьего вымени. Вымя у коров надо вытирать по два, три, четыре раза за день. Работники делают это каждый раз перед прикреплением присосок доильного аппарата. Часто коровы заболевают маститом, и тогда у них начинает идти гной и кровь, но никто и не думает дать им передышку, легче промокать каждые полчаса вымя, иначе кровь и гной могут попасть в молоко и испортить тем самым весь бидон. Когда я проходил мимо этих холмов, то в нос бил запах прокисшего молока. Возможно, причина была в самовнушении, или же так действовал желтоватый цвет наваленной повсюду бумаги. Отходы, накапливавшиеся десятилетиями, изменили линию горизонта, создали новые запахи, привели к возникновению не отмеченных на карте холмов, заполнили недостающим содержимым карьеры. Попадая на территорию Кампании, ощущаешь, как в тебе абсорбируются все запахи, порожденные промышленностью. Глядя на смешение артериальной и венозной крови всех местных фабрик, невольно вспоминаешь мячики, слепленные детьми из пластилина всевозможных цветов.

Недалеко от Граццанизе сваливают весь мусор из Милана. Уже много десятилетий миланские мусорщики собирают по утрам все содержимое контейнеров и отправляют сюда. В Германию из провинции Милан ежедневно поступает 800 тонн отходов. Но, по статистике, их должно быть гораздо больше — 1300 тонн. То есть 500 тонн пропадают без вести. Неизвестно, где они оказываются. Вполне вероятно, эти призрачные отбросы растекаются по всему югу. В результате операции «Родная земля», проведенной в 2006 году прокуратурой Санта-Мария-Капуа-Ветере, был обнаружен еще один вид отравы — тонер для принтеров. Тонер тосканских и ломбардийских офисов высыпали ночью в районе между Вилла-Литерно, Кастель-Вольтурно и Сан-Таммаро, из грузовиков, которые, судя по документам, перевозили компост. Сильный кислый запах распространялся по округе каждый раз, когда шел дождь. Почва была перенасыщена шестивалентным хромом. При вдыхании он концентрируется в эритроцитах и в волосах, вызывает язвы, проблемы с дыхательными путями и почками, рак легких. Буквально на каждом метре лежит свой вид мусора. Мой друг-дантист рассказал, как однажды к нему пришли мальчишки с черепами. С настоящими человеческими черепами. И попросили почистить им зубы. Каждый из них, как маленький Гамлет, держал в одной руке череп, а в другой деньги на чистку зубов. Дантист выгнал их из кабинета, а потом позвонил мне в ужасе: «Откуда они, черт возьми, взяли черепа? Где можно найти череп?» Ему виделась апокалиптические сцены, сатанинские ритуалы, дети — адепты слова Вельзевула. Я рассмеялся. Объяснение было крайне простым. Как-то я проезжал на «веспе» мимо Санта-Мария-Капуа-Ветере и проколол колесо. На дороге лежал какой-то острый предмет, я сначала предположил, что это буйволиная бедренная кость. Но затем меня смутил ее размер. Кость оказалась человеческой. На кладбищах периодически проводят плановые эксгумации, извлекая на свет божий похороненных более сорока лет назад, «архимертвецов», как их называют молодые могильщики. Специальные организации должны перерабатывать останки вместе с гробами и всем кладбищенским инвентарем, в том числе и со светильниками. Стоит такая переработка очень дорого, поэтому директора кладбищ дают взятку могильщикам, чтобы те выкопали все сами и забросили в грузовик. Землю, ветхие гробы, кости. Прапрадеды, прадеды, предки из бог весть каких городов находили пристанище на земле Кампании. Как выяснили карабинеры из Отдела по борьбе с фальсификацией продуктов питания в феврале

2006 года, дело достигло такого размаха, что люди стали креститься, проходя мимо импровизированного кладбища. Дети игнорировали просьбы матерей надевать резиновые перчатки и, орудуя голыми руками или ложками, откапывали черепа и целые грудные клетки. За череп с белыми зубами торговцы блошиных рынков платили около 100 евро. За грудную клетку с нетронутыми ребрами — до 300 евро. Кости — большие берцовые, бедренные, локтевые, лучевые — никому не нужны. Другое дело кисти рук, но они редко сохраняются целиком. Черепа с почерневшими зубами стоят 50 евро. Спрос на них невелик, мысль о смерти покупателей не пугает, но вот напоминание о том, что эмаль со временем чернеет, им неприятно.

Кланы переправляют с севера на юг все, что только можно. Один священник из Нолы назвал весь южный регион незаконной свалкой богатой и индустриализованной страны. Отходы, получающиеся в результате термической обработки алюминия, применяемый в металлургии ядовитый порошок, образующийся при нейтрализации промышленных дымов, выбрасываемых в первую очередь предприятиями черной металлургии, теплоэлектростанциями и мусоросжигательными печами. Осадки с лакокрасочных производств, сточные воды, отравленные тяжелыми металлами, асбест, загрязнения почвы, вызванные мелиорацией и перекидывающиеся на другие, «здоровые», участки. А ведь есть еще отходы, поступающие от компаний и предприятий нефтеперерабатывающей промышленности, особенно такого гиганта, как бывший Enichem из Приоло, отложения дубильных веществ в районе Санта-Крочесулль-Арно, известном своими кожевенными фабриками, грязь из очистительных систем Венеции и Форли, находящихся в коллективной собственности и финансируемых обществом.

Механизм незаконной переработки запускают как крупные предприятия, так и небольшие фирмы, желающие избавиться по дешевке от материалов, уже не годящихся ни на что и приводящих исключительно к расходам. После них в игру вступают владельцы складских центров, прибегающие к помощи фальсифицированных накладных: полученные токсичные отходы они обычно смешивают с безвредными, разбавляя, таким образом, концентрацию и присваивая другую категорию в соответствии с ЕКО — Европейским каталогом отходов.

Химикам отведена главная роль в превращении токсичных отходов в безобидный мусор. Многие составляют фальшивые идентификационные бланки с поддельными результатами анализов. Ответственные за перевозку доставляют груз к выбранному месту, и наконец к делу приступают исполнители. Ими могут быть руководители официально существующих свалок или предприятий, делающих из отходов удобрения — компост, или же, например, владельцы простаивающих без дела карьеров и годящихся для нелегальных свалок земельных участков. Если есть подходящее место и заинтересованный предприниматель, то можно начинать переработку. Для запуска механизма необходимы чиновники, государственные и муниципальные служащие, закрывающие глаза на определенные операции или предоставляющие карьеры и свалки в пользование лицам, явно принадлежащим к преступному миру. Клан не обязан заключать соглашения с политиками или объединяться с партиями. Хватит и чиновника, инженера, простого служащего, который не прочь подзаработать и потому готов проявить гибкость и тактично промолчать в нужный момент, способствуя, таким образом, развитию дела и получая вдобавок прибыль с каждого этапа. Но настоящие мастера посредничества — это так называемые стейкхолдеры. Они

настоящие преступные гении незаконной переработки опасных отходов. Лучшие стейкхолдеры Италии — в Неаполе, Салерно и Казерте. Под этим жаргонным словом подразумеваются члены организации, занимающиеся экономической стороной вопроса и способные повлиять напрямую или опосредованно на конечный результат. Отвечающие за токсичные отходы стейкхолдеры стали самым настоящим правящим сословием. Во времена безнадежной безработицы я не раз слышал подобные предложения: «У тебя есть высшее образование и необходимые знания, так почему бы тебе не пойти в стейкхолдеры?»

Для окончивших университет южан, чьи родители не адвокаты и не юристы, это самый верный путь к обогащению и удовлетворению профессиональных амбиций. Диплом, приятная внешность и несколько лет обучения в США или Англии по специальности «защита окружающей среды» превращали их в идеальных посредников. Я познакомился с одним из них, одним из первых, одним из лучших. До нашего разговора с ним я ничего не понимал в мусорном бизнесе. Нго звали Франко, мы познакомились в поезде, ехавшем из Милана. Он, конечно же, закончил Коммерческий университет Луиджи Боккони и в Германии стал экспертом в области восстановления окружающей среды. Он обладал главным для стейкхолдера качеством — знал наизусть Европейский каталог отходов и умел использовать его в своих интересах. Это помогало ему с легкостью находить ответы на вопросы, что делать с токсичными отходами, как подстроиться под стандарты, как отыскать обходные пути и тайные тропы, которые устроили бы предпринимательское сообщество. Франко родился в Вилла-Литерно и хотел вовлечь меня в сферу своей деятельности. Чтобы ввести меня в курс дела, он начал с рассказа о внешнем виде. В чем же секрет успеха стейкхолдера? Если у тебя залысины на висках или плешь на макушке, то забудь о накладках и парикмахерских уловках. Надо постоянно поддерживать имидж победителя, поэтому отращивать длинные волосы, чтобы маскировать ими лысину, запрещено. Либо ты бреешься налысо, либо выбираешь совсем короткий «ежик». Если стейкхолдера приглашали на вечеринку, то он, по мнению Франко, должен был обязательно прийти с девушкой, а не выставить себя неудачником, волочась за присутствующими дамами. В случае отсутствия девушки или ее несоответствия уровню кавалера следовало обратиться в Агентство эскорта и обеспечить себя роскошной, элегантной спутницей. Занимающиеся отходами стейкхолдеры знакомятся с владельцами предприятий химической промышленности, кожевенных заводов, фабрик пластмассы и озвучивают им свои расценки.

Никто из итальянских бизнесменов не воспринимает переработку как обязательную статью расходов. Стейкхолдеры всегда повторяют одну и ту же фразу: «Они видят больше пользы в собственном дерьме, чем в промышленных отходах, на переработку которых уходит куча денег». Их предложение ни в коем случае не должно выглядеть как нечто противозаконное. Стейкхолдеры выводят бизнесменов на клан и его специалистов по переработке, а сами контролируют весь дальнейший процесс, иногда даже на расстоянии.

Существует два типа производителей отходов. Одни думают лишь о том, как бы сэкономить, и не проверяют, насколько благонадежна та организация, которой собираются доверить переработку. Они считают, что снимают с себя всю ответственность, едва емкости с отравой покидают их предприятия. Другие же погрязли в нелегальных операциях и самостоятельно осуществляют переработку в обход закона. В обоих случаях не обойтись без стейкхолдера, обеспечивающего транспортные средства и перевозку, выбор подходящего места, связь с нужными людьми для классификации груза. Офис стейкхолдеры устраивают прямо в автомобиле. С помощью телефона и ноутбука они руководят перемещением тысяч

тонн отходов. Их заработок формируется из процентов от сумм контрактов, заключенных с предприятиями, и зависит от веса, заявленного на переработку. У стейкхолдеров есть подробные прайс-листы. Например, один из состоящих в клане стейкхолдеров работает с разжижителями по цене 10–30 центов за килограмм. Стоимость пентасульфида фосфора — 1 евро за килограмм. Мусор, остающийся после уборки улиц, перерабатывают по 55 центов за килограмм; упаковки с опасными отходами обходятся в 1 евро 40 центов; зараженная почва стоит до 2 евро 30 центов; содержимое могил — 15 центов; ядовитые неметаллические детали автомобиля — 1 евро 85 центов за килограмм плюс бесплатная транспортировка. Цены варьируются в зависимости от требований клиента и сложностей с перевозкой. Объемы, с которыми работают стейкхолдеры, поражают воображение, заработок — за его гранью.

В результате проведенной в 2004 году операции «Гудини» выяснилось, что одна организация из Венето нелегально перерабатывала около двухсот тысяч тонн отходов в год. На официальном рынке стоимость выполненной по всей правилам переработки колеблется от 21 до 62 центов за килограмм. Клан предлагает свои услуги по цене 6–10 центов за килограмм. В 2004 году кампанийские стейкхолдеры взялись за переработку восьмисот тонн отравленной углеводородом земли, принадлежавшей химическому предприятию, по цене 25 центов за килограмм, включая перевозку. Официальная процедура стоила бы в пять раз дороже.

Огромное преимущество посредников — стейкхолдеров, — работающих на каморру, заключается в гарантированном выполнении всех этапов операции за оговоренную сумму, тогда как законопослушные фирмы задирают цены и выставляют отдельный счет за транспортировку. Стейкхолдеры почти никогда не становятся членами клана. Им это не нужно. Так удобнее для обеих сторон. Стейкхолдеры, как свободные защитники в футболе, могут работать на разные семьи, им не приходится участвовать в силовых акциях, подчиняться чужим приказам, становиться разменной фигурой. Магистратура постоянно арестовывает кое-кого из них, но приговоры всегда выносит мягкие, потому что формально подсудимые не задействованы ни на одном этапе нелегальной переработки отходов.

Постепенно я научился видеть глазами стейкхолдера. Ничего похожего на взгляд строителя. Строитель видит в пустом пространстве возможность наполнения и пытается привнести в пустоту полноту, в то время как стейкхолдеры, наоборот, ищут пустоту в полноте.

Франко не любовался пейзажем, а обдумывал, как бы в него что-нибудь поместить. Будто бы окружающая действительность была для него огромным ковром с холмами и равнинами и он искал загнувшийся уголок, под который можно смести все, что угодно. Однажды мы вместе шли куда-то, вдруг Франко заметил заброшенную бензоколонку, и воображение тотчас подсказало ему, что в подземных резервуарах легко можно спрятать несколько десятков бочек химических отходов. Идеальное место для захоронения. Его жизнь проходила в постоянном поиске пустого пространства. Потом Франко решил сменить род деятельности и перестал проводить большую часть времени за рулем, налаживать контакты с предпринимателями из северо-восточной Италии, ездить по всей стране к заказчикам. Он занялся профессиональной подготовкой кадров. Самыми важными учениками были китайцы. Они приезжали из Гонконга. Итальянские стейкхолдеры научили азиатских коллег работать с предприятиями в любой точке Европы, быстро находить

решения и предлагать лучшие цены. Когда в Англии стоимость переработки сильно подорожала, все стали обращаться к китайским стейкхолдерам, ученикам кампанийцев. В марте 2005 года портовая полиция Роттердама обнаружила несколько тонн бытовых отходов, которые переправляли из Англии в Китай и проводили по документам как ожидающую переработки макулатуру. Из Европы в Китай ежегодно перевозят миллион тонн высокотехнологичных отходов. Стейкхолдеры отправляют их на северо-восток от Гонконга, в город Гуйю. Там закапывают поглубже или топят в искусственных водоемах. Те же методы, что и в Казерте. В результате такого загрязнения водоносный слой Гуйю оказался отравлен, и пришлось завозить питьевую воду из соседних провинций. Мечта всех стейкхолдеров Гонконга — сделать из Неаполя порт-развязку для европейских отходов, плавучую станцию для расфасовки по контейнерам драгоценного мусора, предназначенного для захоронения в китайской земле.

Лучшими стейкхолдерами считаются кампанийцы, они опередили специалистов из Калабрии, Апулии и Рима благодаря кланам, превратив свалки Кампании в сплошную территорию скидок. За тридцать лет существования этой профессии чем они только не занимались, что только не перерабатывали, преследуя всегда одну и ту же цель: резко снизить цены и получить как можно больше заказов. Расследование «Царь Мидас», обязанное своим кодовым именем фразе из перехваченного телефонного разговора одного наркодилера: «Нам достаточно прикоснуться к мусору, чтобы превратить его в золото», подтвердило, что деньги удавалось делать на каждом этапе переработки.

Я поневоле слушал телефонные разговоры Франко, когда ездил с ним на машине. Сидя за рулем, он консультировал, как и где перерабатывать токсичные отходы. Медь, мышьяк, ртуть, кадмий, свинец, хром, никель, кобальт, молибден. От кожевенной промышленности переходил к больницам, от бытовых отходов — к автомобильным покрышкам, объяснял, что с ними делать, держал в голове целые списки людей и мест, которые могли оказаться полезными. Я представлял себе смешанные с компостом ядовитые вещества, зарытые неизвестно где емкости с сильными ядами и бледнел. От Франко ничего не ускользало.

— Не нравится работенка? Роббе, ты хоть понимаешь, что именно стейкхолдеры вывели это сраное захолустье на европейский уровень? Понимаешь или нет? Знаешь, сколько человек осталось при своей гребаной работе, потому что я сэкономил кучу денег для их боссов?

Место, где родился Франко, превосходно вымуштровало его с самого детства. Ему было хорошо известно, что в бизнесе ты либо выигрываешь и гребешь деньги лопатой, либо проигрываешь, третьего не дано, а проигрыш, ни свой, ни заказчика, его не устраивал. Но принять то, что я слышал, все эти оправдания, непросто, ведь до данного момента я видел проблему токсичных веществ совсем в другом свете. Суммируя информацию, полученную прокуратурами Неаполя и Санта-Мария-Капуа-Ветере за период с конца 90-х годов и до сегодняшнего дня, можно прийти к выводу — сумма, сэкономленная фирмами, обратившимися к сотрудничающим с каморрой специалистам по переработке, составляет около пятисот миллионов евро. Я понимал, что в ходе судебных разбирательств удалось раскрыть лишь незначительную часть от реального количества нарушений, и мне становилось страшно. Многим компаниям с севера страны удалось вырасти и развиваться, сделать промышленный рынок Италии конкурентоспособным и вывести его на европейский уровень, избавив предприятия от ненужного балласта в виде издержек на переработку отходов, заботу о которых взяли на себя кланы Неаполя и Казерты: Скъявоне, Маллардо,

Мочча, Бидоньетти, Ла Торре и все остальные, кто предложил воспользоваться своими нелегальными услугами, способными привести к оживлению экономики и увеличению ее конкурентоспособности. Как выяснилось в ходе операции «Кассиопея» 2003 года, каждую неделю с севера на юг отправлялись сорок фур с ядовитым содержимым, которое, если верить фактам, потом сливали, закапывали, выбрасывали, отравляя почву кадмием, цинком, ядами лакокрасочных производств, осадком из очистительных систем, разными видами пластмассы, мышьяком, свинцом, отходами сталелитейных заводов. Направление «север — юг» было для перевозчиков самым главным. С помощью стейкхолдеров многие предприниматели из Венето и Ломбардии зарезервировали для своих свалок определенные территории в провинциях Неаполь и Казерта. Есть данные, что за последние пять лет в Кампании нелегально переработали около трех миллионов тонн всевозможных отходов, треть которых — в одной только Казерте. Эта провинция значится в выработанных кланами «планах застройки» как предназначенная для отходов.

Значительную роль в сфере незаконных перевозок играет Тоскана, наиболее чистая с экологической точки зрения область Италии. Здесь сходятся нелегальные транспортные потоки, связанные как с производством, так и с посредничеством, и все они всплыли, по меньшей мере, в трех расследованиях: «Царь Мидас», «Муха» и «Биологическое земледелие».

Тоскана не только служит источником огромного количества утаиваемых от закона отходов, но и является самой настоящей базой, своего рода штаб-квартирой для всех, кто вовлечен в этот вид преступной деятельности: от стейкхолдеров до покрывающих их химиков и владельцев компостных производств, согласных добавлять в перегной мусор и ядовитые вещества. Переработка токсичных отходов захватывает все новые и новые территории. Следствие установило, что процесс уже распространился и на казавшиеся нетронутыми области Умбрия и Молизе. В результате операции «Муха», проведенной в 2004 году республиканской прокуратурой, находящейся в городе Ларино, стало известно о нелегальной переработке ста двадцати тонн особо ядовитых отходов металлургической промышленности и черной металлургии. Кланам удалось измельчить триста двадцать тонн старого дорожного полотна с повышенным содержанием гудрона и найти такое место в Умбрии, где, смешанные с компостом и землей, они и должны были навечно остаться. Переработка претерпевает всевозможные изменения, направленные на получение максимальной прибыли на каждом этапе. Мало было просто спрятать токсичные отходы, их превращали в удобрения и, таким образом, зарабатывали на продаже ядов. Четыре гектара земли в Молизе, рядом с побережьем, удобряли отходами кожевенных производств. Было обнаружено девять тонн зерна со значительно превышенной нормой содержания хрома. Перевозчики остановили свой выбор именно на побережье Молизе — от Термоли до Кампомарино — для незаконной переработки опасных для жизни отходов, поставляемых многочисленными предприятиями с севера Италии. Согласно расследованиям, проведенным за последнее время прокуратурой Санта-Мария-Капуа-Ветере, главный перевалочный пункт — это область Венето. Уже не один год она подпитывает нелегальные перевозки, охватывающие всю страну. Расположенные на севере литейные заводы перерабатывают отходы, не соблюдая меры безопасности, смешивают отраву с компостом, и эта смесь идет на удобрение полей.

Кампанийские стейкхолдеры часто используют пути наркотрафика, которые кланы

предоставляют в их распоряжение, чтобы найти новые территории, готовые принять в себя ядовитый груз, новые могилы, которые можно заполнить. Одним из результатов операции «Царь Мидас» стал выход на перевозчиков, налаживающих связи для организации транспортировки отходов в Албанию и Коста-Рику. К сегодняшнему дню уже разработаны все направления. Восточное, в сторону Румынии, где у Казалеци сотни гектаров земли; африканское — Мозамбик, Сомали, Нигерия. То есть страны, где у боссов всегда были связи и поддержка. Неизгладимое впечатление на меня производили взволнованные лица коллег Франко, кампанийских стейкхолдеров, при получении известий о цунами. Когда они видели такие сообщения в новостях, то резко бледнели. Казалось, что их жены, любовницы и дети находятся прямо там, в эпицентре бедствия. На самом же деле причина совсем в другом: опасности подвергался бизнес. Огромная волна обрушилась на побережье Сомали, после чего на размытых пляжах между Оббией и Уаршейком обнаружили несколько сотен контейнеров, наполненных токсичными и радиоактивными отходами, которые лежали под слоем песка с 80–90-х годов. Слишком пристальное внимание могло помешать осуществлению новых перевозок и поискам новых лазеек. Но опасность миновала. Благотворительные организации, помогающие беженцам, сосредоточили всеобщее внимание не на появившихся из-под земли емкостях с отравой, а на плававших рядом с ними трупах. Море тоже оказалось задействовано в процессе противозаконной переработки. Перевозчики все чаще наполняли трюмы кораблей отходами, а потом подстраивали крушение, и судно шло ко дну. Такая система приносила двойную выгоду. Страховая компания выплачивала страховку, а отходы навечно опускались на морское дно.

Кланы повсюду находили места для отходов, а в области Кампания за десять лет антимафиозной чистки под руководством специально назначенного префекта назрела своя проблема с мусором, который некуда было девать. В Кампанию тайно свозили отходы со всей Италии, в то время как отбросы из самой Кампании в критических ситуациях отправляли в Германию по ценам, в пятьдесят раз превышающим тарифы каморры. Следствие установило: из восемнадцати неаполитанских фирм по переработке мусора пятнадцать напрямую связаны с каморрой.

Земля завалена мусором, и кажется, что решения нет. Уже несколько лет отходы упаковывают в брикеты: огромные кубы из измельченного мусора, обмотанные белым целлофаном. Чтобы переработать то, что уже скопилось на сегодняшний день, понадобилось бы пятьдесят шесть лет. Единственно возможной альтернативой кажутся мусоросжигательные печи. В Ачерре одно предложение о создании такой печи вызвало бурю негодований и яростных протестов. У кланов двойственное отношение к этому варианту. С одной стороны, они выступают против него, потому что хотят и дальше делать деньги на свалках и пожарах, а чрезвычайные ситуации дают им возможность спекулировать на подходящих для переработки брикетов земельных участках, на участках, даже им не принадлежащих. С другой стороны, если бы власти затеяли строительство мусоросжигательной печи, кланы первыми бы стояли в очереди на тендер и на последующее управление. То, что еще не стало достоянием следствия, уже давно известно местным жителям. Они напуганы и ожидают худшего. Боятся, что печи, отвечающие за уничтожение мусора чуть ли не со всей страны, станут собственностью кланов, и тогда все обещания об экологической безопасности будут нарушены, поскольку кланы начнут сжигать ядовитые

материалы. Тысячи людей моментально поднимают панику, лишь услышав о предполагаемом повторном открытии уже переполненной свалки. Они опасаются, что отовсюду повезут токсичные отходы, выдаваемые за безвредные, и потому сопротивляются до последнего, чтобы не превратить свой родной край в неконтролируемое кладбище для бесконечного мусора. Когда в феврале 2005 года областной комиссар попытался возобновить работу старой свалки в Бассо-делль-Ольмо, около Салерно, местные жители в ответ выставили пикеты, перекрыв дорогу пытавшимся проехать грузовикам. Люди не сдавались и были готовы на все. Однажды ночью тридцатичетырехлетний Кармине Юорио нес вахту на баррикадах, но стоял такой холод, что он замерз до смерти. Утром товарищи пришли сменить его, но опоздали: губы уже посинели, и оледенела борода. Труп пролежал не меньше трех часов.

Свалка, карьер, бездонная пропасть постепенно становятся наглядными воплощениями смертельной опасности, которой подвергаются живущие рядом. Когда свалки переполняются, мусор сжигают. В провинции Неаполь есть зона, прозванная «пылающей землей». Она замкнута в треугольник Джульяно — Вилларикка — Куальяно. Тридцать девять свалок, двадцать семь из которых содержат вредные вещества. Территория, количество мусора на которой увеличивается на 30% в год. Техническая сторона вопроса уже многократно отработана, все действует как часовой механизм. Лучшие поджигатели — цыганские мальчишки. За одну сожженную кучу мусора кланы платят им пятьдесят евро. Сама процедура крайне проста. Каждую кучу оплетают пленкой из видеокассет, обливают спиртом или бензином и отходят подальше, используя в качестве фитиля длиннющую магнитную ленту. Поджигают ее, и через несколько секунд повсюду бушует пламя, как после напалмовых бомб. В огонь бросают отходы с литейных производств, сливают остатки клеящих веществ и топлива. Густой черный дым и пламя наполняют диоксином каждый сантиметр земли. Сельское хозяйство сдает свои позиции. Фрукты и овощи, ранее экспортировавшиеся даже в Скандинавию, теперь вырастают испорченными, земля вырождается. Разорение крестьян и повсеместный упадок только на руку каморре: отчаявшиеся землевладельцы распродают свои участки, а кланы приобретают их за бесценок, чтобы превратить в новые свалки. Люди же умирают от рака. Идет молчаливая неторопливая бойня, с трудом поддающаяся отслеживанию из-за массового оттока населения в больницы на севере Италии, где появляется шанс продержаться подольше. Центральный институт здравоохранения выяснил, что за последние годы в тех городах Кампании, где перерабатывают токсичные отходы, стало на 21% больше смертей, вызванных злокачественными опухолями. Бронхи загнивают, трахеи краснеют, а потом в больнице на компьютерной осевой томографии выявляют черные пятна — опухоли. Если нанести на карту места проживания больных из Кампании, то можно увидеть маршруты перевозок токсичных отходов.

Однажды мне вздумалось пройти пешком по «пылающей земле». Я повязал платок, закрыв нос и рот, как делают маленькие цыгане, отправляясь поджигать мусор. Мы с ними выглядели как ковбои посреди прерий из тлеющих отбросов. Я шел по уничтоженной диоксином земле, которую наполнили ядом приезжающие грузовики и опустошил огонь, обрекая на вечную пустоту.

Висевший в воздухе дым был не слишком плотным, он делал кожу липкой и влажной.

Неподалеку, на огромном бетонном основании в форме буквы Х, стояло несколько домиков. Они располагались на месте бывших свалок. В какой-то момент, когда уже было сожжено все, что только возможно, нелегальные свалки исчерпывали себя и прекращали свое существование. Они буквально лопались от переизбытка мусора. Клань использовала их как участки под застройку. Впрочем, по официальным документам здесь находились пастбища и сельскохозяйственные угодья. Так появились эти небольшие и очень симпатичные коттеджные поселки. Из-за небезопасного состояния почвы, возможных оползней и провалов надо было позаботиться об укреплении конструкции: две пересекающиеся основы из железобетона обеспечивали устойчивость поселения. Дома стоили дешево, и все прекрасно знали, что под ними покоятся тонны отходов. Служащие, пенсионеры и рабочие, получившие шанс приобрести собственное жилье, закрывали глаза на состав почвы у себя под ногами.

«Пылающая земля» вызывала ассоциации с постоянным и не имеющим конца апокалипсисом, ставшим настолько привычным, что ни бурая жижа отбросов, ни горы автомобильных покрышек уже не вызывали никаких эмоций. Следствие установило, каким образом удавалось избегать вмешательства полицейских и лесничих во время отгрузки токсичных отходов, здесь срабатывал старый прием, во все времена применявшийся воинами и партизанами. Вместо дозорных выставляли пастухов. Те выводили свое стадо: овец, коз и нескольких коров. Лучших пастухов в округе нанимали следить не за баранами и ягнятами, а за непрошеными гостями. Они предупреждали о каждой подозрительной машине. Глаза и сотовый телефон — лучшее оружие. Я часто видел таких пастухов в окрестностях, за ними всегда послушно брели исхудавшие животные. Как-то раз я подошел поближе, чтобы увидеть дороги, на которых юные специалисты по переработке учатся водить грузовики. Сами же водители больше не соглашались подъезжать прямо к свалке. Расследование «Эльдорадо» 2003 года показало, что все чаще эту задачу выполняли несовершеннолетние. Водители грузовиков старались держаться подальше от токсичных отходов. Один из них и случившееся с ним послужили причиной для начала в 1991 году следствия по делу о нелегальных перевозках мусора. В больницу обратился Марио Тамбуррино: его глаза были настолько выпученными, что казались двумя яичными желтками, с трудом удерживаемыми веками. Он потерял зрение, на руках сошел верхний слой кожи, и боль была такая, будто кисти окунули в горящий бензин. Прямо около его лица открылся контейнер с ядовитыми веществами, и этого оказалось достаточно, чтобы ослепнуть и получить жуткие ожоги. Ожоги без огня. Теперь водители требовали держать контейнеры подальше, в прицепах автопоездов, и ни в коем случае не притрагивались к ним. Наибольшую опасность представляли грузовики с мнимым компостом, где удобрения были смешаны с ядом. Одного вдоха хватило бы, чтобы навсегда повредить дыхательные пути. Последняя часть пути оказывалась самой рискованной: следовало выгрузить контейнеры из фур и поместить в небольшие грузовики, направляющиеся уже непосредственно к свалке. Все категорически отказывались их переносить. Когда емкости с отравой утрамбовывали в кузов, довольно часто они открывались, выпуская наружу ядовитые испарения. Поэтому, добравшись до места назначения, водители даже не выходили из кабины автопоезда. Ждали, пока закончится разгрузка. Дальше мальчишкам предстояло самим доставить отходы на свалку. Пастух показал мне шедшую под уклон дорогу, на которой они учились водить. Им объясняли, как тормозить, а чтобы ноги доставали до педалей, подкладывали пару подушек. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет. Двести пятьдесят евро за поездку. Подростков

нанимали в баре, хозяин которого все прекрасно знал, но никак не мог помешать происходящему и только высказывал свое негодование посетителям, ставя перед ними чашки с эспрессо и капучино.

— Чем больше они дышат той гадостью, которую перевозят, тем скорее отправятся на тот свет. Это не водители, а смертники.

Юные перевозчики, постоянно слыша об опасности своего занятия, наоборот, казались себе чрезвычайно значительными, выполняющими особо важную миссию. Выпячивали грудь и поглядывали презрительно из-за темных очков. Чувствовали они себя превосходно, с каждым днем все лучше, никто из них даже не задумывался, что лет через десять их ожидает химиотерапия, рвота желчью, разъеденные болезнью желудок и печень.

Дождь продолжался. Земля так быстро пропиталась водой, что больше не могла вобрать в себя ни капли. Невозмутимые пастухи, как три утомившихся старца, сели отдохнуть под конструкцией из железных листов, напоминавшей навес. Они не сводили глаз с дороги, а овцы в это время забирались на кучу мусора в поисках убежища. Один из пастухов держал в руке палку, которой тыкал в импровизированную крышу, наклоняя ее, чтобы вода не скапливалась и не проливалась им на голову. Я промок до нитки, но даже стекающая по мне вода не могла погасить жар, поднимавшийся от желудка и концентрировавшийся в затылке. Я силился понять, способны ли человеческие чувства противостоять машине власти чудовищных размеров, возможно ли что-то предпринять, хоть что-нибудь, чтобы найти спасение от их бизнеса и существовать независимо от неуклонного нарастания могущества каморры. Я изводил себя, пытаюсь понять, возможно ли это — попытаться понять, узнать, постичь и не пасть жертвой. Или же надо было делать выбор: знать и подвергать себя опасности или же умышленно ничего не замечать и жить спокойно. Не исключено, что оставалось только забыть и закрыть глаза. Выслушивать официальные версии, рассеянно улавливать информацию и причитать в ответ. Я задавался вопросом, существует ли нечто, способное сделать жизнь счастливой, или же мне следует отбросить мечты об эмансипации и анархической свободе и, заткнув за пояс пистолет, кинуться в гущу событий, начать заниматься делом, настоящим делом. Убедить себя в принадлежности к соединительной ткани настоящего и рискнуть собой, повелевать и подчиняться, стать хищником в мире финансов и прибыли, самураем клана, превратить жизнь в поле боя, где нет надежды на выживание, только на ожидающую тебя, командовавшего и сражавшегося, смерть.

Я родился на земле каморры, на территории с самым высоким показателем по количеству убийств в Европе, где бизнес неотделим от жестокости, где ценность имеет лишь то, что обещает власть. Где все обладает привкусом последней битвы. Здесь сложно поверить в возможность мирного существования, в отсутствие войны, способной превратить любой поступок в безволие, любую потребность — в слабость, где за все надо бороться, выбиваясь из сил. На земле каморры противостояние кланам не носит классовый характер, не означает утверждения права, повторного получения гражданства. Это не угрызения совести и не дело чести, не охрана собственной гордости. Речь идет о вещах более существенных, более материальных. Поняв механизм становления клана на территории каморры, кинетику его развития, процесс инвестирования и получения доходов, ты постигаешь, как функционирует время само по себе, вне зависимости от географических ограничений. Выступая против клана, ты затеваешь борьбу за выживание, словно само существование, поглощаемая тобой пища, губы, которые ты целуешь, услышанная музыка,

прочитанные книги приведут тебя к пониманию смысла не жизни, а исключительно выживания. Знание перестает быть результатом моральных усилий. Постигание и понимание становятся необходимостью. Той единственной, что еще позволяет нам считать себя существами, достойными называться людьми.

Я увяз в болоте. Вода поднялась мне до бедер. Я чувствовал, как пятки уходят все глубже. Передо мной плавал огромный холодильник. Я забрался на него и лег сверху, обхватив покрепче руками и отдавшись на милость течения. Мне вспомнилась последняя сцена из фильма «Мотылек» со Стивом МакКуином, снятого по роману Анри Шарьера. Казалось, что я, как и Мотылек, плыл на мешке, полном кокосовых орехов, пользуясь отливом, чтобы сбежать с острова Дьявола, находящегося рядом с Кайенной. Нелепая мысль, но иногда только и остается представить свой бред как нечто независимое от твоего выбора, ты просто должен пережить это. Мне хотелось кричать во всю глотку, раздирая легкие, разрывая трахею, со всей громкостью, на которую способно горло: «Грязные ублюдки, я все еще жив!»

Примечания

1

Кинофильм американского режиссера Брайана Де Пальмы, 1983 г. (здесь и далее — примечания переводчика).

2

Вид моллюсков.

3

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) — британский экономист, создатель современной макроэкономической теории, изложенной им в труде «Общая теория занятости, процента и денег» (1936).

4

Триады — китайские мафиозные группировки; существуют в Гонконге, Макао, а также в среде китайских эмигрантов.

5

Футбольные фанаты.

6

Оскар Арнульфो Ромеро-и-Гальдамес (1917–1980) — архиепископ Сальвадора. Наряду с Эрнесто Че Геварой принадлежит к борцам, отдавшим свои жизни за лучшее будущее народов Латинской Америки.

7

Аутлет — крупный торговый центр, в котором товары известных марок продаются прямо от производителя по ценам на 30–70% ниже, чем в розничной торговле.

8

Калабрийская мафия.

9

Генри Форд (1863–1947) — американский автопромышленник, новатор в области научной организации труда.

10

Порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

11

Летний праздник (Успение), проходящий в Италии в середине августа.

12

Традиционный итальянский кекс, который готовят на Рождество.

13

Джованни Фальконе известен как непримиримый борец с мафией, был убит вместе с женой по дороге в аэропорт, киллеры взорвали его машину вместе с частью автострады. Аэропорт Палермо носит его имя.

14

Президент Италии в период 1985–1992 годов.

15

Кобрет — новый наркотик, изготавливаемый на основе героина, разведенного другими токсическими веществами.

16

Abele (um.) — Авель.

17

Формула, выражающая принцип невмешательства государственной власти в экономические отношения, как внутренние, так и международные.

18

Либеризм (по Б. Кроче) — применение идей либерализма в экономике.

19

Местное полицейское управление в Италии.

20

Тягучая, протяжная мелодия.

21

Вражда между родами или группами сородичей.

22

Мешок из черного пластика, застегивающийся на молнию, в который укладывается труп, увозимый в морг с места происшествия.

23

Сотрудник магистратуры — судебного ведомства в Италии.

24

Служба контроля за финансами в Италии.

25

Маленькие синие человечки, герои популярного в 1950-х годах мультфильма Les Schtroumpfs.

26

Стыд (*диал.*).

27

Автор — Джозеф Конрад (1902).

28

Лейтенант полиции, герой одноименного американского сериала 70-х годов.

29

Наблюдатель, человек, стоящий на шухере (*жарг.*).

30

Сленговое название — «экстази».

31

Спрессованный в слиток гашиш.

32

Итальянский бизнесмен, чье состояние оценивается в 150 миллионов долларов США. Известен как успешный менеджер «Формулы-1».

33

Мафиозная группировка.

34

Эрнст Юнгер (1895–1998) — немецкий писатель, мыслитель, один из главных теоретиков «консервативной революции» в Германии.

35

Название партии в переводе с баскского означает «Страна басков и свобода».

36

Ирландская Республиканская Армия.

37

«*Хроники Неаполя*» — ежедневная газета, выходящая в Неаполе.

38

Судя по всему, автор объединил названия двух фильмов о мафии в одно: «Неаполитанская серенада девятого калибра» (1978) и «Специальный отряд „Кольт-38“» (1976).

39

Молодой итальянский сыр, производится из молока черных буйволиц и считается деликатесом.

40

Мультипликационный персонаж, главный герой мультсериала «Утиные истории», созданного студией У. Диснея. Отличается крайней жадностью.

41

Персонаж того же мультсериала.

42

Фильм Стэнли Кубрика о войне во Вьетнаме.

43

Роберто Савьяно с наилучшими пожеланиями. М. Калашников (*англ.*).

44

В мире известна как «Тигры Аркана».

45

АИМА — Государственное управление делами рынка сельскохозяйственной продукции.

46

Тайная масонская ложа «Пропаганда-2», в конце 70-х годов готовившая государственный переворот. В 1981 году полиция раскрыла заговор.

47

Высотное здание (127 м) в Милане, долгое время являвшееся самым высоким в Италии.

48

Джорджо Капрони (1912–1990), итальянский поэт, литературный критик и переводчик, друг П. П. Пазолини.

49

Ферруччо Парри (1890–1981) — премьер-министр Италии и министр внутренних дел с 21 июня по 8 декабря 1945 года.

50

Луиджи Эйнауди (1874–1961) — итальянский экономист, политик и журналист, второй президент Итальянской Республики.

51

Пьетро Ненни (1891–1980) — один из лидеров Итальянской социалистической партии и Социалистического интернационала.

52

Вальтер Лудизио (1909–1973), известный как полковник Валерио, — один из руководителей итальянского движения Сопротивления, есть версия, что именно он привел в исполнение смертный приговор Муссолини.

53

Микеле Синдона (1920–1986) — сицилийский банкир, нанесший своими многолетними махинациями финансовый ущерб государству на сумму около полутора миллиардов марок.

54

Pescorella (итал.) — «овечка», игра слов.

55

В архитектуре углубление над дверьми или окном, имеющее треугольное, полукруглое или стрельчатое очертание; часто украшено рельефом или мозаикой.

56

Луиджи Ванвителли (1700–1773) — итальянский архитектор, построивший королевский

дворец в Казерте.

57

Историческая область на юге Италии, более или менее соответствует территории нынешней провинции Казерта.

58

Юлиус Эвола (1898–1974) — итальянский мыслитель, эзотерик и писатель.

59

Пляж (*исп.*).

60

Джейк Ла Мотта (род. в 1921 г.) — американский боксер итальянского происхождения.

61

Место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой.

62

Итальянская экологическая организация.